

**Мухаммеданский брак в сравнении с
христианским браком, в отношении их
влияния на семейную и общественную
жизнь человека
профессор Михаил Александрович
Машанов**

Введение

Введение

История свидетельствует, что все народы, стоящие на разных ступенях развития, обладали жизнью семейною: семья есть неотъемлемое достояние всех народов. Следя за состоянием семейной жизни в разные времена и у разных племён, мы находим в этой области чрезвычайное разнообразие. В одно время и у одного народа мы находим те основы семейной жизни; в другое время и у другого народа семейная жизнь представляется нам совершенно с иными характеристическими чертами. Но при внимательном рассмотрении семейной жизни, нам, при всем разнообразии её форм у разных народов разных времён, представится одна общая черта, как неотъемлемое условие этой жизни, условие, существовавшее и существующее во все времена. Условие это – брак. С глубокой древности до настоящего времени было много самых разнообразных постановлений о браке, но нет и не было ни одного народа, который бы не имел брака. История, легендарные сказания и предания разных народов не дают нам даже и права предполагать, чтобы когда-нибудь существовало такое общество, в котором не было бы законов о браке, хотя самых простых. В этом между прочим можно видеть одно из существенных, положенных самою природою, отличий человека от животных: у животных нет брака, как брака, а есть лишь простое и временное соединение двух особей разного пола; между тем у людей постоянно существовало и существует стремление к брачной жизни. Брачный союз есть поэтому одно

из тех отношений полов между собою, которые (отношения) заключаются в нравственно-духовной природе человека, а не простое следствие чувственного влечения. В противном случае история человечества представляла бы нам такие общества, в которых брак стоял бы на степени простого удовлетворения чувственным потребностям. Не общество, не государство своими юридическими постановлениями изобрело и установило брак: брачный союз не тогда появился, когда уже образовалось государство и когда нужно было регулировать отношения между полами. Брак не обязан своим происхождением постановлениям общественным и гражданским и он существовал ещё задолго раньше их; у самых диких народов, при отсутствии почти всяких общественных отношений, брак всегда существовал и существует. Брачный союз есть, поэтому, праотец общества и государства, а не потомок их. Общество и его законы только регулируют брачные отношения, придают им те или другие гражданские права, сообщают браку ту или другую форму, но отнюдь не образовали самую идею брака, которая врождённа человечеству с самых первых эпох его существования.

Такое существование в душе человека наклонности к брачной жизни неизбежно заставляет нас согласиться с тем, что сказал нам об этом Моисей в своей истории творения человека. Нельзя представлять брак иначе, как первоначальным божественным законом, стремлением, вложенным Творцом в душу человека, о чём говорит нам богодухновенный писатель первой истории человечества. По бытописанию Моисея, человек, вскоре после своего сотворения, ощутил в своей душе нечто такое, что заставляло его чувствовать себя одиноким; он увидел, что ему не достаёт такого существа, которое бы дополняло его, несмотря на всё совершенство его богоподобной природы. Бог внемлет этому естественному влечению человека и по Своему таинственному и предвечному совету творит ему жену. Только теперь человек почувствовал себя полным человеком, только теперь у него могло удовлетвориться естественное стремление к общественной жизни и браку. Жена была создана из костей и плоти мужа, так

что между ними образовался неразрывный, постоянный союз. Наклонность человека к семейной жизни осталась в нём навсегда, обратилась в постоянное его стремление, которое коренится в самой духовной природе человека.

В силу своего божественного происхождения, идея брака легла в основу человеческих отношений: первыми отношениями между людьми были отношения брака: семья не мыслима без брака. Заметивши это, мы тем самым говорим, что брак есть основа отношений общественных. Нельзя себе представить общества, которое не имело бы своим основанием семейных отношений; семья же основывается на браке; след., брак является прототипом, прародителем общества и государства; общество есть не что иное, как дальнейшее распространение семьи.

При такой тесной связи общества с семейной жизнью, а через неё с брачным законодательством, брак всегда имел громадное влияние на общество и оказывал на него то благотворное, то губительное действие. При хорошем состоянии брачных отношений и брачных законоположений общество благоденствовало, при упадке их общество неминуемо шло к гибели самыми быстрыми шагами, так что никакие учреждения, никакие законы не могли поддержать того общества, в котором положение брака было ненормально. История всех народов прошедшего времени доказывает эту тесную связь и зависимость общества от брачных отношений. Персия, Греция, Рим и другие государства только тогда были сильны и процветали, когда имели правильный брачный институт; но лишь только брак искажался в государстве многожёнством, разводами и унижением женщины, – неминуемо следовала порча нравов, внутренние беспорядки, обезлюдение целых провинций и наконец, совершенный упадок государства.

Сознавая такую тесную связь и такое важное значение брака для семьи, общества и государства, основатели религий никогда не упускали из виду брачных отношений, так как религия всегда является, между прочим, с тою целью, чтобы улучшить и облегчить жизнь людей на земле, водворить между ними правильные отношения и правильные законы. Вот почему

мы не находим ни одной религии, которая бы прошла молчанием брачные отношения человека, которая не коснулась бы этих отношений и не постаралась бы изменить их сообразно со своими идеями. Каждая религия, сообразно своему идеалу, стремилась сообщить браку те или другие формы, направить его так или иначе, потому что было невозможно оставить без своего влияния эту основу человеческих отношений в семье и государстве. Какова была религия, каковы были её идеалы и направление, такими являются и брачные отношения, установленные ею; постановления религии о браке неизменно соответствуют духу целой религиозной системы: каков характер целой системы, таков и брак.

Потому-то христианство и ислам, явившись в мир с целью преобразовать и направить на тот или другой путь современное им человечество, взяли и брачные отношения под свой контроль. В названных двух, как и вообще во всех религиях мира, брак является как нельзя более соответствующим всему характеру религиозной системы. Поэтому в законоположении о браке яснее всего обнаруживается то огромное различие, какое существует между духовным в высшей степени направлением христианства и чувственностью ислама. Освятивши своим авторитетом совершенно различные законоположения о браке, как основание семейных и общественных отношений, христианство и ислам пришли к совершенно различным результатам. Христианский брак и мухаммеданский, различные по своему духу, произвели диаметрально противоположные действия на семью и общество.

В чём заключается основной характер христианского и мухаммеданского законодательства относительно брака, в чём состоит существенное различие этих законодательств и к каким результатам они пришли, т. е. какое влияние оказал христианский и мухаммеданский брак на жизнь семейную и общественную, – это и будет составлять предмет нашего исследования.

Для ясного и определённого представления о том и другом браке, мы сначала установим понятие, определим характер и изложим законоположения о христианском браке, а потом

сравним с ним мухаммеданское понятие и законоположение о браке. Это будет составлять два отдела первой части. Затем мы проследим, каким образом брак христианский произвёл и какое произвёл влияние на жизнь семейно-общественную; наконец рассмотрим влияние мухаммеданского брака в тех же отношениях. Это будет составлять два отдела второй, последней части.

I. Христианское законодательство о браке и разводе

1.1. Происхождение и отличительный характер христианского брака сравнительно с дохристианскими воззрениями на брак

Бог в самом начале мира хотел показать людям, каким должен быть брак – эта основа семейной и общественной жизни. Бог сотворил человека (Адама) и из ребра человека создал его жену (Еву), чтобы указать через то на тесную связь мужа с женой. Адам, увидевши свою жену, воскликнул: *«это – кость от костей моих и плоть от плоти моей»*¹. Только теперь человек чувствовал себя удовлетворённым, потому что только теперь он мог удовлетворить своему врожденному стремлению к обществу, поставить себя в круг семьи. Этот богоучреждённый союз имел все признаки своего божественного происхождения; он не был простым актом, обусловленным одною волею человека. Здесь сам Бог определил ту возвышенную цель, которая должна быть достигнута брачным союзом людей. Бог сказал первой чете: *»раститесь, множитесь и наполняйте землю»*². Цель брака, по-видимому, односторонняя, но она заключала в себе все другие высшие цели. Человек был невинен, он был верным служителем Бога, членом Его Церкви; потому простое повеление Божие *«раститесь и множитесь – значило: умножайте на земле Мою Церковь, рождайте детей для того, чтобы они были верными членами Церкви Моей на земле.* Этот богоучреждённый союз заключал тогда все элементы чистого, высокого учреждения. Создавши одного мужа и одну жену, Бог тем самым установил *единожёнство*; создавши жену из плоти мужа, Бог показал, что этот союз *не расторгим*, как члены организма неразрывно связаны между собою. Эта неразрывность общения между мужем и женой и тогда была отображением той чистой связи и общения, какая существуют между Богом и людьми. Жена, как созданная из тела мужа, должна была составлять с ним одно тело; она не могла быть его рабою, существом низшим его; она должна быть его подругою, его помощницею, но не рабою; муж должен любить её, как своё

тело, но не властвовать над нею, как господин над рабой. Любить её – это главное и необходимое условие; иначе и невозможно, потому что *никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет её*³. Вот каким является этот богоучреждённый союз с самого начала. Здесь все свойства его носят на себе отпечаток своего божественного происхождения; здесь все запечатлено характером богоучреждённого установления: единство, святость, как конечная цель брака, нерасторжимость и правильное отношение между супругами – вот отличительные качества этого союза. Все это показывает, что такое учреждение зависит не от одной воли человека; оно запечатлено высшим духом, оно – божественное учреждение.

Но картина изменяется тотчас после грехопадения человека. Первым последствием грехопадения первый четы в отношении брака было нарушение тех высоко справедливых отношений между мужем и женой, которые существовали до грехопадения. Прежняя подруга и помощница Адама сделалась теперь существом рабски подвластным мужу⁴. Когда нарушились эти справедливые отношения между мужем и женой, естественно должно было рушиться и другое высокое свойство этого богоучреждённого союза – нерасторжимость, а вслед за нею и единство. Священный союз между мужем и женой потерял теперь свой прежний характер. Чем дальше жил род человеческий, чем больше проходило времени, отделяющего его от первой четы, тем все ниже и ниже ниспадал этот союз, более и более подрывались нравственно-одухотворённые свойства его. Единство брака, нерасторжимость, правильные отношения между мужем и женой, истинная цель брака были забыты почти повсюду. Только среди евреев сохранялась ещё тень высокого образа брачного союза, но повторяем, только тень и притом слабая. У евреев было помрачено это учреждение допущением многоженства; союз брака сделался непрочным по легкости развода, жена потеряла своё надлежащее положение и сделалась почти рабой мужа. Так было у евреев. О других народах нечего и говорить. Здесь ещё более брак уклонился от своего первоначального положения, ещё ниже упали брачные

отношения супругов. Беспрестанные разводы, низкое положение женщины, развратные сожителства, поставленные на степень брака – вот положение брака до христианства. Перед Рождеством Христовым ненормальное, извращённое положение брака достигло высшей степени.

Христианство должно было преобразовать человеческую жизнь. Иисус Христос пришёл на землю для того, чтобы вызвать человечество из того низкого состояния, в какое оно впало вследствие греха, – возвысить его нравственно, изменить все основы жизни для того, чтобы вернуть человеку доступ на небо. Для этой цели Он, Божественный основатель христианства, даёт человеку гораздо лучшие нравственные законы, высшие нравственные стремления, даёт благодатные средства и силы для борьбы со злом. Человек, искупленный Спасителем, пользуясь его благодатными средствами и руководясь его высокими нравственными требованиями, действительно возвышается, делается оправданным, достигает высшего нравственного совершенства. Но одного человека, как индивидуума, искупить и возвысить было недостаточно; нужно было возвысить целое общество в его взаимных отношениях. Спасителю было необходимо преобразовать брачный союз человека, союз, который служит основой семейной и общественной жизни. Ему было недостаточно возвысить мужчин и женщин; ему нужно было возвысить и очистить их взаимные отношения, т. е. *возвысить брак*. Спасителю надлежало искупить не только современное ему человечество; Он пришёл на землю возродить всё человечество настоящее и будущее. Какое же было у него орудие для этого, как не брак, в котором нарождается новое человечество. Потому Иисус Христос желал возобновить обветшалое человечество в этом его первом источнике – браке. Возобновивши и освятивши брак, Спаситель тем самым положил залог возрождения будущих поколений, которые родятся в этом новом брачном союзе, союзе священном и возвышенном. Только тогда, когда брак был поставлен на новых основах, можно было сказать, что теперь настало новое время, что человечество пойдёт новою дорогою, – тогда можно было надеяться на лучшее будущее. Таким

образом, брак занял в христианстве высокое положение; Он сделался проводником искупления в будущие роды, сделался рассадником новых идей, которые принёс в мир Основатель христианства». Родители, принадлежа к Церкви – телу Христову, тем самым обязаны и детей своих посвящать, присоединять к этому же самому телу, проводить искупление на будущие поколения. Дети в христианском браке в некотором смысле, по самому рождению своему, принадлежат к телу Христову, рождаясь в освящённом и благодатном союзе. Брак становится проводником благодатных дарований, продолжателем искупления, совершенного Иисусом Христом⁵. По слову Апостола, дети, рождённые в нехристианском браке, *греховны*, а рождённые в христианском браке – *святые* уже по самому рождению своему, т. е. призываются к искуплению. Таково высокое и многозначительное положение брака в христианстве, но это ещё не всё. Все предметы в христианстве носят на себе отпечаток божественного искупления; в христианской Церкви все проникнуто этим искупительным характером. Между Христом и Его Церковью существует самый тесный и неразрывный союз, самая неизменная *любовь*, – любовь, бывшая причиной нашего искупления. Образом этой любви и сделался брак, как дело любви между мужем и женой, любви чистой и возвышенной, высоко стоящей над чувственной любовью между мужем и женой в язычестве⁶.

Как таинственная любовь между Иисусом Христом и Церковью исполнена благодатных дарований, изобилует ими; так и христианский брак, образец этой любви, изобилует благодатными дарами Св. Духа. Уподобленный таинственному союзу Христа с Церковью, христианский брак сделался таинственным союзом между мужем и женой, союзом, исполненным благодати, словом – сделался *таинством*: «*тайна сия велика есть*» – говорит св. Апостол⁷. Впрочем, брак, как проводник божественного искупления на грядущие поколения, и не мог быть чем-нибудь иным в христианстве, как таинством, сообщающим благодатные силы. Если бы христианский брак был простым союзом между мужем и женой, то каким бы образом Он мог передавать благодатные дары,

которые Он сообщает, по Апостолу, даже детям⁸. Для этой цели христианский брак должен быть непременно преисполнен благодати и освящён Духом Святым. Таким образом, брак по учреждению Спасителя и по мысли Апостолов всегда был *таинством* в христианстве. Таков же взгляд на это и отцов церкви: Иоанна Златоуста⁹, Амвросия¹⁰, блаженного Августина¹¹, Тертуллиана¹² и других. Христианский брак и должен быть таким, потому что если Бог установил брачный союз, то Он же должен дать ему и своё освящение; если Бог назначил брак быть проводником благодатных дарований, то Бог же и должен сообщить браку свою благодатную силу. И действительно Бог сообщает браку освящение и благодать посредством таинства. Вот почему Бог сделал брачный союз таинством и сообщил ему благодатные дары, как своему установлению и орудию благодати. Напрасно мы стали бы думать, что Христос, заповедав людям братскую любовь друг к другу, тем самым запретил и уничтожил всякие более тесные отношения любви между людьми. Проповедуя такую всеобщую любовь, Основатель христианства нимало не имел намерения уничтожить теснейшую любовь между мужем и женой. Он допустил более тесную любовь даже к друзьям, к родственникам и пр.; конечно, брачную любовь Он допустил, тем более, что она необходима для Его высших целей – преобразовать человечество в его настоящем и будущем. Иисус Христос освятил брачный союз своим присутствием на браке в Кане Галилейской, почтил брак даже тем, что совершил на нём своё первое чудо. Разве из одного этого нельзя видеть, что брачный союз получил в христианстве новую силу и новое высшее назначение? Присутствие Иисуса Христа вместе со Своею Матерью на браке и первое чудо здесь, именно направленное к брачному торжеству, – всё это показывает, что брак должен был получить в христианстве новый дух, благотворный для человечества.

И в Церкви Христовой брак всегда считался таинством и сопровождался церковным благословением. Это благословение не простой обряд молитвы, но таинство такое же, как таинство крещения и прочие таинства. В древней христианской Церкви, с

самого её начала, только те браки признавались действительными и законными, которые совершались по благословию Церкви её служителями¹³; гражданские браки, хотя и законные с гражданской точки зрения, но заключенные без благословения Церкви, не признавались законными и если не считались вполне прелюбодеянием¹⁴, то ставились почти наравне с прелюбодеянием¹⁵. Спустя некоторое время, впрочем, довольно значительное и гражданская власть признала необходимым требованием для законности брака церковное благословение.

Это постановление Церкви Греческой перешло к нам в Россию; у нас до настоящего времени признается необходимым для законности брака благословение церкви¹⁶. В браке, как богоучреждённом союзе, считалось главным совершение самого таинства. Совершение таинства, а не одно исполнение установленных гражданских форм, сообщало браку то высшее освящение, те высокие качества, которые составляют главную отличительную черту христианского брака. Церковь всегда имела такой взгляд на брак. И самый обряд венчания, по своей торжественности и составным своим частям, вполне носит на себе отпечаток высокого таинственного значения, какое ему дало Христианство. Венчание всегда совершается в храме; при этом читаются молитвы, содержание которых обнаруживает весь глубоко-таинственный смысл брака, все значение его, как таинства. Это – не простое призывание имени Божия, как при начале всякого дела; это – священный обряд, исполненный таинственных действий, которые имеют своею целью низвести на брачующихся благодать Божию.

Прежде заключения брака в христианской Церкви совершается обручение, которое вошло в обычай Церкви ещё в древние времена. Оно служит выражением согласия вступающих в брак перед лицом Церкви. Следствием такого важного значения обручения, как предварительного обряда брака, было то, что Отцы Церкви стали приписывать ему не одно только чисто гражданское значение, но стали смотреть на него, как на обряд почти равный по значению с браком; с обручением стали соединять все последствия брака и на

обручённых смотрели почти как на вступивших в супружество¹⁷. Но опять и здесь разумелось только обручение, совершённое служителями Церкви, а не гражданское обручение, которое не имело в церковном отношении никакого значения и не сопровождалось никакими церковными последствиями, а если и сопровождалось, то последствиями чисто гражданскими. Впрочем гражданская власть признала обручение наравне с браком по своим последствиям только в XI веке, именно в 1054 г., когда было издано постановление Алексея Комнена¹⁸. Русскими законами обручение признано по своим последствиям также равным браку¹⁹.

Из этого взгляда Церкви на брак видно, что она всегда считала брачный союз таинством и заботилась о сохранении за ним этого характера. Потому все постановления гражданские относительно брака Церковью не считались существенными для брака, так как он не есть простой человеческий договор, основанный на гражданском законодательстве, но есть божественное учреждение и, как такое, нуждается в божественной санкции, а эта санкция и даётся посредством священного обряда Церкви. Этот-то обряд и санкция и составляют сущность брака по понятию Церкви, а не гражданские условия его. Как таинство, брак пользовался великим уважением в глазах церкви; уже обручение – одно согласие на брак, но запечатлённое благословением церкви, считалось почти равным браку, чтобы внушить этим полное уважение к браку и осмотрительность в столь великом и священном деле. Для предупреждения нарушения обручения, у нас со времени Петра I обручение совершается непосредственно перед таинством брака²⁰. Таким образом, брак, по учению Законодателя Христа, по учению Церкви, как древнегреческой, так и нашей русской, всегда считался и считается *таинством*.

Сообразно со своим высоким положением, брак, как священное таинство, получил в Церкви Христовой новую высшую цель. Отношения между мужем и женой первоначально были довольно высоки, но грехопадением они были унижены; отношения между полами упали так низко, что человек по самой

природе своей стал стыдиться даже упоминать об этих отношениях. Христианство, призванное для восстановления человечества, должно было одухотворить человеческую чувственность. Оно возвысило чувственную сторону брака до высоких духовных стремлений; только христианство могло сообщить браку эту одухотворенность, это высшее стремление, потому что только в христианстве брак есть таинство, есть дело Бога и потому не может быть запечатлено чувственным характером. Так как человек пал и явилась в нем склонность к чувственности, то брак должен был предупредить эту греховную склонность и предотвратить человека от разврата. Кроме этого брак в христианстве имеет ещё гораздо высшую цель, именно рождение и христианское воспитание детей. Супруги в христианском браке самым браком обязываются воспитывать детей в христианстве. Мало того, как мы заметили выше, дети уже по одному рождению своему принадлежат к обществу искупленных. Таким образом, высшая цель христианского брака состоит в том, чтобы проводить в детях искупление и даровать членов Церкви²¹. Эта цель христианского брака возвышает его над всеми человеческими учреждениями и сообщает ему божественный характер. К этим двум целям брака присоединяется ещё третья, именно взаимное вспомоществование супругов и взаимная нравственная поддержка²².

Вследствие своего высоконравственного характера, христианский брак есть чисто свободный акт, несколько не обязательный для каждого человека, как это было у всех народов дохристианских. В христианстве брак никогда не был обязательным для всех людей. Девство и брак в христианстве всегда предоставлялись свободному выбору человека. В древности, у всех народов, кроме еврейского, брак был гражданским учреждением, считался *долгом*, который обязаны исполнять все лица, принадлежащие к государству; за неисполнение этого долга они подлежали ответственности и даже наказанию денежными пенями, штрафами и т. п. В Греции положение незамужних женщин и преимущественно вдов было самое плачевное; они терпели постоянные насмешки за своё

вдовство вместо сострадания, какое они заслуживали по своему бедственному положению. Здесь существовал даже особый храм богини Дианы, куда стекались эти несчастные существа умолять богиню, чтобы она даровала им новых мужей и избавила бы их от печального положения. Мужья, чтобы избавить своих жён от этого бедственного состояния,²³ часто передавали их в качестве наследства другому, который принимал их от умирающего в виде дара²⁴. В Риме было также незавидно положение безбрачных, но кажется, в первое время они были избавлены от различных наказаний; впоследствии же они и здесь стали подвергаться разным притеснениям. Главным стеснением для вдов конечно было то, что они поставлялись в самое невыгодное отношение к своим опекунам, которые нередко грабили вдов: сами вдовы считались неспособными управлять своим имением. В Греции и преимущественно в Спарте существовали особые постановления против людей, желавших проводить жизнь вне брака. Тоже самое существовало в Риме, где на желание оставаться безбрачным смотрели как на преступление²⁵. Когда же все эти взгляды на брак и безбрачие изменились, общественная нравственность упала, тогда браки стали редеть, все стали избегать вступления в супружество, находя для себя более выгодным и удобным проводить жизнь вне брака, предаваясь разным удовольствиям, которые ограничивали бы и затрудняли супружество. Цензор Метелл говорил народу, что прежде брак был жертвой частного удовольствия общественному благу²⁶, но около пришествия Спасителя, наоборот, общественный долг, т. е. брак, стал жертвою частному удовольствию. Видя бедственное положение государства, Август издал знаменитые законы, которыми хотел побудить знатных римлян к супружеской жизни, награждая тех, которые были в супруестве и имели много детей и наказывая пенями тех, которые проводили безбрачную жизнь²⁷. С первого взгляда кажется странным, каким образом могло составиться у греков и римлян такое понятие о браке, как обязательном для всех акте: но если разберём основы брачного законодательства у этих народов, то окажется, что это было неизбежным следствием их взгляда на брак и человека. Брак был у них

делом не человека, как отдельного индивидуума, а актом государства, *долгом*, который исполнить обязан всякий человек. Греки и римляне не допускали индивидуальной свободы; свобода индивидуума у них поглощалась государством; государство было *всё*, а индивидуум *ничто*. Государство налагало оковы на свободу индивидуума; вне государства никто не имел индивидуальной свободы, потому что все были обязаны жить только для государства. В жертву государству приносилось семейство и частная жизнь граждан. Если так, то понятно, почему древность не признавала брака актом свободной воли человека, а признавала его долгом государству. Государство получало выгоду от брачного сожителства, которое ему доставляло детей – новых граждан, новый оплот государства. По этой причине оно берёт брак под свою власть и обязывает к нему всех своих граждан, наказывая как ослушников тех из них, которые нарушают этот долг, оставаясь безбрачными. Таким образом, лишение права на свободный выбор брака есть следствие лишения человека индивидуальной свободы и всецелого подчинения его государству.

В христианстве подобного лишения права на брак или безбрачие не было и не могло быть. Христианство явилось в мир с новым принципом индивидуальной свободы человека; оно освободило человека от тех оков, которые были наложены на него государством. Эта свобода должна была отразиться и на брачном законоположении. Брак в христианстве сделался не государственным долгом, а *актом свободной воли человека*. Иисус Христос брачную и безбрачную жизнь предоставляет свободному выбору человека, поставляя впрочем, выше жизнь девственную, как совершенную преданность Богу²⁸. Такую же свободу в деле брака предоставляли человеку и Апостолы, считая брак и девство равно священными, хотя и отдавали преимущество девству, как выражению всецелой преданности Богу²⁹. Но Апостолы не давали *исключительного* предпочтения ни браку перед безбрачием, ни девству перед браком. Это так и должно быть, потому что брак в христианстве, как учреждение божественное, а не государственное, не мог быть обязателен для всех граждан; с другой стороны, как таинство, через

которое изливаются известные духовные дары на брачующихся, брак не мог быть и унижен перед девством настолько, чтобы дать последнему исключительное предпочтение; в христианстве девство и брак предоставляются на волю человека.

Впрочем, отцами и учителями Церкви девство, сообразно с положением Иисуса Христа и Апостолов, считалось выше брачной жизни³⁰. Этот взгляд был признан каноническим и утверждён VI Вселенским Собором. Этот собор внёс в число своих канонов те правила отцов, которые дают преимущество девству перед браком, напр. Афанасия Александрийского, считавшего девство ангельским житием, с которым не может сравняться супружество³¹. Собор считал девство выше и чище брачной жизни в нравственном отношении, а потому требовал, чтобы епископы, которые должны быть образцами нравственности для верующих, были безбрачны³². Из этого постановления ясно видно то предпочтение в нравственном отношении, какое церковь отдавала девству перед браком. Такое предпочтение девства перед супружеством понятно в христианстве, где ещё Иисус Христос возвестил, что воздержанию от брачной жизни нужно дать более высокое значение за ту борьбу, которую ведёт человек с плотью в этом состоянии. Апостолы проповедовали то же. Кроме того и в самом христианстве были такие обстоятельства, которые возвышали девство перед брачным состоянием. Иисус Христос, освятивший своим примером все состояния жизни, для одного только брачного сожителства не оставил примера, которому бы подражали верующие. Он не желал родиться от брака, но родился от чистейшей девственницы, которая стала образцом девства для всех грядущих поколений, как идеал, к которому все стремились. Этот девственный образ Иисуса Христа и Его Матери озарил высоким блеском девственную жизнь, которая до того времени находилась в презрении, и вызвал стремление высоких по святости мужей осуществить этот идеал в жизни. Таким образом, брачная жизнь должна была уступить своё первое место девству, как более чистому идеалу святой жизни. Притом жизнь безбрачная, менее стеснённая мирскими заботами, как мы заметили выше, представлялась более

удобною для подвигов за Христа и для служения вере. Конечно, здесь разумеется не то девство, которое сопровождается разными похотями, но девство истинно чистое к которому призваны лишь немногие³³. Но если кто призван к этому девству и свято сохраняет его, тот конечно более заслуживает уважения, как человек, совершенно преданный Богу и борющийся со страстями. Вследствие этой глубокой преданности девственников Богу из подражания Самому Спасителю и Его Матери, девство стало на высокую степень почтения и уважения; на него стали смотреть как на благоговение человека перед самим собою, благоговение священное, вытекающее из глубокого уважения к своему телу, как храму Св. Духа; стали смотреть на него, как на состояние, освящённое примером самого Бога³⁴. Вот до какой степени возвысилось девство в христианстве; здесь представляется совершенный контраст с учением язычества об обязательности брака для всех граждан. В язычестве девство презиралось и даже подлежало наказанию, как преступление; здесь, напротив оно ставится выше супружества и девственники почитаются и уважаются. Так неизмеримо выше стоит христианское понятие о браке, как свободном акте человека, перед понятием язычества о браке, как долге государству, долге, который обязателен для всех. Впрочем, нужно заметить, что христианская Церковь, поставляя девство выше супружества и считая его *ангельским житием*, тем самым не только не хотела унижить супружества, а напротив всегда при всяком удобном случае старалась высказать мнение, что *брак честен и ложе не скверно*³⁵, и осуждала и даже подвергала наказанию тех, которые гнушались супружества³⁶. Таким образом, она не вдалась в борьбе с язычеством и в другую крайность, не поставила девства исключительным путём для совершенной жизни. Всё предоставлено на волю человека: *могий вместити, да вместит*³⁷. Только в христианстве брак стал делом индивидуума, а не общества, и через это возвысился сравнительно с языческим брачным законодательством на неизмеримую высоту.

Вслед за учением Церкви и гражданская власть в христианских государствах вскоре признала эту свободу в деле брака. Лишь только христианство сделалось государственной религией, тотчас была признана эта свобода брака и отменены прежние постановления римских императоров об обязательности его и о наказании за безбрачие, как несообразные с духом свободы христианства, свободы, которая отразилась и на брачном законодательстве. Уже Константин Великий отменил прежние постановления об обязательности брака и о наказаниях за безбрачие. Он предоставил свободе и собственному выбору брак и безбрачие и поставил личную взаимную симпатию брачующихся в этом случае выше деспотического интереса государства; он признал за всяким мужчиной и женщиной право жить по собственному выбору в браке или безбрачно³⁸. С этих пор все христианские государства всегда признавали эту свободу за своими гражданами и тем стали несравненно выше государств языческих в этом вопросе.

1.2. Условия законности и незаконности христианского брака

а) Свобода, непринуждаемость брачующихся

Брачное законодательство должно быть определено точными постановлениями, которые обуславливали бы его законность: всякое учреждение необходимо должно иметь свои условия правильности или неправильности. Конечно в браке, как свободном акте человеческой индивидуальной воли, первое условие состоит в требовании, чтобы вступающее в брак имели согласие на брак, а не принуждались посторонними лицами и друг другом к супружеству. Свобода брачующихся составляет самое главное условие брака. Это простое и, по-видимому, столь естественное условие было признано не вдруг. До христианства не имели полного понятия об этом условии. Древность не признавала этой свободы, потому что супружество в древности было государственным актом, к которому были обязаны все; здесь не было необходимо испрашивать согласия брачующихся. Не говоря уже о Востоке, где всегда царствовал деспотизм, мы не находим требования свободы даже у греков и римлян. У греков отец сам заботился о невесте сына и женил его, обыкновенно не спрашивая его согласия³⁹. Невеста же покупалась у родителей или родственников⁴⁰, иногда далее похищалась и силой выдавалась замуж. Особенно у Дорийцев этот обычай имел силу и был господствующим. Он здесь сохранялся до позднейших времён, по свидетельству Плутарха⁴¹. Конечно при похищении невесты не могло быть и речи о свободном согласии её на брак. Она делалась как бы пленницей мужа. В последующее время вошло во всеобщий обычай заключать контракт с родителями невесты или родственниками её; туи происходил торг в буквальном смысле этого слова. Когда торговая сделка была заключена, невеста без всякого спроса о её согласии или несогласии переходила к мужу⁴². Таким образом, в Греции не существовало условия, чтобы брак был заключён по обоюдному согласию брачующихся. Там господствовало принуждение в собственном смысле, особенно по отношению к невесте. То же самое почти замечаем мы и у римлян. В Риме отец мог женить на ком угодно

сына, не получившего эмансипации, т. е. не освобождённого отцом от своей власти и не выделенного. Это право отца было ещё более относительно дочерей. Брак был не что иное, как продажа невесты. Невеста была предметом продажи и не могла иметь права голоса за или против брака. Торговля совершалась от лица отца или опекунов в присутствии свидетелей. По крайней мере в браке «per coemptionem» были соблюдаемы все те формы, какие употреблялись при купле и продаже; тут буквально деньги клались на весы и невесту продавали на вес денег⁴³: брак совершался с полнейшим насилием для невесты. Так было при браках свободных лиц; о браках рабов нечего и говорить. Здесь господствовало полнейшее насилие со стороны господ как в Греции, так и в Риме.

Христианство, являясь в мир с совершенно иными принципами, отменило этот обычай и эти законоположения. По принципу индивидуальности, христианство поставило брак в совершенную зависимость от воли вступающих; без этого согласия брак не может состояться. Божественный Основатель христианства предоставил полную свободу бракосочетающимся. Здесь не могло иметь места принуждение со стороны родителей и опекунов. Апостолы требовали того же⁴⁴. Вслед за Иисусом Христом и Апостолами, и Отцы Церкви требовали всегда, чтобы при браке было согласие вступающих; здесь не должно быть никакого насилия ни со стороны родителей и опекунов, ни со стороны которого-нибудь из супругов, так что без согласия вступающих не мог состояться брак. Только когда вступающие в брак изъявляли свое согласие, Церковь благословляла брачный союз⁴⁵. Конечно, эта воля брачующихся была ограничена некоторыми постановлениями, относящимися вообще к правильности брака и законности его, но в законных границах не могло быть никакого притеснения. Всякое насильственное похищение невесты строго преследовалось, как нарушение этой свободы брака, и подвергалось строгой епитимии; самый брак, если он был уже заключён, расторгался⁴⁶. Церковь повелела священнику, прежде чем совершать венчание, осведомляться о *том с согласия*, а не по принуждению ли вступают в брак бракосочетавшиеся, и

только тогда приступать к венчанию, когда он узнает, что они вступают в брак по свободной воле, без всякого насилия⁴⁷. У нас на Руси вместе с христианством был принят и этот устав Церкви и всегда считался положительным законом. Правда, он нередко нарушался обычаем, глубоко укоренившимся на Руси, именно отдавать дочь свою насильно; однако этот обычай никогда не был признаваем юридическим и Церковь русская всегда вооружалась против этого обычая, уничтожающего свободу в столь важном акте, как брак, где более всего нужно доброе согласие. Наконец указом Синода 1775 года было подтверждено, чтобы священники прежде совершения таинства брака удостоверяться в добром согласии сочетающихся; если окажется, что нет согласия, то не совершали бы венчания, хотя бы это открылось во время самого венчания. И наши гражданские законы вполне согласны в этом случае с постановлениями Церкви. Они требуют, чтобы браки совершались только с согласия лиц вступающих в брачный союз; иначе брак не признается законным и не позволено совершать венчания⁴⁸. Насильственное похищение женщины для вступления в супружество судится как уголовное преступление⁴⁹, и самый брак, совершенный насильно, может быть расторгнут⁵⁰. Даже (до 19 Февраля 1861 года) помещики не имели права принуждать своих крепостных ко вступлению в супружество⁵¹. В этом отношении наши законы гораздо ближе к постановлениям Церкви и более с ними в согласии, нежели законы византийских императоров, которые допускали в этом случае некоторые ограничения свободы вступающих в брак; так напр. рабы не имели права на это, господа могли венчать их без их согласия; даже дети не могли разрушить заключённого уже родителями брачного договора, если приданое от жениха было получено; отец имел право принудить своего сына вступить в брак, если только он вёл жизнь распутную; дочь не могла отказаться от вступления в брак, предложенный ей отцом, разве только жених был худой нравственности. Притом от детей не требовалось выражения своего согласия устно; уже одного не сопротивления было достаточно для совершения законного

брака⁵². Однако и этими законами признавалось уголовным преступлением похищение невесты⁵³.

Как одно из главных условий законности брака, требование согласия брачующихся обязано своим происхождением единственно тому высокому положению, какое занял брак в христианстве. По своей цели назначенный для свободного вспомоществования супругов и для воспитания членов Церкви, брак необходимо требует согласия брачующихся; иначе он не может достигнуть своих целей. Какое взаимное вспомоществование и нравственная поддержка может быть при насильственном бракосочетании? Здесь может быть напротив только взаимная вражда и семейные раздоры, которые невыгодно отзовутся на семейном благосостоянии и воспитании детей. Для достижения целей брака необходимо не только согласие на вступление в брак, но и взаимная любовь между супругами. Только при такой любви брак может быть благоплоден; в противном случае брак не будет достигать ни одной из своих целей. К несчастью это понятие о любви между супругами долго не было признаваемо. Язычество не знавало этой любви; только в христианстве она получила свой настоящий характер в противоположность чисто чувственной любви, которую проповедовало язычество. По учению Отцов Церкви, при заключении супружества, бракосочетающиеся должны питать друг к другу уважение, исполненное высокого нравственного значения; невеста должна чувствовать любовь к тому, за кого выходит замуж⁵⁴. Этого мало; девице, достигшей совершеннолетия, предоставлялось право самой выбирать жениха⁵⁵. Это даже и не может быть сравниваемо с древними языческими, греческими и римскими, постановлениями, предоставлявшими родителям и главным образом отцу право сочетать браком своих детей помимо их воли.

С давних пор и вполне верно было замечено, что счастлив и благополучен бывает только брак, заключенный с согласия родителей; брак же, заключенный по безрассудному увлечению молодых людей, не может быть счастлив. Потому христианство, объявив необходимым для совершения брака обоюдное согласие брачующихся, в то же время ограничивает их

согласием родителей на брак. Естественное чувство привлекает нас к покорности родителям, от которых зависит наше благосостояние и общественное положение. Дети не должны оскорблять родителей, на попечении которых они находятся и которыми поддерживаются в своей общественной деятельности. И в браке дети не должны оскорблять родителей своевольным вступлением в супружество, не испросивши предварительно их согласия. На уважении и преданности детей родителям основывается благоустроенность и благоденствие общества. Потому признать абсолютную самоправность детей на вступление в брак без согласия родителей, значило бы нарушить целый благоустроенный порядок общества. Конечно христианство, являсь в мир с целью устроить и преобразовать его, не могло прекратить этих естественных отношений детей к родителям как во всём, так и относительно брака. Признав брак свободным действием воли человека, христианство вместе с тем требовало, чтобы согласие отца и матери в этом деле не было совершенно устраняемо, а признавалось бы в должных границах⁵⁶. Поэтому отцы и учителя Церкви советовали юным дочерям в выборе своих будущих супругов сообразоваться не только с собственным желанием, но и с волею родителей. Церковь считала брак детей без согласия родителей наравне с блудом⁵⁷. Впрочем в этом отношении вступающим в брак предоставлена была большая свобода сравнительно с древними, греческими и римскими, законами. Между тем как у греков и римлян, как мы уже видели, вступление в брак детей абсолютно находилось во власти родителей; законы Церкви ограничивают власть родителей некоторыми условиями, именно: дети, достигшие совершеннолетия или занимающие какую-нибудь государственную службу, словом живущие самостоятельно от родителей, могли вступать в брак без их согласия. С этими постановлениями Церкви вполне согласны были и гражданские византийские законы⁵⁸. И у нас в России всегда признавались эти древние церковные постановления относительно согласия родителей на брак детей и до настоящего времени у нас это считается не переменным условием для законности брака⁵⁹. В случаях, когда дети

вступают в брак без согласия родителей, священнику повелевается обращаться к местному архиерею за разрешением, но и при всём том браки подобного рода считаются сомнительными⁶⁰; однако браки, заключённые без согласия родителей, не расторгаются, а только виновные подвергаются наказанию церковному и гражданскому⁶¹. Это конечно основывается на правилах Церкви, которые запрещают расторгать подобные браки⁶². Таким образом по законам церковным, древне-византийским и ныне действующим русским, вступление в супружество требует согласия со стороны родителей, но не стоит в безусловной зависимости от этого последнего, потому что браки, совершённые без этого позволения не расторгаются, а признаются действительными.

По смерти родителей их место заступают опекуны. Так как опекун есть полный наместник родителей, то ему гражданским законом были предоставлены все права их. Такое понятие об опекунах было причиной того, что права родителей относительно брака детей были распространены и на них, как представителей родительской власти, с целью предупредить всякого рода увлечения молодых людей при этом деле. Это было естественным следствием законов гражданских. По гражданским законам несовершеннолетние дети, находящиеся под опекой, не могли заключать никаких контрактов и договоров без согласия опекунов; тем более они не могли вступать в брак, который представляет такое важное обязательство даже на всю жизнь. Поэтому хотя и нет прямых узаконений Церкви, чтобы браки заключались с согласия опекунов, однако в христианстве, сообразно византийским гражданским постановлениям⁶³, требовалось для брака их согласие. Так было и у нас в России с самых древних времён⁶⁴. Если уже родители не могли принуждать своих детей вступить в брак, то тем менее это могли делать опекуны, под опасением в противном случае церковного и даже гражданского наказания. Этого требовало значение христианского брака, как свободного акта.

Тот же дух христианской свободы отразился и на браках рабов. Древние законы Греции и Рима не допускали в этом случае никакой воли в рабе. Господин мог его женить на ком

хотел и когда хотел. Но христианство постаралось улучшить участь рабов и в этом отношении. Нигде нет постановлений Церкви, которые бы позволяли господам так далеко простираť свою власть, нигде не позволяется им заключать браки рабов помимо их воли. Требуется только, чтобы рабы не вступали в брак помимо согласия своих господ; в противном случае брак их считался прелюбодеянием⁶⁵. Но христианство всегда было против того, чтобы предоставить господам древнее право заключать браки рабов. И наши русские законы были запечатлены тем же духом, когда у нас до 19 Февраля 1861 года были крепостные. Закон наш гласил: «запрещается помещичьим крестьянам и дворовым людям вступать в брак без дозволения их владельцев»⁶⁶. Но нигде не было дано права владельцам заключать браки помимо воли своих крестьян. В этом отношении христианство стало неизмеримо выше всей древности и здесь проглядывает тот же дух свободы индивидуума, даже он простирается ещё дальше: христианство даёт права рабу, которых он был лишён всею древностью, права самые священные – права на свободу брака, как таинства Церкви, на которое имеют право все члены Церкви Христовой на земле. Христианство, требуя согласия господ при браке рабов и наказывая епитимиею рабов, вступивших в брак без этого согласия, не повелевает, однако расторгать подобных браков⁶⁷. Между тем об этих браках не могло быть и речи в древности.

К требованиям согласия на брак нужно присоединить ещё одно, именно чтобы люди, состоящие на службе государства, брали согласие на брак со стороны своих начальников⁶⁸. Мы сказали, что христианство предложило миру свободу индивидуума; но эта свобода не должна переходить должных границ, иначе не будет никакого благоустроенного государства, где необходимо подчинение властям. Христианство признало это подчинение властям, как необходимое для всякого человека⁶⁹. Вследствие такого взгляда христианства на законно поставленную власть и составилось требование испрашивать позволение на брак со стороны властей. Человек, вступая на государственную службу, тем самым обязывает себя строго

преследовать интересы государства, потому что власть, которой он подчиняется, заступает для него в некотором смысле родителей: а живя на иждивении родителей, дети тем самым, не говоря уже о естественном требовании, обязываются преследовать интересы родителей. В видах этого и постановили отцы Церкви, чтобы всякий, состоящий на службе, испрашивал согласие на брак со стороны начальства, потому что от произвольного вступления в супружество в этом случае могут пострадать интересы государства. Но здесь не то, что в древности, где брак был долгом государству; здесь только требуется, чтобы государство знало о браке лиц, состоящих на службе, с целью точных сведений о лицах, состоящих на службе.

б) Бытие одной жены у мужа

Уничтожив брак, как обязанность относительно государства, христианство основало и утвердило свой брак, как таинство и поставило его на высочайшую степень. Христос уподобил его высочайшему таинству отношения Своего к Церкви. Какая любовь существует между Христом и Церковью, такая же любовь должна быть между мужем и женой. Из этого таинственного отношения брака к связи Христа с Церковью проистекают все качества и свойства этого таинства. Христос, любящий Церковь, есть *один*, и Церковь – предмета Его любви, также одна. То же самое должно быть и в браке. Он должен быть *моногамическим* в самом строгом смысле этого слова: должен быть один муж, изображающий в браке Христа, должна быть и одна жена, изображающая Св. Церковь. Здесь восстановлен тот первоначальный брак, который был установлен при создании человека. Когда Адам увидел себя одиноким и просил Бога дать ему подобного ему, составился божественный совет. Что же было решено в этом божественном совете? *Сотворим ему помощницу*⁷⁰. Помощницу, а не помощниц определил божественный суд, превышающий все человеческие премудрые мнения и решения. Адаму была дана одна жена, а не много – вот естественный закон природы. Жена должна была дополнять существо мужа и этого дополнения было вполне достаточно; она должна была составлять с мужем одну плоть. Возможна ли такая тесная любовь между супругами, когда нарушена эта первая основа брака – единство? История тысячелетий и рассудок своими соображениями убеждают нас, что такой тесной любви и тесного единения между супругами быть не может, если единство жены будет заменено множеством жён. Вот почему божественный совет решил даровать Адаму *одну* помощницу, а немногих. Даже после грехопадения, этот закон, в высшей степени естественный и благоразумный, был долго признаваем и не нарушался. О Ламехе первом замечено в Библии, что он имел в одно время *две* жены и первый испытал горькие плоды этого

нарушения естественного закона о браке⁷¹, который всегда, по плану божественного мироправления, должен отличаться строгим *единожёнством*. Впрочем, чувственность взяла перевес над требованиями природы, разума и самого Бога и нарушила закон Божий. Многожёнство мало-помалу начинает проникать в человеческое общество. Не говоря уже о государствах Востока, отличительным признаком которых всегда было многожёнство, даже в Греции, где первоначально была *моногамия*, мало-помалу это единство брака было нарушено введением гетер и конкубин, которые признавались даже законом; конкубинат скоро вошёл во всеобщее употребление в Греции⁷². В Риме конкубинат был общеизвестным и распространённым до крайних пределов, особенно перед рождением Христовым. Даже и в средѹ избранного Самим Богом еврейского народа проникла эта зараза многожёнства. Правда, нет нигде во всѣм Ветхом Завете закона, поставляющего многожёнство на степень брачного права; напротив, есть требования, которые ясно показывают, что законодатель еврейского народа старался, насколько возможно, уменьшить этот вредный обычай⁷³. Но Моисей не мог окончательно уничтожить этой всеобщей заразы; потому те же самые места его законоположения, которые свидетельствуют о старании его уменьшить многожёнство и воспрепятствовать ему, и некоторые другие места Писания показывают, что законодатель должен был терпеть многожёнство и терпел⁷⁴. Многожёнство было распространено в народе иудейском и Библия представляет нам не один пример многожёнства в истории еврейского народа⁷⁵. Христианство, имея целью преобразовать мир, не могло оставить этого грубого недостатка в человечестве (многожёнства), недостатка, влияющего на весь общественный строй человеческой жизни. Иисус Христос восстановил первоначальное *единство* брака, которое существовало в раю⁷⁶. Апостолы остались верными этому учению Христа и требовали, чтобы брачный союз по своей чистоте походил на отношение Иисуса Христа к Церкви, которая *едина*⁷⁷. С тех пор Церковь всегда оберегала самое строгое единство брака, считая многобрачие преступлением даже более

тяжким, чем блуд, и подвергая виновных строгой епитимии. Василий Великий говорит: *«о многобрачии отцы умолчали, как о деле скотском и совершенно чуждом человеческому роду. Нам же сей грех представляется тяжчайшим блуда. Посему благоразумно будет подвергать таковых епитимии по правилам»*⁷⁸. Так строг был всегда взгляд Церкви на полигамию. Это постановление Церкви признавалось всегда и гражданскими законами. По нашему русскому законодательству также признается только брак моногамический⁷⁹. И с этой стороны христианский брак резко отличается от браков, бывших во времена дохристианские; учение христианства о строгом единожёнстве составляет характерную особенность христианского брака. Язычники и даже евреи, как мы заметили выше, не знали такого строгого единожёнства, несмотря на то, что оно есть самое естественное требование природы и разума.

в) Определённый возраст брачующихся

Мы излагали доселе условия законности христианского брака, которые можно назвать нравственно религиозными. Но брак есть в то же время обязательство, данное лицами разных полов, с целью размножения рода человеческого; потому в нём не должна быть забываема и физическая сторона. Христианство действительно не оставило без внимания и этой стороны. Только здесь она получает совершенно другой оттенок. Брак христианский, по своему высокому положению, не мог не придать нравственного значения этим, до тех пор чисто физиологическим требованиям. Физическая сторона брака в христианстве направлена к гораздо высшим целям, нежели одно простое сожитие и рождение детей. Поэтому и условия эти были направлены к другой цели.

Первым условием физического свойства и характера есть, конечно, известный определённый возраст, раньше которого нельзя вступать в брак. Это самое естественное и простое требование; разные законодательства древних времён всегда поставляли совершеннолетие условием законности брака. Совершеннолетие зависит от климата и вообще от физического положения страны; в разных странах период совершеннолетия начинается различно, в одних раньше, в других позже; законодательства разных стран определяют его совершенно различно. В виду этого Иисус Христос, основавши вселенскую религию, которая должна была распространиться по всему земному шару, не определил совершеннолетия, потому что в противном случае этот закон о совершеннолетии был бы неприменим к разным странам. Церковные каноны также не определяют совершеннолетия, что было сделано гражданскими законами. Греческие императоры поставили сроком совершеннолетия 14-летний возраст для мужского пола и 12-летний – для женского⁸⁰. На Руси, куда перешли греческие законы, сначала также определялось совершеннолетие этими годами. Но впоследствии времени это было признано неприложимым к нашей холодной стране, где в эти годы

личности бывают ещё детьми. Потому в 1830 году было постановлено венчать лиц мужеского пола не моложе 18 лет, а женского – не моложе 16 лет. Это постановление и составляет ныне действующий закон для определения совершеннолетия вступающих в брак⁸¹.

Требование совершеннолетия в христианском браке ещё более необходимо, нежели в языческом. Брак в христианстве поставлен на высокую степень, – он есть таинство, отобраз таинственного единения Христа с Церковью. Чтобы решиться на такой высокий союз, нужно зрело и долго обдумать и взвесить всё. А может ли это сделать молодой незрелый ум? Христианский брак есть союз нерасторжимый, союз на всю жизнь. Потому прежде, чем вступить в такой союз, нужно хорошо обдумать, кого избираешь себе в спутницы жизни, чтобы впоследствии супружеская жизнь не представляла сцен постоянного раздора и вражды, которые были бы неизбежны при преждевременном и необдуманном вступлении в супружество. Вследствие этого по нашим законам сочетавшиеся браком раньше совершеннолетия разводятся немедленно, как только дойдёт до сведения начальства известие об этом, и они не принуждаются к сожителству по достижении совершеннолетия; однако, если пожелают этого сами, то брак их благословляется Церковью по особому чиноположению⁸².

Но если брак запрещается раньше совершеннолетия, то он запрещается также и по достижении старческого возраста. На этот случай нет точного определения в церковных канонах; только вдовам, достигшим 60-летнего возраста, запрещалось вступать в брак⁸³. Это запрещение вступать в брак в престарелом возрасте есть требование законов природы, потому что человек в старости бывает не способен к супружескому сожитию и к деторождению. В старческом возрасте человеку нужнее всего обращаться к Богу и вести строго нравственную жизнь, в эти годы брак будет уже не нравственным учреждением, а скорее страстным пожеланием, удовлетворением своей чувственности. Таким образом, одна из целей брака не достигается, да и самое основание его подрывается подобными браками. Потому наши русские законы

запрещают браки лиц старше 80 лет⁸⁴. Кроме того нашими церковными постановлениями ещё не одобряются браки между лицами, которые различны между собой по числу лет⁸⁵. Это также вытекает из самых естественных требований природы. Брак христианский есть союз неразрывный во всю жизнь. Потому, если молодой человек сочетается браком со слишком старым, то через несколько лет у одного из супругов возможность к супружескому сожитию прекращается, между тем как другой ещё будет в полной силе и свежести лет. Очень может быть, что такое неравенство в годах может повлечь за собой разные неприятные столкновения между супругами и даже нарушение супружеской верности. Поэтому наша русская Церковь, основываясь на идее христианского брака, неблагоприятно относится к подобным супружествам.

г) Обладание здоровым умом и полным здоровьем

Христианская Церковь запрещает ещё сумасшедшим вступать в браки, потому что подобный супруг не может выполнить ни одной из целей брака. Какая обоюдная нравственная поддержка супругов, какое христианское воспитание может быть при сумасшествии одного из супругов? Потому в христианстве всегда считались подобные браки невозможными. Правда, постановлений церковных об этом предмете нет. Вероятно, Отцы умолчали об этом предмете, потому что подобные браки, как противоречащие естественным законам, не могут быть терпимы. Только древние греческие гражданские законы запрещали браки с сумасшедшими; и наши отечественные законы, согласно с ними, также воспрещают подобные браки и повелевают расторгать, если они заключены⁸⁶. Впрочем если сумасшествие случилось после брака, то брак по византийским законам не расторгался⁸⁷. Это было бы противно высокому идеалу христианского брака, где любовь между супругами должна продолжаться до конца жизни; было бы в высшей степени несправедливо и несогласно с духом христианской супружеской любви оставлять супруга и притом в такое бедственное для него время, когда более всего нужна ему поддержка постороннего лица. Впрочем, если сумасшествие такого рода, что угрожает опасностью другому супругу, то конечно брак должен быть расторгнут по требованию здравого разума; того же требуют и наши отечественные законы⁸⁸.

Кроме этих изложенных условий законности брака со стороны физической признаётся ещё условием способность к брачному сожителству. Это есть естественное требование самой природы брака и подразумевается при самом заключении брака. Потому может быть и нет об этом прямых постановлений в канонах православной Церкви. Лишь гражданские, византийские⁸⁹ и наши русские законы определяют условием законности брака эту способность и запрещают браки при неспособности одного из вступающих в брак⁹⁰. Впрочем наша

русская Церковь своими постановлениями, запретив подобные браки, повелевает расторгать, если они заключены, в том только случае, когда эта неспособность произошла раньше брака, а не после его по болезни⁹¹.

Вот в кратких чертах физические условия законности и правильности брака. На них мало останавливалось христианство; почти ни об одном из них нет прямых постановлений Церкви. Причина такого явления заключается в том, что эти условия вытекают из самой сущности брака, как сожития двух лиц разного пола. Потому они понятны сами собой и признавались даже языческими законами, так что христианству не было нужды останавливаться на них; они уже существовали раньше. Христианство по своему высоконравственному характеру остановилось более на нравственных условиях для вступления в законный брак, потому что эти условия были искажены и даже совершенно оставлены язычниками.

д) Отсутствие родственных отношений между брачующимися

Теперь нам осталось ещё рассмотреть одно условие законности и правильности брака, именно отсутствие родственных отношений. Это условие можно назвать нравственно-физическим на том основании, что запрещение браков в известных степенях родства основывается на нравственном чувстве и чисто физическом вреде, происходящем от подобных браков. Первая причина, по которой брак запрещён в близких степенях родства та, что человеческая природа отвращается от супружеского сожития с близкими родственниками. Близкие родственники и без брака стоят в известных нравственных и общественных отношениях, которые связывают их между собою самыми тесными узами, и неестественно было бы дозволять вступление в брак, в котором являются другие нравственные отношения, другие узы. Потому сама природа человека отвращается от подобных браков и полагает родство препятствием ко вступлению в супружество. Одно из существенных отличий человека от животных состоит, между прочим в том, что животные не знают родства, которое препятствовало бы сношению между полами; для них даже не существует такого родства, как родство между отцом и дочерью, сыном и матерью. Но человек не может смотреть на эти отношения без отвращения. У всех наций, образованных и диких, существуют названия родственников; все народы отвергают супружество в более или менее близких степенях родства. Такая общая характерная особенность человеческого рода заставляет невольно согласиться, что от браков в близких степенях родства отвращается сама природа помимо различных законодательств религиозных и гражданских.

Вторая причина запрещения брака в близких степенях родства есть та, что в браке сближаются между собой два рода. Таким образом, брак является звеном, соединяющим чуждые роды. Поэтому, чем более в близких степенях родства будут существовать браки, тем менее будет этих соединяющих и

примирающих разные семейства звеньев. Если это замечается теперь, если это оказывает свое благотворное действие и в настоящее время, то тем более в древности, при постоянной борьбе родов между собою, брак является важным примиряющим орудием. Поэтому-то с древнейших времён законодательства религиозные и гражданские стремились прекратить браки в близких степенях родства, чтобы этим способствовать сближению разных родов между собою.

Третья причина чисто физическая. Она заключается в том, что браки в близких степенях родства способствуют и ведут к вырождению в психическом и физическом отношении потомства, происходящего от этих браков. В настоящее время составляет несомненный факт, что различные фамилии и роды вырождались и вымирали единственно от того, что стремились постоянно заключать браки с самыми близкими родственниками. Такая судьба постигла напр. персидскую династию перед временем Александра Македонского. Таким образом, запрещение брака в близких степенях родства в высшей степени естественно и благотворно по своим последствиям и чем дальше известное законодательство простирает это запрещение, тем лучше и целесообразнее оно поступает, тем выше оно стоит. Конечно как везде, так и здесь нужно знать меру и не простираť запрещения чрезвычайно далеко, через что только бесполезно увеличиваются препятствия для вступления в брак, а не приносится никакой пользы.

В этом отношении христианство представляет образец, совершеннее которого не представляла ни одна религия древнего времени. Оно расширило понятие о степенях родства, препятствующих вступлению в брак, но в то же время и не зашло слишком далеко в этом отношении.

Родство измеряется *степенями*. Степень родства измеряется числом рождений (напр. между отцом и сыном одно рождение, потому одна и степень); ряд степеней, непрерывно связанных между собою, называется *линией*. Такая линия, в которой родственники произошли одни от других, называется *прямою линией*, напр. дед, отец, сын, внук и т. д. Если же

родственники произошли не один от другого, а только от одного общего предка, то такая линия называется *боковой линией*, напр. дядя, тетка, братья, сестры суть родственники по боковой линии. В христианстве, всегда безусловно, были запрещены браки в восходящей и нисходящей прямой линии, хотя и нет об этом церковных канонических постановлений, потому что нельзя представить, чтобы кто-нибудь вступил в брак в близкой степени по прямой линии, напр. мать с сыном, дед с внучкой: а дальше уже становится брак невозможен физически. Притом, запрещая браки в дальних степенях родства по боковой линии, Церковь подразумевала, что тем более неправилен брак в родстве по прямой линии. По боковой же линии церковные законы запрещают вступать в брак до четвертой степени включительно⁹². Но в последующие века пастыри Церкви нашли каноническое запрещение брака в четырёх степенях слишком малым и запретили брак до шестой и даже до седьмой степени⁹³. Наши отечественные законы запрещают браки до четырех степеней включительно; в пятой же и шестой степени запрещается лишь венчать без особого на то разрешения архиерея⁹⁴; дальше этого родство не признается.

Это родство кровное. Но бывает ещё родство *двухродное* или *свойство*, в которое входят два рода через брак. Это двухродное родство или свойство бывает: во 1-х, между одним из супругов и родственниками другого; во 2-х, между кровными родственниками одного супруга и кровными же родственниками другого; в 3-х, между одним из супругов и нисходящими родственниками другого. Брак по учению христианства производит такое тесное общение между супругами, что они становятся одною плотью⁹⁵. Потому браки родственников по свойству всегда признавались незаконными в тех же степенях, как и родственников по крови. Сначала браки запрещались в свойстве, как и в кровном родстве, каноническими правилами до четвертой степени включительно⁹⁶. Но в X и XI веках на поместных константинопольских соборах это запрещение было распространено до шестой и даже до седьмой степени⁹⁷. Наши законы, согласно с каноническими постановлениями, запрещают

браки между родственниками по свойству до четвертой степени включительно⁹⁸.

Иногда посредством брака входят в родство не два, а три рода; тогда образуется родство *трёхродное*. Здесь нет канонических постановлений древней Церкви, определяющих степени, в которых запрещается брак; но греческие пастыри и византийские законы запрещали брак в четырёх степенях. Однако, абсолютно запрещались подобные браки только в первой степени, в остальных же иногда позволялись⁹⁹. На этом основании и наши российские законы безусловно запрещают браки в трёхродном родстве только в первой степени¹⁰⁰. Браки, повенчанные в недозволенных степенях родства, расторгались по каноническим правилам и греческим законам¹⁰¹, расторгаются и по нашим и виновные подвергаются епитимии; но по исполнении епитимии им дозволяется вступить в новое супружество¹⁰².

Можно легко заметить, что христианство положило более строгие постановления, нежели какие существовали об этом предмете в язычестве и даже у евреев. Чтобы убедиться в этом, достаточно бросить взгляд на постановления римлян и евреев об этом предмете. По римским законам безусловно запрещались браки только по прямой линии кровного и двухродного родства, но относительно боковых линий кровного родства закон ограничился только тремя степенями; двухродное же родство по боковым линиям препятствием к браку не признавалось¹⁰³. Таким образом Церковь дальше простерла запрещение брака в родстве кровном по боковым линиям; а родство двухродное по боковым линиям она поставила препятствием браку вновь; вообще христианская Церковь дальше простерла запрещение брака в родстве. Что же касается еврейского законодательства, то и оно должно уступить первое место христианству относительно строгости запрещения браков в родстве. По закону еврейскому, согласно с христианским, запрещается брак по прямой линии кровного и двухродного родства, но по боковым линиям запрещается только до третьей степени включительно; да и здесь допускалось исключение, именно, дозволялось жениться на

сестре жены после её смерти и на жене дяди по матери или, по крайней мере, о последнем случае закон Моисеев ничего не говорит¹⁰⁴. Кроме того не только позволялось жениться на жене своего умершего бездетным брата, но даже подобный брак считался обязательным. Христианство же запрещает браки гораздо дальше, именно до четвертой степени родства. Мало того, даже в пятой и шестой степени браки не совсем одобряются, потому что подобные браки могут быть заключаемы лишь с позволения архиерея.

Кроме этих видов родства по крови и по свойству в Церкви с первых времён было признаваемо ещё родство духовное, именно то, которое образуется посредством восприятия крещаемого от купели. Это обуславливалось тем взглядом, какой имела Церковь на таинство крещения. Церковь учила, что восприемник принимает на себя обязанности родителей относительно воспитания и заступает их место. Потому между восприемником и воспринятым образуется такая же родственная связь, какая существует между родителями и детьми. На этом взгляде и основывается учение Церкви, что восприемников и воспринятых нужно считать родственниками в первой степени родства. Отсюда перешло понятие о родственных отношениях и на других родственников по крови. Впрочем, церковные каноны запрещают брак только во второй степени духовного родства, т. е. между восприемниками и воспринятыми и родителями воспринятых¹⁰⁵. Законы же гражданские простирали это запрещение до четвертой степени, впрочем только по прямой нисходящей линии, по боковой же линии родство не признавалось¹⁰⁶. В нашей Церкви, согласно с 53 правилом Собора Трульского, постановлено воспрещать браки только между восприемниками, воспринятыми и родителями воспринятых, а так как считается необходимым только один восприемник, для лиц мужского пола – мужчина, для лиц женского пола – женщина, то родство считается действительным только с этим необходимым восприемником¹⁰⁷.

е) Общий взгляд на христианское законодательство о браке

Из сделанного нами очерка законоположений Православной Церкви о степенях родства, препятствующих вступлению в брак, и краткого сравнения их с законами римскими и еврейскими об этом предмете нетрудно сделать вывод в пользу христианства. Мы заметили выше, что для нравственных, физических и социальных отношений людей гораздо полезнее и лучше, если браки будут запрещены в дальнейших степенях родства, лишь бы только это запрещение не простиралось слишком далеко. Это мы и замечаем в Православной Церкви. Здесь запрещены браки именно в тех степенях, в каких запрещает сама природа. У всякого народа есть названия для тех или других степеней родства, но дальше известных степеней нет особых названий. Этим как бы полагается предел для степеней родства, в котором должен быть запрещён брак. Эти-то пределы мы и находим в христианстве. Стоит только посмотреть на распределение степеней родства, препятствующих браку, и мы увидим, что дальше этих степеней не существует особых названий для родственников у всех, даже более или менее образованных народов. Здесь христианство остановилось как бы на рубеже, оказывая спасительное действие на жизнь общественную и удовлетворяя нравственному чувству человека. Между тем римские и даже еврейские законы не всегда удовлетворяли этим требованиям. О других народах не стоит и упоминать. Там позволялись очень часто такие кровосмесительные браки, которых бы ужаснулись христиане настоящих времён.

ж) Замечания о вторичных браках

Изложивши условия правильности и законности брака, мы должны сказать несколько слов о браках **вторичных**. Брак в христианстве есть образ единения Христа с Церковью. По учению Апостола любовь, которая существует между мужем и женой, есть образ вечной любви Христа к Своей Церкви и как любовь Христа не прекратится вовек, так и брачная любовь между мужем и женой не должна прекращаться во всю жизнь. Брак по учению И. Христа есть союз двух бессмертных душ и, как такой, должен продолжаться вечно; даже смерть не прерывает этой вечной любви душ. Таков должен быть брак христианский по своему идеалу. Но христианство явилось в мир, исполненный грехов, в мир слабых, немощных, смертных людей, которых оно должно было возродить и нравственно исправить. В виду этой немощи людей одною из целей брака христианство поставило предохранение человека от греховной похоти. Вследствие той же нравственной слабости людей Христос и Апостолы не запретили второго брака, заметивши однако, что лучше было бы, если бы вдовцы и вдовицы оставались вне новых супружеств¹⁰⁸. Поэтому и отцы и учителя Церкви всегда смотрели на второй брак, как на состояние несравненно худшее вдовства, называли его даже благовидным прелюбодеянием¹⁰⁹. Однако они считали его дозволенным и законным, но старались отвлечь вдовых от нового супружества, изображая те трудности, которые им представляет воспитание детей, разных по матери или по отцу; намеревающимся сочетаться браком со вдовцом или вдовицей они внушали опасение, что вдовый супруг сохранит расположение к своей умершей половине и потому не будет так любить всецело, как в первом браке. Впрочем, представивши такие трудности и невыгоды второго брака, отцы оставляли на волю вдовым вступать или не вступать во второй брак и никогда не запрещали его окончательно¹¹⁰. Тем же духом отличаются и канонические постановления Православной Церкви. Они считают второй брак дозволенным, но в тоже время смотрят на

него, как на слабость человеческой природы, как бы неохотно позволяют его и полагают епитимию на тех, кто вступил во второй брак¹¹¹; а вдовицам, достигшим шестидесятилетнего возраста, правило совершенно запрещает вступление в новое супружество¹¹². Но дозволивши второй брак, Церковь всегда считала его снисхождением к слабости человеческой и на лиц, вступивших во второй брак, смотрела как на людей слабых в нравственном отношении. Потому она запретила принимать в клир двоеженцев¹¹³, как не представляющих того образца нравственности, какой требуется от них, потому что они сами слабы в нравственном отношении. Соборы даже запретили пресвитеру присутствовать на брачном пиршестве двоеженцев, чтобы не показать тем своего одобрения этому браку, дозволенному лишь по слабости человеческой¹¹⁴. Церковь старалась воспрепятствовать этим супружествам некоторыми репрессивными мерами; так она повелевает лишать церковного вспомоществования ту вдову, которая выходит замуж¹¹⁵. Составлен даже особый чин венчания второбрачных, где испрашивается у Бога помилование слабости человеческой¹¹⁶. Гражданские византийские законы были солидарны с этими постановлениями Церкви. Они с одной стороны позволяли второй брак, с другой старались ограничить его и положить ему некоторые преграды; так вдова не могла вступить во второй брак раньше 10 месяцев после смерти мужа; притом она лишалась в этом случае имущества, полученного от первого мужа¹¹⁷. Столь неблагоприятно относились Церковь и государство ко вторым бракам!

Что же касается **третьего брака**, то взгляд на него церкви ещё строже. Если отцы Церкви терпели второй брак в угоду слабости человеческой, то на третий всегда смотрели как на нечто в высшей степени чувственное, что никак не может быть согласно с высоконравственным характером христианского брака. В канонических правилах этот брак прямо называется «нечистотою», «многожёнством», «наказанным блудом»¹¹⁸. Впрочем, Церковь, хотя и смотрела на эти браки как на нечистоту, но не расторгала их, а только налагала строжайшую епитимию на вступивших в такой брак¹¹⁹.

Число браков в Церкви ограничивалось только *тремя*, четвертый брак всегда считался в Церкви непозволенным. Василий Великий называет его *чуждым, роду человеческому и тяжчайшим блуда*¹²⁰. Византийские законы имели такой же взгляд на него; они решительно запрещали подобные браки, подвергали виновных наказаниям, а детей, происшедших от этих браков, считали незаконнорожденными¹²¹. С этими постановлениями Церкви согласны и наши отечественные законы. По ныне действующим законам Российской империи допускается только второй и третий брак, четвертый же решительно запрещён¹²².

Ограничение числа браков только тремя ещё более возвышает брачное законодательство христианства перед брачным законодательством предшествующих времён. Законы Греции и Рима, даже законы еврейские не делали здесь никаких ограничений. Каждый гражданин мог брать сколько угодно жён постепенно одну за другой. Христианство первое положило эти преграды для браков. В этом оно осталось верно своему принципу, по которому любовь супругов, на подобие любви Христа к Церкви, должна быть вечна, а не прекращаться со смертью одного из них. Что может поручиться за то, что супруг во втором браке будет иметь к новому супругу ту же любовь, какую имел к прежнему? Если он будет вспоминать своего прежнего супруга, то конечно между супругами не может быть полной любви и всецелой преданности друг другу, идеал христианского брака будет нарушен. А этого и должно ожидать, если смотреть на дело с христианской точки зрения. По идее христианства любовь между супругами так тесна, что они составляют одну плоть. Каким же образом эта любовь может уничтожиться настолько, чтобы овдовевший супруг мог возыметь новую так же сильную любовь к другому лицу? Руководствуясь этими взглядами, Церковь старалась уменьшить число вторичных и третичных браков и смотрела на них всегда, как на действия, требующие церковного наказания.

3) Препятствия к вступлению в брак

В соответствии с теми условиями, при которых брак бывает правилом и законом, и в том же духе христианство поставляет и препятствия к заключению брака. Первое из этих препятствий есть без сомнения *обет девства*, произносимый перед Церковью. Мы уже раньше видели, каким высоким значением стало пользоваться девство в христианстве, – значением неизвестным в язычестве. Многие Отцы Церкви описывают яркими красками это священное состояние. Побуждаемые примером Иисуса Христа, Богоматери, Апостолов и высокими образцами девственников первых веков, многие христиане, ещё в первые века христианства, посвящали всю жизнь на служение единому Богу, оставляя всё мирское и отказываясь от брачной жизни. Это было реакцией против той распущенности нравов и развращённости, которые характеризуют языческое общество перед пришествием Спасителя. Сначала это посвящение себя Богу было тайным делом души, обетом перед своей совестью. Но вскоре из стремления к большему нравственному совершенству стали образовываться обители для сохранения от соблазна чувственности. Сюда поступали только те, которые, между прочим, давали обет девства. Так как это было учреждение общее, то обет уже не мог ограничиваться одной внутреннею решимостью, но нужна была клятва публичная перед лицом Церкви. Все поступавшие клялись соблюдать девство до конца жизни. Как произнёсшие этот обет публично перед лицом Церкви и взявшие на себя обязанность, которую должны были исполнять, они уже не могли самопроизвольно отступить от своего обета. Этим они произвели бы соблазн, итак как обет был публичный, то подорвали бы доверие к нравственным силам членов Церкви. Церковь с ранних пор старалась уничтожить эти супружества и налагала тяжчайшие епитимии на преступивших её требования в этом случае¹²³. Браки же таковых лиц, если были заключены, расторгались¹²⁴ для того, – как замечает Василий Великий, – чтобы не дать нарекания еретикам¹²⁵. Гражданские греческие законы были

вполне согласны с церковными постановлениями. Если кто-нибудь из монашествующих дерзал вступить в брак, то брак расторгался и монах снова отсылался в монастырь, где подвергался строжайшему присмотру и заключению¹²⁶. Наши отечественные законы тоже запрещают брак монашествующим¹²⁷. Но так как правила ничего не говорят о браке монахов по снятии сана, то и наши законы позволяют браки в этих случаях¹²⁸.

Вторым препятствием к браку в Церкви христианской служит *священный сан*. По учению отцов Церкви девство стояло выше брака в нравственном отношении, как всецелая преданность себя на служение Богу и полное отречение от чувственных вожделений. Потому от клирика, который должен быть образцом нравственности для пасомых, они требовали, чтобы он не отступал в брак по принятии священного сана¹²⁹. Впрочем, до принятия сана всякий мог жениться и супружеская жизнь не считалась препятствием для получения сана священнослужителя¹³⁰; даже налагалась епитимия на тех, которые гнушались женатых священнослужителей¹³¹, потому что запрещение брака в сане священнослужителя происходило не из отвращения к браку, а просто из того взгляда, что священнослужитель, всецело посвятивший себя на служение Богу, не должен более увлекаться мирским. Потому низшим клирикам позволено было вступать в брак даже после поступления в клир¹³². Наши российские законы вполне согласны с этими постановлениями Церкви¹³³. Древние правила Церкви ничего не говорят о браке по снятии сана священнослужителя; потому русские законы позволяют подобные браки¹³⁴. Во всех постановлениях Церкви о запрещении брака священнослужителям проглядывает тот же дух высокой нравственной чистоты христианства.

Третьим препятствием к браку служит *различие религий*. Брак в христианстве есть таинство, имеющее целью воспитание детей в христианской Церкви, увеличение числа её членов и взаимную нравственно-религиозную поддержку супругов. В виду этих целей брака Церковь находила невозможным вполне христианский брак между лицами различных религий.

Православная Церковь издревле запрещала своими правилами браки христиан с язычниками, иудеями и еретиками: «Не достоин мужу православному с женою еретическою браком совокуплятися, ни православной жене с мужем еретиком сочетаватися», говорят отцы Трульского собора. «Аще же усмотрено будет нечто таковое, сделанное кем-либо: брак почитати не твёрдым и незаконное сожитие расторгати. Ибо не подобает смешивати несмешаемое, ниже совокупляти с овцею волка и с частию Христовою жребий грешников»¹³⁵. Это было постоянным законоположением Церкви и вытекало из понятия о браке, как таинстве, потому что как Церковь может испрашивать у Бога благословение на брак с неверным супругом? С другой стороны, между супругами разных религий не могло быть истинной любви и доброго согласия, потому что религия препятствовала бы им тесно сблизиться между собой. Кроме того она была бы препятствием к религиозному воспитанию детей. Так думали об этом отцы и учителя Церкви, которые с самых первых времён постоянно всеми мерами старались запретить и уничтожить эти браки¹³⁶. Даже еврейский закон признавал эти невыгоды брачного союза между личностями разных религий и запрещал его, или, по крайней мере, брак с теми язычниками, которые отличались особенным упорством в идолопоклонстве¹³⁷. Однако Церковь не расторгала тех смешанных браков, которые были заключены ещё до обращения одного из супругов в христианство. Ещё Апостол Павел запретил расторгать подобные браки. Он говорит: *«если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять её: и жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его. Ибо неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим. Иначе дети ваши были бы не чисты, а теперь святы. Если же неверующий хочет развестись, пусть разводится... Почему ты знаешь, жена, не спасёшь ли мужа? Или ты, муж, почему знаешь, не спасёшь ли жены?»*¹³⁸ Апостол считает дозволенным и законным подобный брак и не только не велит расторгать его судом церковным, но даже запрещает разводиться с неверным

супругом, если тот пожелает жить вместе. Целью подобного брака он ставляет обращение неверного супруга в христианство. В первые времена христианства почти постоянно повторялись подобные примеры. Потому трудно было бы уничтожить эти браки, не нанося ущерба Церкви. Вследствие этой уважительной причины Апостол и не велел расторгать подобных браков, впрочем, с ограничением: *если неверный супруг не будет препятствовать воспитанию детей в христианской вере*. Таково было мнение и отцов Церкви об этом предмете¹³⁹. И это мнение вошло в постановления соборов, как закон на будущие времена¹⁴⁰. Таким образом, в Церкви Христианской установился закон, чтобы смешанных браков с лицами других религий и с еретиками не допускать, и если будут таковые, то их расторгать; если же брак заключён раньше, ещё в неверии, и потом один из супругов обратится в христианство, а неверный пожелает жить с ним, то брак не расторгается; только дети от этих браков непременно должны быть воспитаны в правилах веры. Таковы же и наши отечественные законы об этом предмете¹⁴¹.

Почти также Православная Церковь не одобряла и браков с еретиками и вообще с лицами не православными¹⁴². Прямых законоположений на этот случай нет. Одни правила вообще запрещают брак с еретиками¹⁴³; другие правила запрещают браки только с некоторыми еретиками¹⁴⁴; третьи, наконец, запрещают браки с еретиками только клирикам¹⁴⁵. Таким образом эти последние правила дают нам право заключать, что в древней Церкви брак с еретиками был вполне запрещён только клирикам; мирянам же было позволено вступать в брак с еретиками, хотя и с некоторыми ограничениями. В настоящее время, когда существуют различные вероисповедания в христианстве, наши отечественные законы Российской Церкви и государства считают дозволенными браки между православными и лицами других вероисповеданий с условием, *чтобы дети были воспитаны в православной вере*¹⁴⁶. Этим мы закончим свое обозрение условий и препятствий для правильности и законности брака в христианстве. Переходим к рассмотрению постановлений о расторжении браков.

1.3. Христианское законодательство о разводе

Бог создал первому человеку (Адаму) жену (Еву) из его ребра и назначил её помощницей мужу. С самых первых времён истории человечества брак является не простым контрактом между лицами разных полов, не простым заключением гражданского договора, но учреждением Божественным. Таким образом, по самому происхождению своему, брак должен быть *неразрывен*. Как Ева была создана из плоти Адама и должна была составлять с ним одно целое неразрывное единство, так и последующие браки должны быть неразрывны; супруги соединены между собой на всю жизнь неразрывными узами. Как Божественный союз, брак не может быть разрушен человеческими усилиями, по одному желанию супругов. Кто из людей в праве разрывать тот союз, который заключил Сам Бог? Кто из них в праве уничтожить тот договор, который скреплён Самим Богом? Неразрывность этого союза есть естественное следствие Божественного происхождения брака. Бог, тесно и неразрывно сочетав мужа и жену в самом начале истории человечества, положил тем самым нерасторжимость брачных уз в основание общественной жизни, сделал нерасторжимость брака точкой опоры для семьи и общества. Потому расторжение брачных уз вследствие человеческих желаний и усилий есть отвержение Божественного мироправления, нарушение той Божественной цели, для которой учреждены брачные узы, и вместе с этим есть подрыв основы общественной жизни, которая зиждется, между прочим, на нерасторжимости брака. Человек не в праве расторгать того, что соединил Сам Бог¹⁴⁷. В брачном союзе принимают участие Бог, муж и жена; следовательно желанием двух последних не могут уничтожиться брачные узы, в скреплении которых участвует ещё третье лицо. Это лицо есть Сам Бог. Расторгнуть брачный союз может только Он один. Такое расторжение представляет смерть человека, так как в этом случае, по крайней мере, видимо разрывается связь между супругами; но не бывает уничтожения брака в тесном смысле этого слова, потому что брачный союз

есть союз душ и потому продолжается вечно, а не ограничивается одною здешнею жизнью. Таков брачный союз, как учреждение Божественной воли. Однако в язычестве эта идея неразрывного союза была потеряна; даже евреи по своему жестокосердию не могли удержаться на высоте такого неразрывного союза, какой был установлен Божественным Промыслом при самом творении человека.

В язычестве брак не был союзом душ неразрывно связанных между собою. Это был простой договор двух лиц. Здесь не было нераздельных уз; потому нечего было и разрывать. Вследствие такого характера брачного законоположения легкость развода в язычестве дошла до крайней степени. В Греции муж мог развестись со своею женою без всякого объяснения причин развода, и жена могла также развестись, представив на суде те или другие причины¹⁴⁸. В Риме господствовала та же свобода развода. Здесь муж и жена могли развестись даже по одному только своему желанию, не объявляя причин¹⁴⁹. Рассказывают, что однажды один римлянин хотел развестись со своей женой. Когда друзья говорили ему: не добродетельна ли, не красива ли, не плодovита ли его жена; то он, указывая на свой башмак, сказал: не красив ли он, не нов ли, но кто из вас знает, как он меня жмёт¹⁵⁰. Особенно перед пришествием Христовым усилилась эта непрочность брачных уз: порча нравов проникла тогда всюду и нигде не находили средства остановить её. Лишённый своего внутреннего достоинства, брачный союз не представляет ничего, кроме беспрестанной перемены супругов; разводы повторялись так часто, что по замечанию одного сатирика, жены считали свои годы не по консулам, а по числу своих мужей. Август, который старался остановить эту порчу нравов, сам был вполне сыном своего времени и своего народа; он развёлся со своею женою, несмотря на то, что этот развод наделал много шума и произвёл публичный скандал¹⁵¹. Меценат, прославившийся своим покровительством наукам и искусствам, не мог стать выше уровня современного ему нравственного состояния; он даже превзошёл в чувственности своих сограждан, потому что состояние давало ему возможность удовлетворять своим

развратным наклонностям. Он прославился своими тысячекратными и каждодневными разводами¹⁵². Напрасно император Август издавал против этой легкости разводов некоторые стеснительные законы, – ничто не помогало¹⁵³. Если же высокопоставленные личности, которые должны представлять образец нравственности для народа, так злоупотребляли разводом, то о простых смертных нечего и говорить. Среди этой распущенности нравов и женщины приобрели себе право развода¹⁵⁴. По свидетельству Тертуллиана, они выходили замуж только затем, чтобы развестись и тем приобрести себе свободу для развратной жизни¹⁵⁵. Прежнее деспотическое владычество мужа над женою пало и жена, не привыкшая к своей свободе, сразу пустилась в этот бурный поток страстей и распутства; развод представлял для этого великолепное средство, и она не замедлила им воспользоваться. Вследствие этой легкости развода брачный союз опошлился до последней степени; к нему потеряли всякое уважение и стали смотреть на него, почти как на удовлетворение одних чувственных потребностей, чему прекрасный пример представляет знаменитый Меценат. Таким образом, легкость развода унизила и даже разрушила самый брак. Вот в каком печальном состоянии находилось язычество перед пришествием Спасителя относительно данного случая.

Немного лучше было у еврейского народа, где также была допущена свобода развода. Моисей дозволил разводиться всегда, как только жена не найдёт благоволения у мужа. Потому у евреев господствовала полная свобода развода, хотя и требовалось выставить для развода какие-нибудь причины. Впрочем, закон не определяет их точно, а называет одним именем *срамного дела*¹⁵⁶. Правда, нам кажется, закон старался воспрепятствовать разводу, потому что закон повелевает мужу давать разводную грамоту, чтобы формальностью дела несколько стеснить легкость разрыва брачных уз. Притом разводные грамоты были очень затруднительны для сельских жителей, так как в селах письменность была распространена чрезвычайно мало и редко¹⁵⁷. Но с другой стороны закон иногда покровительствовал разводу *ради жестокосердия иудеев*.

Женам случалось нередко терпеть от мужей много притеснений и побоев по причине жестокосердия этих последних. Потому, чтобы избавить слабый пол от этой жестокости, и был дозволен иудеям развод, по словам Спасителя¹⁵⁸. Таким образом, ни язычество, ни иудейство не представляет нам прочных брачных уз; везде господствовал развод во всей своей силе.

Христианство, преобразуя мир и человеческие отношения в самом их корне, не могло оставить без внимания этой развратной легкости развода. Оно снова подняло брак на ту высоту, на которой его поставила Божественная воля при самом первом появлении человечества; оно восстановило тот дух брачного союза, который был начертан на первой странице человеческой истории. Иисус Христос восстановил тот неразрывный союз брака, который был между первыми людьми, по идее Божественного Промысла. Иисус Христос первый запретил развод, сказавши, что *человек да не разлучает того, что сочетал Бог*¹⁵⁹. Это было естественным следствием Его учения о браке, как таинстве; человек не имеет права расторгать брака, как таинства; человек не может разъединить того, что Сам Бог соединил. Брак в христианстве, по своему таинственному значению, есть образ той любви, какую имеет Христос к Церкви. Эта любовь вечна и союз Христа с Церковью пребудет до скончания века; такова же должна быть и связь между мужем и женой; их союз не может уничтожиться даже смертью одного из них, тем более не может быть разорвана эта связь волею самих супругов или действием власти гражданской. По учению Христа, кто разведётся со своей женой и женится на другой, тот прелюбодействует, и тот, кто женится на отпущенной, также прелюбодействует¹⁶⁰. В том же духе учит и Апостол Павел. Он говорит, что жена привязана к мужу до тех пор, пока он живет¹⁶¹; след., считает брак нерасторжимым до самой смерти и даже совершенно запрещает развод между супругами¹⁶². Таким образом, по учению Спасителя и Апостолов, брак христианский нерасторжим даже под самыми благовидными предложениями: даже такие причины, как посвящение себя на служение Богу, страстное стремление к аскетической жизни не должны производить развода, если

только другой супруг не согласится на это¹⁶³. Только одно явление могло быть достаточным для развода и вести за собой развод. Этот единственный повод к разводу и единственная причина его есть прелюбодеяние¹⁶⁴. Прелюбодеяние, как нарушение брачного союза со стороны одного из супругов, естественно должно влечь за собой развод. Потому и Иисус Христос дозволил разводиться единственно только по вине прелюбодеяния. Таким образом, все многочисленные поводы к разводу, которые допускало язычество и иудейство, были сведены Христом и Апостолами к одному именно прелюбодеянию. Разводы же без причин, по одному обоюдному согласию супругов, уже совершенно не могли иметь места в христианстве, потому что в христианском браке главным совершителем и лицом заключающим бывает не муж, не жена, а Бог; и брак как союз, скреплённый Божественною волею, не может быть уничтожен обоюдным согласием супругов: *что Бог сочета, человек да не разлучает*¹⁶⁵. Таково было законоположение Христа и Апостолов. Церковь в последующие века осталась верно этому Божественному принципу и никогда не отступала от него. Она всегда проповедовала ту же нерасторжимость браков, какой требовал и Иисус Христос¹⁶⁶. Проповедуя эту нерасторжимость браков, Отцы в то же время учили, что только прелюбодеяние может уничтожить брачные узы¹⁶⁷; виновных в расторжении браков не по прелюбодеянию они подвергали строгим епитимиям и принимали их в общение церковное только после продолжительного покаяния и конечно после расторжения тех супружеств, которые были заключены после развода¹⁶⁸. Таково было постоянное учение Отцов Церкви о нерасторжимости христианского брака. Они постоянно восставали против расторжения браков и вступления, после этого, в новые супружества, на которые они всегда смотрели как на прелюбодеяние¹⁶⁹.

Однако, нет основания полагать, что новый брак после развода был запрещён окончательно; те правила, где он запрещается, не вполне определённые, потому их можно понимать так, что брак запрещался только в том случае, если развод был не по вине прелюбодеяния¹⁷⁰. Правило же Василия

Великого, в котором он говорит, что только жена после развода не могла вступить в новый брак¹⁷¹, показывает, что мужу, разведшемуся по вине прелюбодеяния, позволялся новый брак. В этом ещё сохранился дух древних гражданских постановлений, которые смотрели на жену, как на существо низшее мужчины, хотя Церковь всегда восставала против этого и учила, что прелюбодеяние равно со стороны мужа и жены разрушает брачные узы¹⁷². Каноны определили ещё некоторые случаи при этом; так, при неизвестном отсутствии мужа, жене запрещалось расторгать брак и вступать в новое супружество до тех пор, пока получит известие о смерти отлучившегося супруга¹⁷³; только женам воинов сделано в этом случае некоторое снисхождение. Они могли вступать в новое супружество, если муж пропал без вести с поля сражения, потому что смерть его в этом случае была более несомненною по причине опасностей войны¹⁷⁴. Такое учение Отцов и Учителей Церкви, канонические постановления и вообще весь дух христианства оказали влияние и на законодательства гражданские. Императоры греческие должны были сократить число случаев, в которых допускался развод. Уже Константин запретил развод, исключая случаев прелюбодеяния, убийства и колдовства одного из супругов¹⁷⁵. Таким образом, число разводов было значительно сокращено, и все это обязано единственно влиянию христианского взгляда на брак, как на союз нерасторжимый. Наши отечественные законы допускают развод тоже в редких случаях, на основании слов Спасителя. Развод по собственному желанию супругов наши законы строжайше воспрещают¹⁷⁶. Расторжение браков по нашим законам бывает двух родов: при одном разведённым супругам дозволяется вступить в новый брак, а при другом это не дозволяется. Первого рода развод бывает при ссылке одного из супругов в каторжную работу или на поселение, так как ссылка есть политическая смерть. Впрочем, развод бывает только тогда, когда невинное лицо не пожелает следовать в ссылку за своим супругом. Притом, если невинное лицо не просило о разводе до возвращения из ссылки супруга, то брачное сожителство их восстанавливается и развода не бывает¹⁷⁷. Во

вторых, по нашим законам уничтожаются браки при безвестном отсутствии одного из супругов в продолжение пяти лет или более, и по прошествии десяти лет безвестного отсутствия лица, состоящего в военной службе и пропавшего безвести на поле сражения или взятого в плен¹⁷⁸. Последнее законоположение аналогично с каноническими постановлениями и даже вполне с ними согласно¹⁷⁹. Ко второму разряду расторжения браков относятся те случаи, когда по просьбе одного супруга судебным порядком будет доказано, что другой супруг раньше вступления в брак был неспособен к отправлению супружеских обязанностей¹⁸⁰; во-вторых, сюда относится тот случай, когда один супруг по обвинению другого судебным порядком будет уличён в прелюбодеянии¹⁸¹. В обоих случаях последнего рода разводов виновный осуждается на вечное безбрачие, а невинному позволяется вступление в новое супружество. Таким образом, и наши законы очень строги к расторжению браков. Даже развод по желанию супругов при поступлении в монастырь ограничен до чрезвычайности. Закон гласит: «запрещается принимать в монашество мужа при живой жене, законно с ним не разведённой. Если же оба супруга, по взаимному согласию пожелают принять пострижение, то надлежит принимать в уважение: не имеют ли они детей малолетних, требующих родительского призрения. По вступлении же супругов в монастырь, к самому пострижению они допускаются не иначе, как по достижении ими установленных, для того лет¹⁸². Кроме того по нашим законам силою власти расторгаются браки незаконно заключённые¹⁸³.

Установивши прочность брачных уз и сведши все поводы к разводу к одному, именно прелюбодеянию которого-нибудь из супругов, заповедавши супругам взаимную тесную любовь, любовь такую, какая существует между Христом и Церковью, христианство тем самым потребовало от супругов взаимной верности и обязало обоих их строго соблюдать святость брачных уз. Язычество не имело понятия об этой обязанности супругов сохранять обоюдную верность и святость брачного союза. Все права в этом случае предоставлены были мужу; только он имел право развестись с женою за прелюбодеяние,

совершённое ею, или даже по одному подозрению в нём жены. Но сам муж не наказывался за прелюбодеяние и жена не имела права требовать по этому случаю развода. Жена была собственностью своего мужа, потому не удивительно, что на прелюбодеяние её смотрели не как на уничтожение супружеских уз, а как на нарушение права мужа на полное владение своею женою. Прелюбодеяние, совершённое женою, было по их понятию ничем иным, как похищением собственности мужа. Потому муж не только имел право за прелюбодеяние развестись с женою, но даже убить её и её любовника, как похитителя чужой собственности¹⁸⁴, или наказать его и жену свою официальным путём. Жена же не владела подобным правом. Это было бы непоследовательно с точки зрения язычников. Жена есть собственность мужа, а как такая, могла ли она иметь право на верность мужа¹⁸⁵.

Христианство, конечно, не могло потерпеть такой неравности супругов относительно обоюдной верности. Церковь строго вооружалась против прелюбодеяния и не ограничивала его одною женою. Отцы Церкви считали нарушением супружеских уз прелюбодеяние как со стороны жены, так и со стороны мужа¹⁸⁶. Это было только толкованием слов Спасителя и Апостолов об этом предмете¹⁸⁷. Христианство всегда учило, что жена имеет право требовать верности со стороны мужа, потому что оба они дают друг другу взаимное обязательство верности неизменной и постоянной. Церковь никогда не хотела дать мужьям такого преимущества в этом деле, чтобы они одни могли пользоваться супружескою верностью, а жены нет. Этого мало, отцы и учителя Церкви даже требовали от мужа более строгого соблюдения супружеской верности, потому что он по своей природе гораздо сильнее духом и может лучше переносить различные искушения, нежели жена. Они выражались, что если преследовать за прелюбодеяние одного только из супругов, то скорее должно было бы преследовать мужа, потому что жена имеет ещё извинением свою слабость и бессилие свойственное женщине, а муж, который должен быть образцом для жены, не может иметь за собой и этого оправдания¹⁸⁸. Притом христианство не хотело и не могло

делать различия между прелюбодеянием и незаконною связью с публичными женщинами, как делало язычество. Язычество считало этих женщин публично опозоренными и потому думало, что они не могут быть причиной нарушения супружеской верности. Христианство напротив учило, что грех все равно будет грехом, с кем бы он ни был совершён, с постыдной ли женщиной или нет; прелюбодеяние не зависит от лица, с которым оно совершено, будет ли участницей прелюбодеяния публичная женщина или гражданка высших классов, все равно это будет прелюбодеяние. Прелюбодеяние, как грех, зависит от воли лица, а не от положения в обществе того, с кем оно совершено¹⁸⁹. Церковь постоянно требовала, чтобы мужчины и женщины сохраняли чистоту нравов, и жестоко вооружалась против нарушений супружеской верности. Она постоянно подвергала и женщин, нарушивших целомудрие или супружескую верность, строгому покаянию, но вместе с тем не отсекала их от своего общества, а принимала опять с распростёртыми объятьями в своё лоно, как скоро они покаялись¹⁹⁰, исполняя этим заповедь Спасителя и следуя Его примеру, когда он принял жену, взятую в прелюбодеянии и не позволил иудеям побить её камнями. Таковы же были и канонические постановления Церкви. Они всегда подвергали мужчину и женщину, нарушивших брачный союз, одинаковой епитимии, не отдавая предпочтения мужчинам¹⁹¹. Но павших женщин Церковь никогда не отталкивала от себя с тем холодным презрением, с каким отталкивало их язычество.

Во всём брачном законодательстве христианства нет ни одной черты, которая могла бы нарушить нравственную чистоту брака, его высокое достоинство. Все от основания до самой формы брака проникнуто духом высокой чистоты; нет и тени чувственного элемента в этом многосложном законодательстве. Брак в христианстве есть больше союз душ; он есть образ духовного единения Христа с Церковью. Чистота нравственных отношений мужа и жены, строгое единожёнство, ограничение развода до крайней степени – все эти свойства христианского брака, как нельзя больше, противны чувственному характеру и носят на себе следы своего высокого происхождения.

Действительно на всём законодательстве о браке нельзя не заметить влияния той нравственной чистоты, которой отличался сам Законодатель. Проведши всю жизнь в девстве, чуждый брака и чувственных увлечений, Иисус Христос мог ли дать законодательство, сколько-нибудь потворствующее чувственности? Мог ли он при такой нравственной чистоте допустить что-нибудь грубо-чувственное в отношениях между полами? Рождённый от Девы без мужа, мог ли Он, Сын Девы, сделать брак обязательным для всех, мог ли Он унижить девство перед супружеством? На всём брачном законодательстве христианства отразилась чистота нравственного характера Спасителя: нет ни одной черты в христианском браке, которая не была бы обязана своею высотой Его нравственному характеру. На каждом законодательстве всегда отражается нравственный характер законодателя. Вот почему языческие мудрецы не могли дать человечеству чистого понятия о браке. Они не могли создать брака свободного от элементов чувственности, потому что сами не были свободны от неё; они не могли требовать нравственной чистоты от закона о браке, так как это стало бы препятствовать их чувственным наслаждениям. Только Божественная, чуждая чувственности, Личность могла создать такой высоконравственный союз мужа и жены, каким представляется брак в христианстве. Ни развод, ни многожёнство, дающие мужчине неограниченное право на удовлетворение своих плотских инстинктов, не согласовались с нравственным характером Спасителя. И они были Им запрещены. Таким образом, христианство обязано своим высоконравственным и правильным законоположением о браке высоконравственному характеру своего Основателя; благодаря только этому характеру, брак в христианстве мог стать столь высоко и явиться во всем своём недостижимом величии и совершенстве.

II. Мухаммеданское законодательство о браке и разводе

2.1. Отличительный характер мухаммеданского законоположения о браке, сравнительно с христианскими законами

Совершенную противоположность христианскому браку составляет брак мусульманский¹⁹². Он не имеет того высокого значения, до которого христианство возвысило этот акт, столь важный в семейной и общественной жизни. В исламе он есть договор чисто гражданский и не только не имеет значения таинства, как в христианстве, но даже не составляет простого религиозного обряда. Все учёные и специалисты единогласно отрицают его религиозный характер. Правда, здесь присутствует мулла, который читает при этом известные молитвы; но присутствие его не необходимо: он приглашается, с одной стороны, в виде нотариуса для скрепления брачного договора, с другой – для освящения молитвою брака, как обыкновенно делается при начале всякого дела, когда испрашивают благословение Божие на начатое дело¹⁹³. Но одно присутствие муллы и чтение молитвы при известном акте не может ещё составить его религиозного характера. В этом видно всё громадное различие мусульманская брака от христианского, и от этого основного характера обоих браков зависит все дальнейшее различие их в других отношениях. Вследствие этого основного характера и все формы заключения брака носят на себе характер гражданский и в частности характер купли с одной стороны и продажи с другой.

Для правильного совершения брака требуется изъявление согласия вступающих в брак в присутствии свидетелей и составление контракта, в котором определяется количество мехра¹⁹⁴. Обыкновенно совершается заключение брака следующим образом: сначала мулла читает брачную хутбу¹⁹⁵: Во имя Бога милостивого и милосердного! Хвала Богу! Достохвальный есть Бог и прославленный есть посланник Божий. Хвала Богу, который установил брак для различия между дозволенным и запрещённым! Благословение и мир над посланником Его, господином тварей, над семейством его и над

асхабами¹⁹⁶ его, славного и великого! Подлинно, Бог препрославленный и превознесённый заповедал нам брак и запретил нам незаконное сожителство. Прибегаю к Богу от сатаны, побитого камнями. Берите столько жён, сколько вам угодно: две, три, четыре. И сказал посланник Божий: – да благословит его Бог и помилует! Брак есть моё установление и кто удаляется от установления моего, тот не от меня. Вступающий в брак есть желающий, выходящая за-муж есть желаемая, а мехр есть то, на что они согласились при вступлении в брак. Это есть слово моё. Да помилует Бог меня, вас и всех мусульман времён прошедших и настоящих! Подлинно Он милостивый, милосердый, преславный, великий, превознесённый, высочайший и внемлющий молитве»¹⁹⁷. Потому мулла приступает к испрашиванию согласия со стороны невесты и жениха¹⁹⁸ и по объявлении согласия начинает определять количество мехра. Затем составляется брачный контракт, в котором всю сущность составляет мехр и самое точное определение его, и больше ничего¹⁹⁹. Испрашивание обоюдного согласия происходит в присутствии двух свидетелей мужчин, или одного мужчины и двух женщин. Свидетели должны быть мусульмане; христиане или иудеи допускаются свидетелями только тогда, когда мусульманин вступает в брак с христианкою или иудеянкою. Эти свидетели должны сами слышать выражение обоюдного согласия, оба вместе, в одно и то же время²⁰⁰. По составлении контракта, мулла читает первую главу Корана, потом ещё одну молитву: «Во имя Бога милостивого и милосердого! Боже, сочетай их так же, как Ты сочетал Адама и Еву, как сочетал Юсуфа (Иосифа) и Зулейху, как сочетал Мухаммеда-Мустафу и доблестную Хадиджу, как Ты сочетал благочестивого Алиа и лучезарную Фатиму. Боже, помилуй нас всех и умилосердись над всеми нами! Спаси нас от огня! Да будет милость и благословение Божие над лучшим творением Его – Мухаммедом и над всем семейством его по милосердию Твоему, о милостивый из милостивых!»²⁰¹ После этого мулла отдаёт брачный контракт жене²⁰². Иногда брак заключается не в присутствии самих брачующихся, а только их доверенных, тогда брачный контракт отдаётся в руки

доверенного невесты²⁰³. Все эти формы заключения брака соблюдаются на практике во всех мусульманских землях, как свидетельствуют люди, бывшие очевидцами заключения браков мусульманами на Востоке²⁰⁴.

Таким образом, с самого первого и до последнего действия ясно обнаруживается гражданский характер мусульманского брака, чуждый всякого религиозного значения и, след., религиозных последствий для вступающих в брак. Мулла, как видно из всего процесса заключения брака, играет здесь главную роль не как служитель религии, пришедший сообщить религиозную санкцию брачному союзу, а как гражданская власть, присутствующая при заключении брака только для наблюдения за правильностью его.

Твёрдо держась основного принципа, что брак не есть дело религиозное, а обыкновенный гражданский договор, Мухаммед, а потом и последователи его на основании его слов и предании всегда смотрели на гражданский договор, как на основу брака. Утверждаясь на этом основном положении, все юридические постановления о браке, начиная с самого Корана до последних преданий, поставляют непременно условием брака *приданое – мехр*. Мухаммед во многих местах Корана повторил это неизменное требование для законности брака²⁰⁵. Он ставит непременно условием при браке *приданое*, без которого брак не может быть действительным. Однако он не определил размеры *приданого* при различных условиях. Это было невозможно, потому что состояния вступающих в брак очень различны. Но юристы мусульманские старались определить пределы *приданого* и назначали меньшим мехром десять диргемов²⁰⁶; самое же большее количество мехра не определено. На основании этого определения, если совершается развод, когда количество мехра не упомянуто в брачном контракте, то взыскивается с мужа мехр не меньше десяти диргемов, или *мехр-мисль*, т. е. мехр равный по количеству мехру, который получила одна из родственниц жены по отцу²⁰⁷. Очевидно, что подобный брачный союз носит на себе все признаки продажи и купли: с одной стороны предлагается жена, как предмет торговли, с другой – жених, как покупатель,

который дает за неё известную цену. Свидетели, присутствующие при этом, назначены для удостоверения в этой купле и в количестве цены. Что таков характер и таково значение мехра при мусульманском браке, в этом согласии лучшие исследователи мусульманская права. Перрон прямо называет мехр ценою купли, и говорит, что женщина, выходящая замуж по мусульманскому закону, *продает себя*²⁰⁸. Нет сомнения, что это есть остаток глубокой старины, когда жён приобретали себе обыкновенно или посредством похищения, или посредством купли. Поэтому Мухаммед не первый выдумал способ заключения брака наподобие полной торговой сделки. Даже в Аравии, по словам Шпренгера, существовал этот обычай во времена Мухаммеда²⁰⁹. Благодаря такому законоположению, всякое бракосочетание мусульманина представляет пример полнейшей торговой сделки: родственники со стороны невесты стараются запросить количество мехра как можно больше; родственники жениха стараются напротив понизить его на самую меньшую цифру; начинают рядиться; наконец обе стороны соглашаются на какой-нибудь определённой цифре, которая сообразна со средствами жениха и с положением и красотой невесты. Жена уже раньше может и должна сознавать, что она вещь, которую муж купил за приданое, и что она назначена для удовлетворения чувственных наклонностей мужа. Здесь не может быть речи о том высоком нравственном акте, какой представляет христианский брак, где соединяются тесными узами две человеческие, нравственно-свободные личности. Мухаммед низводит женщину в браке до степени орудия, назначенного исключительно для удовлетворения похоти мужа²¹⁰. Не трудно убедиться в этом, если рассмотреть законодательство мусульманское относительно мехра. Во всём законодательстве, начиная с Корана²¹¹, мехр определяется или прямо, как плата за плотское сожитие с женою, или предполагается²¹². Постановления ислама гласят, что жена имеет право отказывать мужу в супружеском сожитии до получения мехра; жена получает при разводе полный свой мехр только тогда, когда муж имел с нею супружеское сожитие²¹³. Явно, что Мухаммед сам и его последователи – законоведы

ислама всегда имели в виду мехр, как простую плату за сожитие с женою. Некоторые учёные, напр. Д.С. Милль, хотят видеть в мехре имущество жены, её полную собственность, которая не только обеспечивает её существование, но даже упрочивает самый супружеский союз, потому что полагает преграды к разводу в материальных издержках, так как муж, желающий развестись с женой, обязан уплатить ей полное приданное. Мы будем ещё иметь случай подробнее рассмотреть этот предмет. Здесь же только заметим, что приданое нисколько не обеспечивает прочности брачных уз. Муж, как полный владелец жены, может разными притеснениями заставить её самую предложить развод мужу и тогда она не получит ни гроша. Таким образом, обеспечение женщины посредством приданного есть не более, как фикция, созданная мечтою поборников Мухаммеда, и нисколько не соответствует действительному положению вещей в мухаммеданском мире. Приданое не только не возвышает женщины в мухаммеданском браке, а напротив, унижает её ещё более. Христианство ставит ручательством прочности брачных уз самый брак *неразрывный*, как союз Христа с Церковью, и всегда настаивает на его неразрывности, удаляя всякую поблажку чувственности мужчин. Мухаммед, желая удовлетворить чувственным наклонностям своих последователей легкостью развода, в то же время, если это только можно допустить, хотел положить преграды этой лёгкости посредством возвращения приданого, но в результате не получилось никакого благодетельного плода; женщина осталась такою же беззащитною, как была она и без приданого

Вследствие *чувственного* характера самого Мухаммеда²¹⁴ и всех его последователей брак в мусульманстве явно проникнут и запечатлён характером чувственности²¹⁵. В противоположность христианскому браку, в мухаммеданском браке все от начала до конца проникнуто духом грубой чувственности и одних лишь чисто плотских наслаждений. Главный вопрос, который рассматривается в мухаммеданском законодательстве и исследуется до мельчайших подробностей есть бесспорно половые отношения между супругами, время дозволенное и недозволенное для супружеского сожития и т.

п.²¹⁶. Даже сам Мухаммед в вопросе о браке занимался главным образом определением различных условий плотского сожития супругов, о чём говорится в очень многих местах Корана²¹⁷. Все это свидетельствует, что Мухаммед и позднейшие мухаммеданские законоведы были чужды того чистого и высокого понятия о браке и супружеских узах, какое составляет достояние христианства, хотя бы даже в слабой степени. При таком чувственном взгляде на брак, мухаммеданские законоведы и самую цель брака полагают для мужчины в плотском сожитии, а для женщины в удовлетворении чувственных похотей своего мужа²¹⁸.

По своему чувственному характеру Мухаммед не мог подняться до высокого представления христианства о жизни девственной, поставляемой выше брачной в отношении нравственного совершенства. Мухаммед никак не мог представить возможности такой нравственной чистоты, которая запрещает человеку даже смотреть с чувственным пожеланием на жену другого. Он думал, что девственность есть только путь к разврату, путь самый опасный и скользкий для людей, потому и поставил правилом ислама, что девственная жизнь чужда исламу. Девственная жизнь, по словам Корана, есть только выдумка христиан²¹⁹. Мухаммед сделал брак обязанностью каждого своего последователя, а девственность, столь чтимую в христианстве, признал самым беспечным образом жизни, где человек легче всего делается добычею дьявола; Мухаммед считал девство прямым путем в ад. Одно предание от лица Мухаммеда говорит, будто бы он однажды, объясняя 28–30 стихи 4-й главы Корана в многочисленном кругу молодых людей, сказал: «когда мужчина женится, дьявол начинает страшно метаться. Властитель, спрашивают его слуги, что тебя так беспокоит? Один из смертных вырвался из моих рук, отвечает дьявол в отчаянии²²⁰. Нельзя ли видеть из этих слов предания, приводимого от лица Мухаммеда, что он совершенно не признавал жизни девственной и старался всеми мерами положить преграды этому высоконравственному состоянию, которое прославило столько личностей в христианстве. Следуя этому основному взгляду Мухаммеда, последующие

мусульманские правоведы и основатели различных толков (*мязгябь*) ставили жизнь супружескую гораздо выше жизни девственной. Один из них, именно Малик, дошел даже до такого предпочтения брака перед девством, что говорил: «лицо, сочетавшееся браком, имеет перед Богом более заслуги, чем самый набожный мусульманин, оставшийся холостым»²²¹. Один только имам Шафий, основатель Шафиитского толка, дал предпочтение девственной жизни перед браком для лиц, посвятивших себя исключительно Богу²²². Конечно, через это имам Шафий стал в противоречие не только с мнениями других мусульманских правоведов и улемов (учёных), но даже со словами самого Корана. Вследствие такого предпочтения, оказываемая брачной жизни перед девственной, между мусульманами навсегда самым прочным образом утвердилось мнение, что нужно, как можно скорее, при первом удобном случае, жениться, так что по словам одного мусульманского предания даже земля, *на которой спит холостой человек возносит Богу жалобы на него*²²³. Особенно мусульманское законоведение настаивает на обязательности брака для женщин, как людей слабых. Если уже мужчина, которая ислам признает несравненно более способным вести нравственную жизнь, необходимо обязан вступить в брак при первой представившейся возможности, то тем более брак обязателен для женщины, как существа слабого, без мужа лишенная возможности вести более или менее порядочную жизнь. К этому привела мухаммеданских правоведов ещё другая мысль, именно, что женщина, как существо *низшее*²²⁴ живущее не для себя, а для мужчины²²⁵, не может и не должна вести жизнь безбрачную, чтобы достигнуть своего назначения. По преданию Мухаммед простер эту мысль до такой степени, что будто бы объявил, что женщина только тогда может надеяться на блаженную жизнь за гробом, когда она вступит в брак; иначе она осуждается на вечное мучение²²⁶. Таким образом он поставил женщин в неприменную обязанность вступление в супружество. У Мухаммеда были сильные побудительные причины заставлять женщин вступать в брак; при полигамии, допущенной им, мысль его могло занимать опасение, что не достанет женщин для

удовлетворения этой громадной потребности. Последователи Мухаммеда остались верны этому принципу. Они также поставляют для женщины необходимым долгом вступление в брак и высоко превозносят брачное состояние женщины перед девственной жизнью, так что одно из самых главных обрядовых постановлений мусульманской религии, именно хождение в Мекку, поставили для женщины в тесную зависимость от брака и запретили посещать Мекку девицам или вдовам, словом – женщинам, стоящим вне брачных уз²²⁷. И в настоящее время все мусульмане желают, как можно поскорее, выдать замуж своих дочерей, а мусульманки стараются как можно скорее выйти замуж, так что, напр. в Персии, девушка, которая не успела выйти замуж до двадцатилетнего возраста, подвергается всевозможного рода насмешкам²²⁸. Таким образом чувственность, господствующая в исламе и властвующая над всеми мусульманами, начиная с самого основателя ислама, произвела явление диаметрально противоположное с тем, какое мы видели в христианстве.

2.2. Условия правильности мухаммеданского брака и препятствия к вступлению в брак

При таком чувственном понимании основ брака, он, т. е. брак, и во всех своих подробностях и частностях остался верен своему основному характеру, весь проникнут этой чувственностью. Условия правильности брака, препятствия ко вступлению в брак и проч. – все проникнуто в высшей степени материальным характером и потому стоит в самом резком контрасте с христианским браком, как высоким нравственным учреждением. Мы выше рассматривали, что в христианском браке неперенным условием правильности и законности поставляется согласие обеих сторон, вступающих в брак. Это было необходимым следствием понятия Церкви о браке, как свободно-нравственном союзе душ. Посмотрим, насколько выполняет ислам это неперенное требование, при котором только и может существовать брак, как нравственно-свободный акт двух личностей. При первом взгляде на это требование нас не поражает решительно никакое существенное различие между мусульманским браком и христианским в этом отношении. Там и здесь по-видимому одинаково требуется обоюдное согласие от вступающих в брак. Но на самом деле, если рассмотреть частности и вникнуть в подробности, какие соблюдаются по закону при исполнении этого требования, то нельзя не сознаться, что различие в этом случае между тем и другим браком довольно резко и настолько важно, что придаёт далее характеристический оттенок тому и другому браку. Правда, мусульманские законоведы поставляют неперенным условием перед заключением брака спрашивать о согласии вступающих в оный²²⁹; но интересно знать, как совершается самый процесс спрашивания вообще на всём мусульманском Востоке. В день заключения брачного контракта мулла или казый²³⁰ со свидетелями приходит в дом невесты; невеста не показывается и сидит в другой комнате; казый подходит к двери, за которой находится невеста и через дверь спрашивает о её согласии, и если из-за двери получит утвердительный ответ на свой вопрос,

то приступает тотчас же к составлению брачного контракта, нисколько не заботясь о том, от невесты ли получил он ответ, или от другой женщины, которая ответила за невесту. Очень легко может быть, что при нежелании невесты выйти замуж, этим случаем пользуются чадолюбивые родители и ставят за дверь какую-нибудь другую личность²³¹. Положим даже, что это злоупотребление родителей очень редко случается на практике, все-таки свободное вступление девицы в брак не гарантировано от притеснения со стороны других. А между тем в более или менее порядочных мусульманских домах никаким образом не позволяется казыю увидеть невесту и быть с нею в одной комнате во время изъявления последней своего согласия на брак и вообще не позволяется ему увидеть невесту, так как это противоречило бы общему духу мусульманской религии, проповедующей затворничество женского пола. Правда, в некоторых странах мусульмане, особенно низших классов, позволяют казыю видеть невесту; но от этого положение дела не улучшается. По закону ислама даже и не требуется выражения согласия со стороны невесты определенными словами; уже молчание её признается за согласие со стороны её; даже плач без членораздельных звуков и рыдание служат признаком её согласия²³². Вот каким является в исламе это главнейшее условие законности и правильности брака. Представьте себе девушку перед родителями, девушку, воображение которой запугано угрозами, что за отказом её последует самое жестокое истязание её; может ли она осмелиться сделать отказ, сказать казыю, что она не согласна выходить замуж? Может быть, она зальется слезами, предвидя неприятную и бедственную свою жизнь с человеком, за которого её отдадут насильно; но к чему поведут её слезы? Они принимаются за согласие с её стороны, и казый на основании этих слез приступает к составлению брачного контракта. Таким образом обоюдное согласие вступающих в брак, поставленное требованием законности брака, обращается почти в пустое слово, по крайней мере по отношению к невесте. И сам Мухаммед едва ли имел в виду поставить условием законности брака согласие со стороны невесты. Читая Коран и находя в

многочисленных местах его законоположения о браке, поражаешься отсутствием этого, по христианскому понятию, одного из самых главных требований для законности и правильности брака; Мухаммед не сказал в Коране ни одного слова, на основании которого можно было бы поставить обязательным требование согласие со стороны невесты. Едва ли и возможно в исламе поставить условием согласие со стороны вступающих в брак, как выражение внутреннего расположения. Этого расположения не может быть при заключении мусульманского брака, потому что Мухаммед запретил женщине показывать своё лицо мужчинам, исключая самых близких родственников²³³, и мухаммедане, следуя этому постановлению Корана, по мере возможности стараются соблюсти его, не показывая своих дочерей и жён посторонним мужчинам и повелевая им носить покрывало, скрывающее их от посторонних взоров²³⁴. Само собою понятно, что любовь не мыслима между женихом и невестой при таком стеснительном постановлении. Возможно ли, чтобы человек внутренне и искренно полюбил особу, которой лица он не видал ни разу и с которой он не сказал ни одного слова? Таким образом мусульманство исключает предварительное сочувствие между супругами и считает его даже не нужным и излишним, вследствие своего понятия о браке, как чувственном сожитии супругов, становясь через это в совершенный контрасте с христианством, которое требует от супругов любви самой искренней, чистосердечной, подобной любви Христа к Церкви.

Выходя из своего основного понятия о браке, ислам допустил ещё гораздо большее нарушение свободы вступающих в брак, даже совершенно почти уничтожил её своим постановлением об опеке. По постановлениям мусульманских законоведов опекуны жениха и невесты могут устроить брак их, когда они ещё не достигли совершеннолетия. Правда, жених и невеста, связанные узами брака от лица опекунов своих во время своего несовершеннолетия, могут, достигши совершеннолетия, расторгнуть брак, заключенный опекунами; но только тогда, когда опекунами были не отец и не дед²³⁵. В случае же, если опекунами были отец или дед

несовершеннолетней невесты или несовершеннолетнего жениха, то брак признается во всей силе и по достижении совершеннолетия; ни муж ни жена не имеют права расторгнуть брака²³⁶.

Этим постановлением совершенно отнимается свобода у вступающих в брак и исключается из числа условий законности брака согласие вступающих в брак. Мусульманство и христианство остались в этом случае верны своему основному принципу. В христианстве требуется для законности брака только согласие со стороны родителей и опекунов, но не всецелое подчинение родительской воле самих вступающих. Между тем в исламе эта правильность отношений нарушена; родители уничтожают волю самих брачующихся, когда она более всего необходима.

Если так деспотичен произвол родителей, то тем более деспотичен произвол господ относительно брака своих рабов. Родители и опекуны имеют, по крайней мере, *de jure* неограниченную власть только над несовершеннолетними; между тем господа имеют право выдавать замуж своих рабынь и выбирать невест для своих рабов. Раб или раба не может отказаться от вступления в брак с тем лицом, какое выбрали произвол и расчёт господина. Сам Мухаммед повелевает господам женить слуг и выдавать замуж служанок и считает это их неотъемлемым правом, даже вменяет это в обязанность и ни одним словом не дает права заключать, что он считал согласие раба на брак необходимым условием. Мухаммед даже не вменяет господину в обязанность сообразоваться с желанием раба в этом случае и не пренебрегать совершенно участием его воли²³⁷. Постановления мусульманских законоведов о браке также все единогласно предоставляют господам право заключать браки рабов и рабынь без всякого на то их согласия. Только в том случае, когда господин заключает брак раба сам без его согласия, приданое (*мехр*) необязательно для раба²³⁸. От произвола господ не освобождаются и совершеннолетние рабы; все подлежат этому грубому своеволию своих господ. Различие с христианскими постановлениями в этом случае ещё больше, нежели в браке свободных лиц.

Кроме этих условий законности брака, имеющих некоторое, хотя видимое, сходство с христианскими, мусульманство поставило ещё новое одно условие, которого нет и не могло быть в христианстве при его понятии о браке, именно *равенство вступающих в брак*. Это равенство должно простираться на религии, на происхождение, на имущество, на самые даже занятия, так что личности, различные по занятиям, или по состоянию, или по происхождению, не могут сочетаться браком между собою²³⁹. В христианстве такого постановления нет; и несообразно было бы с духом христианства, чтобы брак, как свободно-нравственное состояние, как учреждение Церкви, имеющее своим прообразом отношение Христа к Церкви, нуждался в таких чисто внешних условиях, как напр. в равенстве супругов по состоянию, по происхождению и пр. Допустить это значило бы нарушить основной характер христианского брака. Тогда как мусульманство, смотря на брак, как на плотское сожитие мужа и жены и видя в нём одно лишь гражданское учреждение, совершенно естественно могло поставить условием правильности брака это требование, которое только тогда и может иметь место, когда брак составляет чисто гражданское постановление, лишённое всякой религиозной и даже моральной основы.

а) Мухаммеданское законодательство о степенях родства

Теперь обратимся к рассмотрению законоположения ислама относительно условия правильности брака, которое мы при изложении брака христианского назвали *нравственно-физическим*. Это именно отсутствие близких степеней родства, как условие для правильности и законности вступления в брак. Законоположение ислама в этом отношении отчасти сходно с христианским, отчасти представляет самую резкую противоположность с ним. Мухаммед сделал постановление относительно степеней родства, но очень мало придал им значения, как препятствия для вступления в брак. Он не хотел полагать в родстве стеснения для женолюбивых и сладострастных арабов, своих последователей. Вследствие этого он далеко отстал от христианства, которое простерло запрещение браков между родственниками до очень дальних степеней. Мухаммед же до самой крайней степени сократил родство, часто пренебрегая даже естественным отвращением человека от близкородственных браков. Христианская Православная Церковь решительно запрещает браки в четырех степенях кровного и двухродного родства, далее пятую и шестую степень считает не совсем позволенную для брака. Мухаммед же ограничился только запрещением брака в кровном родстве до *трёх* степеней включительно. Он, говорит в Коране: «не женитесь на женах, которые были супругами ваших отцов... Вам запрещено жениться на ваших матерях, тетках с отцовской и материнской стороны, племянницах, кормилицах, молочных сестрах, тещах, девицах, вверенных вашему попечению и происшедших от жён, с которыми жили. Тем более на дочерях ваших сыновей, которых вы произвели, ни на двух сестрах»²⁴⁰. Из этих слов Корана видно, что брак запрещён только до трех степеней включительно, т. е. между дядей и племянницей, теткой и племянником. Что же касается до четвертой степени, т. е. брака между двоюродными братьями и сестрами, то Мухаммед относительно этого умолчал и считал,

его дозволенным; а в настоящее время у бедуинов жениться на двоюродных сестрах вошло в обычай настолько, что всякий считает себя в праве и далее в преимуществен помт, праве требовать руки своей двоюродной сестры²⁴¹. В этом заключается одно из самым резких различий между степенями родства, позволенными для брака по законам ислама и христианства. Но ещё гораздо более различий в постановлениях той и другой религии относительно свойства. Мухаммед запретил браки только в самых близких степенях по свойству, именно, как уже читали в выше приведённом стихе Корана, брак с женою отца, с женою сына и брак с двумя сестрами в одно время. Таким образом он позволил вступать в брак даже с такими близкими родственницами по свойству, как напр. с сестрою жены после её смерти, с племянницей жены. Впрочем последний брак, по мусульманскому закону, муж может заключить только с согласия жены²⁴². Кроме того Мухаммед, благодаря своей страсти к красивым женщинам, дозволил жениться на жене приёмного сына²⁴³. Нельзя не видеть в этих постановлениях Мухаммеда явной поблажки его чувственной склонности своих последователей, не желавших стеснять себя близкими степенями родства при заключении брака. Как чужд был Мухаммеду тот высокий дух, который проглядывает в нравственном совершенстве христианства, простёршего так далеко степени родства, запретивши даже брак в трёхродном родстве в первой степени, не говоря уже о двухродном, где родственные отношения считаются в той же силе, как и в кровном родстве. Различие законоположений ислама и христианства в этом отношении легко объясняется духом христианского и мусульманского брака. По понятию христианства, брак есть союз душ столь тесный, что оба супруга становятся здесь одною плотью. Потому христианство перенесло степени кровного родства и на свойство. По понятию же ислама, брак составляет простой гражданский договор, не представляющий и тени того тесного союза, как в христианстве. Поэтому мусульманство и считало излишним признавать родство двухродное настолько же важным, как и кровное. И если оно и запретило вступать в брак в некоторых самых

близких степенях свойства, то потому только, что не могло идти против естественного отвращения людей от подобных кровосмесительных браков.

Оригинальную черту ислама в законоположении о родстве составляет законоположение о родстве по кормилице. Арабы с древнейших времён с глубоким уважением относились к этому родству. Они поставляли женщину кормилицу на степени матери, потому всегда питали к ней такое же уважение, как и к этой последней. Мухаммед не хотел и не мог отменить этого понятия, так глубоко укоренившаяся в правах и обычаях народа; он должен был запретить брак в родстве по молочному кормлению в тех же степенях, как и по крови. По крайней мере мусульманские законоведы признавали молочное родство препятствием к браку до тех же степеней, как и кровное²⁴⁴. Христианство же не признало этого родства, потому что не нашло его укоренившимся в правах и обычаях своих народов.

Как нельзя лучше изображает чувственный характер мусульманского брака признание блуда равносильным браку в отношении свойств и близости родственных линий. Мухаммед запретил вступать в брак со своими дочерьми, происшедшими вне брака²⁴⁵. Конечно это вполне естественно; но последователи его, мусульманские законодатели постарались распространить это запрещение ещё дальше и простерли его на все степени, которые считают запрещенными по крови²⁴⁶, т. е. запретили мужчин жениться на родственницах женщины, с которой он имел незаконную связь. Это по-видимому – незначительное отступление и нововведение сравнительно с христианством, однако на самом деле оно, как нельзя более, выражает то понятие, какое мусульмане имеют относительно брака. Считая брак лишь только плотским сожитием двух лиц разного пола, мусульмане естественно должны были поставить незаконное сожительство на степень брака относительно родства, потому что не находили никакого отличия его от законного брака. Вследствие такого чувственного взгляда на брак, в исламе явилось понятие и не о таких ещё степенях родства, как родство по незаконному сожительству. Ислам измыслил и установил родство, которое едва ли какой-нибудь

здравый человек может признать, именно родство только по одному страстному взгляду на части женщины, которые не позволено видеть мужчине²⁴⁷.

Но справедливо ли так строго относиться в этом случае к Мухаммеду? Не слишком ли жестоко мы обвиняем его в чувственном характере законоположения о родстве? Может быть, он не мог подняться выше этого при чувственности своего народа и своего времени? Может быть этим, по нашему понятию проникнутым материальным характером, законоположением о родстве он оказал громадную услугу арабам, которые до того времени погрязали ещё в большей чувственности? К сожалению Мухаммед не имеет за собою и этого оправдания. Он не только не возвысился над своими современниками арабами, но даже сделал позволенными такие степени родства, которые у них считались запрещенными, чего требовало и естественное чувство. Нельзя думать, чтобы Мухаммед первый в Аравии запретил вступление в брак в таких близких степенях родства, как напр. брату с сестрой, сыну с матерью и пр. Эти родственные отношения по мнению Саля, обширного знатока мусульманства и знаменитая ориенталиста, были свято соблюдаемы и до Мухаммеда, а если и нарушалось что-нибудь в этих отношениях, то лишь в чрезвычайно редких случаях, именно иногда сыновья вступали в брак с женами своих отцов (конечно не со своими матерями). Но подобные браки подвергались публичному презрению со стороны самих же арабов²⁴⁸. Мухаммеду нисколько не принадлежит честь первоначальная запрещения брака между близкими родственниками. Он даже дозволил браки в таких степенях родства, в которых они считались непозволенными и у самих арабов; он дозволил жениться на женах своих приемных сыновей. Это было так необычно у арабов, что они глубоко возмутились, когда Мухаммед сам женился на разведённой жене усыновленная им раба Зяйда²⁴⁹. Таким образом и сравнение с современным Мухаммеду состоянием брачных обычаев в отношении степеней родства говорит не в пользу его; основатель ислама не оказал никакого благотворного влияния на современное ему арабское общество.

б) Мухаммеданское законодательство о возрасте вступающих в брак и девственности невесты

Не велики заслуги мусульманства и относительно законоположения о совершеннолетии и физиолого-психической способности вступающих в супружеский союз, как об условии законности брака. Что касается совершеннолетия, то мусульманство в этом случае не может претендовать на то мудрое стремление сообразоваться со всеми странами земли, какое замечается в христианстве. В этом отношении ислам находится в противоречии со своим стремлением сделаться *всемирной* религией; его постановления касательно совершеннолетия имеют своим исходным пунктом Аравию и по ней определяют совершеннолетие в других, даже в северных, странах. Вследствие этого выходит, что совершеннолетие, принимаемое исламом, совершенно неприменимо к странам севера. Мусульманское законоведение назначает крайним пределом совершеннолетия пятнадцать лет для мужчин и девять для женщин²⁵⁰. Возможно ли руководиться этим постановлением закона, напр. у нас в России, где в эти годы люди бывают ещё детьми? Правда, мусульманские юристы упоминают ещё о других признаках совершеннолетия, более соответствующих действительному наступлению его²⁵¹; но эти признаки они определили принимать во внимание лишь тогда, когда человек не достиг определенного выше возраста; по достижении же этого возраста признаки совершеннолетия оставляются совершенно без внимания. Притом нельзя не заметить огромной разницы в годах между совершеннолетием мужчины и совершеннолетием женщины, разницы на целые шесть лет. Положим, в странах Востока, где появилось мусульманство, женщины в эти годы часто бывают способными к деторождению, но все же по умственным свойствам они бывают детьми. Это обстоятельство не могло не обратить на себя внимания Мухаммеда. Но для него психическая сторона – предмет второстепенный, ему нужна женщина просто как орудие для удовлетворения похоти мужа, а не как спутница его жизни,

его помощница и подруга, какое место она занимает в христианском браке. И самые признаки совершеннолетия, которые поставляет ислам, для лиц, не достигших указанных выше лет, носят на себе тот же чувственный характер²⁵². Здесь обращено внимание исключительно на половую деятельность; по способности к ней определяется совершеннолетие мужчины и женщины; нет ни одного слова, ни одного намёка даже на то, что при этом нужно обращать внимание не на одну только физиологическую сторону, но и на психическую. Правда, в умеренных и холодных странах психическая жизнь развивается обыкновенно почти одновременно с развитием физической природы и даже раньше её, но в странах юга, которые собственно и имел в виду ислам, дело происходит наоборот: там обыкновенно и почти всегда люди развиваются физически скорее, нежели психически. Потому обращать внимание на одну физическую сторону и в частности на одну способность к плотскому сожитию, при определении совершеннолетия, крайне односторонне и нерационально. Если бы ислам не смотрел на брак как на чисто плотское сожитие супругов, он никак не должен бы ограничиваться при определении совершеннолетия одною только этою способностью. Только материальным характером мусульманская брака можно объяснить эту крайнюю односторонность в пользу физической стороны при определении совершеннолетия, как условия законности брака, – односторонность, которой нет в христианском браке.

Ислам сосредоточивает все своё внимание на плотском сожитии супругов и около этого, как центра, собирает и к этому применяет все другие законоположения относительно брака. Потому он девственность невесты (если она девица) считает необходимым условием законности брака²⁵³. Но нужно знать, с какой стороны он относится к этому требованию. Ислам смотрит на это дело не с нравственной точки зрения, с которой можно предполагать, что от развращённой женщины нельзя ожидать хорошей супруги, или думать, что нарушение невинности унижает важность брака, как учреждения высоконравственного. В этом случае ислам имел в виду только грубую чувственную сторону предмета, желая угодить ревности мусульман, которые

видя в жене свою собственность, купленную ими в браке ценою приданого, не могли потерпеть убытка, встретив в ней потерянную невинность. Положим, закон не мотивирует это запрещение ничем, но из обыкновенного взгляда мусульман на это дело, из некоторых обычаев, глубоко укоренившихся между ними, можно заметить всю чувственную сторону дела. Те обычаи, которые существуют на практике в Аравии относительно данного случая, достойны замечания, потому что дают возможность наблюдать ту грубую чувственность, какою проникнуты все мусульмане. Мы не будем здесь входить в подробности относительно этих обычаев. Описание их можно читать у Нибура²⁵⁴. Из его описания ясно обнаруживается чувственное побуждение требования от невесты девственности, как одного из условий законности мусульманского брака.

в) Полигамия, как условие мухаммеданского брака

Мы рассмотрели все условия законности и правильности мусульманского брака и видели громадное различие их сравнительно с теми условиями, какие полагает христианство для той же цели. Но не в этих условиях ещё заключается все громадное различие мусульманского брака от христианского, та непроходимая бездна, которая разделяет друг от друга эти два диаметрально противоположные брака. Во всех изложенных нами условиях законности брака хотя и бросается с первого же взгляда огромное различие между тем и другим браком, но здесь все же есть несколько сходных черт между ними. Отличительный признак, который окончательно разделяет их друг от друга, без сомнения составляет полигамия. Полигамия безмерно унизила мусульманский брак, а отсутствие и строгое преследование её в христианском браке неизмеримо высоко поставили брак христианский. Христианство, как мы видели, поставляет непременно условием законности брака отсутствие супружеских уз со стороны вступающих в супружество, как мужчины так и женщины; только по смерти одного супруга может другой супруг вступить в новый брак. Притом такая возможность не простирается в бесконечность; третий брак составляет уже крайний предел, за который никому не позволяется преступать, так что четвертый брак окончательно запрещается и считается незаконным. Мало того, даже второй и третий брак допускаются не иначе, как под условием церковной епитимии. Ничего подобного в исламе нет, здесь напротив, допускается полная свобода мужу при живой жене вступать в новое супружество и ещё до четырех раз – свободному и до двух раз – рабу, так что по закону Мухаммеда свободному мужчине позволено жениться на четырех женах в одно время, а рабу – на двух²⁵⁵. Мусульманские юристы, следуя в точности предписанию Корана, не только не оставляли и не отвергали этого установления, напротив всегда с особенною благосклонностью принимали его. Они даже не находили и не находят преимущества в моногамии, а отдают

его, если не полигамии в тесном смысле, то бигамии на том основании, что Мухаммед, узаконяя в Коране многожёнство, не упомянул даже о единоженстве, а сказал, что его последователи могут брать себе или две, или три, или четыре жены²⁵⁶. Если законоведы и делают в этом случае какие-нибудь ограничения, то лишь в некоторых чисто внешних условиях, напр. запрещают брак свободного мужчины с рабой, когда он уже женат на свободной женщине²⁵⁷. Но ни одному мусульманину никогда и на ум не приходило считать дозволение многоженства позорным и вредным. Напротив, написано много сочинений, в которых учёные мусульманские стараются разными путями доказать законность этого незаконного учреждения. Притом нужно заметить, что полигамия, допущенная Мухаммедом, не ограничивается четырьмя женами, – она простирается ещё дальше. Мухаммед позволил своим последователям иметь сверх четырёх законных жён столько конкубин или наложниц, пользоваться столькими рабынями, сколько позволяют им материальные средства²⁵⁸. Здесь он не позаботился положить и того вольного предела, какой положил относительно законных жён, а предоставил полнейшую свободу своим последователям. Законодатели ислама всегда стремились поддержать это, потворствующее чувственности, учреждение; все они допускали такое же неограниченное число жён²⁵⁹. Этим ещё не удовлетворилось их чрезмерное стремление к чувственности и разврату. Шииты сверх всего этого ещё допустили брак *временный*, который, впрочем суннитами отвергается²⁶⁰. Этот брак, по учению шиитов, можно заключать на известный срок, который не может быть больше 99 лет и меньше нескольких часов²⁶¹. Здесь уже предоставляется полнейший простор чувственным наклонностям мусульман. Захотелось мусульманину вступить в плотское сожитие, он тотчас нанимает себе жену на известный срок за известную плату; может даже нанять её на несколько часов. Супружество за известную плату и на несколько часов! Чем это отличается от самого грубого разврата? Это даже хуже блуда, потому что тот ни одним общественным постановлением не признается законным, а этот блуд совершается под

покровительством закона, под сению религии. В Персии обыкновенно пользуются этим браком, отправляясь куда-нибудь из места своего жительства и не желая брать с собой жены²⁶². Легко, удобно и выгодно, но только крайне безнравственно! Таким образом, мы видим, что Мухаммед не положил никакого предела, не оказал никакого сдерживающего влияния для чувственной наклонности человека. Мухаммеданин может предаваться своим плотским похотям столько, сколько пожелает, потому что нет никакого предела, который бы он не мог преступить в количестве своих жён. Бери сколько угодно жён и наслаждайся ими – вот девиз мусульманского брака, допускающего такую крайнюю полигамию. Нельзя полагать, чтобы прочие постановления относительно четырех законных жён и бесчисленного множества невольниц склонились к тому, чтобы положить пределы полигамии. Дух ислама не таков, чтобы заботиться об этом. Если и существуют в исламе некоторые слабые преграды этому, то лишь только в постановлении содержать всех жён *одинаково*²⁶³ и давать всем им одинаковое помещение совершенно отдельное друг от друга²⁶⁴. Из этого равенства исключаются конкубины и рабыни, относительно которых можно и не соблюдать этого равенства. Но указанное постановление составляет весьма слабое ограничение полигамии. Одинаковое содержание жён отдельно друг от друга едва ли может служить препятствием для полигамии, особенно на Востоке, где это ничего не стоит и где жена может содержать себя совершенно самостоятельно и даже может пропитывать мужа, как нередко и случается на практике, хотя вопреки закону, повелевающему мужу пропитывать жён.

Некоторые постановления ислама даже способствуют полигамии и громадному развитию наложничества, хотя и не прямо, а посредственно. Самое главное из средств, способствующих развитию полигамии, по нашему мнению, заключается в законоположении, которым ислам признал законными детей наложниц и уравнил их во всех правах с законными детьми; для законности требуется лишь одно признание мужа, что это дитя его²⁶⁵. Этим ислам уничтожил одну из самых сильных преград для наложничества, именно

боязнь произвести на свет дитя, лишенное с первого дня рождения всех прав законного дитяти. В самом деле, если бы не было этого постановления, не всякая женщина согласилась бы вступить в число наложниц известного мужчины, и даже может быть очень немного нашлось бы подобных женщин, потому что они боялись бы видеть свое дитя, обреченным на вечный позор и бесправность. Но теперь эта довольно сильная нравственная преграда уничтожена благодаря постановлению Мухаммеда о признании законных прав за детьми, прижитыми с наложницей.

Нравственную распущенность, обнаруживающуюся в полигамии, мусульманские учёные старались и стараются оправдать разными хитрыми и остроумными доводами, но едва ли хотя один человек, не потерявший нравственного чувства, станет считать такую безграничную полигамию сколько-нибудь терпимой с нравственной точки зрения. В защиту её обыкновенно ссылаются на жаркие страны, где будто бы она составляет необходимость по относительно числу мужчин и женщин. Едва ли нужно опровергать это более или менее серьезно, потому что везде отношение между числом мужчин и женщин в общих чертах одинаково и количество того и другого пола почти везде равно, исключая немногих колебаний в пользу того или другого. То же самое явление замечается и на Востоке. Правда, здесь не существует ещё таких точных росписей, как в европейских государствах, чтобы можно было с уверенностью и несомненностью сказать, сколько находится мужчин и женщин на Востоке; но приводимый путешественниками таблицы народонаселения известных то родов показывают, что число мужчин и женщин постоянно колеблется и нигде не замечается значительного большинства женского пола перед мужским, так что вообще Восток в этом отношении не разнится существенно от стран Запада²⁶⁶. Но допустим даже, что на Востоке число женщин больше числа мужчин; может ли это служить оправданием полигамии? Конечно нет, потому что во всяком случае этот перевес женского народонаселения настолько ничтожен, что никак не может удовлетворять потребности полигамии, не производя многих вредных последствий за

недостатком женщин. Как же достает женщин при полигамии ислама на Востоке, если число их не превышает значительно, или даже сколько-нибудь, числа мужчин? Недостаток женщин в странах мусульманских пополняется чужеземными женщинами ; полигамия всегда существует насчёт других стран. Никакая страна при сильно распространенной полигамии не может существовать иначе, как только похищая в других странах женщин, которые потребны для удовлетворения ненасытной потребности сластолюбия полигамистов. К этому присоединяется ещё другая причина, которая значительно облегчает мусульманам доставку себе многих жён, именно стремление женщин как можно скорее выйти замуж, благодаря угрозам Мухаммеда, что в противном случае они не войдут даже и в рай.

Нельзя извинить Мухаммеду полигамии потому только, что он и все его первые последователи были сынами юга, где самые свойства климата способствуют чувственной наклонности и увеличивают в людях страсть к сластолюбию. Правда, климат юга более возбуждает чувственность, нежели климат холодных и умеренных стран, но эта чувственность не так непреодолима вследствие климатических условий, чтобы не было никакой надежды бороться с нею. Были же примеры самой строгой моногамии в тех же самых странах, где теперь развивается знамя ислама. Мало того, в странах ислама прославилось много лиц совершенным безбрачием. Христианин всегда во всех странах постоянно довольствовался одною женою, никогда не впадая в полигамию, хотя жил в самых жарких странах. Из этого примера христиан видно, что полигамия не составляет неизбежного условия жарких стран Востока, как обыкновенно думают; её всегда можно удержать мудрыми постановлениями. Конечно, первая обязанность уничтожить её лежит на религии, которая является для того, чтобы возвысить нравственность людей, водворить между ними вместе с этим правильные отношения и благотворно подействовать на социальную жизнь народов. Если ислам явился с притязанием на всемирную религию, ниспосланную от Бога, то всякий вправе требовать от него нравственной

строгости брачного законодательства, и Мухаммеду нельзя извинить распушенности и крайней степени полигамии, хотя бы условия страны и способствовали этому. Религия должна стать выше чувственных побуждений человека, должна регулировать их, а не подчиняться им. Здесь-то в полном свете открывается то громадное различие, какое лежит в этом отношении между христианством и исламом. Строгое единство одного и крайняя степень полигамии другого решительно не дают ни малейшей возможности, хотя сколько-нибудь сгладить это громадное различие.

Христианство считает брак союзом двух нравственно свободных личностей, потому никак не могло допустить, чтобы всецелая преданность одного супруга могла быть нарушена свободой другого. Оно считает и мужа равно обязанным сохранять верность по отношению к жене, как и жену по отношению к мужу, так что по мысли Апостола жена не владеет своим телом, а муж; и муж не владеет своим телом, а жена²⁶⁷. Мусульманство жестоко попирает эту равноправность супругов и уничтожает одно из самых естественных и необходимых условий законности брака, именно всецелую преданность супругов друг другу. Ислам, считая женщину гораздо ниже мужчины, рабой своего мужа, никак не может согласиться с мыслью, что муж обязан всецело принадлежать жене. По мысли ислама, только одна жена обязана вполне принадлежать мужу, а муж имеет право присоединить к прежней жене ещё другую, третью и так далее до бесконечности, если принять в это число и рабынь или вообще наложниц. Такая полигамия может существовать только благодаря сильному унижению женщины, допущенному исламом, хотя и сама взаимно производит то же унижение женщины. Полигамия ислама и строгая моногамия христианства зависит также и от самого характера того и другого брака. Вследствие религиозного и высоконравственного характера, какой носит брак христианский, в нём не могли быть терпимы такая чувственность и развращение, какие представляют нам браки полигамические. Напротив мусульманский брак, будучи только учреждением чисто гражданского характера, как только плотское сожитие мужа и

жены, нисколько не представляет сам по себе преград этой чувственности и полигамии

г) Мухаммеданское законодательство о препятствиях к вступлению в брак

При таком громадном различии, которое лежит между христианским и мусульманским браком в их основах, напрасно мы стали бы во всех других сторонах их искать близкого сходства; во всех прочих законоположениях о браке ислам и христианство также далеко отстоят друг от друга. Проследим это различие в тех препятствиях, какие поставлены той и другой религией для заключения брака. Рассматривая ранее христианский брак, мы видели²⁶⁸, что препятствием к нему служит обет девства, священный сан и различие религий; обращаясь к браку в исламе, мы замечаем, что этих препятствий здесь не существует, а если некоторые, например различие религий, и допущены, то им придан такой оттенок, что они совершенно теряют свой характер.

Выше мы сказали, что ислам не допускает монашества, а отдаёт предпочтение брачной жизни и даже совершенно запрещает безбрачную жизнь, благодаря грубо чувственному характеру всего мусульманского мира и самого Мухаммеда. Этим самым в исламе уничтожается одно из существенных и главнейших препятствий для законности брака, которые поставило христианство.

По той же причине Мухаммед уничтожил и другое препятствие к браку, а именно священный сан. Христианство требует очень строгой воздержанности и нравственной чистоты вообще от всех своих последователей; тем более оно должно было требовать её от пастырей церкви, которые должны быть образцами для своих пасомых. Потому если кто поступал в клир безбрачным, то он был лишен права вступать в брак. Мухаммеданство конечно далеко от такого чистого идеала нравственности и потому позволяет брак своим служителям религии, которые, нужно заметить, в нём и не составляют богоучреждённой иерархии, как в христианстве, а суть не более, как те же простые верующие, поставленные только в должности чиновников для наблюдения за чистотой нравственности

мусульман и для руководства в совершении религиозных обрядов. Ислам никогда не требовал от них высокой чистоты нравов; он дозволил им вступать в брак столько раз, сколько они вздумают жениться на стольких женах, на скольких они пожелают. Ислам не требует от мулл и муфтиев воздержанности в браке, потому что в принципе отрицает эту воздержанность и проповедует вместо неё полную свободу чувственных наслаждений.

Ислам смотрит на брак, как на простое сожитие двух лиц разного пола; он не придает ему никакого религиозного характера и значения. Целью брака ислам поставляет не свободно-нравственное единение супругов, не взаимную нравственную поддержку их, не воспитание детей, как это делает христианство. Нет, он достигает через брак одного лишь плотского сожития двух лиц разного пола и больше ничего; всё остальное опущено. Вследствие этого ислам и не обращает строгого внимания на различие религий супругов. Что за важность, какую религию исповедует супруга, если она назначается для одного чувственного удовлетворения мужа. Если брак имеет целью только чувственное плотское сожитие, то для чего обращать внимание на различие религий супругов? Это совершенно излишне. Потому ислам дозволяет мусульманам жениться на христианках и иудейках, запрещает жениться только на язычницах. Но мусульманкам он не позволяет вступать в брак с христианами и иудеями²⁶⁹. Если ислам и запрещает брак с язычницами, то нигде не думает мотивировать это теми причинами, какими мотивирует это запрещение христианство. Он просто запрещает этот брак как гнусный, а не как опасный для веры и воспитания детей и далее для мирного сожития и религиозного единения самих супругов. Впрочем, ислам и не допускает этого единения между супругами. В самом деле, может ли быть речь о религиозном единении супругов, когда жена раба мужа? Тут может быть только полнейшее рабство с одной стороны и крайний деспотизм с другой. Потому ислам и не считает нужным распространяться об этом единении между супругами, а тем более полагать его в основу запрещения вступать в брак с

женщинами другой религии и вероисповедания. О нравственно-религиозной поддержке между супругами в исламе также не может быть речи, потому что жена – раба мужа не советовать что-нибудь своему господину – мужу, не поддерживать его должна, а только повиноваться ему беспрекословно. Если не может быть этой поддержки при различии религий, то ислам и не нуждается в ней; он уже давно уничтожил её своим принципом совершенного подчинения в браке жены мужу. Кроме того еще сильно бросается в глаза крайнее неравенство в этом отношении между мусульманами и мусульманками. Первым Мухаммед позволил жениться на женщинах других религий, последним запретил выходить за мужей-иноверцев. Что значит эта привилегия, которая дарована только одним мужчинам и в которой отказано женщинам? Не что иное, как потворство чувственности мусульман со стороны Мухаммеда. Мухаммед не хотел лишить своих последователей права наслаждаться женщинами других религий, но запретил мусульманкам вступать в брак с иноверцами, чтобы этим отстранить от мусульман опасность уменьшения числа жен, словом – всё клонится к тому, чтобы польстить, как можно больше, чувственности своих поклонников. В этом участвовала еще другая причина, а именно взгляд ислама на брачные отношения супругов. Эти отношения суть отношения рабы к господину и господина к рабу; здесь ничего равноправного, дружественного быть не может. Мухаммед позволил своим последователям жениться на христианках и иудейках, потому что он никак не мог допустить влияния жены на мужа настолько сильное, чтобы через это представлялась хоть какая-нибудь опасность для веры, – обязанность жены повиноваться рабски, а не делать советов и не высказывать своих убеждений и мнений. Но он запретил мусульманкам выходить замуж за христиан и иудеев, так как тут представлялась полнейшая возможность и даже неизбежность вероотступничества жены, которая есть послушная раба своего мужа. Таким образом, те препятствия к браку, которые поставило христианство, ислам или уничтожил, как стеснительный для чувственности, или настолько изменил, что они потеряли тот возвышенный основной характер, каким

отличается в христианстве, а получили совершенно другой характер, носящий на себе следы чувственности и рабского унижения женщины.

2.3. Мухаммеданское законодательство о разводе

Самое главное и резкое отличие между христианским и мусульманским браком составляет полигамия, безусловно изгнанная и уничтоженная в христианстве и напротив, доведённая до крайней степени развития в исламе. Второе место после полигамии может по всей справедливости занимать развод. Христианство решительно не допускает развода, как только по вине прелюбодеяния, основываясь на точных словах Спасителя. Этим оно навсегда спасло узы брака от разрыва и сделало их священными и нерушимыми. Не то совершенно нам представляет ислам. Низведя брак на степень гражданского договора, найма жены за известную плату, видя в браке только простое сожитие двух лиц разного пола, ислам неизбежно должен был допустить и развод, за который только разводящийся супруг, как нарушитель гражданского договора, должен заплатить неустойку, что в переводе на язык мусульманского законодательства о браке означает, что муж при разводе должен выплатить жене все приданое (мехр). Поэтому ислам никогда не мог возвыситься до нерасторжимости брака, а всегда допускал развод и даже самый крайний произвол в нём, вручая это право почти исключительно мужу и только в крайних случаях предоставляя его и жене. Развод в мусульманстве был необходимым следствием полигамии. Мужчине предоставлено право брать столько жен, сколько он вздумает и насколько у него достанет состояния. Разве может существовать такая безграничная полигамия без развода. При бесчисленном множестве жен не может быть, чтобы муж всю жизнь оставался с ними в мире, согласии и любви; здесь непременно произойдет неудовольствие, а за ним и развод. И сам развод есть не что иное как полигамия и отличается от полигамии в буквальном смысле только по форме: полигамия есть многожёнство одновременное, развод есть многожёнство постепенное и разновременное; в сущности, полигамия и развод одно и то же. Они всегда неразлучны друг с другом; полигамия без развода немыслима. Потому-то Мухаммед, допустив для своих

последователей одно зло, именно полигамию, вместе с тем должен был допустить и другое зло – развод, младшего брака полигамии. И как полигамию Мухаммед не ограничил, строго говоря, никакими пределами, так и на развод он не оказал никакого сдерживающего влияния. Все постановления ислама нисколько не клонятся к тому, чтобы положить границы этому недостатку. Мухаммед не требует никакой формальности при разводе, никакого письменного акта, как это было даже у иудеев. Таким образом, развод в исламе всегда служил орудием чувственности мусульман, которые благодаря ему могут сколько угодно раз разводиться и жениться на других женах или на тех же самых. Правда, Мухаммед запретил разводиться по одному сладострастию, как говорит предание²⁷⁰; но это конечно не может положить никакой преграды для развода, потому что это только совет, который стоит в совершенном контрасте со всем духом мусульманского законоположения о разводе. Больше всего нас поражает в этом постановлении о разводе крайняя неправомерность мужа и жены.

Ислам оставляет развод почти исключительно в руках мужа и почти совершенно лишает этого права жену. Муж может развестись с женой по одному только желанию, по одной прихоти своей воли; он может сказать своей жене: «я развожусь с тобою», – и жена разведена. Жена же не может требовать от мужа восстановления супружества, не имеет права искать на него суда. Муж может изречь клятву на жену, и она, как запрещённая для него, должна удалиться от него; он может сравнить её с матерью или другой женщиной – родственницей в такой степени, в которой запрещён брак, и жена становится для него непригодной; она должна поскорее убраться от него. Но и без этих приёмов муж может развестись по одной лишь прихоти, и жена, как покорная раба, не возражая ни слова, должна считать себя разведённой. Жена лишена подобного права; она не может развестись с мужем по своему только желанию. Она может развестись с мужем только по самым уважительным причинам и то с большими невыгодами для себя. Она может развестись с мужем только при неспособности его к исполнению

супружеских обязанностей, при нежелании с его стороны исполнять их, при заразной болезни его и при исполнении им супружеских обязанностей неестественным образом. И в этих случаях жена может развестись не сама собой, а по решению казьи, которому она предъявляет своё требование, словесно излагая причины к разводу, а при последней причине развода употребляет известный знак, именно переворачивает перед казьем свой башмак вверх подошвой²⁷¹. Только тогда, когда казый решит, жена может достигнуть развода.

Еще в более ярком свете представится эта бесправность жены и полнейший деспотизм мужа, если упомянем о постановлении, которое также клонится к тому, чтобы как можно более лишить жену права на развод, а предоставить его исключительно мужу. Это – *гыддат* (совр. *идда*). Гыддатом в мусульманском законоведении называется известная продолжительность времени, которое жена должна провести после развода или после смерти мужа, не имея права вступать в новое супружество. Гыддат по мусульманскому закону имеет различную продолжительность, смотря по тем случаям, вследствие которых он соблюдается. Гыддат для свободной женщины продолжается четыре месяца и десять дней, а для рабы половину этого срока. Для беременной женщины гыддат продолжается до дня рождения ребенка, если это будет не раньше четырех месяцев и десяти дней, в противном случае четыре месяца и десять дней²⁷². Это – гыддат по смерти мужа. После развода бывает другой срок гыддата, а именно для свободной женщины время *трёх* очищений, а для рабы *двух*; для женщин же, не имеющих очищений по болезни, или по старости, или по молодости – три лунных месяца; для беременной женщины – время окончания родов²⁷³. Во время гыддата женщина должна удаляться от всех удовольствий, должна сокрушаться, что она лишена удовольствия брачной жизни; она не должна, поэтому носить никаких украшений. В продолжение всего гыддата по разводу она находится в полной власти мужа, который может снова возобновить с ней супружеское сожитие до окончания гыддата²⁷⁴. Муж же сам свободен от соблюдения гыддата. Не показывает ли это, что

женщина крайне унижена в браке, где всё направляется к тому, чтобы способствовать похоти мужа и стеснить свободу жены; в брачных отношениях и разводе она является полной рабой мужа. Мухаммед постановил, что для полного развода нужно развестись *три* раза; до окончания этих разводов и гыддата после них муж может снова возвратиться к себе свою жену; но после этого он уже не может возобновить брак, до тех пор пока она не выйдет замуж за другого и будет с ним разведена, или он умрет²⁷⁵. Правда, это постановление может положить некоторое ограничение разводам по гневу и вспыльчивости и даёт мужу время одуматься и снова возвратиться к себе жену; оно может удержать ревнивого от развода тем, что после троекратного произнесения развода он может возобновить брак только после того, как жена его побывает за другим мужем. Вот одна хоть и шаткая преграда, но все же преграда; при пылкой восточной натуре; она необходима. Но нельзя не признаться, что этим законом не полагается никакой твердой опоры для неразрывности брачных уз. Притом нельзя не удивляться, как могло позволить Мухаммеду нравственное чувство издать такое законоположение, по которому муж после трёх разводов может снова вступить в брак с прежней женой после того, как она вступала в супружество с другим и освободилась от него. Это крайняя несообразность с нравственными требованиями.

Можно, по-видимому, предполагать, что Мухаммед поставил необходимым при разводе одно условие, сильно препятствующее ему, – это именно приданое (*мяхр*), которое должно быть уплачено жене, если развод совершился по воле мужа, без вины со стороны жены²⁷⁶. Но это учреждение не достигает своей цели, если только оно и имеет своей целью воспрепятствовать разводу. Мы будем еще иметь случай коснуться этого предмета, когда будем говорить о влиянии мусульманского брака на жизнь. Здесь же мы только заметим, что муж, при полном деспотизме своём, может насильно принудить жену от своего лица искать развода и через это лишиться приданого. Вот в кратких чертах законоположение ислама о разводе.

Кажется, будто в полном противоречии с постановлениями о разводе и вообще в целом о браке стоит учение Мухаммеда о нарушении супружеской верности, относительно которой почти уравниены оба пола, муж и жена. Но Мухаммед постановил об этом следующее: «если кто обвиняет свою жену в прелюбодеянии, тот должен представить четырёх свидетелей – мужчин. Если же нет свидетелей, то муж должен произнести клятву четыре раза и в пятый раз призвать на себя проклятие Божие в случае несправедливости обвинения. Если тоже самое сделает и жена, то она не наказывается, но брак расторгается. Если же кто-нибудь другой, кроме мужа, обвиняет женщину в прелюбодеянии и не докажет обвинения, то наказывается 80-ю ударами розгами. Если же прелюбодеяние будет доказано, то виновники наказываются ста ударами плетей и им позволено вступать в новый брак только с прелюбодейцами же»²⁷⁷. Повидимому такое строгое наказание за прелюбодеяние не согласно с теми чувственными чертами, какие обнаруживаются во всём законодательстве ислама о браке. Но если мы вникнем в дух этого закона, то нам не трудно будет заметить, что и здесь Мухаммед остался верным своему принципу. Он видел в браке только чувственные отношения, рассматривал жену как собственность мужа. Потому вполне естественно он должен был смотреть на прелюбодеяние, как на похищение чужой собственности и наказывать его очень строго. С другой стороны Мухаммед имел в виду обезопасить и успокоить ревность мусульман, налагая за прелюбодеяние строгое наказание не только на женщину, но и на мужчину. Такая строгость не есть плод нравственного ригоризма, а вполне запечатлена духом чувственного взгляда на женщину, так что христианство, не полагающее никакого телесного наказания за прелюбодеяние, как за дело совести, стоит в этом отношении гораздо выше ислама. Рассматривая брак как религиозный акт, христианство не могло определить физического наказания за его нарушение.

Таким образом, мусульманский брак во всех своих чертах, не только главных, но и второстепенных, отличается от христианского и отличается чрезвычайно резко. Как этот запечатлён духом нравственной чистоты, неразрывности,

равноправности супругов, как человеческих личностей; так напротив тот носит на себе следы грубой чувственности, полного унижения жены и безграничного деспотизма мужа, а потому не представляет никакой прочности и постоянства. Все отличительные черты того и другого брака находятся в строгой зависимости от основного принципа. Христос возвысил брак до степени таинства, сделал его образом единения Своего с Церковью. При таком высоком положении брак христианский не мог не быть высоконравственным учреждением. Напротив ислам, низведя брак до степени простого плотского сожития мужа и жены, лишил его религиозного характера и тем самым унизил его до последней степени и во всех частных чертах. Благодаря этому основному принципу, мусульманский брак и во всех своих частях проникнут духом чувственности. При изложении христианского законодательства о браке мы заметили, что на чистоту нравственных отношений между супругами и на сами основы брака повлиял высоконравственный характер личности Спасителя; на христианском браке вполне отразился характер Иисуса Христа. Вследствие этой зависимости известного учреждения от лица самого учредителя и мусульманский брак получил свой основной характер, благодаря известному нравственному состоянию самого Мухаммеда. Никто не может отрицать чувственного характера основателя ислама. Основы мусульманского брака проникнуты чувственностью, благодаря конечно чувственному характеру самого Мухаммеда. Мухаммед обладал самой страстной натурой и не знал пределов своей чувственности. Он не стеснялся сам признаваться в этом, говоря, что ему больше всего на свете нравятся женщины и благовония²⁷⁸. Даже в минуты молитвы не покидали его чувственные мечты и сладострастные картины; даже в мечети во время богослужения он часто забавлялся игрой со своей любимой женой Айшей, – игрой, которая менее всего прилична молитве²⁷⁹. Впрочем, при первой жене, Хадидже, Мухаммед был умереннее в своих страстных наклонностях; он довольствовался ей одной и до самой смерти её оставался одноженцем. И кто знает, может быть, если бы Хадиджа

пережила Мухаммеда, в исламе не было бы полигамии и крайней разнузданности страстей в браке. По крайней мере те главы Корана, которые Мухаммед обнародовал при жизни Хадиджи, нигде не содержат учения о полигамии и отличаются более или менее уважением к женщине; напротив те главы, которые появились после её смерти, имеют крайне полигамическое направление²⁸⁰. Лишь только умерла Хидиджа, Мухаммед дал полный простор своим чувственным наклонностям и сладострастию; менее чем за пять лет он успел жениться на восьми женах, не считая *конкубин*; в одном 626 году он женился на четырех женах²⁸¹, так что даже сами арабы начали смущаться его поведением и крайним сладострастием: дело чуть не дошло было до открытого недовольствия. Вследствие этого Мухаммед объявил, что ему Богом дано преимущество брать столько жен, сколько он пожелает²⁸². И действительно, в сладострастии Мухаммед дошёл до такой крайности, что на старости лет успел жениться на четырнадцати женах, исключая *конкубин*²⁸³. Не желая стеснять своих сладострастных наклонностей, он не хотел подчиняться установленному им же самим для своих последователей порядку проведения ночей с женами. Он предоставил себе право проводить ночи с той женой, с какой захочет²⁸⁴. Он дошёл до такой степени в страсти к чувственности, что не устыдился самым постыдным образом примешать имя Бога к таким предметам, как например проведение ночей со своими жёнами и разные дразги своих жен. Нужно быть до крайности чувственным существом, чтобы дойти до такого богохульного распутства. Начальники арабские очень хорошо знали этот сладострастный характер Мухаммеда и, желая заслужить его благосклонность, предлагали ему своих красивых дочерей, и посланник Аллаха с необузданной страстью бросался на эти предложения²⁸⁵. Благодаря своему неограниченному сластолюбию, он дошёл, наконец до такого состояния, которое лишило его возможности продолжать далее свои любовные похождения²⁸⁶. Неразлучной спутницей этого чувственного характера была ревность, в которой он также не уступал другим пальмы первенства. Он по одному подозрению в

прелюбодеянии повелел Алию убить подозреваемого человека. К счастью, тот оказался евнухом и жизнь его была спасена²⁸⁷. Мухаммеду было неприятно представление о том, что его жены после его смерти, или после развода с ним, будут замужем за кем-нибудь другим; его ревность не могла с этим примириться, — и он издаёт закон, запрещающий его последователям жениться на тех женщинах, с которыми он имел сношение²⁸⁸. Можно ли ожидать, чтобы от такого чувственного, похотливого и сладострастного человека получилось правильное и высоконравственное понятие о браке. Таким человеком, каков был Мухаммед, мог быть создан только такой брак, который походил на простое плотское сожитие между мужчиной и женщиной. Таким образом, общий дух мусульманского брака, по нашему мнению, носит на себе явные отпечатки личного характера самого Мухаммеда, подобно тому, как брак христианский запечатлён характером высоконравственной, божественной личности Спасителя.

Кроме этого общего духа в мусульманском браке есть некоторые частные постановления, которые появились вследствие разных любовных интриг самого Мухаммеда. Так, дозволение жениться на женах своих приёмных сыновей после их смерти или после развода обязано своим появлением единственно тому случаю, что Мухаммед сам хотел жениться и женился на Зяйнабе, жене Зяйда, своего усыновленного раба; а так как у арабов это считалось кровосмешением и преступлением, то Мухаммед кощунственно прибег к имени Божьего откровения и дозволил себе это кровосмесительное супружество, которого гнушались даже арабы язычники²⁸⁹. Другое законоположение, а именно относительно прелюбодеяния и четырёх свидетелей для его доказательства, обязано своим происхождением одному любовному приключению, бывшему с Айшей, любимой женой Мухаммеда. Не желая подвергать наказанию свою любимую жену и не желая в то же время и сам подвергаться позору от того, что одна из его жен совершила прелюбодеяние и предпочла его другому, Мухаммед все же был озабочен молвою относительно дурного поступка своей жены. Потому он постановил, что для

доказательства прелюбодеяния нужно четыре свидетеля; клеветники же, не представляющие свидетелей, должны быть подвергнуты 80-ти ударам розгами²⁹⁰. Этим он хотел положить пределы сплетням относительно Айши и остановить их.

Таким образом, основной характер мусульманского брака носит на себе черты чувственности, благодаря главным образом чувственному характеру Мухаммеда. С другой стороны любовные интриги и похождения Мухаммеда вызвали некоторые частные постановления в браке, не уступающие в чувственности общему характеру. Здесь обнаруживается то же явление, что и в христианском браке, но только с противоположной стороны. Высоконравственному характеру Иисуса Христа обязан христианский брак своим чистым нравственным характером; напротив Мухаммед, благодаря своей чувственности и сластолюбию, создал брак крайне чувственный.

III. Влияние христианского брака на семейную и общественную жизнь человека

3.1. Общий взгляд на положение женщины у древних дохристианских народов

Христианский и мухаммеданский брак, как мы видели, составляют два совершенно противоположных явления: один чист и высок по своему основному характеру и отличается свободной взаимной любовью супругов; другой проникнут чувственностью, деспотизмом мужа и рабским подчинением жены. И тот и другой брак не могли не оказать влияния на жизнь семейную, а через семью и на жизнь целого общества, – влияния совершенно противоположного характера. Как один из них, брак христианский, благотворно повлиял на семью и общество, так напротив другой, мухаммеданский брак, должен был привести к противоположным результатам.

Самое первое влияние брачного союза должно отразиться на женщине, как представительнице семейной жизни. Состояние женщины у известного народа или в известной религии всегда было тесно связано с законоположением о браке; их права и обязанности изменялись вместе с переменой брачного законодательства: при более или менее удовлетворительном состоянии брака женщины возвышались, при упадке брачного союза они были унижаемы и попадали под деспотизм мужчин. Вся история служит доказательством этой тесной связи положения женщины с законоположением о браке. Потому и христианство, изменив законоположения предшествовавших времён о браке, естественно должно было оставить свои следы на общественном положении женщины. Христианство установило правильные отношения между мужем и женой, ограничило или, лучше сказать, уничтожило деспотизм мужа с одной стороны, возвысило положение жены и довело её до равенства с мужем в нравственном и религиозном отношении – с другой. Лишённая всех прав в древности, женщина через благотворное влияние христианского брака снова получила свои естественные и законные права. Христианский брак своим влиянием возвратил женщине то общественное положение, какое она, по мысли Творца²⁹¹, должна занимать, но которого

лишилась через падение. Назначенная сначала быть помощницей мужа, в свободно-нравственном подчинении ему, женщина была порабощена после своего грехопадения. Если муж через свой грех ниспал с высоты своего величия и был унижен почти до степени простого чувственного существа, а вследствие постепенного упадка в нравственно-религиозном отношении часто доходил до степени зверя, то жена, естественная спутница и помощница его, сделалась орудием его грубых, чисто животных инстинктов. Если она пользовалась ещё своим общественным значением, то не как человеческое существо, не как личность, имеющая право на это положение и значение, а как такое существо, которое имеет значение только по своему отношению к мужу и детям. Всё это зависело более от гражданского, чем религиозного характера брака у древних греков и римлян, у которых жена рассматривалась как орудие для произведения граждан государству. Мужчина сам потерял человеческое достоинство вследствие такого взгляда на брак, и отношения его к другой половине человеческого рода должны были потерять человеческое достоинство. Жена должна была также унизиться до крайней степени. Но всего изумительнее то, что на женщину главным образом пала вся тяжесть наказания за преступление её праматери Евы: у всех народов женщине приходилось тягчайшим образом переносить то проклятие, какое Ева навлекла на себя от Бога за своё падение и совращение мужа. В начале человеческой истории стоит высокая по своему положению личность женщины, как спутницы и подруги своего мужа; во все же последующие времена является женщина, лишённая личности, находящаяся в полном рабстве у мужчины. В начале истории человечества был начертан высокий идеал жены; но этот идеал был помрачён злом; жена соблазняется им и вводит в соблазн мужа²⁹². Горе и тяжкий жребий с этого момента начинают преследовать женщину. Язычество своей полигамией и непрерывными разводами унизило её и довело до полнейшего рабства. Когда жена хотела сбросить с себя это постыдное и тяжкое для неё рабство мужа, она попала в другое худшее рабство – рабство разврата. Дорогой ценой разврата приобрели себе языческие

жёны эту свободу и даже власть над мужьями. Из одного рабства они попали в другое, – исходу им больше не было и другого средства освободиться не представлялось. Женщина в язычестве была унижена до крайней степени. Единство брачного союза было нарушено; жена вследствие полигамии признана не за личность необходимую для дополнения личности мужа; она при многожёнстве должна была превратиться в простое орудие мужской страсти и похоти, должна была удовлетворять только чувственным наклонностям мужа. Право развода было предоставлено только мужу, жена была лишена этого права и тем жестоко оскорблена в своих естественных правах на любовь мужа: муж мог во всякое время прогнать её от себя. Чтобы заслужить благосклонность мужа, жена должна стать к нему в отношении рабы, смотреть на него, как на своего господина, который не сегодня, завтра может выгнать её из дома и заставить скитаться по свету. Необходимость заставляла её терпеть от мужа всё, чтобы не заслужить лишь этого изгнания. Притом, по мнению язычников, только муж имел право требовать от жены верности, жена же не имела этого права; в прелюбодеянии была обвиняема только жена; преступная же связь со стороны мужа не считалась прелюбодеянием, потому что жена, существо низшее его, не могла и не имела права требовать от него этой верности. Жена была лишена того естественного права, которое предоставляет ей супружество само по себе.

Женщину язычники рассматривали как орудие мужской похоти, и вследствие этого на неё смотрели как на существо, которое может существовать только при мужчине; в союзе с ним она имела своё бытие, без него она была ничто. Поэтому язычество считало женщину вечно несовершеннолетней, несмотря на её возраст и прекрасные способности души. Как язычество могло допустить свободное, независимое от мужчины состояние женщины, когда она была только орудием мужа? И действительно, все свидетельства историков показывают, что ею пользовались именно только как орудием даже в религиозном отношении. При развратных представлениях о богах, в жертву этим богам язычники приносили нередко то, что

должно быть особенно дорого женщине, а именно её целомудрие, показывая этим, что ею можно пользоваться как вообще всяким орудием для достижения известных целей. Таким образом, женщина из существа человеческого превратилась в язычестве в орудие для известных целей, более всего конечно для чувственного удовольствия мужа.

3.2. Положение женщины у римлян, греков, восточных народов и евреев

Слишком велико, кажется, унижение женщины, но оно было на самом деле. Чтобы убедиться в этом, стоит только заглянуть в сочинения римских юристов, где они отводят те или другие права мужчинам и почти лишают всяких прав женщин. Самым блестящим государством древности был, конечно, Рим, но при всём блеске своего наружного существования, он носил внутри себя самые жестокие несправедливости по отношению к женщине, даже в самое блестящее время своего существования. Брак у римлян всегда считался государственной обязанностью; каждый гражданин, вступая в брак, следовал не внутреннему влечению, а повиновался долгу. От такого чисто государственного характера брака произошло то, что из него была исключена всякая задушевная обоюдная привязанность лиц вступающих в брак. Следствием этого было унижение женщины, как орудия для достижения государственных целей. В языческом обществе сильный пользовался преимуществом и правами в ущерб слабому; тогда еще не было сознаваемо высокое влияние нравственной силы, перевес был на стороне силы физической. Потому женщина, как существо слабое, должна была унижаться до крайней степени. На жену смотрели как на орудие, которое и старались приобрести себе похищением или куплей. Брак «per coemptionem», о котором мы имели случай уже упоминать²⁹³, был не что иное, как купля. Муж, купив жену, делался её полным господином, имевшим неограниченную власть над ней, как над своей собственностью. В Риме браки разделялись на два рода: «cum manu» и «sine manu». В первом жена переходила из под власти отца во власть мужа; во втором она продолжала оставаться под властью отца. Таким образом, жена находилась под постоянной опекой и никогда не признавалась совершеннолетней; до замужества она находилась под неограниченной властью своего отца, который имел даже над ней право жизни и смерти, мог продать её в замужество кому угодно. Эта отцовская власть

оставалась над женщиной и после выхода замуж, если брак был «sine manu», т. е. без передачи отцовской власти мужу, отец был полным распорядителем её имущества; он распоряжался им без всякого контроля; он мог даже отнять её у мужа и передать другому совершенно самовластно²⁹⁴. При браке же «cum manu» отец передавал свою власть мужу, и муж делался полным господином жены, которая считалась теперь как бы его дочерью²⁹⁵. Он без всякого согласия её распоряжался её имуществом, имел над нею даже право жизни и смерти. Как дочь, или, лучше сказать, как собственность своего мужа, жена должна была смотреть на него, как на своего господина и судью; он мог распоряжаться ею по своему произволу; мог даже отказаться от своих супружеских прав в пользу друга или какого-нибудь другого мужчины, не спрашивая даже согласия на это у жены. Катон отказался от своих супружеских прав для друга своего Гортензия²⁹⁶. Август отнял от мужа Ливию даже беременную. Таким образом, власть мужа над женой была не ограничена. Она даже оставалась за ним после развода, и после него над женой он имел отцовское право, т. е. неограниченную власть²⁹⁷. По смерти мужа жена в браке «cum manu» хотя и объявлялась наследницей имущества его, но только когда не было детей: при детях же она получала только некоторую долю наследства дитяти²⁹⁸. Но и это не давало ей свободы, потому что она не только своим имуществом, но даже своей собственной личностью не могла распоряжаться самостоятельно, а поступала как сама, так и её имущество во власть агнатов – родственников мужа. Агнаты заступали в этом случае на место мужа и распоряжались имуществом жены, как он²⁹⁹. Жена находилась под постоянной опекой и никогда не была признаваема свободной от этой опеки. Присоедините к этому безусловное право мужа на развод, – право, которого была лишена жена; вспомните, что жена не имела права требовать от мужа супружеской верности, какое право имел только муж, – и вы можете представить ту униженность женщины, ту бесправность, на которую она была осуждена в Риме во всё время его политического существования. Не признавая за ней гражданских прав, лишая её даже прав

семейных, римские законы, нравы и обычаи довели её до степени рабыни. Так плачевно было положение женщины в Риме.

Не имея прав, женщина естественно лишилась и нравственного достоинства. Рабство унижает достоинство человека и доводит его до низкого уровня, приучает человека к разного рода порокам, хитрости и обману. Потому женщина римская была нравственно искалечена рабством, приучилась к хитрости и порокам. Вследствие этого римляне, не сознавая того, что сами были виной упадка нравственного характера женщин, стали считать их каким-то гнетущим началом, вместилищем всякого рода пороков. Они тяготились даже присутствием своих жен. *«Если бы природа позволила нам существовать без женщин, мы были бы свободны от самых несносных спутниц»*, говорил один оратор перед народом³⁰⁰.

В Греции положение женщины было не лучше. Несмотря на высокую цивилизацию и образованность греков, женщине суждено было играть у них ту же жалкую роль, как и в Риме, потому что основы брака в Греции были те же, что и в Риме. В Греции брак был таким же политическим учреждением, каким был и в Риме, а потому должен был произвести одинаковые действия. Правда, в древние времена в Греции женщина занимала еще сравнительно высокое положение. По замечанию Дёлингера «жена (в древние времена) была подругой мужа, а не рабой его, как в восточных землях Азии. Греки жили здоровой благоустроенной политической жизнью единственно потому, что они имели правильную жизнь семейную, основанную на моногамии. Многожёнство им было чуждо; бигамия встречается только в редких случаях; полигамия встречается только у монархов македонского царства, которые запятнали себя восточными обычаями. Потому жены не были содержимы в гареме в заключении и не охранялись евнухами. Положение их было вполне обезопасено законом и обычаями; внутри дома они, как начальницы, распоряжались рабами и детьми»³⁰¹. Но спустя немного времени положение женщины в Греции изменилось к худшему. Полигамия, легкость развода в руках мужа и гражданский характер брака взяли своё. Женщина,

униженная в общественном положении и лишённая вследствие этого всякого образования, которое становилось для неё излишним, казалась в глазах мужчин таким существом, которое даже не может составить с ним сообщества. По свидетельству Сократа, муж менее всего был в обществе жены и искал случая поделиться с ней своими интересами³⁰². Вследствие полигамии и развода она была унижена до того, что считалась простым орудием мужа и как раба, лишённая всяких прав, она здесь, как и в Риме, признавалась несовершеннолетней и лишалась права самостоятельно распоряжаться собой и своим имуществом. Когда была девицей, она находилась под опекой отца; выходя замуж, она становилась под опеку мужа; овдовев, переходила под опеку к сыновьям или, за не имением их, к братьям и другим родственникам мужа³⁰³. Она была лишена права свидетельства на суде³⁰⁴; могла распоряжаться своим имуществом только в количестве одной меры пшеницы; могла получать наследство только тогда, когда не было наследников мужского пола; но так как это случалось чрезвычайно редко, то и получение наследства женщиной было исключительным явлением в Греции³⁰⁵. Таково было законодательство Греции, унижающее женщин. Поэты и философы были не менее оскорбительного мнения о женщине. По мысли греческих поэтов, женщина должна находиться в весьма сильном подчинении у мужчины; на последнем лежит право всякого управления и общественных забот; жена должна быть заперта во внутренности дома и исправлять там работы, которые были в глазах мужчины унижительными, рабскими³⁰⁶. Нисколько не выше стояли в этом отношении и философы. Таково же, напр. было мнение величайшего из мыслителей Греции – Аристотеля. Правда, он соглашается допустить различие между женщиной и рабом, однако признаёт, что если женщина и имеет волю, то эта воля лишена права, если она и способна к добродетели, то добродетель её мало отличается от добродетели раба³⁰⁷. В брачном союзе муж есть душа, которой свойственна власть и господство, а жена есть тело, которое должно подчиняться душе³⁰⁸. Муж не только не обязан слушать советов жены, но даже и не должен советоваться с ней, потому что он есть

полновластный владыка и господин своей жены³⁰⁹. Кроме того он так должен держать себя относительно своей жены, чтобы она всегда признавала его господство; власть мужа должна проявляться во всех его отношениях к жене, которая должна отвечать на поступки мужа безропотно рабской покорностью³¹⁰. Платон в своём химерическом представлении об идеальном государстве зашёл еще дальше в этом унижении женщины. Он поставил её на такую низкую степень, что решился предложить всему миру проект *об общих женах*. Очевидно, что он смотрел на женщину крайне низко; иначе он не дерзнул бы проповедовать таких безнравственных отношений, в которых женщина была низведена в орудие для произведения членов государства. Таким образом, законодательство, поэты и философы Греции были проникнуты одним духом, а именно полным унижением женщины в её естественных, семейных и общественных правах.

Что касается государств Востока, то они в самой глубокой древности славились глубоким порабощением женщины. Здесь господствовал полнейший деспотизм мужчин и рабская подчинённость женщин. Женщины, униженные полигамией, низведены были здесь на гораздо низшую степень, нежели в государствах Запада, в Греции и Риме. На Востоке всюду, куда мы не обратим свой взор, мы видим женщин, обременённых узами рабства, полулюдьми, игрушками похоти мужчин. С детства до смерти они были рабами; никогда воля их не имела значения в глазах мужа и не признавалась законом. Муж не хотел искать в беседе со своей женой случая поделиться с ней своими мыслями и чувствами. Даже само воспитание её ограничивалось одним кормлением и развитием в ней тех свойств, которые должны возбуждать сладострастные похоти мужа. Никакого умственного и нравственного воспитания давать ей не хотели. Все стремились получить как можно больше детей; потому не только все желали, но даже обязывались иметь как можно больше жен, столь много, сколько позволяли средства; всякий богатый человек имел их огромное количество, так что полигамия здесь достигала апогея своей безобразной разнузданности. На женщин, которые оставались дольше

известного срока в безбрачии смотрели с крайним презрением. Но и этого мало; их нередко в подобном случае подвергали строгому наказанию. Об общественных правах женщины после этого излишне и говорить. Они не владели ими и не могли владеть при том понятии, какое имело о них языческое общество Востока. Заключённые в гаремах под строгим надзором евнухов, они не могли проникнуть никуда дальше сферы своих гаремов; а здесь смотрели на них как на рабынь, которые должны со страхом и трепетом ожидать прихода своего мужа в это внутреннее отделение дома³¹¹.

Евреи, у которых сохранялось еще воспоминание о первоначальном истинном назначении человека и его спутницы – жены, несмотря на это также не имели надлежащего понятия о личности женщины, о её правах и обязанностях. И здесь положение её было незавидное. Правда, здесь не господствовал крайний деспотизм мужчины: однако женщина всё же не имела надлежащих прав. Если мы станем сравнивать положение женщины у израильтян с её положением у народов языческих, то должны, конечно, признаться, что положение её было несравненно лучше и выше у первых, нежели у последних. Она никогда здесь не рассматривалась только как орудие для произведения детей. Достаточно сравнить само название лиц женского пола у евреев с одной стороны и римлян и греков – с другой, чтобы убедиться в этом. Название лиц женского пола у первых всегда означало тоже, что и название лиц мужского пола и есть только фонетическое или грамматическое изменение последнего для выражения рода³¹². Женщины даже допускались в общество мужчин при таких важных случаях, как слушание закона. Однако этот высокий взгляд на женщину со временем мало-помалу изменялся к худшему; параллельно с увеличением полигамии, увеличивался и деспотизм мужчины на счёт подчинённости женщины. Перед пришествием Христовым он достиг высшей степени, и унижение женщины было доведено до крайности. Несмотря на всё это, положение её было всё же лучше, чем у прочих народов языческого мира³¹³.

Вот краткий очерк состояния женщины до христианства. Всюду слышится стенание женщины под бременем своего бедственного положения, своего угнетения деспотизмом мужа. Только у иудеев её положение представляется сравнительно с более светлой стороны, но и здесь нельзя назвать его завидным.

3.3. Положение женщины в христианстве

Явилось христианство, установило новый брачный союз, и женщина заняла своё прежнее, высокое положение; ей были возвращены все те права, которые неотъемлемо принадлежат ей по природе. Христианство своим брачным законодательством возвратило женщине само существенное право, право человеческой личности, которого она не имела ни в Греции, ни в Риме. Возвратив женщине это неотъемлемое право, христианство поставило её в самые лучшие отношения к мужу; оно ограничило беспредельную власть последнего и тем самым распределило между мужчинами и женщинами их области, их обязанности по отношению к семье и обществу. Христианство установило те пределы, которые правильно показывают, где оканчиваются права и обязанности одного пола и начинаются права и обязанности другого пола. В духовно-благодатном царстве, основанном Христом, нет различия между полами. Здесь все равны между собой: все получили одинаковое происхождение, все призваны к нравственному совершенству, освящению и оправданию; всем даны одни и те же благодатные дары, у всех одна и та же конечная цель их бытия, а именно стремление к Богу; по смерти они все должны отдать одинаковый отчёт перед Богом и за одинаковые заслуги получить одинаковые награды на небе³¹⁴. Женщина, если и называется слабым существом, то эта слабость присуща только её телу, а не духу. По душевным качествам женщина совершенно равна мужчине. Если она и уступает ему в одних способностях души, зато превосходит его в других. По своей впечатлительности, она гораздо легче мужчины способна чувствовать то величие благодеяний, которые Бог оказывает роду человеческому; она больше мужчины склонна к благодарности за эти благодеяния. Где мужчина остается холодным зрителем чужих несчастий, скорбей и лишений, там является женщина и приносит утешение несчастным и бедствующим; по мягкости своего сердца и терпению, она реже мужчины падает под бременем тяжких несчастий; она даже

более его отличается благочестивым Духом³¹⁵. Златоуст часто любит поставлять женщин в образец мужчинам по нравственной чистоте и святости. *«Они превосходят вас, – говорит Златоуст, обращаясь к мужам, – в любви к Спасителю, в целомудрии, в сострадании к несчастным»*³¹⁶. Христианская жена, по представлению Отцов и Учителей Церкви, скромна, целомудренна; она тихо и спокойно управляет домом, посещает несчастных и бедных, принимает странников, избегает всяких нечестных зрелищ, посещает усердно храмы³¹⁷.

Таким образом, её существо человеческое несколько не ниже существа мужчины и потому она должна занять своё почетное место. Однако она не должна приобретать над мужем власти, а должна свободно по своей воле покоряться ему, как своему защитнику на многотрудном поприще жизни. Для этого христианство разделило владения мужа и жены, чтобы они не приходили во взаимное столкновение; каждый в своей области должен исполнять свою службу ревностно, не препятствуя другому. Мужчина, как существо сильное, крепкое, должен заниматься делами внешними, которые требуют силы и присутствия духа и потому не совместимы с физической слабостью женщины. Женщине же отведены дела внутри дома, как более сообразные с её силами и характером. Мужьям Отцы Церкви предоставили публичные собрания, форум, правительственные заботы о делах государства, защиту своего отечества от внешних врагов. Женщина же заведует делами внутри дома, распоряжается слугами, управляет хозяйством, старается запечатлеть здесь тот нравственный характер, каким она сама отличается по представлению Отцов и Учителей Церкви. Муж на это дело не способен: это не по его природе; он не может влиять там, где нужна душа, исполненная религиозно-нравственной теплотой³¹⁸. При таком представлении о нравственном характере женщины, Церковь никогда не хотела подчинять её безусловному деспотизму мужа; она напротив, допускала, что жена может смягчать грубый нрав своего мужа, может при мягкости сердца своего утешить мужа в самых сильных несчастьях³¹⁹. Жена сделалась апостолом своего мужа, ангелом хранителем своих братьев от разных грубых

пороков, от которых отвращается женское сердце³²⁰. За этим, презренным и почти лишённым человеческого достоинства язычниками, существом было признано первое место в воспитании детей. На обязанности жены лежит, прежде всего, этот священный долг. Таким образом, женщины были поставлены христианским браком в качестве апостолов, проповедников будущему поколению новых светозарных идей, принесённых в мир Спасителем; они явились исправительницами целого человечества³²¹. Признавая женщину существом человеческим, допуская в ней присутствие таких качеств, которые не присущи мужчине, христианство очень часто даже выводило её из чисто домашних обязанностей и вводило её в круг общественной деятельности. Впрочем, здесь оно ограничивало их участие только известной областью, которая более всего соответствовала их характеру. Женщина отличается состраданием к несчастьям другого; нежному сердцу её более доступно самоотвержение для служения несчастным и бедствующим. Потому-то христианство предложило женщинам именно эту область³²². История христианства представляет нам много образцов той самоотверженности, с какой женщины совершали это служение на пользу и утешение несчастным и бедствующим. Что же касается до других областей общественной деятельности, то женщина должна была здесь уступить своё место мужчине. Общественно-гражданская деятельность всегда считалась не по силам слабой женщине. Притом она только отвлекала бы женщину от её высокой и священной обязанности, а именно воспитания детей. Христианская Церковь всегда неблагоприятно смотрела на вмешательство женщин в общественные дела и управление, она даже не допускала женщин в число служителей своего алтаря и запрещала им проповедовать в общественных собраниях верующих³²³. Женщина, несмотря на всю обширность своих прав, все же должна была подчиняться своему мужу; несмотря на то, что её считали необходимым дополнением мужа, нераздельным с ним существом, Отцы требовали, чтобы жена уважала в лице своего мужа главу. Вследствие этого была бы не согласна с таким взглядом христианства проповедь

женщины в общественном собрании верующих; здесь она должна была слушать мужей и от них поучаться. Но это не тот взгляд на женщину, какой на неё имело всё язычество во все времена; здесь не могло быть и речи о том деспотизме мужа, по которому он имел над ней право жизни и смерти; даже за прелюбодеяние он не мог отважиться наказывать её смертью под угрозой строжайшей епитимии³²⁴.

Женщина перестала быть орудием своего мужа; она сделалась гражданкой того царства, которое основал на земле Спаситель. Дарование этих прав женщине христианством не осталось без внимания и на гражданское законодательство. И оно мало-помалу стало бросать грубый взгляд на женщину и проникаться гуманным взглядом христианства. Закон постепенно признавал за ней те естественные права, которыми она должна владеть, как существо человеческое, но в которых ей отказывало язычество. Император Константин в 321 году уничтожил постоянную, продолжающуюся всю жизнь, опеку над женщиной, какая существовала в языческом обществе, и признал её по достижении совершеннолетия равной по правам с мужчиной. Он дал право матери наследовать по смерти своих детей. По смерти Константина мы видим много женщин, которые даже заведовали общественными делами, принимали участие в управлении и принесли много пользы для государства. Возвышенная христианством, женщина сразу почувствовала свои силы и уже не стала смотреть на себя, как на существо, лишённое всякого человеческого достоинства. Постепенно, благодаря духу высокой гуманности христианства, она начала приобретать более и более твёрдый нравственный характер. Так благотворно было действие христианского брака на женщину. Христианство, возвысив брачные узы, тем самым вызвало женщину из глубины её падения в языческом обществе, признало за ней человеческое достоинство, сделало её такой же гражданкой, как и мужчину, отвело ей обширную и важную область – управление домом, поставило её воспитательницей будущего поколения и распространительницей света христианства в будущие роды и века, призвало её даже к отправлению некоторых

общественных служений. Благодаря такой перемене, женщина очистила свой характер от тех недостатков и низких пороков, которые всегда служат отличительным признаком рабского сословия и которые заставляли язычников считать сообщество жены тяжким бременем, а жену несносным спутником.

3.4. Влияние дохристианского брака на семейную и общественную жизнь человека

Такая перемена женщиной своего положения и характера нравственной своей личности не могла пройти бесследно для других отношений, не могла не оказать благотворного влияния на другие сферы, так как жизнь женщины связана со всем строем общества столь тесными и неразрывными узами, что малейшее изменение в судьбе и правах женщины непременно влечёт за собой изменение во всём организме общества и государства. Прежде всего, унижение женщины естественно должно было отразиться на нравственном состоянии общества. В язычестве женщина рассматривалась как орудие для достижения государственных целей; брак был учреждением чисто политического свойства. Сначала при строгости нравственных древних правил, когда были часты самопожертвования в пользу государства, когда часто встречались примеры безграничной любви к своему отечеству, тогда действительно и в браке личные интересы приносились в жертву государству, но постепенно личные интересы стали брать верх над интересами государства; на первом плане люди поставили тогда свои интересы и в жертву им стали приносить долг государства. Тогда упало всякое значение брака, вместо него настало всеобщее развращение. Самый безобразный разврат охватил все языческое общество и дошёл перед пришествием Спасителя до такой степени, что не оставалось никакой надежды восстановить человечество. У представителей древнего языческого мира – греков и римлян была крайняя распущенность нравов, распущенность, переходящая всякие границы. До пелопоннесской войны еще мало заметна эта распущенность нравов, но начиная с этого времени и идя прогрессивным путём, разврат перед пришествием Спасителя достиг своих крайних размеров. Прежде грек смотрел на жену, как на орудие для достижения государственных целей; но теперь, при упадке древнего строгого брака, он стал видеть в жене только орудие для удовлетворения своих чувственных

инстинктов; теперь ему стало мало одного орудия для своей страсти; чувственность побуждала его идти все далее и далее до последних пределов. Брак был нарушен сожителем с наложницами (конкубинами), число которых постепенно возрастало; жена превратилась в лицо второстепенное; на первом месте стояла наложница, никто не искал общества жены; мужья не стеснялись своих жен и держали в своем доме наложниц.

Женщины, униженные в сожительстве с мужем, хотели свергнуть с себя иго мужей. Они заметили господствующую страсть своего времени, страсть к разного рода удовольствиям, которых мужья искали вне своего дома, не в кругу своей жены. Они воспользовались этой страстью греков того времени, не хотели принадлежать кому-нибудь исключительно, а искали наслаждения со всеми. Для того чтобы успешнее привлекать к себе поклонников, они старались вооружиться знаниями всякого рода: философия, поэзия, музыка были изучаемы ими с жаром; они часто блистали красноречием, между тем как законные жены, загнанные своими мужьями, пали до последней степени невежества. Мужья стремились к публичным женщинам (*гетерам*), у ног которых они упивались разного рода разговорами о политике и искусстве; около гетеры можно было всегда встретить кружок мужчин, жаждущих насладиться обществом этих львиц греческого общества. Общественное мнение о них было самое плохое, однако это несколько не препятствовало им привлекать к себе лучших и богатейших граждан. Законные же жены сидели внутри дома; с ними мужья скучали и считали их общество невыносимым. По словам Сократа, никто ни с кем так мало не говорил, как со своей женой; все стремились к гетерам; дело доходило иногда до открытых споров о праве владения известной личностью, принадлежащей к разряду гетер, и подобные споры суд даже не отказывался решать. Так однажды два грека спорили о праве на одну гетеру и для решения этого обратились в судилище. Суд решил, что оба истца имеют право на эту гетеру и потому присудил, чтобы оба они вместе владели ею³²⁵. Для нас это покажется возмутительным, но при тогдашнем упадке

нравственности никто и не думал сколько-нибудь возмущаться подобным решением. Все греческое общество стремилось к такому же поклонению гетерам. У ног гетер искали пристанища, искали их ласк такие государственные и высокопоставленные люди, как Перикл, который был полным представителем своего народа. Он был блестящим учёным, любителем наук и художеств, но при всём этом приносил жертву Аспазии. Вследствие такого завидного положения гетер, их число чрезвычайно увеличилось. Особенно в Спарте разврат гетер дошел до невероятной степени. Там существовал даже храм Афродиты, куда постоянно стекались эти развратные женщины, так что между самими язычниками спартанцы славились распущенностью нравов. Для гетер богатые греки тратили всё своё состояние; около гетер они предавались той роскоши, которая заставляла их пускать в ход последнее имущество, чтобы удовлетворить чудовищным прихотям гетеры. Какая могла быть нравственность, какое могло быть семейное счастье при таком безумном господстве гетер? Законные жены, обременённые узами рабства, влачили свои дни внутри своего гинекея.

Взгляд на жену упал вследствие этого еще более. На брак стали смотреть как на средство приобретения себе жены. Это вызвало частое похищение женщин, насладившись которыми, мужа отпускали их от себя, благодаря легкости развода. Общество смотрело на это не как на отвратительное преступление, а напротив как на смелое удайство, как на отличие мужчины. Сам закон относился к этому снисходительно. Закон считал это маловажным проступком и потому взыскивал с виновных только незначительную пеню³²⁶. Это обуславливалось взглядом на женщину. Язычество лишило женщину человеческого достоинства и смотрело на неё как на постоянную собственность мужчины. Вследствие такого взгляда, на дочь смотрели как на собственность отца, а на похитителя её как на похитителя чужой собственности. Благодаря такому взгляду общества и снисходительности законов, похищение женщин увеличилось до крайней степени. Это похищение служило пищей жаждущих разврата и падких до

чувственных удовольствий греков. Похитив женщину, грек наслаждался ею до тех пор пока хотел; но лишь только она наскучила ему, он прогонял её от себя, и это не оставляло никакого позорного пятна на женщине³²⁷.

Этого мало; разврата не могли удовлетворить ни конкубины, ни гетеры, ни похищение женщин; потребовались женщины, которые предлагали бы свои ласки каждому желающему и, благодаря развращенности женщин, эти личности явились и быстро распространились по всей Греции; число публичных домов возрастало в Греции ежедневно до невероятности. Эти приюты разврата были местами постоянных собраний развратных греков; сюда шёл старик и юноша, бедный и богач, и все по мере сил своих старались тратить здесь последнюю долю своего нравственного чувства, последнюю долю любви к семье и дому. Публичные дома в Греции появились очень рано. Они существовали еще до Солона, а этот законодатель даже признал их существование дозволенным законами и наложил на них подать, которую он употребил на сооружение храма Венеры³²⁸. После его смерти афиняне находили себя вынужденными постоянно признавать законность существования этих домов; они обложили их податью³²⁹.

Одно нарушение законов природы и нравственности влечёт за собой и другие. Греки, унизив женщину до последней степени, считая её не дополнением существа мужчины, а орудием его похоти, через это впали в новый порок – противоестественный разврат. В самом деле, если женщина есть только орудие для удовлетворения чувственных страстей мужчины, то от чего же грек не мог позволить себе этого удовлетворения с другим полом, или вообще противоестественно. Вследствие упадка женщины и нравственности, противоестественный порок был распространён в греческой жизни до чрезмерной степени: всякий считал себя вправе предаться этому пороку при первом удобном случае. Сколько бы мы не увеличивали области господства этого презренного порока, мы всё же бы сказали мало о его распространении в Греции. А между тем никто из

греков не думал возмущаться этим пороком. Мало того; поэты и философы, Платон, Сократ и Аристотель, оправдали это преступление против нравственности и против природы; даже во всей литературе Греции нельзя найти писателя, который вооружался бы против этого порока. В поэтических произведениях греков постоянно выводится на сцену любовь к мальчикам и ей даже даётся преимущество перед любовью к женщине. Само законодательство не противодействовало этому пороку. Солон запретил наслаждение с мальчиками только рабам, а свободным позволил. Таким образом, одно из преимуществ свободного гражданина состояло в том, что он мог под покровительством закона свободно предаваться этой гнусной страсти к мальчикам³³⁰. До такой степени дошел упадок нравственности греков, так сильно притупилось их нравственное чувство, что такой гнусный противоестественный порок совершался вполне открыто.

Такое развращение нравов у греков было всеобщее; не было ни одной личности, стоявшей выше бывшего тогда низкого уровня нравственности греков. Учёные мыслители и философы Греции все были заражены тем же духом всеобщего развращения. Преследуя те или другие недостатки общественной жизни греков, они не нападали на эту развращённость граждан. Они даже проводили в своих сочинениях развратные идеи, которые должны были сами внести заразу в общество и нередко имели целью оправдать разврат путем литературы. Дело дошло до того, что мужья стали запрещать своим женам читать произведения греческих поэтов³³¹. Должно быть хороши были мысли этих поэтов, если даже развращённые мужья считали их вредными для нравственности своих жен. Достаточно припомнить тот нарушающий всякое нравственное чувство идеал, который построил Платон для своего образцового государства, а именно *общение жён*, чтобы убедиться в том, что учёные греки стояли не выше массы в нравственном отношении.

Жены также не оставались в долгу у мужей. Смотря на ту свободу, которая была предоставлена гетерам, они стремились достигнуть этой свободы через эмансипацию. Их нисколько не

привлекала к дому ни семья, ни воспитание детей. Детей они отдавали на попечение рабов, а сами предавались распутству, роскоши и разного рода увеселениям. Таким образом, мужья и жены старались превзойти друг друга в разврате и пороках. Таково было нравственное состояние Греции перед пришествием Спасителя.

Рим представляет не лучшую картину в нравственном отношении. Те же самые пороки, которые существовали в греческом обществе, бросаются в глаза и здесь. Наложничество (конкубинат) и здесь, как в Греции, было доведено до последней степени; наложницы жили рядом с законными женами и закон был не в силах противиться этому злу.

Закон нашёлся вынужденным признать за наложницами право на существование, только ограничил их число, не позволив гражданину иметь больше одной при законной жене. Общественное мнение смотрело без всякого смущения на этот факт. Были даже такие римляне, которые на надгробных камнях рядом с именем жены выставляли имя наложницы³³². Публичные женщины были также очень распространены в Риме; римляне стремились к обществу этих женщин со всей необузданностью развратных людей. В актах христианских мучеников мы встречаем непрерывные примеры того, что судьи приговаривали мучениц-христианок к помещению в домах терпимости, чтобы лишить их девства³³³. Хуже этого развратного взгляда на женщину и отношений между полами нельзя ничего представить. Здесь от лица закона женщины приносятся в жертву развратным наклонностям римского общества. Жажда чувственных наслаждений заставляла римлян похищать и насиловать чужих жён и девиц. Это случалось так часто, что, кажется, никакое преступление в Риме не повторялось чаще похищения и насилия девиц. Что же предпринимает против этого римский закон? Почти ничего. Правда, он по-видимому очень строго относился к этому делу, предоставив похищенной и изнасилованной женщине право требовать смерти своего похитителя или требовать, чтобы похититель загладил свой проступок браком с нею³³⁴. Что может более покровительствовать разврату? Наказание преступления

предоставлено женщине, которая при развращённости общества весьма часто сама была участницей в своём похищении и соглашалась на разврат с мужчиной.

Такое состояние общества окончательно деморализовало женщину, – ту половину человеческого рода, на которой лежит великая задача воспитания детей и нравственного улучшения человечества. Видя со стороны мужчины такое нарушение нравственности и верности брачному союзу, женщины и сами старались завладеть тем же правом. Римский закон не наказывал мужчину за сношение с развратной женщиной. Для того чтобы приобрести себе подобную свободу и право предаваться своим порочным наклонностям, жёны даже самых знатных римлян старались переходить в число распутных публичных женщин. Между тем как мужа предавались разврату в публичных домах, их жены дома делали то же самое, окружали себя любовниками, тратили громадные суммы на предметы роскоши, занимались развратными историями. Ничего не было порочного и низкого, чего бы они не позволили себе³³⁵. Целомудренность женщин была так редка, что получить целомудренную жену считалось необыкновенным делом³³⁶.

Вот до чего довел язычество его брак своей полигамией и разводом! Вот какое зрелище разврата представляет языческое общество, где женщина была унижена до степени бессловесного существа! Начиная с императора и кончая последним подданным римского государства, все до одного заразились этой атмосферой, наполненной миазмами разврата. Не было уже ни семейных уз, ни святости брачного союза, ни верности супругов, ни целомудрия девиц, ни стыдливости жен. Всё это греческое и римское общество принесло в жертву разврату и разнузданности страстей. Вот как характеризует язычество Дёллингер: «унижение женщины, презрение брака, нарушение супружеской верности, отвращение от детей из эгоизма и разврата, сопровождаемое преступлениями, легкость развода и вторичных браков, неестественный порок, публичное бесстыдство, унижение бесчисленных классов людей до степени презренных орудий похоти, – все эти нравственные

пороки в совокупности господствовали на всём пространстве и были причиной обезлюдения целых провинций»³³⁷.

Не представляет утешительного зрелища и народ еврейский в эпоху перед появлением христианства. Правда, здесь никогда нравственные пороки не доходили до таких широких размеров, как у греков и римлян, но полигамия и развод, допущенные законом, сильно поколебали нравственные основы жизни. У евреев было велико нравственное развращение. Вследствие полигамии и развода еврей привык смотреть на женщину очень низко. Брачная верность и прочность брачного союза сделались крайне шаткими. По свидетельству современников еврей отличался своей чувственностью до такой степени, что увидев красивую женщину, он не мог удержаться, чтобы не увести её³³⁸.

3.5. Влияние христианского брака на семейную и общественную жизнь

Таким образом, когда явилось христианство, мир представлял ужасное зрелище нравственного упадка и разврата. Новое законоположение о браке, возвышение его, дарование женщине тех прав, которые ей принадлежат по природе, восстанавливает этот мир, погрязший в разврате. Христианство никак не могло сносить, чтобы супружество было оскорбляемо и унижаемо наложничеством; наложничество было не совместимо с той высокой святостью и чистотой брака, какой требует христианство. Наложничество нарушало то безусловное единство брачных уз, какое требуется от христианского брака. Наложницы постепенно были изгнаны. Впрочем, они ещё существовали в первые века христианства и даже законы христианских императоров признавали их существование, хотя и с большими ограничениями. Это была дань тому остатку развращенных нравов, которыми запятнало себя языческое общество. Но наконец, христианские понятия о браке успели сильно проникнуть в общество и изгнать оттуда этот остаток грубого и безнравственного язычества. Похищение и растление жён, столь частое в язычестве, потерпело в христианстве значительное сокращение и даже уничтожение. Как в язычестве похищение случалось каждый день, так, напротив, в христианстве на него смотрели, как на редкость и стремились даже уничтожить совершенно. Одно то уже, что император Константин нашёл возможным наказывать это преступление смертной казнью³³⁹, показывает, что оно почти не существовало в христианстве. Как бы мог быть приложен этот закон к практике, если бы и в христианский период государства, это преступление повторялось столь же часто, как и в языческий. Закон остался бы без применения, потому что по строгости его нельзя было бы применить его к столь распространенному пороку. Публичный разврат также уменьшился до такой степени, что император Феодосий II хотел запретить и уничтожить все публичные дома, в чём ему помогал Флоренций, – один богатый

правитель. Так как публичные дома доставляли государству огромные доходы и, след., с закрытием их государство потерпело бы значительный урон, то правитель предложил свои услуги и имущество для покрытия государственных потерь, происходящих от закрытия этих домов³⁴⁰. Правда, попытка императора Феодосия не удалась и публичные дома ещё существовали, но уже одно намерение императора показывает, что разврат очень уменьшился, так что показалось возможным прекратить его совершенно. А благородный пример Флоренция свидетельствует, что взгляд христиан на разврат был совершенно иной, нежели у язычников. Как язычники не считали разврат и преступлением, так напротив, христиане отвращались от него, как от гнусного порока. Находились люди, как напр. вышеупомянутый Флоренций, которые не щадили даже собственного имущества, чтобы только других предотвратить от разврата. История христианства представляет нам много высоконравственных личностей, о каких не знало язычество, по крайней мере, в этом отношении. Целомудрие считалось столь священным в глазах христиан, что они соглашались скорее умереть, нежели лишиться его. В актах мучеников можно видеть, что даже язычники сознавали, как высоко христианские жены ценили своё целомудрие. Потому, когда никакие пытки и мучения не могли принудить их отречься от Христа, судьи отправляли их в публичные дома; и это было для них самым жестоким мучением. Они соглашались лучше перенести смерть, нежели идти в эти дома и лишиться девственности. Нарушение супружеской верности было также чрезвычайно редко в христианстве, так как император Константин нашёл возможным это редкое, но вместе с тем постыдное в глазах христианина, преступление наказывать смертью³⁴¹. Христианские апологеты осмеливались говорить в глаза язычникам, что языческое общество достигло крайней степени развращения, между тем как христиане всем известны чистотою своей нравственности. На это язычники ничего не могли сказать, потому что факты, свидетельствующие о высокой нравственной чистоте христиан, были налицо. Самая даже роскошь и безумная трата имущества и денег, которые были доведены в язычестве до крайней

степени, особенно перед пришествием Спасителя, в христианстве быстро начали уменьшаться. В христианстве женщина, сознавши своё человеческое достоинство, сознавши, что не в том состоит её назначение, чтобы быть игрушкой мужчины, естественно должна была оставить эту безумную роскошь, употребляла своё имение на дела благотворительности и сама себя посвящала на служение ближним. Действительно в первые века христианского общества мы видим как богатые женщины жертвуют всем своим имуществом, чтобы помочь бедным и страждущим, не думая тратить его, как тратили языческие жёны. Таким образом, нравственная чистота служила первым отличием христиан, мужчин и женщин; презрение к пороку и желание лучше умереть, чем сделать преступление против девства или супружеской верности – все эти черты нравственного характера появились только со времени Христа. Язычество представляет совершенный контраст этой нравственной чистоты и святости; иудейство стояло также на низкой степени в нравственном отношении.

Чем же объяснить этот переворот в нравственном мире? Главная причина этого конечно заключается в тех понятиях, какие христианство сообщило о браке. Оно сделало брак союзом душ, союзом столь же священным и нерасторжимым, как священ союз Христа с Церковью. Здесь не должно быть нарушения супружеской верности, потому что брак свят, как святость составляет конечную цель союза Христа с Церковью; супруги должны быть единым телом. При таком высоком нравственном характере брака, непременно должно было уничтожиться то беспрестанное нарушение брачных уз, какое мы видели в язычестве, где брак был простым гражданским учреждением. Притом христианство, возвысив женщину, тем самым возвысило и брак. Женщина признана таким же человеческим существом, как и мужчина. Потому она уже не могла быть рассматриваема как орудие, назначенное для удовлетворения похотей мужчины. Загнанная в язычестве, она легко поддавалась всякому порыву своих чувственных страстей; между тем как возвышенная в христианстве, она

получила нравственную твёрдость, так как ей самой нужно было заботиться о своём положении в Церкви. Женщина, окрепшая нравственно, уже не могла быть увлечена в бездну разврата. Известен неизменный закон природы, что если человек находится в состоянии рабства, то его нравственная природа искажается и обезображивается, нравственный характер падает; напротив, чем более получает человек законной свободы, тем выше его нравственная природа. То же испытала на себе и женщина. В язычестве она была унижена, а потому развращена и нравственно искажена; в христианстве она получила человеческие права, возвысилась и, потому её нравственный образ достиг совершенно неизвестной язычеству нравственной высоты.

Установление правильного брака и восстановление женщины отразилось и на семейной жизни не только супругов, но и всех членов семейства. В язычестве при понятии о браке, как гражданском учреждении, не могло быть и речи о семье, в том смысле этого слова, какой придало ему христианство. Конечно и в древние времена, до христианства, была семья; без семьи не может быть человеческого общества, потому что семья не есть что-нибудь искусственное, созданное тем или другим законодательством, а есть прирождённая человечеству форма жизни. Вследствие этого везде, где бы ни находился человек, мы находим семью. Этот закон вложен в человека Самим Творцом... Но постепенно эта естественная форма жизни искажалась вследствие повреждения и уничтожения тех чувств, которые служат основой семейной жизни. При том браке, какой существовал в язычестве, семья потеряла свою основу. Брак имел чисто гражданский, общественный характер; здесь преследовались чисто политические интересы. Могла ли быть при таком взгляде на брак любовь между супругами, которая служит основой семейства. Гражданский характер брака совершенно не допускал этой любви. Притом полигамия и развод успели бы уничтожить эту основу, если бы и могла сохраниться некоторая слабая тень её в языческом обществе. Мы видим, что семья в язычестве в этом отношении все более и более слабеет; любовь между супругами признаётся

излишнюю и супружество доводится до степени обязательного гражданского долга; порча нравов прекращает это самопожертвование в пользу государства; супружество падает; браки становятся день от дня реже и реже; никто не хочет брать на себя этого бремени, никто не желает приносить в пользу государства своих естественных наклонностей и влечения сердца. Все пришли к заключению, что им гораздо удобнее и выгоднее пользоваться сожитием вне брачного союза. При таком взгляде на брак, как на гражданское учреждение, при господстве эгоистических интересов, никто не хотел уже довольствоваться одними брачными узами. Разврат потребовал постоянного расторжения супружеских союзов. Сначала мужья, как деспотические владыки, пользовались этим правом, потом и жены присвоили его себе. Дело дошло до того, что, по словам одного сатирика, жёны считали года свои не по числу консулов, как велось в древние времена, а по числу своих мужей. Тесная связь, любовь супругов, которая должна составлять основу семьи, была совершенно уничтожена в язычестве. Ничто не привлекало молодого человека к домашнему очагу, который должен быть источником тихого семейного счастья; все бежали от супружества, как от тяжкого бремени; все стремились сбросить с себя эти оковы. Всё это зависало от того понятия, какое язычество составило о брачном союзе. Гражданский характер брака уничтожил все связи, которые соединяют семью, служат основой её. Какие меры предложило язычество миру для поправления этого зла? Как думали язычники удерживать семью от её конечной гибели? Какое средство они измыслили, чтобы мужа привлечь к жене и жену к мужу и тем остановить распространившееся отвращение мужчин к семейной жизни? Язычество предлагало меры гражданские. Брак по понятию язычников был обязанностью в отношении государства; потому государство и должно регулировать брачный союз; оно должно побуждать к браку наградами и наказывать отвращение от него различными пенями. Так действительно и было. Император Август, который в годы юности был проникнут духом своего времени и своего народа, под старость окинул взглядом всё современное ему общество и ужаснулся, увидев, что целые

провинции обезлюдели вследствие отвращения его подданных от семейной жизни. Для того, чтобы восстановить семью, он полагает награды тем, которые вступали в супружество, и наказывает тех, которые оставались вне брака. Конечно, язычество ничего не могло принимать лучшего, не изменяя взгляда на брак, как гражданское учреждение. К несчастью все старания этого императора остались тщетными: склонность к безбрачной жизни распространялась с каждым днём; молодые люди того времени соглашались лучше понести наказание, положенное в законе за безбрачие, нежели обязать себя этими узами. Семья распадалась от недостатка самого существенного элемента, именно супружеской любви, – любви, которой язычество не требовало и даже не знало.

Кроме любви мужа к жене и жены к мужу в число элементов, составляющих основание семьи, входит любовь родителей к детям и детей к родителям, так как брак имеет целью нарождение нового поколения и воспитание его. Этой любви в язычестве также не существовало. Языческий брак, как государственное учреждение, имел целью рождение и воспитание детей, как только граждан, а не как индивидуумов, не как человеческих существ. Потому отец, как глава семьи, обязывался доставлять государству как можно больше граждан и как можно лучших. Все личные симпатии к детям здесь должны были уступить место суровой необходимости рождать и воспитывать новых граждан. При таком взгляде на цель брака, в основе отношений отца к сыну, конечно, не могла лежать любовь, а должен быть положен страх перед отцом, как грозным владыкой. Отец смотрел на своих детей, как на что-то чуждое для него; он должен был преследовать одну цель – дать государству сильных граждан; он имел безграничное право жизни и смерти над своими детьми. Часто отец приносил свою любовь к детям в жертву государству, для которого он и вступал в супружество. Рим представляет нашим глазам Манлия Торквата и Кассия, которые убили своих детей для республики. Они были сынами своего времени и потому римляне не только не содрогались от такой жестокости, а напротив, питали к ним чувство уважения за такое пожертвование своими интересами

для пользы государства. До такой жестокости доходила отцовская власть³⁴².

Кроме лишения жизни своих детей отец мог продать их в рабство, и никто не имел права удерживать его от этого намерения. Отец имел право женить своего сына; и само правительство вмешивалось в семейную жизнь и окончательно убивало все её живые силы. При браке, как государственном учреждении, было естественно, что само правительство имело строгий надзор над семьёю, уничтожая священные узы любви, которые соединяют детей с родителями. Древность дороже всего ценила в гражданине физическую силу и ловкость; потому и государство имело целью преследовать в детях именно эти качества. Дети, слабые, больные и уроды ему были не нужны; потому оно требовало, чтобы отцы без пощады убивали подобных детей или выбрасывали их вон³⁴³. Мы находим в язычестве этот обычай общераспространённым; не одна только Спарта прославилась им, и Рим запятнал себя этим варварством. Привыкши к этому варварскому обычаю, отцы уже не гнушались распространять его ещё дальше. Бедные родители, желая освободиться от воспитания детей, выбрасывали их на произвол судьбы; дети делались жертвами голода или зверей. И не одни бедные родители прибегали к этому средству избавляться от своих детей, и богатые часто пользовались им. Для того, чтобы освободиться от плодов прелюбодеяния, они выбрасывали эти несчастные жертвы своего распутства³⁴⁴. Часто родители, желая скрыть свои преступные связи или просто не желая иметь детей, умерщвляли их ещё прежде, нежели они появлялись на свет. Это вытравление детей в утробе матери с каждым днём принимало более и более широкие размеры. Перед Рождеством Христовым оно особенно сильно было распространено. Законы не думали полагать конец этому преступлению, потому что с точки зрения язычников отец, как неограниченный властелин жизни и смерти своего дитяти, мог умертвить его законно как до рождения его, так и после его рождения. У отца кроме этого было ещё средство сбыть с рук дитя, которое воспитывать он не желал, – он мог не признать его своим. По римским законам и

обычаям дитя по рождению приносили к отцу и, если он признавал дитя своим, то обязывался воспитывать его; если же нет, то дитя немедленно выбрасывалось на произвол судьбы³⁴⁵. Таким образом, отцовская власть в язычестве преступала всякие границы человечности; здесь деспотизм проявлялся во всём своём безобразном виде. Грубее этого деспотизма ничего нельзя представить. Убить собственное дитя или выбросить его на произвол судьбы – и это считалось законным и согласным с человеколюбием! Даже образованные люди своего времени, языческие философы, и те не думали возражать против этого жестокого деспотизма отцовской власти. Мало того, они напрягали весь свой ум, чтобы оправдать эту зверскую свирепость, эту бессердечную жестокость отца³⁴⁶.

Могло ли после этого существовать у язычников семейство в том смысле, в каком мы его понимаем? Конечно нет; у язычников не было подобного семейства. Римская «familia» не есть даже и семья. Основами этой «familia» были не брачные отношения, её соединяла узами не любовь между супругами, между родителями и детьми и между родственниками, а деспотическая власть мужа над женой, отца над детьми, словом – деспотизм *paterfamilias*. Потому сын эмансипированный не принадлежал к семье и даже не наследовал имущества отца без завещания; напротив, посторонний человек, принятый посредством усыновления, принадлежал к семейству³⁴⁷. Это деспотическое начало, лежащее в основе родственных отношений, и было причиной упадка семьи. При недостатке любви между супругами, брак упал до последней степени; при недостатке родственной любви, власть отца перешла границы умеренности и превратилась в один грубый, жестокий деспотизм. Личность сына была уничтожена и сливалась с личностью отца, который составлял в семействе всё, или лучше сказать, был единственной личностью в семье.

Христианство произвело здесь громадный переворот. Оно объявило, что брак может существовать только при любви между супругами, любви столь высокой и чистой, какая существует между Христом и Церковью. Признав, что женщина

есть личность, имеющая человеческое достоинство такое, какое и муж, христианство тем самым уничтожило деспотизм мужа. Брак христианский имеет свою целью воспитание детей, которые, родясь от такого брака, уже с самого рождения призываются быть членами царства Христова на земле и суть личности такие же, как и родители их. Этим христианство ограничило отцовскую власть и уничтожило право лишать жизни своих детей. Никто не может лишать жизни дитя, которое есть творение Божие; родители обязываются самым браком воспитывать детей для Церкви, а не умерщвлять их по своему произволу. Таким образом, христианство, поставив требованием супружеских отношений любовь, должно было уничтожить древний деспотизм отцовской власти. Оно уже не могло хладнокровно смотреть на языческую жестокость нравов в отношении права на жизнь и смерть, – права, которое принадлежало отцу над детьми. Христианские учителя с самых первых времён старались отнять у отцов это жестокое и зверское право. Ничто так сильно не оскорбляло их гуманного чувства как эта неестественная жестокость и притом жестокость со стороны тех лиц, которые больше всех должны любить, потому что дети суть плоть и кровь отца³⁴⁸. Отцы должны были переменить свой взгляд на детей и представлять их своею плотью, которую они должны любить, а не показывать на ней опыты своего жестокого и грубого деспотизма. Вот почему человечество с принятием христианства должно было с ужасом отвращаться и отвращалось от права отца на жизнь и смерть своих детей. Законодательство также подтвердило этот всеобщий взгляд христиан и отняло у отцов это старинное право³⁴⁹.

Таким образом, благодаря христианству, было восстановлено семейство, бывшее на развалинах у язычников. Конечно, было много причин, которые способствовали восстановлению семьи, разрушенной язычеством; но нет сомнения, что самою главною причиною было восстановление брака и утверждение его на других основаниях, нежели какие были в язычестве.

Не трудно убедиться, что восстановление семьи имело самое благотворное влияние и на воспитание детей, и на просвещение целого человечества: семейное воспитание есть корень цивилизации. Если язычество разрушило семью то, само собой разумеется, что у него не могло быть и надлежащего семейного воспитания. Воспитание семейное пало и тем самым целое человечество было обречено в жертву невежеству и грубости, которые могут быть уничтожены единственно семейным воспитанием человека. Брак был лишён в язычестве характера индивидуальности; все цели брака заключались не в супругах, состоящих в браке, а в государстве. Вступающие в брак должны были смотреть на своё дело, как на долг, которым они обязаны государству; через брак они должны были дать государству новых членов. Государство обязывало супругов именно это и иметь в виду с самого первого момента своего супружества и заботиться об этом больше всего. Смотря на брак, как на гражданскую обязанность, государство естественно, прежде всего, должно было взять под свой присмотр детей, как своих новых граждан. Вот причина, почему в язычестве государство берёт на себя обязанность воспитания, не предоставляя её родителям. Семейного характера воспитания в язычестве не существовало; государство с самого первого момента жизни дитяти старалось регулировать его воспитание. Особенно государственный характер воспитания выразился во всей своей силе в Спарте. Даже самые образованные люди в язычестве не сознавали всего вреда и опасности от такой постановки воспитания и от такого государственного его характера. Платон в своём идеальном государстве хотел, чтобы дети немедленно после рождения отдавались правительству, так чтобы мать даже не знала своего дитяти³⁵⁰. Аристотель был почти такого же мнения об этом предмете, хотя и не доходил до крайности платоновского воспитания³⁵¹. Язычество не могло допустить семейного воспитания. Правда, на практике не всегда строго соблюдался этот государственный идеал воспитания, а давали право родителям под надзором государства заниматься воспитанием своих детей; но от этого воспитание выигрывает очень мало. Отец, смотря на сына, как на нового члена

государства, стремился развить в нём те способности, которые, прежде всего, необходимы для гражданина, а не для человека вообще. Характер воспитания был чисто государственный; развивали в дитяти физические силы и ловкость, сообщали ему знание законов и учили прилагать их к практике, но не заботились о воспитании в тесном смысле этого слова, не старались развить в дитяти тех сил и способностей духа, которые необходимы для него, как для человека. Потому мы не ошибёмся, если скажем, что в язычестве не было воспитания, а было одно только образование с государственным характером. При потере браком индивидуальности, вследствие его государственного характера, и дети – плоды брака стали рассматриваться именно с этой государственной точки зрения; не было надобности воспитывать их как людей, нужно было образовывать их, как членов государства. Если само государство не занималось образованием, то предоставляло отцу развивать в дитяти те стороны, какие нужны для государственной жизни, – отцу, как представителю власти государства в семье. Мать была совершенно устранена от воспитания детей. Впрочем, она едва ли и могла воспитывать дитя. Загнанная, лишённая человеческого достоинства в язычестве и вследствие этого нравственно надломленная и искалеченная, мать не могла быть хорошей воспитательницей своих детей, не могла им сообщить того высокого нравственного элемента, какой требуется от воспитателя. Притом и само государство не могло смотреть одобрительно на женщин – воспитательниц. Государство, основанное на грубой физической силе, требовало её и от воспитателя, как необходимую принадлежность. Оно никак не могло согласиться допустить до воспитания мать – представительницу мягкости характера и женственности, как противовес грубости мужчины. Потому в язычестве мы не находим матерей, воспитывающих своих детей. Когда же нравы развратились в Риме и вообще во всём язычестве, то родители и сами, независимо от взгляда и целей государства, стремились сбросить с себя бремя воспитания детей, – обязанность, которую налагает на них брак. Они всеми мерами старались освободиться от этого бремени,

предоставляя воспитание детей рабам. Этого ещё мало; даже из среды самих рабов они выбирали для воспитания детей менее способных, потому что более способные нужны были для обработки полей и вообще для отправления хозяйственных работ³⁵². Таким образом, воспитание дошло до степени самого низкого и последнего ремесла, исполняемого рабами.

Если таково было воспитание сыновей, то воспитание дочерей было ещё хуже. С детства предназначенные быть игрушкой страстей мужа, девицы с ранних пор только и могли слышать наставления, как развить в себе те качества, которые соответствовали этой цели. Притом женщина со дня рождения и до самой смерти признавалась существом несовершеннолетним; ей суждено было находиться в вечном деспотизме отца и мужа. При таком положении женщины, прежде всего заботились приучить её безропотно покоряться своей суровой доле и смиренно переносить разного рода притеснения и обиды, т. е. с самого дня её рождения родители направляли все свои усилия к тому, чтобы заглушить в дочери всякое чувство человеческого достоинства.

Такая постановка воспитания не замедлила принести свои горькие плоды. Дитя, с детства не получая никакого развития главных способностей души, которые, отличают человека от животных, теряло своё человеческое достоинство. Так как родители нимало не заботились о нравственном воспитании своих детей, поставляя на место нравственности одни гражданская добродетели, то поколение за поколением постоянно грубело и нравственно упадало, и наконец, около Рождества Христова, как мы уже видели, нравственность упала до такой степени, что люди уже не находили никаких средств поправить дело. Образование в язычестве состояло только в развитии гражданских добродетелей. Когда же эти добродетели пали, люди оказались без всяких нравственных принципов, лишённые всякой нравственной точки опоры. Всеобщее развращение и нравственный упадок человечества были неизбежными следствиями отсутствия надлежащего воспитания. Презрение к труду, презрение к самой жизни, непомерная роскошь, отвращение от семейной жизни,

исключительное преобладание эгоистических интересов и всеобщий разврат – вот те неизбежные последствия, которые повлекло за собой отсутствие воспитания в язычестве. Что же сделало христианство? Оно установило брак с целью воспитания детей, чтобы они были членами царства Божия на земле; оно изменило гражданский характер воспитания, какой был в язычестве, а вместо этого предоставило родителям священное право самим воспитывать своих детей, чтобы приготовить из них, прежде всего слуг Божиих и сделать их гражданами вечного царства. Христианство учило, что гражданские добродетели, науки и искусства не приведут ни к чему доброму, не принесут никакой пользы, если основы жизни будут нам неизвестны, если мы будем чужды тех целей, какие начертаны в самом нашем существе. Потому христианство требовало, прежде всего, развития личности и человеческого достоинства, чтобы на этом, как на базисе, человек мог основать всё своё знание, всю свою деятельность. Развращение общества, упадок языческого мира Отцы и Учителя Церкви видели именно в том, что было потеряно при воспитании из виду высшее назначение человека и забыта его конечная цель³⁵³. При таком взгляде на воспитание, Учителя Церкви увещевали родителей не предоставлять этого важного дела рабам, а обязывали их самих заниматься этим, потому что в доверии этого дела рабам они видели причину нравственного рабства целого человечества³⁵⁴. Обязательность воспитания особенно возлагается на мать. Её первую обязанностью Учителя Церкви считали именно воспитание³⁵⁵. Благодаря этому история христианства представляет нам примеры многих знаменитых матерей – воспитательниц, напр. Нонну – мать Григория Назианзина, Монику – мать Августина, Анфису – мать Златоуста. Таким образом, мать сделалась рассадником возрождения человечества. Христианский брак послужил не только средством к размножению рода человеческого, но и орудием к духовному возрождению человечества. Новейшая цивилизация, гордящаяся своими познаниями, есть плод этого прекрасного учреждения. Среди язычества начало вырождаться всякое образование, всё истинно прекрасное и высокое в нём

прекратилось, все жизненные силы просвещения исчезли. Явилось христианство, изменило воспитание, дало ему другое направление, положило новые основы, – и человечество пошло снова быстрыми шагами вперед.

Изменивши человечество через новую постановку воспитания, христианство тем самым положило крепкую основу и для государственной жизни. Язычество стремилось к этой государственной жизни, как к своей цели, и в корень уничтожило её; христианство поставило целью индивидуальное перерождение человека и тем возвысило силы государства. Христианство, положивши в основе брака личность вместо языческой государственной обязанности, способствовало возвышению каждого отдельного человека. Брак есть основа общественной жизни и потому христианство, возвысив брак, тем самым возвысило и общество и государство. Какое печальное зрелище представляло язычество перед пришествием Спасителя! Всюду распространившееся отвращение от брачной жизни, истребление своих детей, чтобы не воспитывать их, – все это в совокупности довело состояние язычества до самой крайней степени упадка: целые провинции опустели, потому что народонаселение с каждым днём все больше и больше вымирало; поля оставались невозделанными, потому что некому было возделывать их; распространившаяся апатия и презрение к труду завершали общественное бедствие. Напрасны были усилия Августа и других императоров хотя сколько-нибудь поправить беду³⁵⁶. Отчего же это произошло? Главным образом от упадка брачного института. Когда брак потерял значение государственного долга, когда в нём стали искать только удовлетворения своим чувственным наклонностям и страстям, тогда естественно должен был упасть законный брак; его избегали, потому что считали лучшим для себя жить вне брака. Целью брака в язычестве было рождать новых граждан, следовательно, цель государственная. Когда человечество развратилось, оно стало тяготиться этим служением государству; мужья старались сбывать с рук этих слабых существ. Следствием этого было обезлюдение целых провинций и недостаток рабочих сил.

Христианство, установив правильное понятие о браке, возвысив и освятив отношения между супругами, тем самым способствовало возвышению брачной жизни в глазах общества. Браку были сообщены новые силы и он снова стал привлекать к себе вместо того, чтобы отталкивать, так как он имел высокую и священную цель, а не удовлетворение одной лишь чувственной похоти. Благодаря всему этому начинает возрождаться общественная жизнь; снова был дан толчок деятельности, снова были возбуждены силы, находящиеся в язычестве в состоянии сна и бездеятельности. Новейшая цивилизация, процветание наук, искусств и наконец, гуманные идеи суть плоды христианства. Если бы не явилось христианство, всё это умерло бы среди погибающего язычества при самом начале. Правда, теперь трудно и не с первого взгляда можно увидеть, что всем этим мы обязаны христианству, потому что мы родились в нём и воспитались под его влиянием. Все гуманные идеи, которые оно проповедует, кажутся нам совершенно естественными, прирождёнными человеку; кажется, что мы получаем их и доходим до них сами собой; но если так на самом деле, то почему же язычество не могло возвыситься до этих гуманных идей, которыми гордится современное человечество? И там была своего рода наука и образованность, но всё же язычество было чуждо гуманных идей. Торговля и ремёсла своим высоким состоянием также обязаны христианству. Оно восстановило индивидуум, дало ему новые силы трудиться и человечество снова принялось за труд и быстро пошло вперёд, между тем как языческий мир перед пришествием Спасителя шёл быстрым шагом назад, к первоначальной грубости и дикости. Представляя всё это, нельзя без глубокого уважения и удивления смотреть на великое дело, совершённое христианством. Но если мы будем следить за самым процессом: как христианство возрождало жизнь семейную и общественную, поставило всё на других основах и сообщило всему новый толчок, то мы ясно можем увидеть, что *главной причиной был брак*. Посредством его был возрождён союз семейный, а через этот последний и жизнь общественная,

потому что семья служит основой общества, которое есть ничто иное – как дальнейшее развитие семьи.

VI. Влияние мухаммеданского брака на семейную и общественную жизнь человека

4.1. Критика различных взглядов на положение женщины в Аравии до Мухаммеда и после Мухаммеда

Мухаммеданское законоположение о браке, противоположное почти во всех отношениях христианскому, естественно должно было принести и противоположные плоды. Многожёнство, дозволенное Мухаммедом, легкость развода по требованию и желанию мужа, поглощение им личности жены и чувственный характер, обнаруживающийся во всем законодательстве ислама о браке, не могли не произвести печальных последствий и не оставить после себя горьких следов в жизни как отдельных семей, так и целых государственных корпораций. Брак есть договор двух лиц, мужа и жены. Потому нерациональность этого законоположения, прежде всего, должна была отразиться на котором-нибудь из лиц, вступающих в брачный договор. И действительно, мухаммеданский брак по причине неравности отношений, какие он установил между супругами, слишком губительно повлиял на одну половину человеческого рода, именно на женщину, – она упала до самой последней степени.

Никто из учёных не спорит о том, что положение женщины в мусульманстве чрезвычайно плохо сравнительно с христианством. Но когда обращают внимание на положение женщины в Аравии до и после Мухаммеда, то учёные во мнении относительно мусульманского законодательства расходятся. Одни из них думают и доказывают, что Мухаммед ухудшил и без того уже незавидное положение женщины в Аравии; другие напротив, стараются доказать, что он значительно улучшил это положение женщины и дал ей многие права, которых она раньше этого времени была лишена. К числу первых принадлежит английский учёный, Мюр, который очень сильно обвиняет Мухаммеда в крайнем унижении женщины в Аравии³⁵⁷. К числу последних принадлежат французские известные учёные Коссен-де-Персеваль³⁵⁸, Сент-Илер³⁵⁹ и Ренан³⁶⁰. Замечательно, что французские учёные ориенталисты

очень щедры на панегирики в честь Мухаммеда, – на панегирики, которые отзываются часто явными натяжками. Напротив, немецкие и английские учёные не находят в мусульманстве этих похвальных сторон. Так и в настоящем случае. Потому решение этого вопроса требует большого труда. Насколько по своему интересу он заслуживает серьёзного внимания, настолько по разногласию о нём учёных исследователей он требует немало труда. Мы постараемся решить этот вопрос, не отступая от тех фактов, которые представляются в подтверждение того и другого мнения. Изложим сначала мнение защитников Мухаммеда и те доказательства, которые они приводят в свою пользу, потом сделаем критическую оценку их и выведем своё заключение.

Защитники Мухаммеда говорят, что он не только не имел многожёнства, но нашёл его в Аравии очень распространённым и употребил все усилия ограничить его и действительно ограничил его четырьмя женами, что составляло большой шаг вперёд при всеобщем господстве крайнего многожёнства. Они думают, что многожёнство было сильно укоренено в нравах и обычаях арабов, так что Мухаммеду не было никакой возможности искоренить его, не подвергаясь опасности быть отвергнутым и не иметь никакого успеха; многожёнство вообще составляет отличительную черту жизни восточных народов и всегда было язвою их обществ. «Нужно признаться, – говорит Сент-Илер, – что не Мухаммед ввёл полигамию. Он нашёл её укоренившеюся с незапамятных времён у тех народов, которых он обратил в ислам; она была к несчастью обычаем почти целой Азии. Итак, не следует укорять его, будто бы он ввёл её и внёс в мир этот порок и бич... Справедливая критика не должна преувеличивать тёмных сторон ислама. Аравия не была римской провинцией; доктрина христианская вместе с иудейством делала усилия проникнуть к тем племенам, которые населяли этот полуостров. Христианство положило основание моногамии у тех народов, которые вполне были приготовлены к принятию её, потому что на практике они почти все соблюдали её»³⁶¹. «Что касается полигамии, – говорит другой французский учёный, – то она существовала в нравах и законах Востока с

глубокой древности; самые знаменитые правители иудейского народа, Давид и Соломон, не были свободны от неё; Александр Македонский, вследствие своих завоеваний в Азии, последовал тем же самым традициям. Его знаменитые военачальники, сделавшиеся царями Египта и Сирии, равно усвоили себе этот обычай; след. Мухаммед, старавшийся сообразоваться с древними привычками арабов, не мог уничтожить полигамии, но он регулировал её. В этом отношении ислам представляет замечательный прогресс... Мусульманин по Корану может жениться на четырёх законных женах, но из этих четырёх законных жён каждая должна иметь свой отдельный покой и прислугу. Это сделало полигамию условием роскоши, нераздельной с богатством³⁶². Того же мнения, т. е. что полигамия была до Мухаммеда в Аравии в гораздо более распространённом виде, чем после его законодательства, держатся Коссен-де-Персеваль³⁶³, Гарсен-де-Тасси³⁶⁴ и Лоран³⁶⁵. Все эти поименованные учёные единогласно утверждают, что полигамия была сильнее распространена в Аравии до Мухаммеда, чем после него, хотя ни один из них не приводит никакого доказательства в пользу своего мнения, исключая общих рассуждений о полигамии, как отличительном признаке Востока. Вследствие полигамии и унижительного взгляда на женщину, какой существовал в Аравии до Мухаммеда, по мнению этих учёных³⁶⁶, основывающемуся на словах Корана, положение женщины в Аравии было столь плачевно и презренно, что самоё рождение дочери считалось несчастьем для отца, между тем как рождение сына было знаком особенного счастья, знаком благословения неба для отца семейства³⁶⁷. В Коране есть места, которые служат прямым подтверждением этого мнения о лишении женщины почти всяких прав и даже всякого уважения и снисходительности со стороны арабов. Вот что говорит Мухаммед в Коране о современных ему арабах: «они не желают этого (т. е. рождения дочерей) для самих себя. Если кому-нибудь из них объявляют о рождении дочери, лице его помрачается и он делается как бы поражённым горестью. Он прячется от своих по причине своего несчастья. Должен ли он

сохранить дочь и подвергнуться стыду, или похоронить её в песке?»³⁶⁸ Такое сожаление о дочери и стыд, что родился не сын, а дочь, выразительно говорит о низком и печальном положении женщины в Аравии до Мухаммеда. Вследствие такого низкого понятия о девицах и того, что арабы, имели дурное понятие о нравственных качествах женщины, так как характер женщины составлял совершенную противоположность тому, на что арабы смотрели, как на совершенство человека; вследствие всего этого некоторые арабы, лишь только рождалась у них дочь, тотчас зарывали её в землю, побуждаемые к этому варварскому поступку или бедностью, которая заставляла их бояться делить пищу с существом, которое не способно помогать им, или – грубою жестокостью и преувеличенным чувством страха: они желали избежать позора, который мог пасть на них, если когда-нибудь дочь их была похищена и обещана врагам³⁶⁹. Мухаммед постоянно при всяком удобном случае старался искоренить между арабами этот варварский обычай. Он запрещал им от имени Бога убивать детей, говорил, что они должны будут дать ответ перед судом Божиим за убийство своих невинных дочерей³⁷⁰. В подтверждение факта погребения арабами своих дочерей живыми приводят несколько историй и рассказов. Вот некоторые главнейшие из них. В Китаб-ель-Агхани рассказывается, что Кайс, сын Асима, имел множество детей, мальчиков и девочек. Он приказал убивать всех девочек, которые будут рождаться вновь, при самом рождении. К этому жестокому приговору он был вызван следующим случаем: молодой глава колена Яхкор, по имени Мухамради, в походе против Темимитов, потомков Сад-ибн-Зайд-Моната, похитил между пленницами молодую девушку, по имени Рамим, мать которой была сестра Кайсу. Этот последний пришёл к Мухамради просить обратно свою племянницу, предлагая ему выкуп. Мухамради предоставил Рамиме на выбор: остаться с ним или возвратиться к своим родственникам. Рамим из любви к своему похитителю предпочла его своим родителям. Кайс возвратился в таком негодовании на слабость пола, способного на подобный выбор, и был настолько поражён мыслью, как бы

которая-нибудь из его дочерей когда-нибудь не навлекла на него этого же бесчестия, что возвратившись домой, он похоронил живыми двух своих юных дочерей и поклялся, что будет поступать подобным же образом со всеми дочерьми, которые будут у него рождаться. Он был слишком верен этой клятве. После обращения в ислам колена Бену-Темим, Кайс, находясь в Медине, пришёл однажды к Мухаммеду и застал его в то время, когда он держал на коленях свою маленькую дочь и покрывал её поцелуями. «Что за овечку ты обнюхиваешь?» – сказал Кайс Мухаммеду. «Это моё дитя», – отвечал Мухаммед. «Клянусь Богом, – сказал Кайс, – я много имел маленьких дочерей таких же, как эта, но я всех их похоронил живыми, не пожалев ни одной». – «Несчастный! – воскликнул Мухаммед, – должно быть Бог лишил тебя всякого человеческого чувства; ты не вкушал самого приятного наслаждения, какое только доступно человеку»³⁷¹. Приводятся ещё другие менее известные случаи, доказывающие существование у арабов обычая погребения некоторыми своих дочерей заживо³⁷². Мухаммед сопротивлялся этому обычаю и старался всеми силами искоренить его. Он даже потребовал клятву от мединских представителей, при первом их обращении в ислам, чтобы они, между прочим, оставили этот варварский обычай³⁷³. Благодаря стараниям Мухаммеда этот варварский обычай вышел из употребления. Не только этим одним обязаны Мухаммеду арабские женщины. По словам панегиристов Мухаммеда, он дал им личность и права, которых они не имели до него. В прежнее время женщина в Аравии была лишена не только всяких прав, но даже личности и была унижена до степени простого орудия мужчины, была собственностью его. Потому на неё смотрели как на наследство, которое по смерти мужа доставалось его сыновьям и другим родственникам; даже не нужно было заключать брачного контракта для нового супружества; жену умершего родственники получали также, как и прочее наследство без всяких формальностей³⁷⁴. Мухаммед строго запретил этот обычай, клеймил подобные браки именами незаконных и учил, что жена по смерти мужа не только не составляет наследства родственников его, но напротив она есть законная

участница в наследстве мужа и должна получить свою законную часть. Наследникам строго воспрещается обижать вдову³⁷⁵. Мухаммед всегда требовал от своих последователей, чтобы они почитали и уважали своих матерей даже предпочтительно перед отцами, потому что дитя стоит больших неприятностей и беспокойств матери, нежели отцу. Потому, – как картинно выражается Мухаммед, – «сын получит рай у ног своей матери». Такое высокое понятие о женщине, принесённое в Аравию Мухаммедом, только и составляет резкую противоположность с крайним унижением женщины домухаммедова времени. После Мухаммеда, последователи его даровали женщине ещё более прав, прав рыцарских по духу, и возвели женщину на такой же высокий пьедестал, на каком она была поставлена в средние века христианскими рыцарями. Так во время войны женщины всегда уважались и уважаются. «Известны подвиги корейшитских женщин в оходской битве, говорит Авриль. В столице Расса в 1817 году вагабитские женщины освещали путь защитникам в ночной схватке, неся факелы из пальмовых ветвей, которые они намазали древесной смолой. Во время сражения с Ибрагимом пашей, автором Дерриех, они носили пить сражающимся, как французские дамы в шансоне Антиоха, или как юные девушки Бени-Абс, которые возбуждали «своих воинов» в романе Антара. М. Гюармани присутствовал в одном сражении в Неджеде. Иногда, – говорит он, – меня привлекали стоны раненных, которые просили позаботиться о них, и крики женщин, которые встречали их с радостным восторгом. Они побуждали их возвратиться в сражение, если могут, после того как пыль и уголь остановили кровь и они обвязали раны бинтами. Женщины Ехтеба показали себя достойными соперницами героинь Гимайора.

М. Тамисир рассказывает, что когда загорается война между племенами, женщины первые побуждают своих мужей идти на сражение. Жена говорит: «встань, пойдём муж!» Если муж отказывается, жена, размахивая копьём или ружьём труса и испуская сильные крики, идёт к своему отцу. «Доселе, – говорит она, – я думала, что ты отдал меня за-муж за мужчину, теперь я

вижу, что это женщина, – и оставляю его. Выбери мне мужа достойного имени мужчины».

«Во время войн Мегемет-Али, одно арабское колено вступило в сражение под предводительством женщины, по имени Халийе, которая, возбуждала суеверный страх в турецко-египетских солдатах, мало подготовленных своими собственными идеями понять героическую роль женщины. Вот как напр. турецкий автор Фациль-Бей в «книге прекрасных» выражается относительно этого участия женщин в сражении: «женщины пользовались столь высоким уважением в этой стране, что если два колена брались за оружие, то при начале битвы с той и другой стороны выступала богато одетая девушка. Верхом на своей верблюдице каждая из них составляла центр в кругу мужчин. Честь состояла в том, чтобы защитить эту девушку и прославиться в её глазах, сражаясь подле неё и не отступая от неё. И нужно присутствовать при этом, чтобы представить все волнение и резню, которые происходили между этими арабами. Всякий храбрец рисковал своей головой, лишь бы защитить юную девушку. В случае поражения начинается другое зрелище. Побеждённые не обращаются в бегство: сгруппировавшись кругом девушки, они обрекают себя на смерть. Только тогда враг овладеет ею, когда она сломит себе шею в этом кругу и предаст себя за своё колено. Ужели я не должен пожалеть об этих племенах, где две тысячи человек умерли за одну женщину!"... «Арабы сохраняют делающий честь их расе обычай, которого я только что коснулся. Об этом находятся свидетельства в рассказах современных путешественников. М. Пальгрэв так рассказывает о сражении, которое происходило между войсками Неджеда и бедуинами Аймана: «впереди бедуинской армии согласно обычаю ехала hade'e'yaḥ, т. е. молодая девушка из хорошей фамилии, отличающаяся своим мужеством. Она ехала на верблюде в первом ряду для того, чтобы устыдить трусов и воодушевить храбрых своими сатирическими и элегическими рассказами. Она была замечательна по своему стану и красноречию. Она погибла от удара копья, и полагают, её смерть решила поражение айманской армии»³⁷⁶. Несчастному воину, который

успеет скрыться в гареме, даётся пощада. В прежнее время это право, дарованное женщине в духе рыцарства, могло даже спасти жизнь преступника. Во времена Мамелюков преступника, приговорённого к смерти, выводили на место казни с завязанными глазами, потому что, если бы он встретил на дороге гарем и, увидев его, коснулся рукою одежды одной из женщин составляющих его, жизнь его была бы спасена³⁷⁷. В этих правах, предоставленных женщине, видно то же самое желание возвысить её, какое было постоянным стремлением Мухаммеда, глубоко поражённого печальным положением современной ему арабской женщины. Благодаря такому покровительству религии, женщины начали так высоко поставлять заслугу Мухаммеда и его законодательства для себя, что результатом этого получилась сильная привязанность их к своему законоположению, которое направлено к поддержке и охранению прав женщины от притеснений со стороны мужчины; женщины начали видеть в судьях своих охранителей и оберегателей своих интересов. Однажды французский генерал Домас спросил Шамби (племя арабское в Сахаре): «желали ли бы ваши жёны жить под покровительством одних европейских законов? – Не думаю, – отвечал ему тот, – жёны наши наверное пожалели бы о покровительстве кадиев³⁷⁸. Вследствие такой защиты женских прав мусульманской религией, вследствие такого внимания Мухаммеда к женщинам, они заняли высокое положение в исламе, они даже принимали участие в самой религии Мухаммеда, и имели влияние на судьбу целого строя мусульманского учения. «Первый век ислама, – говорит Ренан, – представляет много поистине замечательных женских характеров. После Омара и Алиа, двух главных личностей этой великой эпохи, занимают место две женские личности, Айша и Фатима. Ореол святости блистает кругом Хадиджи; поистине самое почётное свидетельство в пользу Мухаммеда составляет то, что в истории пророчества единственно только его божественное посланничество признано было тою сначала личностью, которая могла лучше знать его слабости. В начале своей проповеди, обвинённый во лжи и подвергаемый за это насмешкам, он доверяет ей свои страдания; она утешает его

словами нежности и подкрепляет его колеблющуюся веру. Потому-то Хадиджа никогда не была вытеснена из его сознания другими жёнами, которые следовали за нею. Рассказывают, что одна из них, ревнуя за такое постоянство, однажды спросила пророка, ужели ему не дал Аллах кого-нибудь, чтобы заставить забыть старую Хадиджу? «Нет – отвечал он, – когда я был беден, она обогатила меня; когда я был проклят своим народом, она осталась мне верною, и чем я более страдал, тем более она любила меня»³⁷⁹. Такое внимание Мухаммед мог обратить на женщину не иначе, как изменивши древний унижительный взгляд на неё. Только на таком высокопоставленном poste, какой дал Мухаммед женщинам, они могли иметь влияние на начало ислама и быть в числе первых двигателей его после смерти пророка. В противном случае история прошла бы их молчанием и забыла бы их. Благодаря такому законодательству ислама и в дальнейшей истории его встречаются личности женщин, которым суждено было принимать важное участие в делах правления. В Аравии и у Мавров в Испании иногда являлись высокообразованные женщины, которые пользовались громадным влиянием на целое общество и были знамениты по своим произведениям литературы³⁸⁰. Правда, ныне редко можно встретить в мусульманском мире женщин, которые имели бы какое-нибудь значение в правительственном отношении, исключая гаремные интриги, которые возможны при самом крайнем унижении женщины; но и ныне между арабами Африки встречаются ещё отдельные племена, в которых женщины не совсем лишены права управления даже законным официальным путём. В Сахаре у некоторых племён существует обычай, освящённый временем, чтобы жена шейха по смерти мужа управляла племенем; только в помощь ей назначается совет старшин. Если она изберёт себе нового мужа, он делается шейхом племени³⁸¹. Таким образом, ещё до сих пор сохранился тот гуманный дух, которым проникнуто мусульманское законодательство относительно женщин, – законодательство, благодаря которому они только и получили права человеческой личности, которых они были лишены в Аравии до пришествия

Мухаммеда. С Мухаммедом начинается возрождение арабской женщины, начинается для неё заря новой жизни.

Таковы высокопарные похвалы в честь Мухаммеда и той заслуги, которую он оказал для арабских женщин, будто бы загнанных и униженных до крайней степени многожёнством и жестокостью мужчин. Со времени Мухаммеда они будто бы получили свои законные права, права личности, собственности, получили свободу располагать собою и даже возможность иметь власть над другими. Вот как об этом говорит один французский учёный: «Я далек от мысли выступить защитником полигамии и вообще того состояния, в какое привели женщин древние нравы Востока более, нежели ислам. Однако должно оберегаться доверять писателям, которые, не зная Востока, утверждают, что женщина всегда здесь составляет предмет презрения... Женщины в Аравии, исключая некоторых народов, пользуются большею свободой и особенно большею властью в своих домах. Они кажутся Нибуру настолько же счастливыми, насколько могут быть счастливыми европейские женщины. М. Пальгрэв говорит о них тоже самое. Тамизир в своём «путешествии по Аравии» говорит, что женщины Асира трудолюбивы и что они разговаривают с большею грацией и лёгкостью. Он говорит также о их благородной гордости; он встретил одну молодую очень прекрасную, но бедную бедуинку, которая желала лучше нищенствовать, чём выйти замуж за городского жителя.

Полигамия также не всеобща между арабами, как думают в Европе; она даже редко здесь встречается. Развод более част; но нужно заметить, что женщины могут также требовать его. Впрочем нужно побывать в мусульманской Азии для того, чтобы встретить непрочные брачные союзы и доказать печальные последствия этого. Присовокупим, что арабская женщина сохраняет своё приданое в продолжение супружества и после его, приданое её составляет полную собственность. У бедуинов молодая девочка не отдаётся в супружество без её согласия. Нужно также напомнить, что, по свидетельству Буркгардта, во время военных грабежей, женщины всегда уважаются.

Но особенно показывает, что спутницы горцев и бедуинов не рабыни, то участие, какое они принимают в нравственной жизни колена. У старого тирана Неджеда Фейссаля одна из его дочерей, Егерия, писала всю его дипломатическую корреспонденцию в продолжение тридцати лет. Встречаются постоянные свидетельства о том, что арабские женщины сами оказывают гостеприимство. Когда палатки дуара³⁸² спорят между собою о чести принять гостя, женщины вмешиваются в шумные настоятельные просьбы своих родственников! М. Гюармони рассказывает, что женщины Сцерарата «принимают гостей и беседуют с ними в отсутствии своих мужей и их родственников. Они разговаривают с ними и спокойно позволяют смотреть на себя. Так как посещение иностранцем их палатки событие довольно редкое, то едва он успеет взойти, как видит себя уже окружённым всем женским народонаселением аула. Более взрослые девушки прислоняются к занавесу, который разделяет палатку на два покоя; замужние женщины помещаются в кругу мужчин, а маленькие девочки прячутся, куда могут»³⁸³. Что сказать на эти возгласы панегиристов Мухаммеда? Имеют ли они за собой историко-критические научные основания?

Беспристрастный суд истории произнесёт совершенно другой приговор об этом предмете. Только одно мнение этих учёных, именно об обычае убивать своих дочерей, можно признать достоверным и вполне историческим, остальные же мнения суть ничто иное, как бездоказательные положения, лишённые почти всякой научной почвы. Из тех фактов, которые они приводят в подтверждение своих мнений, никак не следует то заключение, какое они выводят. Начнём с полигамии. Панегиристы Мухаммеда, — как мы показали выше, — утверждают, что полигамия существовала в Аравии до Мухаммеда и была в гораздо сильнейших размерах. Где же основания для этого мнения? Их нет. По крайней мере, эти учёные не приводят ни одного факта в доказательство громадного распространения полигамии среди арабов домусульманского периода. Поэтому мы, на основании некоторых фактов, решаемся утверждать, что полигамия не

была утверждена в обычаях Аравии до Мухаммеда, а если и существовала, то имела очень ничтожное число своих приверженцев. Сколько известно лиц, обратившихся в ислам, и ни об одном из них не замечено, чтобы оно состояло в полигамическом браке. Отец Мухаммеда имел одну жену; дядя Мухаммеда, Абу-Талиб, был также единоженец, несмотря на то, что по своему состоянию мог бы содержать многих жён; Абу-Бекр, богатства которого служили великой помощью Мухаммеду и который, след., также мог иметь многих жён, оставался единоженцем. И решительно ни об одном лице во всей истории Мухаммедова времени не упоминается, как о полигамисте. Притом есть повод думать, что полигамия даже в таких размерах, в каких позволил её себе Мухаммед, была чужда народу арабскому и казалась ему чем-то новым, странным и даже развратным, потому что когда Мухаммед набрал себе до девяти жён, арабы, даже искренно уверовавшие в него, смущались этим и едва совершенно не оставили Мухаммеда, как человека, нарушившего законы существующей морали³⁸⁴. Благодаря только откровению, к помощи которого он прибег в этом случае, ему удалось спастись от беды. В самом деле, если бы полигамия, – как говорят французские учёные, – была доведена перед Мухаммедом до громадных размеров, как объяснить отвращение арабов к многожёнству Мухаммеда?

До наших времён дошло много пословиц, которые были в употреблении у арабов во время Мухаммеда и раньше его. Некоторые из этих пословиц свидетельствуют о воздержности арабов в чувственных удовольствиях и показывают, что склонность к женщинам, которая дошла в мусульманстве до безобразия, была до Мухаммеда очень умеренная, и арабы домухаммедовского времени очень неблагосклонно относились к людям, запятнавшим себя чувственными страстями. Пословицы эти гласят: «кто желает быть сильным в мудрости, тот не должен предаваться женщинам»; «не будет мудрый мудрым до тех пор, пока не оставит всякую чувственную страсть» (т. е. к женщинам)³⁸⁵. Закон, которым Мухаммед ограничил число жён четырьмя, нисколько не говорит в пользу противного мнения. Мухаммед позволил себе брать столько

жён, сколько ему угодно. Для того, чтобы последователи не приняли его примера за закон, он и ограничивает количество жён простых верующих четырьмя³⁸⁶. Таким образом, запрещение брать больше четырех жён было ограничением не прежде существовавшего крайнего многоженства, а безграничного многоженства, позволенного Мухаммедом самому себе. По крайней мере, если нельзя признать это мнение за несомненное и вполне доказанное, всё же оно имеет за собою больше шансов на верность, нежели мнение панегиристов Мухаммеда, ничем не доказанное. Кроме того, дозволение полигамии и не извинительно Мухаммеду, потому что он имел перед собой образцы чистой моногамии и мог видеть все выгоды её. В Аравии было много христиан и иудеев. Некоторые из них, – по свидетельству самих мусульманских историков, – даже стояли в самых близких отношениях к Мухаммеду³⁸⁷, так что он вполне мог познакомиться с моногамическим принципом, хотя бы даже, согласно с мнением вышеупомянутых учёных, полигамия и была сильно распространена в Аравии.

По мнению Ренана и других учёных французских, полигамия, дозволенная Мухаммедом, есть неизбежная дань, которую он заплатил своему народу и обычаям своей страны. Но мы находим в Аравии христиан, которые были моногамисты, след., принцип моногамии мог быть привит к арабскому народу, если бы даже и не знали о нём в Аравии. Пример христиан и евреев убеждает нас, что Аравия не была безнадёжно предана в добычу многожёнству настолько, чтобы невозможно было основать и утвердить в ней единожёнства. Потому полигамию можно считать скорее делом удовлетворения личной страсти Мухаммеда к чувственным удовольствиям. Он часто говорил о себе, что больше всего на свете любит женщин и благовония³⁸⁸. Приближённые личности к Мухаммеду тоже заметили в нём эту господствующую страсть и считали его самым страстным человеком в мире³⁸⁹. С другой стороны можно предполагать, что этой поблажкой чувственности Мухаммед хотел привлечь к себе больше последователей, так как военные походы давали

обильную добычу, состоящую из женщин, которых должны были делить между собою поклонники Мухаммеда.

4.2. Вредные последствия полигамии, отразившиеся на женщине

Но чем бы ни было вызвано это законоположение, оно было причиной сильного нравственного и правового унижения женского пола в исламе. Как дозволенное Мухаммедом, основателем ислама, и как освящённое, даже через меру, его примером, многожёнство быстро распространилось по всему мусульманскому Востоку и даже проникло в Европу, где издревле укоренился принцип моногамии. В Турцию ежегодно ввозили и ввозят до настоящего времени бесчисленное множество черкешенок, грузинок и женщин других наций для пополнения турецких гаремов³⁹⁰. В Персии, Египте и других мусульманских странах существует множество гаремов, где заключены несчастные женщины Востока. Даже во внутренности Африки, куда ислам успел проникнуть, всюду за ним сопутствуют, как неизбежная язва, многожёнство и гаремы. Вот что пишет новейший путешественник Г. Стэнли: «здесь (т. е. во внутренности Африки) как и в Персии, Афганистане и Турции, гаремы составляют необходимую принадлежность арабского хозяйства: чувственность магометан бросается в глаза и здесь, как и на Востоке. Каждый араб сообразно своим средствам содержит толпу любовниц»³⁹¹. Многожёнство обратилось в плоть и кровь каждого мусульманина, так что всякое ограничение числа жён производит на него неприятное впечатление; по рассказам путешественников, мухаммедане не могут хладнокровно говорить об уменьшении и ограничении количества своих жён³⁹². Невольниц дарят высокопоставленным лицам, чтобы заслужить их благосклонность, и дарят иногда в большом количестве, смотря по своим средствам и по важности и положению лица, которому дарят³⁹³. Такое громадное распространение невольниц в качестве конкубин обязано своим существованием религии Мухаммеда, который ограничил количество жён четырьмя, но позволил кроме их иметь столько наложниц, сколько достанет средств содержать их³⁹⁴. Потому мусульмане обыкновенно не

пускаются в тонкие объяснения и рассуждения по этому поводу. Они на возражения путешественников обыкновенно отвечают, что дозволение полигамии есть воля Аллаха, выраженная весьма понятно в Коране; что это привилегия, дарованная избранному народу³⁹⁵; хотя в тоже время в мусульманской литературе, преимущественно древних времён, есть много трактатов, где употребляются все усилия диалектики, чтобы как-нибудь согласить полигамию с требованиями человеческого разума и законами человеческой природы³⁹⁶. Нельзя конечно доверять тем личностям, которые утверждают, что многожёнство не очень распространено между мусульманами Востока³⁹⁷. Правда, полигамия служит отличием богача, а бедняк обыкновенно довольствуется одною женою; но это нужно принимать с ограничением. На Востоке при богатстве природы почти ничего не стоит содержать несколько жён. Вследствие этого многие могут иметь несколько жён. Лишь только успеет бедняк приобрести хотя какое-нибудь состояние, он считает своею первою обязанностью завести несколько жён и предаться чувственным удовольствиям. О богачах нечего и говорить. Окружённые десятками жён, лишённые почти всякой деятельности, мусульмане проводят жизнь в лени и скуке, ожидая за гробом получить несравненно лучших жён, вечных девственниц. Впрочем, и самые бедные и ничего не имеющие мусульмане в странах Востока, а главным образом в Африке и Аравии, находят для себя не только возможным, но и выгодным, содержать нескольких жён. Жёны становятся в некотором отношении рабочею силою мужа и не только содержат себя, но даже прокармливают и его, благодаря чему мусульманин при многих женах ещё больше может предаваться лени и беспечной неге, в которой поклонники Мухаммеда доходят до артистичности³⁹⁸. Вот почему, по словам Кипризли-Мелек-Хапум, у самого бедного араба, по меньшей мере, две жены³⁹⁹.

Если Мухаммед позволением многожёнства дал мусульманам право на полигамию и был причиною того, что она сделалась всеобщею язвою мусульманского общества, то дозволением развода он уничтожил всякую прочность брачного

союза и нарушил святость супружеских уз. Благодаря его законоположению, брачные узы ни для кого из правоверных не стали представлять какой-нибудь прочной силы; все начали пользоваться тою легкостью развода, которую Мухаммед предоставил своим последователям, так что в настоящее время весь Восток страдает этой язвой. Как перед пришествием Спасителя Рим славился частыми разводами, так в настоящее время не лучшее представляет современное состояние мусульманского мира. «Арабы, – говорит Клот-Бей, – более всего злоупотребляют правом развода. Некоторые из них переменяют жён не менее пятидесяти раз»⁴⁰⁰. Один французский путешественник спросил одного араба в Египте, помнит ли он Бонапарта? «Как же, – отвечал тот, – я был женат на семнадцатой жене, когда великий человек посетил Египет»⁴⁰¹. Буркгард встречал арабов, которые в сорок пять лет были женаты уже на пятидесятой жене, на одной после другой⁴⁰². Как Сенека говорил о римских жёнах, что они считают свои года не по консулам, а по числу своих мужей, так относительно современных арабов и вообще восточных мусульман можно сказать, что они считают года по числу своих жён. Развод распространён между ними до последней степени. Впрочем, между мусульманами высших классов развод бывает несколько реже. С одной стороны удерживает мужа необходимость выплатить мехр, с другой – крайняя, чисто мусульманская ревность, особенно сильно развитая между персами, не позволяет мужьям перенести того, чтобы нынешняя их жена завтра вышла замуж за другого. Что касается низших классов, то между ними развод явление ежедневное, даже у более постоянных по характеру бедуинов он до того обыкновенное явление, что муж лишь успеет развестись с женой как тут же вступает в брак с другою⁴⁰³. Кто же виноват в столь сильном распространении развода между мусульманами? Никто другой, как Мухаммед, который допустил такую легкость его в своей религии⁴⁰⁴.

В каком же отношении к разводу стоят супруги по закону Мухаммеда и по укоренившимся обычаям в мусульманских землях? В совершенно не равном. По закону Мухаммеда муж

может развестись с женою без всякого повода с её стороны⁴⁰⁵. По мусульманскому законодательству нет ничего легче мужу, как развестись со своей женой; стоит только мужу сказать жене: «я отвергаю тебя» и жена должна удалиться. Между тем жена может развестись лишь после многих лишений, преодолевши много препятствий. Вот как характеризует мусульманский развод Осман-Бей: «собственно говоря, развод есть не более, как решительный способ, употребляемый мужем, чтобы освободиться от докучливой супруги. Мужу стоит только сказать: «жена уйди от меня!» и в ту же минуту его покорная подруга должна укутать лицо своё покрывалом, собрать все свои пожитки и удалиться из-под супружеского крова. Само собою разумеется, что при такой системе мужского полновластия, жена не может сказать супругу своему: «не угодно ли вам самим убраться из дому». Таким-то образом участь жены в руках мужа. Одного слова его достаточно, чтобы лишить женщину её домашнего крова и всего, что дорого её сердцу, и чтобы разом отнять у нее всё; на это не требуется ни судей, ни суда, ни тяжб. Слово, приказ – делает всё»⁴⁰⁶. Здесь женщина является униженною до последней степени; муж может распоряжаться её судьбою по произволу, и никто не имеет права остановить его в намерении развестись с женою, когда ему вздумается. И действительно арабы и вообще все мусульмане пользуются этим правом в его безграничных размерах, имея в виду дозволение, данное Мухаммедом и освящённое примером его самого, так как он, желая вступить в брак с женою Зеида, дал последнему намёк, чтобы он развёлся со своею женою в пользу его⁴⁰⁷. Мусульмане довели это позволение до последней степени, разводясь по самым пустым причинам и нередко единственно по своей прихоти. Один французский путешественник, во время своего пребывания в Мансуре, знал одного мусульманина, который прогнал и даже выбросил свою жену на улицу за то только, что за день перед этим она родила девочку, а не мальчика, как он ожидал⁴⁰⁸. Даже между простыми бедуинами охладевшая любовь мужа служит достаточным поводом к разводу⁴⁰⁹. Я считаю не лишним здесь привести рассказ, который доказывает, как легко разрываются

брачные узы в исламе. Абд-Аллах, сын Абу-Бекра, был захвачен врасплох своим отцом в пятницу со своей юной женой Ахтикой, когда он забавлялся с ней и забыл идти на молитву. Абу-Бекр, для наказания сына за его нерадение, приказал ему немедленно развестись со своей женой, что тот и сделал, хотя и любил её. Впоследствии времени, видя печаль Абд-Аллаха, Абу-Бекр позволил своему сыну вернуть свою жену⁴¹⁰. Правда, эта свобода стесняется некоторыми материальными препятствиями, именно по мусульманскому законоположению, если муж разводится с женой, то мехр её должен поступить в полную собственность её⁴¹¹; но и здесь развратившаяся натура мусульман находит средство избежать этого неприятного для чувственности стеснения. Муж своими побоями и разного рода притеснениями доводит жену свою до того, что она сама предложит ему развод и через то лишится своего приданого⁴¹². Установленная преграда к разводу оказалась непрочной, не могла остановить пагубного обычая и не в состоянии была сколько-нибудь обеспечить безотрадное и бедственное положение женщины; дозволение развода уничтожило все может быть и благие стремления Мухаммеда. Таким образом, женщина является в крайнем унижении сравнительно с мужчиной, – муж может прогнать её из дома во всякое время.

Это заставляет жену сознавать себя в вечном рабстве у мужа и питать к нему вместо любви только страх, как перед своим господином и неограниченным деспотом. Она должна стараться всеми мерами угодить мужу, привлечь его к себе и через то подальше отсрочить развод, который ей грозит постоянно со стороны мужа. Благодаря законодательству Мухаммеда, жена является рабою своего мужа. Клот-Бей, долго наблюдавший за мусульманами в Египте, представляет нам следующую грустную картину отношений между мужем и женой: «жена оказывает беспредельное уважение мужу; в обращении её с мужем нет этой короткости, этой небрежности, которые на западе служат знаком равенства обоих полов. Она расточает перед ним всю заботливость, всю предусмотрительность, каких в Европе едва ли можно требовать и от служанки. Она привыкла, так сказать, исчезать в своём муже; у неё нет другой

заботы, кроме мысли угождать ему; ни другого занятия, кроме попечения об услаждении его существования»⁴¹³. Это притом не есть плод любви к мужу, когда естественно по своему внутреннему влечению жена предаётся ему до глубины души; всё это возбуждается страхом жены перед грозным властелином своей особы, который может распоряжаться ею, как ему угодно, единственно по своему благоусмотрению. Муж есть властитель личности жены, он может наказывать её по данной ему от Мухаммеда власти⁴¹⁴. Замечательно, что Мухаммед позволил мужьям бить своих жён, не определивши даже при этом количества ударов, больше которого муж не имеет права наказывать свою жену; между тем как даже относительно рабов им установлено, что господин не может их наказывать больше известного числа ударов, какое бы ни было преступление⁴¹⁵. Этим Мухаммед предоставил своим последователям полнейшее право над своими жёнами. Учёные последователи его давали наставления мужьям в том же духе. Так Саади Ширасский в «Гюлистане» – одном из самых известных произведений мусульманской поэзии, – говорит: «когда жена твоя расхаживает по базару, бей её: в противном случае ты в своём доме будешь как женщина»⁴¹⁶.

Но исламу показалось ещё мало такого стеснения жены и лишения её всяких личных прав в пользу мужа, мухаммеданство лишает жену и естественных, и ни у кого неотъемлемых прав, именно прав на выражение религиозного чувства. В исламе жена не может предаваться своему естественному религиозному стремлению, она скована в этом отношении железными узами рабства, которое налагает на неё муж. Что более естественно и более зависит от личной свободы человека, как не добровольное наложение на себя поста на известный период времени⁴¹⁷. Но жена – мусульманка не может исполнять добровольного поста, не испросивши на то позволения от своего мужа⁴¹⁸. Что естественнее для человека, как не свободное исполнение обета, данного Богу и состоящего в каком-нибудь религиозном обряде, но и в этом естественном праве мусульманство отказывает жене. Она не может сделать обета без согласия мужа⁴¹⁹; она даже не может принять присяги

без воли его⁴²⁰. Какое рабство может быть больше этого? Чего ещё не достаёт до полного уничтожения личности жены перед личностью мужа? Не свободная сделать ни одного шага без согласия мужа, лишённая даже права на проявление всякого религиозного чувства без его воли, жена мусульманина есть ничто иное как самка, орудие для удовлетворения похоти мужа; она полнейшая раба мужа и не имеет нисколько человеческой свободы; личность только в личности мужа; без него она ничто. Муж в такой мере является её господином, что может располагать ею по своему расположению. По свидетельству Буркгардта, между некоторыми арабскими племенами существовал обычай предлагать в виде гостеприимства гостю свою жену, – обычай только недавно вышедший из употребления⁴²¹. Очевидно, что арабы смотрят на жену, как на орудие своих похотей, – орудие, которым они могут распоряжаться по своему произволу. В мусульманстве женщина никогда не достигала почётно́го места хозяйки дома. Дом есть собственность мужа; жена есть только раба, присматривающая за домом; даже в самых языках мусульманских нет названия для хозяйки дома. Говоря о жёнах, мусульмане по большей части употребляют нелестные фразы («каши́к душманы» – враг ложек и т. п.)⁴²². На мусульманском Востоке нельзя встретить мужа прогуливающимся с женою, что служит отличием европейца, который смотрит на жену, как на существо равное ему по своим человеческим свойствам. Мусульманин считает жену своею рабою и конечно не позволит себе прогуляться с нею⁴²³. Один наш соотечественник, много времени проведший в Самарканде, так изображает положение женщины на мусульманском Востоке: «муж – абсолютный глава жён и всего дома. Жена не имеет никаких прав и за каждый поступок, почему-либо не понравившийся мужу, почти всегда бывает бита. Вышедши со двора без позволения мужа, она непременно подвергается колотушкам (побоям). Если жена слишком молода, то в первое время муж сильно ухаживает за ней, любезничает, балует. В других случаях относится к ней индифферентно. Вообще ласкать жену при ком-либо из посторонних считается *mauvais genrs*. В богатых семьях муж

иногда делает подарки жёнам. Жена не может ни в каком случае делать того же мужу. Прежде всего, у неё для этого нет средств; да если бы и были, то она будет заподозрена мужем в связях и непременно побита. Собственно говоря, жена не имеет права иметь у себя какие-либо свои деньги; муж, как только узнает об этом, отколотит и деньги отберёт. Жена в семье – безответная работница. Она делает всё, что только может; на ней лежат все хлопоты по хозяйству и кроме того ещё работы в роде пряжи, тканья, шитья и т. п. Всякий муж держит столько жён, сколько в состоянии завести (т. е. уплатить калым) и содержать»⁴²⁴.

Чему же обязаны женщины своим крайним порабощением среди мусульман? Нет сомнения, что причиной их унижения был ислам, в котором жена рассматривается не как подруга мужа и его неразлучная спутница, а как орудие его похоти. Этим характером проникнуто все законоположение Мухаммеда об отношениях мужа к жене. Мухаммед прямо называет жену полем, которое назначено мужу для возделывания⁴²⁵, а говоря о достоинстве человека он отводит жене низшее место сравнительно с мужем⁴²⁶. Понятно, что не может быть и речи о каких-нибудь свободно-нравственных отношениях между мужем и женой при господстве такого взгляда на женщину. При таком отношении мужа к жене, она не может надеяться получить уважение даже и от сына, от которого сама природа требует уважения к своей матери. Видя постоянное унижение своей матери, видя, что с ней постоянно обращаются как с рабой, смотрят на неё как на орудие мужа и почти доводят её до состояния бессловесных животных, видя всё это, может ли сын питать любовь и уважение к своей матери? С самого раннего детства ему бросается в глаза крайнее презрение к его матери, и он мало-помалу привыкает сам смотреть на неё, как на существо низшее, а при этом естественно теряется у него всякое уважение к ней. Мы не говорим, что все мусульмане так бесчеловечны к своим матерям; нет сомнения, что и между ними бывают примеры истинной сыновней любви, преданности и уважения, но на подобных личностей нужно смотреть, как на исключение, как на явление, которое обязано своим

существованием иному постороннему влиянию, а никак не духу мусульманского законоположения об отношениях мужа и жены.

Вследствие таких обоюдных отношений супругов у мусульман составилась самый низший взгляд на женщину вообще, взгляд до того оскорбительный для последней, что по справедливости это служит самым темным пятном для Мухаммеда. Если бы его законодательство было совершенно во всех других отношениях, то одного этого достаточно, чтобы произнести над ним самый строгий приговор. В самом деле, во всех мусульманских землях мы видим крайнее унижение женского пола, крайне унижительный взгляд на женщину вообще, так что без преувеличения можно сказать, что унижение женщины служит отличительным признаком мусульманских обществ; а всё это обязано ничему другому, как законодательству Мухаммеда и его собственному взгляду на женщину, как на существо низшее мужчины. Мухаммед постоянно проповедовал и его всегдашним убеждением было то, что женщина во всяком случае несравненно ниже мужчины по своим душевным качествам и естественно должна находиться в рабстве у мужчины⁴²⁷. Во всяком законодательстве Мухаммеда проглядывает тот взгляд на женщину, что она составляет как бы половину мужчины. Этот взгляд яснее всего обнаруживается в тех случаях, когда Мухаммед делает постановления о свидетелях. Здесь он всегда ставит женщину вдвое ниже мужчины, так что один мужчина в свидетельстве равен двум женщинам⁴²⁸. Этим принципом проникнуты и все юридические постановления о женщине в мусульманских землях. Возьмите любое из этих законоположений и вы увидите, что женщине дается половина цены сравнительно с мужчиной. Последователи Мухаммеда остались верны такому взгляду Мухаммеда на женщину и всеми мерами старались и стараются унижить её. Унизить женщину сильнее, чем она унижена мусульманами, едва ли возможно. В глазах мусульман женщина составляет только предмет чувственных наслаждений, даже предмет торговли, так что благодаря полигамии, на Востоке, особенно в прежнее время, сильно была распространена торговля женщинами. На женщину

мусульманин всегда смотрел как на существо низшее себя. Она есть игрушка его страстей, от которой он требует свежести и полноты форм, словом – обращает внимание исключительно на её физические качества, нисколько не думая о её душевных способностях и характере. Поэты, всегда и везде более благосклонные к женскому полу и часто выступающие поборниками свободы женщин и их прав, и те даже высказывают унижительные мнения для женщин. Так знаменитый поэт мусульманского мира, пользующийся всеобщим почетом и уважением, Саади Ширазский в своём стихотворении «Гюлистан» высказывает такое суждение: «мужчина бесполезный походит на женщину», «позорно держать совет с женщинами», «грешно оказывать благодеяние нечестивым»⁴²⁹. Что это как не крайняя степень презрения к женщинам, – презрения, высказываемого публично всему миру. Притом это мнение высказывается учёным человеком, уважаемым поэтом. Должно быть хорошо то общество, от лица которого высказывает подобные суждения учёный Саади! Действительно, по рассказам путешественников, которым приходилось разговаривать с мусульманами на Востоке об этом предмете, все они, без исключения, точно такого же мнения о женщинах и даже ещё худшего. Один мусульманин в Каире на вопрос путешественника: вместе с жёнами или отдельно от них живут мусульмане? – отвечал: «да есть ли возможность жить с женщинами вместе? Они оглушат вас несносной болтовней... гораздо приятнее беседовать с друзьями, слушать истории или мечтать, куря трубку, нежели разговаривать с женщинами, которые заняты грубыми предметами, нарядами или злословием... Обхождение с женщинами делает мужчину жадным, эгоистом и жестоким; оно уничтожает между нами братство и дружбу; оно бывает причиной ссор, несправедливостей и жестокости... Довольно и того, что в часы отдыха, или по возвращении домой, хозяин встретит улыбающиеся лица, роскошные формы, красиво одетые»⁴³⁰. Правда, это суждение вложено в уста мусульманина, наверное, самим автором, но оно хорошо и вполне верно выражает взгляд мусульманина на женщину, как на существо настолько низкое,

что с нею не может быть никаких нравственно-свободных отношений, никакого взаимного обмена мыслей. Все мусульмане смотрят на женщину не как на человека, имеющего одинаковое достоинство с мужчиной, а как на вещь.

Самые нравственные свойства женщины должны были измениться и обезобразиться до последней степени. Заключённая в гарем, с ранних лет встречая одно презрение со стороны мужчины, не имея никаких прав, женщина естественно должна была вырождаться. Такое унижение не могло пройти без следа для женщины, – оно должно было унижить и изуродовать нравственную природу её. И вот мы встречаем предания мусульманские, в которых женщине приписываются нравственные недостатки, открывается вся крайность презрения, бросаемого на женщин. Предания эти выражают мнение, что «женщина – существо с ограниченным смыслом», что «женщины суть веревки сатаны», что «большая часть обитателей ада состоит из женщин»⁴³¹. Видно, что предания очень усердно стараются развить мысль Мухаммеда о низком состоянии нравственно-духовной природы женщины⁴³².

4.3. Государственное значение женщины в исламе

Вследствие такого взгляда на женщину и её нравственную природу, мог ли ислам допустить, чтобы женщина была членом государства. Женщина исключена из его состава согласно требованию самого Мухаммеда⁴³³; общество навсегда закрыто и недоступно для женщины. Она лишь раба, а не свободная гражданка; она лишена даже права самостоятельного существования; для неё нужен муж, чтобы он был её руководителем в жизни и обществе; она не может жить одна самостоятельно. Мухаммед ясно и определённо говорил, что женщина создана для мужчины⁴³⁴. Он не хотел признать за ней права самостоятельного существования. Этот взгляд на женщину вытекал из того принципа, что женщина по слабости своей как физической, так и духовно-нравственной природы не может оставаться вне брака; ей нужен постоянный руководитель, надзиратель и воспитатель; она является существом несовершеннолетним. Поэтому на женщину, не вышедшую замуж до известного срока, мусульмане смотрят очень оскорбительно для неё, – она подвергается осуждению общества. Все даже религиозные отправления женщины поставлены в зависимости от супружества. Хождение в Мекку, обязательное по закону Мухаммеда для всякого мусульманина, не может быть исполнено незамужней женщиной, – только брак даёт женщине право на этот священный обряд. Женщина не может взойти на вершину Арафата иначе, как только вступив в брак. Незамужние женщины, чтобы исполнить этот священный обряд, обыкновенно вступают с кем-нибудь из пилигримов в брак, который после путешествия немедленно расторгается⁴³⁵. Притом, нужно заметить, это священное действие и не обязательно для женщины; далее общественная молитва не обязательна для неё по закону Мухаммеда. Мухаммед позволил женщинам ходить в мечеть, но объявил, что лучше было бы, если бы они молились дома. Мусульмане сделали из этого совета почти запрещение, удалив почти окончательно женщину от общественного богослужения⁴³⁶. Редко женщину и

то престарелую можно встретить в мечети, закрытую с ног до головы покрывалом и стоящую где-нибудь у порога. Мухаммеданский унижительный взгляд на женщину не мог примириться с тем, чтобы и она была обязана совершать те же самые религиозные обряды, какие обязан совершать мужчина. Разве женщина такое же существо, как и мужчина, разве она одарена всеми правами человека, разве она свободно-нравственная личность, чтобы её побуждать исполнять религиозные обряды? Таким образом освобождение женщины от соблюдения религиозных обрядов есть плод того унижительного взгляда на неё, по которому она лишена и прав гражданских. Мусульмане даже намеренно стараются отвлекать женщину от соблюдения религиозных обрядов, чтобы не дать ей дойти до сознания своих общечеловеческих прав, при сознании которых она может потребовать себе прав, которыми должно пользоваться всякое свободное существо, как в религиозном, так и в гражданском отношении. Мусульмане боятся, чтобы исполнение религиозных обрядов, наравне с мужчинами, не дало повода женщине высоко смотреть на себя, считать себя способною жить самостоятельно свободной гражданкой и пользоваться всеми правами предоставленными мужчине. Не льготу должна видеть мусульманка в освобождении себя от обязательных для мужчин религиозных обрядов, а рабское унижение и отнятие естественных прав.

С самого первого дня рождения мусульманка предназначается в жертву самому печальному жребия; с первых дней ей стараются внушить, что назначение её состоит только в том, чтобы быть утехой мужа, стараются уничтожить в ней все проблески свободы, настроить её так, как они желают этого, именно, чтобы она смотрела на себя, как на орудие, назначенное для удовлетворения похотей мужа. Родители ничего не видят в своей новорожденной дочери, кроме её физических свойств, – свойств, которые одни только и ценятся мусульманами в женщине. За доказательствами нет нужды ходить далеко, достаточно для этого только сравнить имена даваемые мальчикам и девочкам их родителями. Мальчики называются постоянно именами каких-нибудь знаменитых

личностей, о которых история сохранила воспоминание. Какие же имена даются женщинам? Им даются имена не в честь каких-нибудь героинь, даже не в ознаменование ожидаемых каких-нибудь прекрасных черт души, им даются имена просто в ожидание каких-нибудь чисто физических свойств, какого-нибудь телесного совершенства, – совершенства, имеющего целью возбудить чувственность в мужчинах⁴³⁷. Таким образом, женщина с самого первого дня рождения предназначается для удовольствия своего мужа, для возбуждения его чувственности.

Рождение дитяти женского пола встречается на Востоке родителями с печалью. Рождается сын, родители считают это особым благословением неба, потому что рождается новый мусульманин, который продолжит потомство отца мусульманина; но вот рождается девочка и вместо радости появляется на лице родителей глубокая печаль, – отец, поражённый печальной новостью, ходит сам не свой, не зная, что делать; случается, что при этом он впадает в какое-то дикое отчаяние⁴³⁸. Вот как встречают рождение девочки мусульмане Востока. Имея перед собой слова Мухаммеда, который ставит выше и радостнее рождение сына, нежели дочери⁴³⁹, нечего удивляться взгляду мусульман на рождение дочери, как на несчастье, то есть результат того унижения женщины, на которое она осуждена в мусульманстве. В самом деле, чему же радоваться и как не приходить в печаль отцу, когда является на свет существо, по его же собственному мнению не имеющее даже прав человеческих, – существо, лишённое даже личности человеческой, будущая раба своего мужа, постоянная мученица и жертва прихоти своего мужа – этого ангела, хранителя женщины, как его считают мусульмане? Невольная грусть должна охватить отца при появлении от его сожительства такого существа. Нечего удивляться этому явлению, – оно есть одно из печальных последствий того ложного и жестоко несправедливого мнения о женщинах, которое было высказано самим основателем ислама и потом с каждым днём все более и более усиливалось на Востоке.

Увидя появление на свет этого презренного существа, родители-мусульмане и не заботятся о нём, как о человеческой

личности, не стараются развить его духовно-нравственно; они отлагают всякое воспитательное попечение о нём. Всё их воспитание дочери ограничивается лишь одним питанием. Даже родители-аристократы и те не заботятся о духовном развитии своих дочерей, – они растут без всякого воспитания, дикие и необразованные. Впрочем, мусульмане и не требуют себе образованных супругов. Такого печального невежества женщин и должно ожидать, коль скоро они назначены единственно для наслаждения своих будущих мужей. Они не должны вмешиваться ни во что, они не имеют на это права; всё за них выбирает и решает мужчина; для чего же им и образование? Они, как рабыни, должны слепо повиноваться и беспрекословно исполнять то, что им прикажет деспотическая власть мужа. Даже религиозное образование, получаемое женщинами, ограничивается самым необходимым и в высшей степени скудно. В самых аристократических семействах оно ограничивается только чтением Корана и выучиванием наизусть нескольких самых необходимых молитв⁴⁴⁰. Смотри на женщину, как на игрушку своих чувственных страстей, мусульмане не могут освободиться от того, чтобы в их душе не гнездилась ревность. Эта-то страсть и побуждает, между прочим, мусульман Востока ограничивать обучение грамоте девочек одним только чтением Корана, а не простирает его дальше до письма. Мусульмане боятся, что женщина, научившись писать, легко может завести любовные интриги, так как письмо даёт лёгкое и удобное средство передачи своих мыслей. Потому они редко обучают письму своих дочерей. Напрасная опасность и ложная предосторожность! Женщина всегда может найти средство увидеться с любовником, если только захочет. Не репрессивными мерами здесь нужно действовать, а должно стараться возвысить женщину нравственно, довести её до сознания важности супружеских уз; тогда и письменность не будет обращена в орудие любовных походов. В противном случае и самые репрессивные меры не приведут ни к чему и даже больше, будут привлекать женщину к желанию нарушить супружескую верность. К несчастью этой, по-видимому, простой истины и не могут понять мусульманские мужья.

Побуждаемые ревностью, которая не даёт им покоя, смотря на женщину как на существо слабое, которое не может существовать без поддержки мужа, видя в ней существо, по своей природе способное на всякую низость, лишь бы только была воля, мусульмане и стараются лишить её этой воли, стараются положить преграды всем её свободным действиям, уничтожить всякое проявление её воли. Смотря на неё исключительно с точки зрения чувственности, они наблюдают очень строго, чтобы жена не досталась на долю кого-нибудь другого. Мусульманин не может смотреть на неё иначе, как на орудие чувственного удовольствия, которое принадлежит только ему одному, потому он и преследует её и старается не давать ей ни малейшего хода для свободного проявления своей личности. Мусульманская чувственность и ревность выдумала гаремы, где можно удобно и легко стеречь женщину, чтобы не лишиться исключительная права на чувственное удовольствие с нею. Среди мусульманских городов и селений возвышаются огромные здания, обращённые окнами на двор, окружённые со всех сторон высокими стенами, так что никакой любопытный взгляд не может проникнуть туда. Что это такое? Тюремные замки? Нечто похожее на них, но не они. Это гаремы мусульман. Это своего рода тюрьмы, где стерегомые евнухами и лишённые всякой возможности выйти из них куда-нибудь, проводят дни несчастные жены сладострастных мусульман. Закон Мухаммеда дал мужчине право на чувственность; чувственная же природа жителей Востока устроила гаремы, где должны томиться несчастные жертвы их страстей. В этих тюрьмах, разобщённые с миром, проводят скучную жизнь бедные женщины – жены богатых мусульман. Самый строгий надзор тяготеет над ними в продолжение целой жизни; толпы евнухов, как аргусы, стерегут все входы и выходы в эти храмы мусульманского сладострастия. Всюду проникает бдительное око этих вырожденков человеческого рода, которые сами, лишённые мужеского отличия, раздражаемые своим бессилием, весь свой гнев изливают на бедных пленницах; они вмешиваются в самые увеселения их и здесь стараются уничтожить весёлое проявление свободы, стеснить и без того уже бедственное

положение этих кукол, облечённых в дорогие платья⁴⁴¹. Страшась грозного взгляда своего деспота-мужа, вынужденная постоянно ласкаться к нему, постоянно трепеща за своё существование, жена теряет всякое чувство свободной супружеской любви. Деспотизм мужа уничтожает в ней всякую возможность проявления этой высокой супружеской любви. Смотря на себя, как на игрушку мужа, как на существо, цель жизни которого состоит в том, чтобы услаждать мужа, не имея никаких средств пуститься в ту или другую деятельность, то или другое занятие, обеспечивающее их положение, жёны всю жизнь проводят только в нарядах, перемене платья и разных поделках искусственной красоты, чтобы поддержать как можно больше любовь к себе мужа, или снова возвратит её, если случилось потерять её. Во всех этих нарядах и украшениях их заметно лишь одно желание, одно стремление, как бы удовлетворить чувственным прихотям своего мужа, потому что вся их судьба, всё их существование зависит единственно от того, нравится ли своему деспоту мужу или нет. Здесь ничем не пренебрегают для достижения своей цели, пускают вход все интриги, и благодаря искусной интриге счастливой соперницы, которая-нибудь из жён отходит на задний план. Внимание мужа от неё отвращается и вместе с тем для неё затворяются двери счастья и спокойствия; ей неоткуда ожидать теперь чего-нибудь хорошего; на долю её падает холодная суровость со стороны мужа, ненависть и презрение со стороны прочих жён, невыносимая бдительность строгого евнуха, проникающего во всякое время во все её покои. Для евнуха даже спальня жены не затворена; во всякое время дня и ночи он может и имеет право туда проникнуть и собственными глазами убедиться, всё ли благополучно в этом зверинце восточного мусульманина. Прибавьте к этому ещё и то, что жёны не могут показываться без покрывала никому из мужчин, исключая самих близких родственников и прислуги, по требованию основателя ислама⁴⁴². Ревность Мухаммеда установила этот обычай⁴⁴³, а ревность его последователей приняла и продолжает поддерживать его, несмотря на все неудобства и даже на невозможность его выполнения для низших классов, где

полевые работы исполняются вместе мужчинами и женщинами и где, между тем, нельзя быть постоянно под покрывалом. Но, несмотря на это, мусульмане твёрдо следуют этому обычаю и на всем мусульманском Востоке считается пороком для женщины показать своё лицо постороннему мужчине. Лишь только женщина выходит из своего логовища, она обязана как можно плотнее закрывать своё лицо покрывалом и показываться на улице не иначе, как в виде мумии, с ног до головы покрытой и обвязанной, чтобы никто не мог видеть черт её лица. Опять новое стеснение для женщины! Постановление, по-видимому, пустое, но оно ясно указывает на то, что женщина не признана исламом гражданкой; ей поэтому и нет надобности присутствовать в обществе, – покрывало должно полагать преграду между ней и обществом.

Но не одно покрывало должно стеснять женщину в домашнем и общественном быту, при выходе на улицу или к другим посторонним людям. Везде, куда бы ни показалась жена-мусульманка, затворница гарема, её сопровождает мрачная, подозрительная фигура с желтым цветом лица, без бороды и усов. Эта фурия, преследующая жену богатого мусульманина, есть никто иной как евнух⁴⁴⁴. Одного женоподобная пискливого звука этого кастрата достаточно, чтобы направить жену, куда ему вздумается, заставить возвратиться домой. Она должна вести себя с крайней осторожностью, выходя из дома в сопровождении этого слуги-деспота, или встречаясь с кем-нибудь внутри своего гарема; иначе донос ненавистного стража уже готов и на бедную жену обрушатся со стороны мужа все невзгоды. Одного неосторожного слова, одного взгляда часто бывает достаточно, чтобы возбудить подозрение в чёрном рабе и через то подвергнуться брани и нередко жестоким побоям со стороны мужа. Этого мало; даже сам евнух может собственноручно расправиться с несчастной жертвой гарема.

Вот как печально положение каждой женщины в мусульманском мире. Запертая в гареме, как в домашней тюрьме, под стражей целой толпы евнухов, не имея возможности скрыться от их внимательного надзора, всюду

сопровождаемая ими, строго обязанная скрывать своё лицо от всякого постороннего мужчины, подвергаясь даже наказанию евнухов за всякий неосторожный поступок, вечная жертва ревности мужа, занятая исключительно нарядами – такова женщина-мусульманка на Востоке и таково её положение. Все путешественники так описывают её положение. Вот что пишет наш отечественный очевидец о положении женщины в Самарканде: «изгнанная из общества, зашита в своём несчастном дворе, сизмала ведённая под строгим надзором и колотушками старших, не имевшая никакой воли, ни малейшей самостоятельности, и затем вдруг, неведомо для неё, попавшая под деспотическую руку мужа, часто ей совершенно до того неизвестного, для которого она должна была или играть роль забавы или быть безответной работницей, – женщина должна была изуродоваться. Её пылкому, извращённому воображению рисовались наслаждения неведомого ей мира в грандиозных увлекательных размерах; фантазия уносила её в нечеловеческий мир, понятия складывались дико, безобразно, узко, неестественно; интересы мельчали. И вот в этих-то дворах предполагаемого целомудрия и высокой нравственности придумываются тысячи сказок, объясняющих дела мира; вырабатывается самая затейливая и многосложная сплетня о соседних дворах; изобретаются хитрости, прикрывающие любовные связи на стороне, и наконец, является та болезненная раздражительность, которая прибегает к дикому искусству неестественного удовлетворения половых инстинктов. Женщина преследуется, наказывается за всякую попытку быть хоть немного самостоятельной, и поэтому она выучивается лжи, коварству, лицемерию; должна стоять вечно настороже, если в ней осталось хоть малейшее желание быть свободной; должна тщательно прятать часть тайком заработанных и тайком же вырученных денег и т. д., – словом, в ней являются все те пороки, которые неминуемы при такой системе замкнутости и забитости»⁴⁴⁵. Так печально положение женщины в мусульманском мире.

Положение старухи – мусульманки ещё печальнее, мрачнее. С каждым годом всё хуже и хуже, безнадежнее и

безнадежнее становится положение бедной супруги мусульманина. Все, что прельщает мусульманина в жене, это именно чисто внешние её свойства; он не ищет в ней подруги, а смотрит на неё как на чувственное удовольствие для своих страстей. Красота и свежая молодость составляют для мусульманина всё, чем он дорожит в своей жене. Естественно после этого, что когда красота её упадает, когда она теряет свежесть сил и цветущую молодость, она с этого времени теряет в глазах мужа всякую цену; оставленная и забытая им, она влачит в печали и горести последние дни своей жизни. Она походит на какое-то полумёртвое существо, лишённое всех отрадных мыслей и чувствований, с одним ожиданием схоронить в могиле всё невзгоды жизни, покончить там всё мучения, которые она вынесла в продолжение своего существования. А что же дети? Что же они не усадят остатка дней своей матери? Их то, этих нежных детей, для мусульманки и не существует. Сын, с детства получивши чувство мужского превосходства перед матерью, с детства видевший в ней одно лишь рабское существо, мало заботится о доставлении покоя для своей несчастной матери. Дочери, вышедши замуж и сами заключённые в гаремах мусульманских богачей, также не могут оказать никакой помощи, никакого успокоения для своей матери. Один безотрадный путь отчаяния и наконец, смерть остаются впереди этой старухе.

Таким образом, женщину-мусульманку с самого первого дня рождения и до самой смерти преследуют одни невзгоды, одни лишения и обиды. Лишь только она успеет появиться на свет, её встречает разочарованное и поражённое печалью лицо родителей, которые думали встретить дитя мужского пола. Она начинает приходить в детский возраст, – её сопровождает одно презрение и небрежность со стороны отца и матери, её оставляют без всякого воспитания, потому что всё это считают излишним для неё. Она приходит в возраст возмужалости и совершеннолетия, вступает в брак, и здесь судьба её едва ли не делается ещё хуже. Вечная пленница, заключённая в гареме под надзором чернокожих евнухов, она проводит дни в скуке, самом глубоком уединении и постоянном страхе за любовь и

расположение мужа. Наконец она достигает старости... Здесь-то, когда по естественным человеческим законам она должна бы успокоиться и наслаждаться мирным покоем под кровом своих детей, – её преследуют разного рода притеснения и пренебрежение до конца жизни. Таким образом ни одна пора жизни не представляется в розовом цвете для мусульманки.

Но может быть женщина свыкается со своим положением и по привычке ей несколько не кажется эта жизнь мрачною, как кажется она нам? Не думаем. Правда, лишённая с детства всякого внимания, не испытывавшая никогда лучшей жизни, женщина в мусульманстве не может чувствовать вполне своего безвыходно невыносимого положения; но в тоже время она как человек не может примириться с полным лишением свободы и окончательною бесправностью. Рабы, с детства не видавшие свободы, и никогда не наслаждавшиеся ею, часто возмущаются своим положением и это недовольство своим жребием нередко было причиною жестоких возмущений. Тем более женщина должна почувствовать на себе весь гнёт мужа; у неё должно появиться желание свергнуть с себя ненавистное иго мужа, его беспрестанный контроль над всеми её действиями.

Мы старались охарактеризовать положение женщины, принадлежащей к высшим классам и вообще к более богатым семействам. Положение женщины в бедных семействах мало чем отличается в этом отношении. Всякий мусульманин, имеющий маленькое состояние, стремится жить по образцу богачей, соблюдать те же самые привычки и обычаи: всякий, кто может содержать две жены, стремится поставить дело так, чтобы у него выходил маленький гарем. Выше мы заметили, что на Востоке ничего не значит содержать несколько жён. Потому у большинства восточных мусульман их имеется несколько. Таким образом, и в низших классах женщина находится в таком же печальном положении, как и в гаремах богачей. Правда, её здесь не стерегут толпы евнухов, она может иногда, особенно на полевых работах, показываться посторонним лицам без покрывала (заметим – против закона Мухаммеда); но насколько судьба её улучшается в этом отношении, настолько ухудшается в другом. Здесь сильнее чувствуется грубый деспотизм мужа,

здесь несравненно чаще пускаются в ход кулаки и плеть. Притом, смотря на жену как на рабу, мусульманин низшего класса ещё старается извлечь из неё как можно более материальной пользы; она здесь превращается в рабочий скот, зарабатывающий пропитание себе и хозяину. Между тем как жена трудится, промышляя пропитание для целого семейства, муж, истый поклонник восточной неги, наслаждается приятным кейфом, – кейфом, к которому способны одни только восточные мусульмане и в котором они доходят до такой артистичности, что, по их собственным словам, они стараются даже не мыслить в этом состоянии, – мысль кажется даже им утомительною. При такой склонности к лени муж употребляет жену почти для всех работ, чтобы самому не оставлять своей бездеятельности. Притом, как мы имели случай заметить, жена знатного мусульманина меньше подвергается опасности быть выгнанною своим мужем, потому что ревность не позволяет ему часто воспользоваться правом развода. Между тем жена простого мусульманина постоянно принуждена бывает переходить из одних рук в другие до тех пор, пока она состарится и сделается уже никому не нужным хламом; тогда её единственная надежда на мирское подаяние. К счастью этих старух между мусульманами не совсем исчез дух древней склонности к подаянию и пропитанию бедствующих и страждущих. В противном случае им часто приходилось бы умирать с голоду на Востоке, где нет никаких почти богаделен, никаких вспомогательных учреждений.

Нам нужно ещё сказать несколько слов о праве мусульманской женщины на собственность, но чрезвычайно трудно сказать что-нибудь об этом праве; не знаю, право ли это предоставленное женщине или насмешка над всеми человеческими правами. Мухаммед даровал женщине право на собственность, право на получение наследства⁴⁴⁶. Но действительно ли это право? Если вникнем в положение мусульманской женщины, если рассмотрим все её отношения к мужу, то действительно убедимся, что это есть не более, как блестящая фикция, ловкий обман. Право действительно есть, но оно всегда оставалось и остаётся только правом без всякой

возможности и даже надежды приложить его к действительности. Мухаммед лишил женщину личности, лишил всех человеческих прав и в то же время дал ей право на собственность. Не странно ли говорить после этого о праве женщины на собственность. Жена есть полнейшая раба мужа, муж может нанести ей какое угодно оскорбление, не подвергаясь за это никакой ответственности; он может даже бить её сколько угодно, не давая в этом никому ответа, – словом, может распоряжаться её личностью, как ему вздумается. Можно ли после этого ожидать, чтобы жена когда-нибудь воспользовалась правом на собственность. Она должна навеки проститься с приложением этого права, считать себя только имеющей это право. Впрочем, и это едва ли когда-нибудь придёт в голову женщине, – женщине, которая ежедневно переносит от мужа поругание не только этого права, но даже права личности. Мехр, который должен защитить её от притеснений мужа, удержать его от развратного и похотливого желания развода, тоже не может оказать надлежащей защиты жене, потому что муж может чрезвычайно легко угрозами и побоями принудить жену самое искать развода и через то лишиться мехра. А на побои и угрозы мужа она не имеет права жаловаться ни на каком суде, потому что бить свою жену сколько угодно есть одно из прав мужа, предоставленных ему законом Мухаммеда, как мы видели выше. Таким образом, это право существует только в воображении лиц, желающих сколько-нибудь оправдать Мухаммеда относительно его жестокой несправедливости к женщине. Вот как характеризует это право природный турок, сам постоянно видевший всю призрачность его: «как скоро Коран делает мужчину властелином женщины и безусловным распорядителем её судеб, как на этом так и на том свете, – коль скоро муж властен одним повелительным словом или жестом вышвырнуть жену свою из дому на улицу, а также открыть ей или закрыть двери рая, то спрашивается после того: к чему послужит женщине обладание каким-либо имуществом? Какую пользу извлечёт она при таких условиях из своего права распоряжаться своим имуществом? Мужу стоит только из-за чего-нибудь придраться к

своей жене, затеять с ней ссору, и он тотчас же приберёт к своим рукам ключ от женина сундука. К тому же невежественность и неопытность женщин ставит их несчастных в такую зависимость от мужчины, что ему стоит только сказать слово – и все женины богатства у его ног. Вот, собственно говоря, каковы в сущности права мусульманской женщины на принадлежащее ей имущество. Эфемерность этих прав подтверждается ежедневными весьма грустными фактами окончательного разорения жён их мужьями. Прежде чем высказать какое-либо суждение о правах турецких женщин, нужно вникнуть в сущность их; поверхностный же взгляд на них легко может ввести в заблуждение⁴⁴⁷. Таким образом, и это мнимое право мусульманской женщины нисколько не может улучшить их участи. При нём, также как и без него, перспектива их жизни представляется в самом мрачном цвете. Трудно придумать даже намеренно более сильное унижение женщины и более рабское подчинение её произволу мужа.

Мухаммед заботился только о благе мужчин и почти оставил без внимания участь женщин. Он рассчитывал, кажется, привлечь к себе внимание арабов и потому предоставил им всевозможные права на чувственность, между тем как бедные спутницы их жизни остались без всякого призрения. Мало того, Мухаммед не упомянул об них даже при описании будущей блаженной жизни. При всех описаниях рая упоминаются одни только мужчины, о женщинах ни слова. Правда, и в раю будут женщины для услаждения похотливых мусульман, но это женщины не земные, это гурии – вечные девственницы, которых на долю каждого мусульманина достаётся до восьмидесяти. Мухаммед, желая как можно лучше и привлекательнее представить будущую жизнь для своих приверженцев, описывает прелесть тех неземных созданий, тех небесных дев, которые им будут даны. Райские девы должны быть прекраснее здешних спутниц их жизни; бедные женщины не достойны того, чтобы услаждать мужа по смерти в раю; достаточно для них и того, что они служили орудием похоти мужа в этой жизни. Может быть Мухаммед, стараясь увлечь только мужчин своим описанием райского блаженства, забыл упомянуть о женщинах.

Но, во всяком случае они не войдут в рай вместе с мужчинами, потому что они там будут лишни с точки зрения мусульманского богословия⁴⁴⁸. Это удаление женщин из райских обителей мусульман дало повод многим учёным мусульманского мира думать, что женщины лишены даже души⁴⁴⁹. Впрочем, это совершенно несправедливо, потому что сам Мухаммед обещал им бессмертие и даже награду за добрые дела⁴⁵⁰. Потому большинство мусульманских учёных думают, что женщины получают награду за гробом, но будут помещены в особое отделение⁴⁵¹. Некоторые же, впрочем, немногие учёные полагают даже в виде догадки, что женщины будут сожигать за гробом с джиннами, которые подобно людям имеют способность и силы к супружескому сожитию⁴⁵². Нам нет надобности подробно разбирать этот вопрос, мы только упомянули о нём с целью показать, как низко Мухаммед поставил женщину, что считал её даже недостойною получить место в раю, назначенном для мужчин, так что потребовались особые существа – гурии для того, чтобы заменить женщин в загробной жизни.

Позволим теперь себе спросить: в чём же заключается возвышение женщины и то блестящее положение, какое она, по мнению французских учёных, получила в исламе сравнительно с предшествовавшим временем в Аравии? Ограничение многожёнства есть чистейшая выдумка панегиристов Мухаммеда, – мы всюду видим, что мусульманские гаремы полны жёнами. Притом, если и была полигамия в Аравии до Мухаммеда, то она не сопровождалась таким лишением всякой свободы женщин. Мы нигде не находим указаний, что у арабов раньше ислама существовали гаремы; женщина могла показываться везде, что видно из истории Мухаммеда; основатель ислама также первый ввёл для женщин покрывало, как это видно из самого узаконения. Гаремное затворничество женщин, отнятие у них всякой свободы, лишение всякого доступа в общество суть продукты мусульманства: прежде него Аравия не знала такого унижения женщины. До Мухаммеда женщины пользовались уважением среди арабов. Поэт Антар убил раба за то, что он не имел уважения к арабским

женщинам, и правитель Зубайр одобряет его в следующих словах: *»вот мальчик, который поразит несправедливость и будет ревностно защищать женщин"*⁴⁵³. История ко всему этому ещё присовокупляет, что среди арабов домухаммедова времени были женщины очень образованные, были женщины-поэты, которые пользовались заслуженною славой между современниками⁴⁵⁴. Могли ли появиться подобные личности при крайнем стеснении свободы женщин, какое предполагают защитники ислама? Мусульманство, несмотря на большую сравнительно цивилизацию, не представляет нам ни одного примера женщины, известной в области науки или искусства. Правда, в цветущее время халифата в Испании были некоторые женщины, известные своими литературными произведениями, напр. Келам, любимая султанша Хакима II, известна своими историческими и поэтическими сочинениями⁴⁵⁵; но это нисколько не опровергает нашего мнения, что ислам был причиной крайнего невежества женщин, вследствие их унижения. Учёные женщины испанского халифата обязаны своим появлением крайнему упадку или, по крайней мере, крайнему искажению и ослаблению мусульманства в среде высших классов испанских мусульман. Они были не продуктом мусульманского строя общественной жизни, а напротив, явились благодаря только тому, что мусульманский строй жизни был нарушен в испанском халифате и жизнь стремились утвердить на новых основах. Справедливость наших слов подтверждает то, что после упадка испанского халифата ни одно мусульманское государство не представляет нам образованных более или менее замечательных женщин. В самом деле, если бы ислам не носил в себе зародышей невежества женщины, образованные женщины в нём не прекратились бы. Мы невольно убеждаемся, что судьба женщины в Аравии стала со времени Мухаммеда печальнее и хуже, свобода их стеснена несравненно больше, нежели до Мухаммеда.

4.4. Вредное влияние мухаммеданского брака на нравственность мухаммедан

Такое низкое состояние брачного законодательства и униженное положение женщины не могли не произвести губительного влияния на нравственность мусульман. Многожёнство, постоянная перемена жён, затворничество женщин и крайнее унижение их, – разве все это не могло убить почти окончательно нравственное чувство у поклонников Мухаммеда. Может ли быть чистая нравственность у мусульманина, окруженного многочисленными женами, содержимыми в затворе и унижении? Смотря на женщину как на игрушку для своих похотливых желаний, мусульмане проникаются чувственностью *do nec plus ultra*; переходя от одной жены к двум и более, мусульманин доходит до того, что кажется, все женщины мира уже не в состоянии удовлетворить его скотским страстям. С каждым днём все более и более воспламеняется его воображение образами чувственности; наконец, его страсть к чувственному удовольствию доходит до пределов положенных самой природой, – он становится неспособным к супружескому сожитию. Какова же должна быть страсть, если множество мусульман доходит до этого болезненного состояния? По свидетельству путешественников, на Востоке постоянно можно встретить мусульман в раннем ещё возрасте, которые дошли до невозможности продолжать супружескую жизнь. Заставляет ли, по крайней мере, это болезненное состояние мусульманина раскаяться и убеждает ли его, что чувственность в таких размерах губельна и противоестественна? Нет. Угрюмый, досадуя на себя и на свои физические силы, он и в этом состоянии думает только об одном, как бы поскорее поправиться от болезненного расстройства, с новыми силами предаться грубым чувственным наслаждениям среди своего многочисленного гарема или вне его провести время с развратными женщинами. Потому он постоянно обращается от одного врача к другому; дервиши, старухи-знахарки и разные шарлатаны посещаются им с

неутомимым рвением. Ничем не пренебрегают, чтобы возвратить себе хоть на несколько времени то чувственное удовольствие, которое мусульмане весьма часто богохульственно называют «божественным наслаждением». Европейцы, которых мусульмане Востока обыкновенно считают врачами, особенно бывают осаждаемы просьбами этих страждущих помочь их жалкому состоянию, нередко доводящему их до неистовства, когда все пособия медицины остаются тщетными⁴⁵⁶. Афродитические средства, возбуждающие половую деятельность, – средства, которые в других странах отпускаются только по рецептам врачей, здесь продаются совершенно открыто и в громадном количестве⁴⁵⁷. Мусульмане твердо верят словам лжепророка, который сказал, что мужчина в этих чувственных удовольствиях походит на колодезь: чем больше черпает из него воды, чем больше прибывает её и тем она становится чище⁴⁵⁸. Веря этим словам лжепророка, они никак не могут придти к мысли, что болезненное состояние приключилось с ними от неумеренного наслаждения теми удовольствиями, для которых ислам не положил предела, а напротив, дал средства предаваться им с необузданностью. Своё плачевное состояние, это наказание природы за преступление пределов, положенных ею, мусульмане считают действием какого-нибудь злого человека, колдуна или колдуньи; нет никакой возможности убедить их в противном.

Чувственность составляет душу мусульманина. Во всех своих разговорах он на первом месте поставляет чувственное наслаждение. Эта страсть к женщинам превратилась в плоть и кровь мусульманина. По рассказам известных лиц, хорошо знакомых с жизнью мусульман на Востоке, в разговорах этих последних первое место по своей важности и частовременному употреблению занимают рассказы о любовных похождениях. С чего бы ни начал мусульманин свой разговор, он непременно дойдёт до своего любимого предмета, сведёт разговор на известную тему о любовных похождениях⁴⁵⁹. Ни лета, ни состояние здесь не производят никакого различия: старик и юноша, богач и бедняк, все равно бредят в своих разговорах о

женщинах и тех удовольствиях, которые они им доставляют. По словам путешественников, нужно слышать, чтобы вполне представить характер этих разговоров, все развращение, всю чувственность души говорящего; циническая, грубая форма этих рассказов крайне поражает непривычное ухо европейца и заставляет невольно покраснеть и отвернуться более или менее скромного путешественника. Но мусульмане предаются подобным разговорам с самым страстным жаром; безжизненное лицо мусульманина, преждевременно одряхлевшее от разгульной жизни и опиума, вдруг оживляется, глаза начинают блестеть каким-то особенным светом, во всех его жестах и телодвижениях видно крайнее сладострастие, всюду заметны следы самой неистовой страсти к женщинам, – вот обыкновенное отношение мусульманина к тем чувственным образам, которые составляют плоть и кровь его.

Можно подумать, что Мухаммед дозволением многожёнства хотя и довёл чувственность мусульман до крайней степени, но взамен этого оказал другую услугу – прекратил незаконное сожителство с посторонними женщинами, потому что кажется достаточно уже того количества жён, какое он дозволил мусульманину, чтобы удовлетворить его и заставить прекратить всякое незаконное сожителство. Но этого на самом деле нет. По рассказам путешественников, нигде так сильно не развит разврат, как в восточных мусульманских странах⁴⁶⁰. Наш соотечественник, имевший возможность хорошо изучить нравы мусульман в Самарканде, так изображает нравственное состояние их: «семья для сарта не представляет ничего утешительного, почему он при всяком удобном случае скитается вне дома, ища развлечений и забывая совершенно своих запертых жён. Такое положение женщины заставило её искать выхода из этого томительного состояния, отваживаться на самые смелые рискованные вещи, чтобы хоть сколько-нибудь вкусить запрещённых наслаждений. Таким образом, выработался двойной разврат в семье – и мужей, и жён. Незаконные любовные связи чрезвычайно часты, несмотря на все строгости надзора. Женщины видятся с мужчинами где попало, где удобнее и возможнее, но главным образом

любовные интриги идут через посредство знакомых старух, задариваемых с обеих любящих сторон. Вообще подобные дела ведутся слишком тайно и в большинстве случаев поверенных, кроме самых необходимых лиц, избегают, боясь, что проболтаются. Связь идёт непременно за деньги со стороны любовника или из-за подарка. Это вошло в обычай. Мужья тоже не дают маху относительно *ферлакурства* с женщинами и бачами на стороне... С занятием края русскими, при такой массе мужеского военного населения в Самарканде, неминуемо должны были явиться и дома терпимости. Они образовались из проституток – туземок. Об этом факте упоминается здесь потому, что появление этих домов имело немаловажное значение для самаркандцев. В прежнее время, придерживаясь слов Корана, администрация не могла допустить явное существование подобного рода домов. Было значительное число женщин, тайно промышлявших развратом и плативших громадные деньги местной полиции за скрывание их поведения от глаз общества и начальства (подобные женщины должны были избиваться камнями). По-видимому, население должно бы было отнестись к появлению открытых проституток враждебно или, по крайней мере, индеферентно. Но в том то и дело, что самаркандцы были рады этому нововведению. В проститутских домах стали собираться целые сборища туземцев, которые просиживали там чуть не по целым дням, угощаясь чайком и каламбуря с женщинами. Самые проститутки находятся у них в почтении: к ним они относятся с полным уважением и тонкою любезностью, как к свободным самостоятельным хозяйкам и своей личности и своего добра. И женщины действительно держат себя перед туземцами с большим достоинством. Глядя на эти тамаши самаркандцев у свободных самаркандок, кажется, что гости именно утешаются тем, что в их обществе сидят, наконец, незакрытые, настоящие свободные женщины»⁴⁶¹. Это не должно казаться странным, если мы постараемся быть внимательными к дозволению многожёнства. Это увеличивает чувственные наклонности, против чего едва ли кто и будет возражать; унижая женщину, оно тем самым побуждает человека смотреть на брачные отношения к ней, как

на простое удовлетворение своих чувственных потребностей, а не как на акт Божественной воли, связывающей супругов на всю жизнь и полагающей на них высокие, священные обязанности, какие налагает брак христианский. Брак в исламе никогда не был актом Божественной воли, а всегда был простым гражданским договором. Потому мужчина стал естественно легко смотреть на отношения к женщине и считать почти извинительными незаконные сношения с женщинами. А побуждаемые чувственностью мусульмане предались уже без всяких границ этим порокам. Вот почему на Востоке в таком громадном развитии находится публичный разврат. Присоедините к этому ещё частовременный развод, – и будет вполне понятна причина, вызвавшая огромное число развратных женщин на Востоке. Мусульманин не отказывается развестись с женой при всяком удобном случае; жена поступает в руки другого, потом получает развод и от этого переходит в руки третьего. Конечно, с каждым разводом и при возрастании годов постепенно понижается на нее цена, – и несчастная странница, перешедши через руки нескольких мужей, принуждена бывает, в конце концов, сделаться публичной женщиной. Вот главные причины того грустного и на первый взгляд трудно объяснимого факта, что на Востоке при сильной полигамии существует ещё громадный разврат. Особенно Египет славился и славится своим развратом, – Египет, где на улицах можно постоянно встретить публичных женщин, почти открыто предлагающих свои услуги проходящим мужчинам. Несмотря на жестокие меры султанов, очень нередко топивших этих несчастных жертв мусульманского разврата и сладострастия в Босфоре или в волнах Нила, разврат весьма силен по всему мусульманскому Востоку. Вслед за этим развратом является известная болезнь, как его неизбежный спутник. Эта болезнь, которая должна бы считаться позором человечества, настолько обыкновенна в восточных землях и мусульмане так привыкли встречать множество людей, заражённых этой болезнью, что она превратилась там в очень обыкновенное явление, о котором не стесняются говорить

мусульмане даже открыто в обществе и не стыдятся публично признаваться в этой болезни.

Но обыкновенный разврат не мог удовлетворить чувственной склонности мусульман. Одно нарушение естественных границ природы вызвало за собой другое. Противоестественные отношения между мужчинами, которые, по слову Апостола, составляли отличительную черту нравственного упадка языческого общества, так распространены на Востоке, что редкий мусульманин не предаётся этому пороку для дополнения крайнего своего развращения. Об этом единогласно свидетельствуют лица, долгое время жившие на Востоке, – лица, которые в других отношениях выражаются очень благосклонно, так что мы не имеем никакого права сомневаться в истине их показаний⁴⁶². Этот порок так распространён, что мальчики, отправляющие эту унижительную профессию, открыто ходят по улице, имея при себе некоторые отличительные условные значки; они могут насладиться этими мальчиками за известную, впрочем, ничтожную, плату, так как мальчиков, занимающихся этой профессией, очень много⁴⁶³. Самые знатные и высокопоставленные люди доходят в этом отношении до такой явной бесцеремонности, что нисколько не стесняются открыто признаваться в этом пороке⁴⁶⁴, – словом, разврат этот дошёл до громадных размеров. Д'Оссон говорит, что мало есть таких господ, которые, даже содержа многочисленный гарем, не имели бы любимца под именем пажа, который почти всегда бывает орудием интриг своих господ, и при посредстве таких фаворитов могучие люди торгуют своей протекцией⁴⁶⁵. Другой путешественник полагает, что этот порок в мусульманстве также силён, как прежде в языческих землях⁴⁶⁶. Не только простые люди, но и знатные аристократы заражены этим пороком, даже дворцы султанов не свободны от него. По сведениям, сообщаемым Бабером, при дворе султана Махмуда этот порок господствовал с такой силой, что на человека, в котором мусульманское воззрение на брак ещё не успело заглушить нравственного чувства и стыдливости и который потому чуждался этого порока, на такого человека смотрели как на

глупца и человека слабого⁴⁶⁷. История Османлидов представляет нам пример знаменитого Мюрида, который был смертельно влюблён в одного армянского юношу и возвысил его до важнейшего поста Silahdar`a, благодаря единственно только тому, что этот юноша имел печальную участь удовлетворять скотским инстинктам развратного султана. Мухаммед IV сделал самым приближённым человеком своего любимца, известного Евлогия, который впоследствии был самым деспотическим правителем. Кроме этих примеров, есть ещё много примеров, показывающих, как древен этот порок в стенах сераля и как сильно он был распространён ещё в древности в странах мусульманских⁴⁶⁸. В нынешнее же время его можно встретить во всех мусульманских землях в громадных размерах, так что нет ни одного сословия, ни одного сана даже между служителями религии, которые были бы свободны от этого порока⁴⁶⁹.

Рядом с этим пороком идёт другой ещё худший его, который ещё более заслуживает презрения. Я разумею неестественное отношение человека к животным. И этот порок, который в христианских землях составляет редкое исключительное явление, считается следствием расстроенного рассудка, действием идиотов, между мусульманами сильно распространён, хотя и не в столь громадных размерах, как неестественное преступное употребление мальчиков, но бывает очень част, особенно Турция славится наибольшим распространением этого порока⁴⁷⁰.

Почему эти гнусные и противоестественные пороки господствуют на мусульманском Востоке с такой ужасной силой, между тем как в христианских землях составляют исключение? Видеть в этом следствие единственно очень низкой ступени образования в землях мусульманских нельзя, потому что эти неестественные пороки встречаются между султанами и правителями народа, следовательно, людьми стоящими сравнительно на высокой ступени умственного развития. В этом нельзя не заметить влияния, произведённого мухаммеданскими законами вообще о браке. Женщины унижены и исключены из общества мужчин, их место заступают мальчики, сладострастие

мусульманина естественно ещё более должно усиливаться от этого разобщения женщин от мужчин; его страстные пожелания воспламеняются разговорами, в которых, как мы заметили, главную роль играют любовные похождения; воображение его останавливается на мальчике, который исполняет роль танцовщицы или певицы, – и невинный мальчик становится жертвой скотских страстей мусульманина. Потом этот порок, при обстоятельствах благоприятствующих ему, входит во всеобщее употребление; нравственное чувство общества, которое сначала возмущалось этим пороком, мало-помалу притупляется, и этот порок получает право гражданства и даже пользуется почётом, так что законы бессильны уничтожить его. Сами блюстители этих законов и те не пропускают случая воспользоваться этим запрещённым удовольствием; даже служители религии не особенно стараются ратовать против него, чувствуя, что и сами подлежат ответственности в нём.

Спутницы развращённых мусульман не лучше своих мужей; они не уступают им в разврате, правда только в скрытном, а не в явном, так как явный разврат составляет преимущество мужчин. Чувственный взгляд на женщину, составляющий отличительную черту ислама, и внушённая ей с детства привычка смотреть на себя, как на средство, назначенное удовлетворять чувственности мужа, естественно должны ещё с ранних лет положить на женщину печать чувственности. И действительно женщины в мусульманстве отличаются этим характером. Они всегда поставляют идеалом мужа такого человека, который бы исполнял свои супружеские обязанности по отношению к жене весьма аккуратно, не делая опущений по разным причинам⁴⁷¹. Они никак не могут возвыситься, вследствие давления мусульманского законоположения и существующих на практике обычаев, до понятия о более высоком и духовно-нравственном отношении между мужем и женой, которое должно бы стоять на первом плане. Они наоборот ставят на первом плане чисто чувственное физическое отношение между супругами. И как мужа ищут в них орудия для своей похоти, так и они со своей стороны смотрят на мужей как на лиц, обязанных удовлетворять их

чувственным наклонностям и не имеющих права отказываться от услуг, предлагаемых женами. Это есть естественное последствие их положения; нравственность их не должна иметь никакого высокого духовного элемента, потому что ей недостаёт прочных чисто духовных основ. «У турок, – говорит одна писательница, – женщины, подобно своим обладателям, беспечны, вялы и беспутны. Не обладая никаким достоинством, они не внушают к себе никакого уважения: их собственные сыновья смотрят на них как на рабынь и причиняют им оскорбления; оглупевшие, униженные жизнью в гареме, невежественные, суеверные, они проводят время в спанье, в беседах с дервишами, в пении эротических стихов и в наслаждении сладострастными танцами своих рабынь. Они сильно преданы также сплетням с торговками, – иудейками и армянками, – и шутовским представлениям карагеуза оттоманского паяца. Вообще турчанки слишком вольны, кокетки, обжоры и расточительны». «Женщины Туниса, – говорит Шолль, – кажется не лучше. Мой отец, путешествуя по этой стране, имел случай посетить дом и семейство одного ренегата прусского происхождения, который показал ему свою жену, туниску четырнадцати – пятнадцати лет, и двух своих детей. Но в то же время он присовокупил по-немецки: мою жену такую, как вы видите (т. е. без покрывала), я ни за что в мире не показал бы ни одному магометанину, будь он моим лучшим другом. Это было бы неблагоразумным поступком против обычаев и никто не посовестился бы пустить в ход все средства, чтобы соблазнить её, что было бы легким делом. Здешние женщины нисколько не заслуживают доверия и предпочитают цветы, благовония и наряды самым нежным чувствам»⁴⁷². Да и в самом деле, почему жена мусульманина обязана сохранять целомудрие и верность своему мужу? Потому ли, что она вступает с ним в священный, ненарушимый союз? Совсем нет; мусульмане не знают священного неразрывного брачного союза. Женщину удерживает от прелюбодеяния вовсе не уважение к собственному нравственному достоинству, не сознание своего долга и глубокой преданности мужу, с которым она бы должна

составлять едино тело по плану Божественного домостроительства, но орудие которого она составляет по мысли Мухаммеда. Женщину удерживает страх, и только он один, иначе она не была стеснена ничем в своей нравственной вольности. Не будь бича в руках мусульманина, он ничем не был бы гарантирован от неверности жены. Но мусульманин, смотря на женщину как на свою собственность, на свою принадлежность, старается всеми репрессивными мерами удержать её и приковать к своей персоне. Таков взгляд мусульман на замужних женщин; девиц же они не имеют права привязывать к себе. Правда, они должны беречь их, как будущую принадлежность мужа, но всё же в этом случае их взгляд не мог быть строг, потому что здесь не затрагиваются личные интересы мужа. Вот почему между мусульманами нередко составляется очень снисходительный взгляд на легкость поведения женщин до их замужества. Они не принадлежат ещё мужу, почему же и не позволить употребить им свою свободу для удовлетворения чувственности? Крайне неудовлетворительное понятие о нравственности и чрезмерный эгоизм мужа проглядывают в этом и доходят даже до такой степени, что арабы не стесняются открыто высказывать этот, в высшей степени безнравственный, принцип... Женщина, – замечают они совершенно хладнокровно, – которая свою молодость проводит разгульно, научается жить и узнаёт людей; узнаёт мужчин и научается обязанностям жены. Если у девушки есть дети, тем лучше; муж вместе с женою получает работников и помощников для обрабатывания полей, и чем больше у него детей, тем больше он приобретает значения в своём племени. Для бедного человека вдова, разводка или девушка, имеющая детей, есть самая лучшая жена, потому что отлично знает свои обязанности. Прошлые женщины принадлежат ей одной и мужчина не имеет права требовать в нём отчета»⁴⁷³. Что выражают эти суждения мусульман, как не крайне эгоистический интерес и взгляд на супружество, совершенно лишённый высшего нравственного значения. Женщины не преминули воспользоваться этим случаем.

Таким образом, нравственного принципа, который останавливал бы женщину от разврата и нарушения супружеской верности, в исламе нет. Взгляд общества на этот предмет совершенно сбивает женщину с толку и окончательно лишает её нравственной опоры в отношениях к мужу. Поэтому мусульмане совершенно резонно со своей точки зрения запирают женщин, лишь только они успеют выйти замуж, чтобы предохранить себя от бесчестия быть предпочтенными другому мужчине и обманутыми неверною супругою. Чего не измыслила в этом отношении мусульманская подозрительность! Гаремы, окруженные стенами; толпы евнухов, стерегущих жён подобно мифическим аргусам; угрозы и, наконец, самое законодательство, позволяющее мужу убить на месте преступления неверную жену и её любовника⁴⁷⁴ – всё это направлено к тому, чтобы успокоить эгоистическую ревность мужа-мусульманина.

Привело ли это к чему-нибудь прочному? Принесло ли ожидаемые плоды? Поставило ли мужей в совершенной безопасности от неверности жён и застраховало ли от опасности быть обманутыми? По проверке оказывается, что нет. Между женщинами гарема разврат господствует, и если кажется, что не с такою силою как между мужчинами, то потому только, что он скрытен и вследствие этого мало доходит до ушей путешественников, между тем как разврат мужчин при своём публичном характере очень сильно бросается в глаза. Но на самом деле разврат жён доходит до грандиозных размеров. Ни евнухи, ни заключение в гареме, ничто не может сохранить честь мужей от неверности их жён. Они изобретают тысячи средств провести бдительность евнухов и завести любовные интриги с каким-нибудь мужчиной. Евнухи подкупаются или просто бывают обманутыми хитростью жён, дошедших в этом отношении до артистической ловкости, к которой приучило их стеснённое положение и ненормальное отношение к мужу, к которому они питают только страх, а не любовь. Таким образом, все стеснительные меры мусульман не привели и не могут привести ни к чему прочному в этом отношении, как скоро уничтожены самые основы нравственности. Разврат проник

даже в гаремы султанов и там имеет множество адептов между супругами преемников Мухаммеда; таковы напр. развратные поступки жён Абдул-Меджида⁴⁷⁵. Разврату даёт большую легкость и удобство ещё одно существующее обыкновение мусульман. На Востоке в доме всякого мусульманина есть комната у жены, назначенная специально для приёма её гостей. Сюда не имеет права проникнуть муж без воли своей супруги. Муж, нарушивший этот обычай, подвергается насмешкам со стороны общества. Это право женщины на такую комнату, куда не может проникнуть муж, даёт ей легкую возможность увидеться здесь со своим любовником. Бывали случаи, что в этом убежище любовники проживали несколько недель, не замеченные мужем⁴⁷⁶. Таким образом, надзор не может заставить женщину жить целомудренно, коль скоро отношения её к мужу и её верность ему не имеют под собой прочной нравственной основы. Эгоизм мужа хотел заменить эту основу жестокими наказаниями за нарушение супружеской верности. Начиная с первого появления ислама и до самого последнего времени были поставляемы и восстанавливаемы самые строгие наказания за прелюбодеяние. Мухаммед положил наказание плетью за неверность⁴⁷⁷. Согласно этому и последующее законодательство ислама полагает самые строгие телесные наказания за это преступление, которое считается одним из самых главных по мусульманскому законоположению⁴⁷⁸. Нельзя сказать, чтобы эти законы оставались без приложения. Мужья, оскорбляемые неверностью своих жён, на которых они смотрели всегда как на собственность, никогда не пропускали случая воспользоваться строгостью закона и всегда старались подвергнуть свою жену жестокому наказанию. Этим ещё не удовлетворялось оскорблённое самомнение мусульман; раздражаемые неверностью своих жён, которая при нравственной слабости женщин повторялась чрезвычайно часто, они придумывали с каждым днём всё новые и новые наказания, более и более бесчеловечные; неверным женам и пойманным любовникам обрезывали носы, губы, не щадили и голов. Когда Турки владели Сахарою, то прелюбодеяние жены там обыкновенно наказывалось убиением её; в Кабуле

неверных жён сажали в мешок и бросали в пропасть с одной высокой скалы; а в Константинополе известна одна обрывистая скала, которую турки называют «скалою неверных жён», потому что в прежнее время с неё бросали женщин, нарушивших супружескую верность⁴⁷⁹. Кроме того мрачные бездны Босфора и Нила скрыли в себе не одну тысячу этих несчастных жертв. «Во время одной из наших поездок в сообществе правителя по окрестностям Пешауара⁴⁸⁰, мы, – говорит А. Борис, – имели случай видеть образец магометанского правосудия и возмездия. Проезжая предместьем города, мы заметили толпу народа и, приблизившись, увидели на навозной куче обезображенные тела мужчины и женщины, из коих первый ещё не совсем умер. Толпа немедленно окружила правителя и всё наше общество; из неё отделился человек и дрожащим голосом объявил султану Магоммед Хану (имя правителя г. Пешауара), что он изобличил свою жену в неверности и умертвил как её, так и обольстителя: держа в руке окровавленный меч, он подробно описывал каким образом он совершил месть свою. Жена его была беременна и до этой поры принесла ему трёх детей. Правитель сделал ему несколько вопросов, не продолжавшихся более трёх минут, и потом громким голосом сказал ему: «ты поступил как добрый магоммеданин и совершил справедливое дело. За этим он двинулся вперёд и вся толпа закричала ему вслед: «африн! африн!» (славно!). Убийцу немедленно пустили на свободу. Во всё время исследования этого дела мы находились подле самого правителя, который по окончании расспросов обратился к нам и подробно объяснил закон, на основании которого он действовал. Хотя во всём этом происшествии не было ничего особенно нового, однако же я как европеец чувствовал, что кровь моя застывала в жилах, когда я смотрел на обезображенные трупы и слушал слова человека, оправдывавшего себя в убийстве жены, родившей ему трёх детей: да и самая поспешность приговора правителя, случайно проезжавшего мимо места злодеяния, представилась не менее замечательною стороною этого ужасного обстоятельства⁴⁸¹.

Мусульмане старались этими жестокими смертельными казнями прекратить и уничтожить неверность жён; но их

старания не имели никакого успеха: неверность только дальше скрылась от глаз обманываемых мужей; ещё замысловатее, ещё хитрее выдумывали средства обмануть мужа затворницы мусульманских гаремов, но не прекратили своих преступных связей. Преступление против супружеской верности стало обнаруживаться реже, но не уменьшилось; жёны, побуждаемые страхом быть брошенными в Босфор, стали более осмотрительными. Таким образом, честь супруга несколько не была в безопасности. Наказание само по себе, как бы оно ни было строго, не может прекратить преступления. Наказание есть только следствие преступления и нимало не может прекратить его. Для того, чтобы уничтожить преступление известного рода, нужно прекратить все поводы к обнаружению, те социальные звенья, на которых оно опирается; только с прекращением этих социальных недостатков может прекратиться и само преступление. Чем христианство прекратило ужасную безнравственность времён языческих, постоянное нарушение супружеских уз со стороны обоих супругов? Не наказаниями, а тем новым духом, тем перерождением социального строя жизни, которые оно сообщило всему человечеству. Мусульманство напрасно трудилось изобретать жесточайшие наказания, – оно не могло прекратить этим неверности жён, потому что причина её заключается с одной стороны в унижении женщины законоположением о браке, с другой – в самом браке, который рассматривается как удовлетворение страсти мужа посредством жены, и наконец, в самой гаремной жизни, обусловливаемой тоже исламом. Представьте себе множество жён одного мужа, которых он никак не может любить одинаково. Естественно при таком положении, что жена, менее других любимая своим мужем, не удостоивается часто видеть его в продолжение долгого времени; скучное одиночество приучает её употреблять в дело всю свою изворотливость, чтобы найти себе лицо, которое могло бы заменить ей мужа, – она пускается в преступные связи. Таково нравственное состояние Востока. Трудно сказать, кто превосходит в разврате, мужа или жены.

С легкой руки Мухаммеда развращенная нравственность стала составлять отличительную черту восточных нравов.

Страсть самого Мухаммеда к женщинам была так велика, что мусульмане в способности к сладострастному сожителству вздумали видеть одно из преимуществ посланников Божиих и составили представление, что чем выше посланник, тем больше он способен иметь сожителства с женами. Мусульмане не только не старались извинить Мухаммеда в многожёнстве и оправдать его какими-нибудь обстоятельствами, а напротив стремились приискать извинительные причины тому факту, что у Мухаммеда было меньше жён, нежели у некоторых лиц древности, в чем по их понятию можно было видеть унижение для самого Мухаммеда⁴⁸². Впрочем мусульмане могут и без доказательств гордиться сладострастием лжепророка, потому что трудно представить человека сладострастнее его. Не довольствуясь сладострастием на земле, он перенёс его даже в вечные обители, и там по его учению и к великой радости сластолюбивых его приверженцев мусульмане будут вести такую же сладострастную жизнь, как и на земле, конечно только в более грандиозных размерах⁴⁸³. Вот какой образец нравственности имеют жалкие мухаммедане в своем лжепророке Мухаммеде!

Нельзя видеть в этой развращенности мусульман плодов исключительно климатических условий Востока. Конечно, климатические условия имели здесь влияние, но не думаем, чтобы ими одними можно было объяснить подобный упадок нравственности, потому что при этих же самых климатических условиях жили христиане древних времён, которые отличались самою строгою нравственностью, и в настоящее время ни у одного путешественника нет указания, чтобы христиане Востока отличались таким же безнравственным характером, как и мусульмане. Но допустим, что чувственный характер мусульман зависит от климатических условий и от географического положения стран, занимаемых ими, – и в этом случае дело религии стараться положить границы чувственности и всеми мерами противиться развращённости. В мусульманском мире мы встречаем совершенно противоположное явление, – религия не только не полагает пределов развращённости, не только не уменьшает разврата, а напротив всеми мерами

покровительствует сладострастному настроению жителей Востока. Она предлагает многожёнство, которое даёт человеку возможность доходить в сладострастии до последних пределов, она унижает женщину, чтобы мусульмане в них имели орудие своей чувственности; подрывает все нравственные основы в отношениях между полами и тем способствует разврату уже непосредственно. Вследствие такого губительного влияния религии, постановившей такой брак, развращённость мусульман достигла до крайней степени.

4.5. Влияние мухаммеданского брака на семейную жизнь мухаммедан

Кроме этих последствий, мусульманский брак оказал пагубное влияние и на самые отношения между членами семьи. Брак есть основа семьи; потому самое незначительное изменение в нём должно непременно влиять на судьбу семьи, на её благоустройство или расстройство. Вследствие этого и мусульманский брак имел огромное влияние на семейный быт жителей Востока, – влияние самое губительное. Он уничтожил в семье все качества и свойства, которые составляют основу её, – он уничтожил любовь между разными членами семьи. Вражда в семье членов друг против друга была неизбежным следствием мусульманского брака. Ни между мужем и жёнами, ни между жёнами, ни между детьми не могло быть внутреннего согласия и любви, которые составляют душу семьи.

Вследствие обычного уже заключения женщин, *вследствие* покрывал, которые по закону Мухаммеда должны скрывать их от глаз всякого постороннего мужчины, жених до конца свадьбы не видит своей невесты. Только по заключении брачного контракта, в брачной комнате муж впервые увидит лицо своей жены. Обыкновенно мать или другая близкая родственница жениха отправляются по гаремам известных им лиц, чтобы высватать невесту своему сыну или родственнику. При этом та и другая сторона не преминут расхвалить себя; одна хвалит сына, другая – дочь. Если невеста понравилась матери, она, пришедши домой, объявляет о своём выборе сыну; тот беспрекословно соглашается, потому что всё равно – он никогда не увидит своей невесты⁴⁸⁴. Таким образом, любовь никогда не предшествует браку в мусульманстве. Потом здесь не может быть и речи о сходстве характеров, о том, могут ли муж и жена ужиться вместе в мире и согласии. Если и обращается здесь внимание на что-нибудь, то на физические качества невесты, на богатство и положение жениха, – условия чисто внешние, потому не существенные для супружества. А необходимое то, именно обоюдная любовь, и забывается. Мало

того, среди мусульман часто бывает и так, что родители высватывают невесту сыну, когда тот ещё в годах детства, – и брак делается орудием расчётов родителей жениха и невесты⁴⁸⁵. Здесь уже и совершенно нельзя ожидать взаимной любви между супругами. Впрочем, она в исламе и не составляет необходимого требования. По мнению мусульман, жена, как существо низшее, не имеет и права на исключительную любовь мужа; мужчина ни мало не обязывается посредством брака любить жену, потому что он её господин, а она его раба. Вследствие такого неравенства супругов не может быть требования взаимной любви между ними. Потому-то на Востоке и не кажется страшным, что мужчина не видит своей невесты до самого вступления в супружество. Однако такой характер брака не мог не производить самых печальных последствий в отношениях между мужем и женой. Муж, увидевши жену, тотчас же разочаровывается в ней; его воображение начертывало гораздо лучший и более прекрасный образ, нежели настоящая жена, потому что действительность бывает всегда ниже идеала. Жена тоже очень часто в первый день брака разочаровывается в своём супруге, – и между ними начинается холодность в обращении и недовольство друг другом, которое с каждым днем растёт и растёт, пока не дойдёт до явной вражды. Конечно, это бывает не всегда; чаще случается, что супруги при первой встрече понравятся друг другу, только потому, что они не возносились далеко в своих мечтах и не оставляли действительности без внимания. Но это расположение супругов вскоре уничтожается взглядом мусульманина на жену, как на орудие своей похоти, а на брак, как на средство своего сладострастия. При таком взгляде немыслимо, чтобы любовь между супругами была продолжительна, – жена скоро наскучивает мужу. Между супругами начинается вражда, часто доходящая до самого грубого своего обнаружения. Муж нередко пользуется своею властью побить свою жену, которая стала ему противною. Стоит только, – по словам Османа Бея, – пройти по улице какого-нибудь мусульманского города, чтобы услышать доносящиеся из внутри домов крики, шум и драку. Спросите и

вам ответят: в таком-то доме драка – новобрачные не сошлись характером, муж бьёт свою жену⁴⁸⁶. Положим, что супруги примирятся и станут жить без драки и ругани, но невозможно, чтобы между ними водворился мир и прочная любовь навсегда. Такая любовь, какой требует здоровое понятие о браке от супругов в отношениях друг к другу, невозможна между ними. Допустим даже, что сначала и существует любовь между супругами, но вот муж берёт себе другую жену. Разве этим он не возбудит к себе враждебных отношений со стороны своей первой жены. Не может быть, чтобы жена любезно приняла свою новую подругу и осталась любящей супругой. При полигамии решительно не мыслима любовь жён к своему мужу; здесь может быть только какое-то рабское неудовольствие, скрываемое под личиной наружной ласки, расточаемой мужу. Скоро и эта ласка становится мужу невыносимой, надоедает ему до такой степени, что он готов часто оставить свой гарем⁴⁸⁷. Причина этого кроется в характере самых отношений между супругами. Я уже сказал, что мухаммедане смотрят на брак, как на средство для удовлетворения своих чувственных наклонностей. При таком взгляде на этот предмет брачное сожительство с жёнами скоро делается противным; жёны, которые сначала нравились, мало-помалу делаются предметом отвращения в глазах мужа; ненависть и обоюдное отвращение бывает следствием такого отношения между супругами. Таким образом, в мусульманском браке не только не существует любви между супругами, но даже она и невозможна по самому существу предмета. Для этого нужно, чтобы мусульманский брак изменил самый характер и прежде всего оставил свою полигамию; только тогда возможна будет любовь между супругами, иначе на любовь между супругами в мусульманстве нужно смотреть как на исключение и притом исключение самое редкое. В исламе и самый образ жизни супругов служит только к тому, чтобы как можно сильнее уменьшить любовь между ними. На Востоке у всякого несколько порядочного человека дом разделяется на две половины; одна из них – гарем назначается для жён, другая – для мужа⁴⁸⁸, так что муж весьма редко видит своих жён. Он даже избегает близкого общения с ними.

Мусульмане, как мы уже видели, так низко смотрят на женщин, что не только не беспокоятся этим отделением от жён, а напротив, стремятся всеми силами, как можно дальше от них держаться, потому что общество их считают унижительным для себя. Таким взглядом на женщину уничтожаются всякие хорошие отношения между супругами. Если не появляется при этом открытой вражды, то единственно только потому, что страх мужниного кулака или плети удерживает жён от обнаружения своих враждебных чувств. Вследствие такого положения дела не любовь связывает между собою супругов, а плеть мужа служит связывающим звеном между ними. Недостаток любви восполняется страхом наказания. По словам одного нашего соотечественника, живущего в Туркестане, «девять десятых жалоб возникают из-за побоев. Одна показывает рассечённую серпом руку, другая пробитую камнем голову, третья натёртые кандалами раны на руках и ногах и т. д. Прибавьте к этому, что один ревнивец выжигает раскалённым железом детородные части у двух своих жён; другой совсем убивает жену за то, что она не так нежно его любит, как его покойного брата. Ко всему этому надобно вспомнить, что за истязания, увечья и даже за убийство жены туземец не нёс почти никакой ответственности. Далее тот же автор говорит: «мужу приглянулась другая, он задумал взять её в жёны. Старая жена отступает на второй план и как постылая, не видит больше ласки. Она обижена, ревнует и мстит по своему: небрежением о хозяйстве. Начинаются ссоры, открытая война и побои. Мужу невыгодно отпустить дорогую работницу и развода он ей не даёт. Жена понимает, что её удерживают только для работы и решается сложить руки; чтобы потерять цену и в смысле работницы – авось муж прогонит как дармоедку! Побои усиливаются. Жена, наконец, не в силах терпеть далее и с помощью родных, тайком, спасается под защиту русских"... «Однажды, – продолжает автор, – явилась (в суд) очень молодая женщина, лет пятнадцати, бывшая уже год замужем; с жалобой, что муж приковывает её к ножке кровати, когда уходит из дому. На руках и ногах её действительно видны следы от натёртых кандалами

ран»⁴⁸⁹. Вот характер отношения между супругами в мусульманском браке.

Такое же отсутствие или слабое присутствие любви обнаруживается и в отношениях отца к детям. Правда, здесь не может быть отвращения и ненависти, какие часто господствуют между супругами; однако не может быть и любви такой, какая существует в христианстве между родителями и детьми. При многожёнстве любовь отца не должна слишком останавливаться на одном из детей различных супругов, чтобы сохранить равновесие между супругами. Но не может же отец любить одинаково всех детей от многих жён; о самих же детях нечего и говорить. У них не может быть искренней любви к отцу, потому что они должны делить отца с другими детьми от других матерей. Вследствие этого они чувствуют не сыновнюю любовь, а страх перед отцом, как перед своим господином, которому должны только повиноваться, а не любить его, как следовало бы. Многожёнство, нарушив правильность одних отношений, нарушило тем самым и другие, – уничтожив любовь супружескую, вместе с тем поколебало и любовь родительскую.

Подобное же влияние брак ислама оказал и на родственные отношения к отцу и матери жены. Жена, как мы видели, находится часто в самых неприятных отношениях с мужем; муж очень часто пользуется правом побить свою жену; любовь не смягчает жестокого обращения мужа с женой. Родители жены естественно желают помочь безвыходному положению своей дочери и нередко увещевают своего зятя к более человеколюбивому и кроткому обращению с ней. Мужнина деспотическая власть через это встречает на практике некоторое противодействие со стороны родителей жены. Оскорбленный эгоизм и самовластие мужа не может, конечно, хладнокровно сносить этого вмешательства, – и между родителями жены и их зятем начинаются столкновения самого неприятного характера, так что, – по словам Османа-Бея⁴⁹⁰, – в этом отношении мусульмане и особенно турки составляют резкую противоположность с христианскими народами. У последних тесть и теща всегда пользуются уважением и даже почётом со стороны зятя, между тем как у мусульман они

заслуживают лишь ненависть со стороны зятьёв и ненависть, нужно сказать, самую ожесточённую. Это есть естественный исход и последствие того деспотического права, какое предоставляет ислам мужу над женою, между тем как в христианстве муж и жена, вступая в брак, чувствуют самую нежную привязанность и любовь друг к другу. Они вступают между собою в самые правильные, нормальные и нравственно-свободные отношения. Потому муж естественно должен уважать родителей своей жены.

Но ещё не столь печальное влияние брака в исламе производит на отношения мужа к различным членам семьи, как на отношения различных членов семьи между собой. Прежде всего он разрывает связь между жёнами. С первого взгляда уже можно видеть, что никак не может быть согласия между многочисленными жёнами одного мужа и даже между двумя или тремя из них. Только мусульмане, привыкши к многожёнству, и по своей чувственности не могут понять той простой истины, что при многочисленности жён не может быть между ними согласия, а напротив, должна быть постоянная вражда; ревность необходимо должна нарушить всякие миролюбивые отношения жён между собою. Всякая вновь поступающая жена возбуждает к себе самое сильное негодование и ревность в прежних жёнах; её преследуют насмешки, колкости и разного рода пакости, творимые из-за ревности. По прошествии более или менее продолжительного периода времени эта явная ревность переходит в скрытую, до самого гроба продолжающуюся злобу и ненависть. Таким образом, жёны все друг против друга питают самую непримиримую ненависть и ревность. Сколько нам не приходилось читать рассказов путешественников по Востоку и лиц, хорошо знакомых с внутренним бытом гаремов, все единогласно свидетельствуют об этом печальном и грустном факте, общем всему мусульманскому Востоку, именно, что гаремы мусульман представляют зрелище постоянной вражды и непримиримой ревности многочисленных жён поклонников лжепророка⁴⁹¹. Закон Мухаммеда, допустив полигамию, предпринимает все средства, чтобы прекратить вражду между жёнами и уничтожить всякий повод к ревности их друг к другу.

Муж должен уравнивать их друг с другом: для каждой жены должно быть отдельное помещение, каждая жена должна быть почтена таким же вниманием, как и прочие; все жёны должны быть содержимы совершенно одинаково⁴⁹². Но к несчастью это учреждение не принесло ожидаемых выгод; ревность нашла и много других причин достаточных, чтобы возбудить самую непримиримую ненависть между жёнами. Немыслимо, чтобы муж совершенно одинаково и равно любил жён; особенно при чувственной природе мусульман это совершенно невозможно. Сам даже Мухаммед не мог сохранить одинаковую любовь ко всем своим женам, а предпочитал Айшу другим⁴⁹³. А кто может быть таким искусным актёром, чтобы в продолжение всей жизни ни разу не обнаружить особенного предпочтительного внимания к какой-нибудь жене? Словом, взглядом, телодвижением или даже тоном своего голоса муж непременно когда-нибудь выскажет это предпочтение, когда-нибудь обнаружит, тем более, что положение жён заставляет их быть подозрительными и постоянно следить за мужем, не отдаст ли он которой-нибудь её сопернице предпочтения перед нею. И вот малейшая неосторожность мужа, совершенно неизбежная для самого искусного дипломата в этом отношении, служит причиной сильнейшей вспышки гнева и ревности. Это в богатых домах, где муж может построить отдельное помещение для каждой из своих жён и таким образом уменьшить возможность обнаружения перед другими жёнами своей исключительной привязанности к которой-нибудь из них. Но что же предпримет муж небогатый, который не имеет средств для постройки отдельных помещений для каждой жены? Здесь уже исчезает даже самое представление о возможности сохранить мир между своими жёнами. У арабов обыкновенно одна жена отделяется от другой лишь занавескою, а часто и обе находятся в одном помещении, так что все разговоры мужа с одной женой бывают слышны для другой⁴⁹⁴. Возможно ли, чтобы другая жена оставалась спокойной в то время, когда её супруг окажет какую-нибудь любезность её сопернице? Немного нужно наблюдения над человеческой природой, чтобы убедиться, что здесь дело не может обойтись без постоянных враждебных и самых

неприятных отношений между жёнами. Говорят что на Востоке девочка с ранних лет готовится к этой жизни, готовится разделять брачное ложе с другими жёнами; говорят что воспитание и постоянное наблюдение над другими должно притупить это щекошливое чувство. Всё это правда, но человеческая природа всё же остаётся в женщине; воспитание не может же довести её до степени животного. Таким образом, не только бедняк, но и богач, разместивший своих жён в разных комнатах, не может застраховать себя настолько, чтобы не подать повода к ревности жён между собой.

Но положим, что мужу удалось поставить себя так искусно, замаскировать свои внутренние чувства так ловко и быть таким необыкновенным актёром, что он ни одним словом никогда не показал предпочтения одной жене перед другими. Допустим всё это, хотя и признаём полнейшую невозможность существования такого человека. Исчезнет ли совершенно ненависть между жёнами гарема? Решительно нет. Жена по чувству эгоизма и подозрительности постоянно будет думать, что муж за ближайшей каменной стеной обращается с её счастливой соперницей гораздо ласковее и любезнее, нежели с нею в прошедший день. И это ей не будет давать никогда полного покоя; она никогда не перестанет ревновать каждую жену к своему мужу. Прибавьте к этому ещё сплетни, особенно сильно господствующие при такой заключённой жизни Востока, и вы вполне представите неизбежность чувства ревности между женами. Ревность не даёт покоя, жена представляет, что с каждым днем любовь мужа к ней охладевает все больше и больше; ей начинает представляться, что другая жена совершенно вытесняет её из сердца мужа; она призывает на неё все проклятия неба. На этом дело не останавливается; она клянёт свою счастливую соперницу, часто совершенно мнимую, а сама в тоже время старается приобрести любовь мужа. Она решается в этом случае прибегнуть к колдовству. Всякие надежды возратить к себе любовь мужа естественными средствами остаются тщетными, – и она в полном отчаянии в своих силах прибегает к таинственной науке какого-нибудь колдуна или колдуньи, чтобы получить от неё помощь в этом

мучительном для неё состоянии. Колдун или колдунья всегда готовы подать помощь этим несчастным и страждущим пленницам мусульманских гаремов, потому что не с пустыми руками они приходят просить помощи их чудной науки, а обыкновенно имея при себе порядочное вознаграждение. Есть много личностей, занимавшихся этим ремеслом, которые нажили большой капитал, благодаря только единственно своему мнимому знанию чудесных паук. Таким образом, ревность жён дает ещё поддержку и распространяет на Востоке различных шарлатанов. Ими полны города и селения мусульманского Востока, потому что ремесло их очень выгодно, – за какую-нибудь бумажку, исчерченную карандашом, за несколько бесполезных и ни к чему негодных строк они получают нередко большую сумму, особенно от жён знатных лиц, уверяя этих последних, что муж будет принадлежать исключительно им. Конечно, эти специи не приносят никакой пользы, разве только служат успокаивающим средством для расстроенного ревнивым подозрением сердца жены. Но случается и противное; если муж узнает, что его стараются околдовать, то бедной жене достаётся сверх прежнего горя ещё много новых побоев, нередко самого жестокого характера, потому что мужья опасаются быть отравленными этими специями, так как знахари часто употребляют для них некоторые вещества, вредные для здоровья⁴⁹⁵.

Нередко дело доходит и до более грандиозных размеров. Если жена, считающая себя оставленной мужем, имеет характер более решительный, лишённый женственности, то ревность часто простирается до лишения жизни своей соперницы. В этом случае не пренебрегают ничем; все средства считаются хорошими, лишь бы избавиться от своей соперницы. Конечно, тайная отравка составляет самое распространённое средство сбыть с рук какую-нибудь из соперниц – жён своего мужа. Впрочем, большею частью жена не прямо лишает жизни соперницу, а старается повредить её здоровью и красоте и тем положить конец симпатии, привлекающей мужа к ней. Такого рода отравка менее пугает воображение женщины. Потому женщины особенно часто прибегают к этому средству и

предпочитают его лишению жизни. Однако нужно сознаться, что и самое лишение жизни очень распространено в мусульманских гаремах; и нередкое явление, что молодая и красивая жена мусульманина, сегодня совершенно здоровая, завтра умирает несчастной жертвой ревности, причинённой полигамией, которую дозволил лжепророк. Конечно и здесь, как и в колдовстве, главную роль играют старухи и старики-знахари, которым совесть нисколько не запрещает дать, в известной мере, целительного для ревности средства. И к незавидной чести этих лиц, нужно сказать, что искусство составлять отравы доведено ими до высокой степени совершенства; составляются такие снадобья, которые лишают жизни весьма медленно и почти всегда без той предсмертной агонии, которая служит признаком принятого в чистом виде какого-нибудь яда. Тихо, но верно и без явных признаков отравы – вот стремление всех отравителей и отравительниц Востока. При таком искусстве, составляющем в некотором роде необходимую принадлежность восточных гаремов вследствие полигамического брака, лишение жизни соперницы ничего не значит и ничего не стоит. Притом самое положение гарема много этому способствует. Подчинённый единственно надзору мужа, сокрытый от глаз посторонних людей, недоступный даже для правосудия, гарем представляет самое удобное место для скртия всех тайных интриг и трагических развязок, даже не подвергая виновных никакой ответственности при небольшом умении свести концы с концами⁴⁹⁶. Конечно не каждый гарем был свидетелем подобных трагических развязок ревности жён, но вместе с тем справедливость побуждает сказать, что и эти развязки, даже кончающиеся смертью, очень часты на Востоке. Всё это происходит благодаря полигамии, которая составляет едва ли не самое чёрное пятно ислама, по крайней мере в отношении к социальной жизни.

Впрочем и без этих трагических развязок ревность жён даёт себя почувствовать. Едва ли можно себе представить что-нибудь производящее более расстройств в отношениях друг с другом, как ревность мусульманских жён. Не имея решительности отправить на тот свет свою соперницу, ревнивая

супруга изобретает против неё тысячи клевет; она не пропускает случая выставить её в самом дурном свете перед всякой личностью, с которой ей удаётся говорить, направляя все свои клеветы и интриги к тому, чтобы охладить к ней любовь своего мужа. Потому она напрягает все свои силы, употребляет всю свою ловкость и умение, чтобы достигнуть этого желаемого успеха – отвести своего мужа от неё. При всяком удобном случае она не преминет выставить перед ним свою соперницу в самом невыгодном свете; ею употребляются в дело вымышленные обстоятельства и факты. Она стремится перед посторонними лицами оклеветать её как можно сильнее с той же целью, именно, чтобы эти невыгодные для её соперницы слухи дошли до ушей мужа. Кроме этой, так сказать, подпольной работы, жена не пропустит случая и явно высказать сопернице всю свою вражду к ней. При первой представившейся возможности жена старается оскорбить её чем-нибудь, старается всеми мерами выставить её с самых худших сторон, поставить напоказ все её недостатки, не пропуская при этом употребить такие отборные слова, которых едва ли бы снесло ухо наших дам. Соперница её также не стоит безгласной слушательницей, а старается ей заплатить тою самой монетой – начинается брань. Редко дело кончается этим. Соперницы при первой возможности затевают драку, – и вот две разъярённые женщины вцепляются друг другу в волосы – и пошла такая потасовка, что, кажется, никакие усилия не в состоянии прекратить их драки. Стыд и женская мягкость характера, всё здесь исчезает; жёны одного мужа превращаются в свирепых тигриц, готовых поглотить друг друга, если бы это было возможно. Конечно, жены высших аристократов реже прибегают к этому энергическому изъявлению своей ненависти; но зато там гораздо больше и с дипломатическим тактом пускается клевет, там даже чаще употребляются разные отравы – тайные, но верные средства.

Таким образом, семейство мусульманина, состоящее из многих жён, разделяется на множество соперниц. Этим беспорядок в доме ещё не ограничивается. Каждая жена старается приобрести себе приверженных лиц; около каждой

мало-помалу составляется своя партия, смертельно ненавидящая партию другой жены и ищущая только случая, как бы побольше наделать неприятностей враждебной партии, отомстить ей и унижить её в глазах хозяина дома. Вследствие этого дом мусульманина представляет беспорядочную толпу людей, враждующих друг против друга. Представляется удобный случай, один клеветает перед хозяином на другого; в следующую затем минуту является и другой, хитрыми путями старается возбудить гнев хозяина против третьего. Так проходит весь день и даже ночью составляются разные заговоры; тогда очередная жена старается пустить в ход своё искусство, чтобы заградить сердце своего мужа для других жён. Муж является жертвой, обречённой служить орудием этих клевет и видеть кругом себя обман и измену одних и ненависть других⁴⁹⁷. На его плечи падает вся тяжесть домашней жизни, расстроенной полигамией; он несёт справедливое наказание за нарушение естественного закона, который положен Самим Богом при творении человека, именно закона единожёнства. Мусульманин, следуя за своим сластолюбивым лжепророком, преступает этот божественный закон и за это бывает обречён на постоянную вражду и злобу между всеми членами семейства. Ему не суждено увидеть той тихой, спокойной семейной жизни, какую даёт христианский брак при одной жене и при нравственно-свободных отношениях супругов. Он мучится за свои пороки и страдает по правде, как нарушитель естественных законов.

Всё, что сказано относительно расстройства семьи, о ревности жён, о вражде их между собой и о разных партиях между членами семейства и прислугой, всё это не вымысел какой-нибудь, не плод ненависти христианских путешественников к мусульманам. Это сознаётся самими мусульманами. Многие даже самые интеллигентные из них и высоко стоящие на общественной лестнице открыто признавались, что состояние гарема в высшей степени неудовлетворительно и вражда жён между собой решительно непримирима, что партии в гареме нельзя совершенно уничтожить, что гарем представляет страшный хаос вражды и ненависти. Потому они считали самую трудною задачею и почти

невыполнимым делом держать жён в постоянном довольстве своим положением и в мире между собой. Так египетский паша Магомет-Али признал это искусство чрезвычайно трудным⁴⁹⁸. Мусульманские историки даже прославляли за это искусство тех из своих государей, которым удавалось усмирить своих жён. Так об испанском правителе Абен-Алимаре замечено, что благодаря огромной ловкости ему удалось устроить и поддержать миролюбивые отношения между жёнами своего гарема⁴⁹⁹. Вероятно, очень трудным казалось это искусство, коль скоро мусульмане в истории, в числе похвальных качеств своих любимых государей не забыли упомянуть об этом. Впрочем, мусульмане могут видеть пример трудности сохранить мир в своём гареме и из истории самого Мухаммеда. Их лжепророку также не удалось сохранить тех миролюбивых отношений между жёнами, каких ему хотелось, – и он был поставлен в такое неприятное отношение ревностью своих жён, что мог успокоить их благодаря только своей бессовестности, заставляя божество являться к нему на помощь всякий раз, как только он был в затруднительных обстоятельствах⁵⁰⁰.

Видя в примере Мухаммеда всю трудность сохранить мир и любовь между женами и сами испытывая постоянную вражду и непримиримую ревность в своих гаремах, мусульмане волею-неволей приходят к заключению, что моногамия в этом отношении гораздо спокойнее и что с одной женой можно жить удобнее, нежели со многими. Многие из них не стесняются даже перед христианскими путешественниками признаваться, что со многими женами живётся не так счастливо, как с одной⁵⁰¹. Только чувственность, непомерное сладострастие и пример Мухаммеда удерживают мусульман окончательно оставить полигамию и обратиться к моногамии.

Но вся эта вражда жён и прислуги ничего не значит в сравнении с тем раздором, какой производит полигамия между детьми разных матерей. Здесь ненависть и вражда доходят до крайней степени; жестокость мести и стремление уничтожить друг друга превосходит даже всякое вероятие. Впрочем, в таком явлении нет ничего удивительного; напротив, было бы весьма удивительно, если братья и сестры от одного отца и от

разных матерей стали бы чувствовать взаимную любовь друг к другу. Представьте себе дитя, которое каждый день, каждый час слышит голос своей матери, проклинающей свою соперницу и её детей; оно видит с первого дня своего рождения непримиримую ненависть матери к другим его братьям и сестрам. Может ли дитя при такой обстановке питать какое-нибудь родственное чувство к своим братьям и сестрам? Оно с первых дней жизни увлекается этой ненавистью матери; его вражда и злоба к братьям и сестрам возрастает постепенно с каждым днем всё более и более по мере того, как у него развивается самосознание. Сначала бессознательная антипатия к братьям постепенно переходит в открытую вражду к ним. Известен закон, что самая сильная ненависть есть ненависть между родственниками, потому что здесь постоянно могут представляться случаи для обнаружения взаимной ненависти и вследствие этого ненависть постепенно увеличивается. К этому в мусульманстве ещё присоединяется и то, что здесь нет сближающего влияния семьи и не может быть, потому что дети разных матерей воспитываются совершенно отдельно в разных комнатах; прислуга, приверженная к матери, старается и ребенку внушить ту же ненависть к прочим детям своего хозяина, какую имеет сама. Когда дитя приходит в совершеннолетие, оно уже бывает врагом своих братьев и сестёр разных по матери, – и эта вражда нередко кончается убийством или остаётся на всю жизнь тяжёлым бременем, лежащим на его сердце⁵⁰². Какое громадное различие в этом отношении представляет христианское моногамическое семейство! Здесь царствует между родственниками полная родственная любовь; здесь братья дружно стараются помогать друг другу; все родственники смотрят на себя как на членов, связанных между собой самыми тесными узами родственной любви, представляя этим совершенный контраст с мусульманским семейством, где родственники грызутся между собой, как собаки.

При таком характере отношений между членами семьи, не может быть и хорошего хозяйства. Хозяйство требует единодушного действия, постоянного стремления к одной

общей цели. Но может ли быть одно общее стремление в полигамическом семействе, где самые близкие родственники в тоже время и самые сильные враги? Если один начнёт что-нибудь, даже и относящееся к общей пользе, то другой непременно постарается испортить его предприятие и тем причинить ему вред. В мусульманстве все братья разные по матери стараются как можно менее сообразоваться друг с другом. Естественным следствием такого беспорядочного семейного состояния бывает то, что хозяйство мало-помалу приходит в совершенный упадок. На Востоке на продолжение богатых фамилий нужно смотреть как на редкость. В самом деле, каким образом может продлиться на много поколений богатое состояние предка при таком быстром стремлении членов семьи уничтожить благосостояние друг у друга?

Кроме вражды членов семьи друг с другом, полигамия производит пагубное влияние и на самый душевный строй мужа. Окружённый многочисленными женами, смотря на них как на орудие своей страсти, мусульманин постоянно бывает поражаем ревностью. Она решительно не оставляет его ни на минуту; мучимый ею, он изобретает тысячу средств, чтобы быть спокойным относительно верности своих жён. Он строит глухие и высокие гаремы, поставляет стражами этих гаремов евнухов; сверх всего этого он имеет постоянных шпионов в лице враждующих партий гарема. Несмотря на всё это, он никогда не может успокоиться. Ревность его самого бурного свойства. Горе жене, вздумавшей изменить своему мужу, горе и соучастнику её преступления, если муж как-нибудь успеет заметить их незаконную связь, – кинжал порешит участь их обоих. Муж-мусульманин ни на шаг не остановится перед пролитием крови в этом случае; он чужд всякого сострадания к своей жене. Все описания стран Востока наполнены рассказами об ужасных проявлениях этой ревности, так что это уже превратилось в общее место, как факт вполне известный каждому. Ревность мусульманина глубоко отличается от ревности мужа-христианина. Положим, что христианин, увидевши свою жену с любовником, не пропустит случая поколотить того и другого (исключений можно встретить очень немного), но в душе его

всегда остаётся что-то такое, что заставляет жалеть свою жену в этом случае, остаётся сострадание к ней. Ничего подобного нет в душе мусульманина. Он обрекает свою жену на смерть без всякого чувства сострадания к ней. Убийство неверной жены в христианском мире редкость, на мусульманском Востоке оно каждодневное явление. Отчего зависит подобное различие между христианским миром и мусульманским в этом отношении? Причина этого различия заключается без сомнения в самом характере брака мусульманского и христианского. В христианстве вступают в брак две равноправные личности, соединённые между собой самыми тесными узами любви и имеющие между собой свободно-нравственные отношения. Не то представляет нам мусульманский брак. Здесь вступают в брак два индивидуума, совершенно неодинаковые по правам: один из них – муж – обладает всеми правами, другой – жена – почти лишён всех прав. Здесь нет обоюдной любви; муж смотрит на жену как на свою собственность, исключительно назначенную для удовлетворения его страстей. Это, по моему мнению, и сообщает различный характер ревности мужа-христианина и мужа-мусульманина. Первый, ревнуя свою жену, в тоже время любит её и потому щадит; другой, ревнуя жену, видит в этом потерю своей собственности, потому не имеет к ней никакого сожаления, как к вещи, переставшей быть его собственностью, а отнятой другим. Вследствие только такого взгляда на жену и может мусульманин в порыве ревности убить свою жену. Доказательством такого характера ревности мусульманского мужа служит развод. Будь у него ревность другого свойства, развод был бы невозможен, потому что ему было бы невыносимо видеть свою жену, которую он любил, замужем за другим мужчиной. Между тем мусульманин нисколько не тревожится этим; он может смотреть на этот факт совершенно равнодушно, потому что развод прекращает его право собственности над женою; после развода жена делается чужою собственностью, и муж может быть хладнокровен также как человек, который продал свою вещь кому-нибудь другому. Исключение из этого составляют разве одни аристократы, особенно в Персии, которым действительно неприятно видеть

свою жену вышедшую за другого мужа, но и в этом случае не по сохранившемуся к ней сочувствию, а по чувству гордости и самолюбия, потому что они смотрят на это явление так, как будто бы жена предпочла ему другого, или будто муж не умел уладить с ней без развода. Ужасный и подозрительный характер ревности мужа-мусульманина имеет своего представителя в лице самого основателя ислама. Он тоже решился однажды на убийство по одной ревности, притом не к жене, а к конкубине, но случай спас его от этого нового преступления, потому что подозреваемая личность оказалась евнухом, – и Мухаммед мог не запятнать себя убийством⁵⁰³. Таким образом, не нужно считать ревность мусульманина чувством свойственным всем вообще людям; по указанным свойствам её нельзя не признать её явлением совершенно искусственным, происшедшим от чувственного характера мусульманского брака и от унижения женщины до обыкновенной собственности своего мужа.

4.6. Влияние мухаммеданского брака на общественную жизнь мухаммедан

Полигамический брак мусульман, произведши самое крайнее унижение женщины, был причиной расстроенного состояния целого мусульманского мира. Он унизил всякую умственную деятельность на Востоке, уничтожил на нём цивилизацию и поверг его в крайнее невежество и грубость. Всё это случилось от того, что в мусульманском браке, при крайнем унижении женщины, лежали элементы, уничтожающие всякое воспитание в семье, воспитание, которое есть корень и источник общественного просвещения и основание цивилизации. Рассмотрим, каким образом совершилось постепенное огрубение Востока, его возврат к невежеству; проследим, как мусульманский брак мог произвести и произвёл этот застой общественной жизни и убил цивилизацию.

Мы уже видели, что Мухаммед своим полигамическим браком окончательно унизил женщину, лишил её почти всех прав свободного человека. Это-то несчастное законоположение и было причиной умственного невежества целого Востока. Всеми учеными исследователями признано за несомненное, что положение женщины связано самым тесным образом с положением и состоянием целого общества; возвышение и упадок общественной жизни всегда следует за возвышением или упадком женщины. Женщина есть основа цивилизации, потому что на ней основывается домашнее первоначальное развитие и воспитание человека; а домашнее первоначальное воспитание есть корень цивилизации и нравственного состояния нации. Потому всякое изменение в состоянии женщин переходит на детей, а через них и на целую нацию. Это неизменный закон истории. Персия, Греция и Рим представляют нам неопровержимые доказательства этого. Они процветали, когда женщина у них стояла высоко; они пали, лишь только было нарушено правильное отношение между мужчинами и женщинами. То же самое явление представляет и мусульманский Восток. Он коснеет в полном невежестве от

Мухаммеда, который, унизив женщину, лишил своих последователей благотворных плодов цивилизации.

Мы не станем повторять того, что уже говорили о крайнем унижении женщины в мусульманстве. Вследствие этого униженного её состояния, на неё не обращают в мусульманском мире почти никакого внимания, нисколько не заботятся о её воспитании; даже религиозное образование считают для неё излишним, как мы видели выше. В домах самых знатных лиц мало найдётся женщин, которые знали бы более или менее порядочно грамоту⁵⁰⁴. Как мало мусульмане занимаются обучением девочек, так же мало, если только не меньше, они обращают внимания и на нравственное и эстетическое их развитие. Вследствие чувственности и сладострастных наклонностей муж-мусульманин с женой в частной беседе в присутствии своих детей нисколько не остерегается произносить такие слова и вести разговоры о таких предметах, которых совершенно не следовало бы доводить до сведения малолетних детей, а тем более девочек. Лаская свою дочь отец-мусульманин высказывает ей такие комплименты, которые могут вырваться из уст только закоренелого развратника, для которого чувственное удовольствие важнее всего и голова которого всегда занята сладострастными образами и мыслями. Само собой разумеется, что девочка, слыша с самых первых дней рождения подобные суждения и слова, высказываемые своими родителями, до такой степени свыкается с ними, что начинает смотреть на них, как на вещь вполне обыкновенную, как на самый невинный разговор. По словам людей, бывших на Востоке, на улице от малолетних девочек во время их игр можно услышать такие слова, которые в состоянии заставить отвернуться и покраснеть даже мужчину европейца с более или менее неиспорченной нравственностью⁵⁰⁵. Мусульмане же смотрят на это, как на вещь вполне обыкновенную; отцы и матери нимало не думают останавливать подобных разговоров своих юных дочерей. Таким образом, с самого первого детства девочка привыкает к этим чувственным образам и картинам сладострастия. В исламе всё стремится к тому, чтобы окончательно подорвать основы нравственности в женщине и

превратить её в орудие мужской похоти и сладострастия. Женщина выходит из-под руки своих родителей лишённая точки опоры для нравственности. Ещё менее заботятся родители об эстетическом развитии своей дочери. С первых дней рождения её окружают неряшество и неопрятность всевозможного рода. Богачи и бедняки различаются в этом отношении немногим. Всё различие заключается в том, что дочь знатных и богатых родителей осуждена жить в неряшестве и неопрятности, окружённая дорогими материями и золотом, а дочь бедняка живёт в неряшестве с бедной обстановкой⁵⁰⁶. Само собой разумеется, что неряшество и отсутствие эстетического воспитания всасывается в плоть и кровь мусульманами с молоком матери. Таким образом, дочь выходит из родительской школы домашнего воспитания лишенною всякого воспитания: без научного образования, без прочных основ нравственности, даже без полного знакомства с религией, с совершенно неразвитым эстетическим вкусом.

Можно ли ожидать от такой дочери, когда она выйдет замуж и сделается матерью, хорошей воспитательницей своих детей? Можно ли надеяться, что она будет вполне удовлетворительно исполнять свою первую обязанность, именно воспитание детей? Всё убеждает нас, что от подобной матери нельзя ожидать, чтобы она дала своим детям надлежащее рациональное воспитание. На обязанности матери лежит приготовить своих детей, особенно сыновей, к общественному положению, познакомить их со всем строем общественной жизни, чтобы из них вышли хорошие граждане; она должна познакомить их со всеми превратностями, встречающимися в жизни, чтобы укрепить их в борьбе с препятствиями; она должна подробно и обстоятельно показать своим юным детям, сколько искушений, сколько соблазнов для человека представляет жизнь; должна приучить детей пользоваться в этом случае теми средствами, которые составляют единственное условие хорошей жизни. Мало того; она обязана постепенно вводить сына в самую жизнь и руководить им в ней на первых порах. Только тогда, когда дети сделаются мужчинами, прекращается воспитание в буквальном его значении. Может ли исполнить эту великую задачу

воспитания мусульманка-мать, со дня рождения заключённая в гареме, не выдавшая жизни и плохо знающая об ней даже по слухам, потому что с ранних лет её всеми мерами старались изолировать от всех посторонних людей? Очевидно, такого воспитания решительно нельзя ожидать от мусульманской матери; она не может приготовить своих детей к жизни, сделать из сыновей хороших граждан. Она не в состоянии сообщить им сведений дальше мелочных интриг гарема; только нравы, обычаи и жизнь гарема ей вполне знакомы; потому только в эту область она может ввести своего сына, дальше её она идти не может.

Допустим, что это образование может быть заменено впоследствии школою или самою жизнью, но существуют две великие области, которые уже никак не могут быть замещены посторонними лицами с таким успехом, как матерью; даже отец должен уступить своё место матери в этих важных и обширных областях воспитания дитяти. Я разумею религиозное и нравственное развитие дитяти. Здесь мать должна быть самой главной воспитательницей дитяти. К несчастью эти две области почти также не могут быть заняты матерью-мусульманкой. Мать, не получившая с детства надлежащего полного религиозного воспитания, оставленная своими родителями при самом первоначальном сведении о своей религии, как существо, не обязанное знать вполне своего завета с Богом, даже как существо, которому излишне основательно знать религию, – такая мать не может сообщить своим детям полного знакомства с религией. Сведения, сообщённые ею, естественно должны отличаться самым поверхностным характером; ни каких разумных оснований в этом воспитании нет и быть не может. Если и может она сообщить что-нибудь детям из области религии, то всё это запечатлено характером легендарным, всё это требует только одной слепой веры и больше ничего. Развитие нравственного характера в дитяти тоже не может быть исполнено матерью-мусульманкой. А между тем это дело первой важности. От первоначального развития характера и нравственного образа человека почти постоянно зависит всё направление его жизни. Нет кажется ни одного человека, даже

подвергавшегося самому разнообразному влиянию среды, чтобы он совершенно отрешился от того толчка, который ему сообщило первоначальное воспитание в семье. Это первоначальное семейное воспитание кладёт на человека неизгладимую печать на всю жизнь. Нравственный характер человека взрослого, его наклонности и часто даже самые страсти зависят от первоначального воспитания. Всё это заставляет относиться к образованию детского характера самым тщательным образом. Но что может здесь сделать женщина, сама не получившая твердой опоры для нравственности, у которой нравственный образ не развит до крайней степени? Каким путем может действовать и, сообразно с целью, выработать нравственный характер дитяти та мать, которая с раннего детства рассматривалась исключительно как игрушка мужа, а не как человеческая личность, и о которой никогда не заботились, чтобы развить её нравственный характер? Бедное дитя в руках такой матери осуждено на самое случайное извращение характера, брошено, можно сказать, на произвол судьбы. Разве только благодаря какому-нибудь счастливому случаю под руководством матери-мусульманки может образоваться твёрдый нравственный характер.

Мать-мусульманка, сознавая своё бессилие, сознавая, что она сама не может воспитывать надлежащим образом детей, особенно сына, предназначенного к общественной деятельности, слагает с себя бремя воспитания и препоручает его рабу. Так бывает в богатых и знатных семействах. Дети же простых мусульман осуждаются обыкновенно на полнейшее отсутствие всякого воспитания за недостатком в семье личностей, которые могли бы заметить неразвитую мать⁵⁰⁷. Вследствие этого громадное большинство мусульманских детей лишаются всякого воспитания. Но и воспитание детей знатных и богатых мусульман вызывает самое горькое сожаление о плохой постановке этого великого дела в мусульманских землях. В раннем возрасте, т. е. до 6–7 лет, дети остаются в гаремах вместе с матерями и, следовательно, лишаются всякого воспитания. Притом затворничество и крайнее унижение женщины, среди которых воспитывается первоначально сын, не

может не отзываться на воспитании и на нравственном характере его. Видя кругом себя постоянное унижение и самое крайнее рабство, дитя с ранних пор лишается тем благородной свободы, которая должна отличать человека гражданина; лишается той нравственной твёрдости, которая заставляет человека смело бороться с превратностями счастья, той отваги, с которой свободный человек принимается за разные предприятия и исполняет с успехом самые трудные проекты, словом, лишается всех тех качеств, которые служат признаком жизненности народа, залогом его прочного существования. Может ли в самом деле сообщить любовь к гражданской свободе женщина-раба? Сын среди рабов сам становится рабом вечного произвола, когда находится под властью или превращается в полнейшего деспота, когда достигнет какой-нибудь власти, потому что не привык уважать свободу в других. Потом дитя выходит из гарема своей матери. Здесь его встречает суровый произвол отца; сын должен до совершеннолетия сидеть около отца в рабском отдалении, с благоговением прислушиваться к его разговорам и из них поучаться. Кроме того ему дается раб, который сообщает ему некоторые сведения. Этим и заканчивается воспитание мусульманских детей в самых знатных и богатых семействах. Образование, как видно, самое плохое и неудовлетворительное ни в каком отношении. Воспитания же, как создания целостного образа человека, здесь совершенно не существует. Напротив, здесь, как можно видеть с первого же взгляда, все клонится к одной цели, как бы ухудшить человеческий род через несколько поколений. Может показаться странным тот факт, что мусульмане славятся своим религиозным энтузиазмом, а мы говорим о плохом и неудовлетворительном воспитании их в религиозном отношении; но этому явлению нечего удивляться. Религиозный энтузиазм мусульман основывается не на разумном религиозном образовании и глубоком понимании свойств своей религии, а на том фанатизме, который умел внушить своим последователям Мухаммед и который скорее требует слепой веры и отсутствия рационального религиозного воспитания, чем основательного религиозного обучения. Потому

религиозный энтузиазм мусульман и неудовлетворительное воспитание в религиозном отношении суть две вещи вполне совместимые.

Плохое домашнее воспитание не могло не обнаружиться роковым гибельным образом на самом строе общественного мусульманского образования. Оно естественно должно было уничтожить всякий прогресс и произвести всеобщий застой и жалкое невежество. Не получив никакого воспитания, мусульманин не заботится, чтобы и другие получали какое-нибудь образование, которое способствовало бы цивилизации и служило бы источником прогресса. Дух ислама произвёл полное рабское унижение женщины. Вследствие этого произошёл совершенный упадок интеллигенции между женщинами, между тем как они, по сознанию лучших мыслителей, служили и служат основанием общественного развития.

Вот, по нашему мнению, причина, почему мусульманский мир представляет печальное зрелище невежества и даже регресса. А что таково состояние мусульманских государств, этого кажется и нет надобности доказывать, — это засвидетельствовано всеми путешественниками и людьми хорошо знакомыми с Востоком. Приведём слова одного писателя, вполне изучившего быт Востока и притом такого, которого нельзя заподозрить в преувеличении, потому что в других отношениях он очень благосклонно относится к мухаммеданам. Он так описывает умственное состояние Египта: «массы египетского народа погружены в самое глубокое невежество... Исключая людей, получивших образование в недавно основанных школах, можно найти несколько учёных, которых всё образование ограничивается знанием священных книг и двумя-тремя поэтическими произведениями»⁵⁰⁸. Впрочем защитники ислама говорят, что упадок цивилизации нельзя искать в исламе; нельзя видеть в этом следствие неправильного и ложного законодательства Мухаммеда, унизившего женщину и тем погубившего цивилизацию на Востоке. Они ставят в виде возражения, что цивилизация была и даже процветала под влиянием мусульман в былое время. Этого мало; в багдадских арабах и испанских маврах они видят

предшественников возрождения наук и искусств, – будто бы среди всего христианского мира, погружённого во мрак невежества средних веков, одни только мусульманские земли были рассадниками наук. По мнению французских учёных, ислам будто бы встретил на Востоке одно варварство и невежество; потому не может быть и речи об упадке цивилизации под влиянием ислама, – Восток настоящего времени, хотя и стоит на низкой ступени цивилизации, всё же он выше в интеллектуальном отношении, нежели Восток домухаммедский⁵⁰⁹. Вот мнение некоторых историков, благосклонно смотрящих на влияние ислама. Но все эти превыспренние похвалы исламу носят печать явного пристрастия. Что такое арабская мудрость средних веков, как не переделка Аристотеля. Ничего нового, ничего выходящего из круга поверхностных исследований, не произвела арабская философия. Одно мертвое переделывание философии Аристотеля на разные лады, да присоединения к ней ещё некоторых новых элементов – вот и все⁵¹⁰. Притом арабские философы и учёные, правда, бывшие образованными людьми своего времени, не были мусульманами в полном смысле этого слова. Прочитайте философские сентенции любого из них и вы увидите, что тут очень мало мусульманского. Напротив, эти учёные являются самыми явными противниками всего мусульманского учения⁵¹¹. «Воздавая удивление блестящему периоду исламической образованности, – говорит Вамбери, – мы забываем очень часто, что животворный ум магометанских мыслителей того времени находился, по большей части, в оковах мертвой схоластики, и что образование было тогда далеко от того, что мы понимаем теперь под этим словом, и стояло в таких же отношениях к народной массе, в каких находятся, напр., великолепные дворцы султанов Испагани, Самарканда и Агры к массе окружающих их бедных мазанок, – одним словом, что образование, в котором мы видим фундамент нашей европейской культуры, встречалось тогда только случайно. Причины этого совершенно ясны. Школы и церкви, медресе и мечети были также тесно связаны между собою у мусульман, как и у христиан. Правоверный и

благочестивый человек, желавший посвятить свои земные сокровища для спасения души, строил медресе или мектебе, чтобы в них изучалось слово божие и распространялось таким образом. Если в этих, нередко весьма богатых, коллегиях из большого числа занимающихся экзегетикой корана, догматикой, исламическим правом, грамматикой, риторикой и пиитикой, выдавался такой ученик, любознательный ум которого обращался к той или другой отрасли точных знаний, – это случалось так редко, что подобное явление можно считать исключительными. К таким исключительным личностям современники далеко не относились с похвалой и уважением, какими пользуются христианские учёные новейшего времени. Долго нужно перелистывать биографические словари какого-нибудь Ибн-Халликана-Ташкепризаде или Кятиба Челеби, пока встретишь там естествоиспытателя или математика. Занятие этими науками находилось в противоречии не столько с положениями ислама, сколько с господствующим духом того времени, и если бы с астрономией не связывали астрологических целей, исследования в этой области знания не дошли бы до потомства. Под именем науки, тогдашние последователи ислама, подобно нынешним, разумели по преимуществу теологию и теософию, грамматику, логику и ораторское искусство. Только корифеи на этом поприще исследования пользовались нераздельным уважением своих современников; только их имена по преимуществу считались достойными перейти в потомство. Те, которые уклонялись от освященного пути божественного учения на путь естествознания, казались тогда, также как и теперь, *крайними еретиками*, усиленная любознательность которых извинялась только в том случае, если точные науки употреблялись ими как посторонние аргументы для подтверждения истин божественного учения. Иное умственное направление было бы осуждено в самых своих основах, так как Коран считается квинтэссенцией и энциклопедией всех наук. В силу всего сказанного выше, я нахожу достаточную долю преувеличения в том прославлении, какое мы воздаём прошлой культуре ислама»⁵¹². Очевидно, что большее или меньшее просвещение

арабов и мавров появилось и процветало благодаря не влиянию ислама, а влиянию предшествовавшей мысли и отчасти христианского понятия о социальной жизни, «так как ислам, – говорит Вамбери, – в смысле религии, представляет собою пеструю мозаику прежних религий, и исламическую культуру можно рассматривать как агломерат образованности тех народов, которых арабы покорили своей власти в короткий период своего могущества. В государственной и общественной организации восточного ислама преобладало влияние древней культуры персов, влияние, против которого тщетно боролись первые халифы и которое без труда привело к господству дружественного персам Маймуна. В западном исламическом мире можно найти столько же очевидных следов византийской цивилизации; Константиция (Константинополь) самым пророком называлась драгоценным камнем между городами, сокровищем искусства, и последователи его, несмотря на тёмное неверие Запада, часто брали её себе в образец. Подобные же факты мы наблюдаем по всему северу Африки, в Сицилии и, как уже было упомянуто, в Испании. И вообще трудно было распознать в духе магометанской культуры самостоятельный национальный характер, если бы не одеяние, в которое она была облечена, а именно арабский язык, который был для неё более вреден, чем полезен»⁵¹³. Не социальная жизнь по идее ислама создала эту образованность, а напротив полнейшее отсутствие её; и лишь только социальная жизнь ислама вступила в свои права, Восток и Испания мавров должны были погрузиться во мрак невежества.

Что же касается того, что ислам будто бы ввёл в страны Востока цивилизацию, которой будто бы не существовало раньше, то это совершенная неправда и явная натяжка мыслителей, стремящихся приписать мусульманству заслуги, которых оно не имеет. В Малой Азии, в Византии, Египте была самая цветущая цивилизация перед исламом, правда уже потерявшая свой прежний блеск, но, несмотря на это, стоящая на высокой степени. Что же представляют в настоящее время эти страны, завоёванные мусульманами? Грубость, варварство и отсутствие всякой цивилизации. Вот что появилось на тех

местах, где блистала наука как христианская, так и языческая. Что же случилось с колыбелью ислама – Аравией? Она по-прежнему осталась в том же грубом и полудиком состоянии, в каком была и до Мухаммеда.

Чему же всё это приписать? Коран относится к образованности, по-видимому, очень благосклонно. Он нередко даже хвалит образование. Потому отсутствие цивилизации и регресс в мусульманских государствах нельзя приписывать прямо заповеди Мухаммеда, будто бы он сам неблагосклонно относился к образованности. Это печальное явление произошло вследствие постановления Мухаммеда, унизившего целую половину человеческого рода – женщин и лишившего их даже прав человеческих. Вследствие этого унижения женщины произошёл упадок их интеллектуального развития, а через это и упадок развития и регресс в целом обществе. Все передовые мыслители мусульманского мира, которые, стоя во главе управления мусульманских государств и особенно Османской империи, старались поставить их в ряду передовых государств Европы, все они убедились в необходимости реформы, которая проникла бы в жизнь семейную, возвысила бы положение женщины и дала ей права единой нераздельной супруги мужа, состоящей с ним в свободно-нравственном отношении, обладающей всеми человеческими правами⁵¹⁴. Таким образом, даже мусульманские передовые личности могли уже заметить это и видели в полигамии и следующем за ней унижении женщины главные причины застоя мусульманских государств.

Само собой разумеется, что подобное отсутствие развития пагубно влияет и на внешнее благополучие держав мусульманских. Мы не будем говорить об этом, потому что это не требует доказательств и все согласны в том, что образование служит прочным ручательством благополучия государства, а напротив упадок развития интеллигенции в государстве вызывал за собой и упадок самого государства. Мы коснёмся вредного влияния мусульманского брака на государственную жизнь с другой стороны, именно со стороны его прямого и непосредственного влияния.

Мы говорили выше, что полигамия бывает причиной постоянной вражды между членами семейства. Эта вражда в частном семействе ограничивается только этим семейством, но коль скоро она происходит в семье правителя – султана, то она не может не быть губительной для целого государства, она производит постоянные распри при вступлении на престол каждого государя; междусобия были почти при каждой перемене государя и поглощали множество подданных. При каждом новом престолонаследии лились потоки крови мусульман по причине вражды нового государя со своими братьями, так что для избежания этого зла Мухаммед II возвёл в государственный закон братоубийство при вступлении государя на престол. Он сделал обязательным, чтобы все братья нового султана были убиваемы⁵¹⁵. В персидской династии Суфи утвердился обычай в подобных случаях ослеплять всех братьев. Фрезер – английский учёный – посетил одного юношу-принца при дворе Мирзы Аббаса и нашёл, что он с зажмуренными глазами обеими руками ощупывал кругом себя. На вопрос: что он делает? – принц отвечал: я приучаюсь к слепоте, – ведь ты знаешь, что по смерти моего отца нас всех или умертвят или ослепят⁵¹⁶. Вот до какой жестокости довёл султанов полигамический брак. Должно быть, велики были происходящие при престолонаследии беспорядки и раздоры и разрушительны для государства, что вынудили такие жестокие и бесчеловечные меры. Между тем все это – печальные следы полигамии, допущенной Мухаммедом. Братоубийство при престолонаследии, междусобия брани, хитрые происки каждой из жён, чтобы умирающий монарх назначил своим преемником её сына, бесчисленные потоки крови подданных и вследствие этого огромный ущерб для государства и неминуемый его упадок – вот то громадное зло, какое полигамия причинила государству. В подтверждение своих слов мы позволим себе выписать несколько слов из писателя, вполне знакомого с исторической судьбой мусульманских государств. «Никакое человеческое благоразумие, – говорит Дёллингер, – не в состоянии предотвратить губительных последствий полигамии; сыновья различных матерей, ещё при

жизни господствующих монархов и почти всегда после их смерти, своими возмущениями и междоусобными бранями опустошали, ниспровергали или раздробляли мусульманские государства. Если ещё Тацит упоминает о *solita fratrum odia*, если и в христианских государствах вспыхивал иногда бедственный раздор между сыновьями одного отца и одной матери, то что должно быть с мусульманскими государствами, где часто отцы не знают числа своих сыновей, а сыновья, воспитываясь раздельно друг от друга, с раннего детства посвящаются в глубокую ненависть и мстительные планы своих матерей, не получая успокаивающего влияния семейной жизни, где каждый видит в своих братьях опасных соперников, грозящих похитить его наследство? В одной только династии мусульманской – оттоманской – через многие поколения в непрерывном последовательном ряде совершается правильное и бесспорное престолонаследие. Но этот порядок был куплен дорогою ценою: братоубийство было возведено Магомедом II-м в государственный закон, когда он и его прадед, Баязед, подали пример этому. Не только над братьями султана, но и над внуками и племянниками его заранее был произнесён смертный приговор. Поэтому они были умерщвляемы тотчас при своём рождении, так что не позволяли даже завязать им пуповины. Это убийство фетвою мусульманских законоведов было признано законным на основании изречения Корана, что беспокойство хуже смертоубийства, – и наместники пророка, осуждавшего выкидывание новорожденных детей у языческих арабов как жестокость перед Богом, делаются законными убийцами братьев, племянников и внуков. Таким образом, преступление, возрастая, порождает новое преступление и закон сладострастия вызывает закон убийства»⁵¹⁷. Вот печальная, но правдивая картина тех беспорядков государственной жизни, которые произвела полигамия в мусульманских державах. Действительно, говоря словами Дёллингера, никакими средствами нельзя поправить этих губительных последствий полигамии.

Кроме междоусобных браней и кровопролития при престолонаследии, полигамия служит источником и корнем ещё

одного явления, губительного по своим последствиям для государственной жизни и несогласного с законами гуманности, именно рабства. Мухаммед дозволил своим последователям кроме четырёх законных жён иметь столько невольниц, сколько кто может содержать по своим средствам⁵¹⁸. Это губительное узаконение, рассчитанное на чувственность арабов и может быть данное с целью возбудить в них особенное влечение к войне, где легко достать огромное число невольниц при небольшом труде, – это узаконение принесло самые горькие плоды. Мухаммедане по своей чувственной природе, имея особенную склонность к невольницам, старались и стараются обзавестись ими при всяком удобном случае, лишь бы средства предоставляли, хотя малейшую к тому возможность; гаремы мусульманских богачей битком набиваются невольницами всех наций. Тут находятся черкешенки и негритянки, христианки и мусульманки, грузинки и гречанки, словом – женщины различных вер и наций. Мусульманин, пользуясь позволением Мухаммеда иметь служанок, предпочитает их даже законным жёнам, потому что здесь он гораздо полноправнее и ему не обязателен никакой мехр; власть его над служанкой не стесняют никакие родственники со стороны её, как это может случиться при законной жене, где родители жены иногда, при крайней жестокости мужа, имеют обыкновение защищать своих крайне обиженных дочерей. Ничего подобного не может быть, когда он сожительствует со служанкой, потому что её некому защищать. К этому присоединяется ещё один закон, способствующий размножению рабынь, именно закон, по которому султан может жениться только на невольницах⁵¹⁹. Таким образом, самые громадные в мире гаремы, состоящие из нескольких сот женщин, наполняются невольницами. Всё это вызывает большую потребность в рабынях для пополнения мусульманских гаремов; искусные и вместе бесчеловечные торговцы привозят их несметное количество на мусульманские рынки, набирая частью насильно, частью посредством покупки у родителей их, доведённых бедностью до крайности.

Впрочем, этот род рабства ещё не так поразителен и отвратителен, как другой род рабства, самый постыдный и

бесчеловечный, порождённый ревностью мусульманских мужей и который так сильно распространён в восточных землях, как нигде и никогда, ни прежде, ни ныне. Я разумею сословие евнухов. Правда, они существовали и в древние времена, потому справедливость требует признаться, что евнухи не плод мусульманства; но вместе с тем нельзя согласиться и с мнением Османа-Бея, который полагает, что сословие евнухов в исламе есть плод дальнейшей истории мусульманства и не допущено самим Мухаммедом⁵²⁰. Это мнение Османа-Бея опровергается самим Кораном, где Мухаммед допускает их существование, и отводит им место в женских покоях, дозволив женам показываться без покрывал из посторонних мужчин только «слугам, которые не имеют нужды в женщинах»⁵²¹. Таким образом, сам Мухаммед признавал евнухов необходимыми для охранения многочисленных жён, чтобы успокоить мучительную ревность мужа-мусульманина. Этого мало; история и предания арабов не представляют нам свидетельств, чтобы евнухи существовали в Аравии до Мухаммеда; сам Мухаммед также ни разу не упоминает об этом. Потому можно предполагать, что основатель ислама первый ввёл в Аравии этот бесчеловечный обычай. Мусульмане воспользовались им, как законным дозволением своего пророка, этим необходимым спутником полигамии. Так как полигамия очень распространена на мусульманском Востоке, то и евнухи, неизбежные спутники её, в большом количестве пополняют гаремы мусульман. Особенно много их в Египте сравнительно с другими мусульманскими государствами⁵²². Приготавливаются же они в самом большом количестве в Нубии и Габеше⁵²³. Таким образом, нелепое введение Мухаммедом полигамии повлекло за собой столь зверское учреждение, как сословие евнухов. Эти лица, лишённые естественного отличия мужчины, мрачные, сердитые мизантропы, вечные завистники чужого счастья, – эти лица стадами наполняют гаремы мусульман. А сколько их погибает при самой операции, которая совершается обыкновенно самым грубым образом и притом над детьми? Сколько проклятий от умирающих или влачащих горькую судьбу евнухов должно сыпаться на голову их

оскопителей и в лице их самому Мухаммеду, допустившему этот варварский обычай.

Вследствие этих двух неизбежных плодов мусульманского брака, именно невольниц и евнухов, рабство составляет неизбежное требование мусульманства; невольницы и евнухи распространены в мусульманских государствах до невероятности. Так в прежнее время в один Константинополь ежегодно привозили для продажи до 15 тысяч рабов и рабынь⁵²⁴. Такие грандиозные размеры рабства не могли не принести вреда государству. Допустим даже, что от этого не будет прямого, непосредственного вреда государству, однако несомненно, что доставка невольниц повлечёт за собой громадный ущерб для государства с другой стороны. Вывоз невольниц из чужих земель должен рано или поздно произвести столкновение соседних государств с мусульманскими державами. Само собой разумеется, что ни одно государство не будет хладнокровно смотреть, как из его границ похищают целые массы народонаселения для пополнения мусульманских гаремов. При первом удобном случае соседние державы постараются дать отпор мусульманам и наказать их по справедливости. Начинается война, которая, уже сама по себе, вредна бывает для государства; но если случай даёт победу не мусульманам, то конечно их положение делается ещё хуже. Впрочем, если бы и не было вооружения для мести со стороны соседних держав, то мусульмане сами должны начать войну для доставления себе рабынь, потому что заповедь Мухаммеда повелевает им брать рабынь с боя. История представляет нам много примеров войны мусульман с соседними державами по поводу захвата мусульманами женщин в чужих краях, напр. Турция должна была дорого поплатиться за свой постоянный захват рабынь с Кавказа. Вот какие губительные последствия имел закон, основанный на неправильных отношениях между людьми и позволивший нарушить одно из главных отношений между полами, именно единожёнство.

Нам остается ещё рассмотреть вопрос, как относится полигамия к размножению людей? Способствует ли она размножению людей или нет? Думать, что мужчины с

несколькими жёнами произведут гораздо больше детей, нежели в моногамическом браке, совершенно неосновательно. Немного нужно труда, чтобы убедиться в совершенно противном, чтобы увидеть, что полигамия чрезвычайно вредно отзывается на размножении народонаселения. Кажется, всякий должен согласиться с тем, что женщины, имея каждая своего мужа, больше произведут детей, нежели все они вместе взятые за одним мужем, напр. 10 женщин, вышедши замуж за 10 мужчин, произведут потомства гораздо больше, нежели те же 10 женщин вышедши замуж за одного мужчину. Мухаммед оправдывал полигамию стремлением произвести больше потомства. Но он горько ошибся, потому что мужчина, живя со многими женами, до такой степени скоро теряет способность производительности, что кажется, сама природа полагает наказание за нарушение её законов. Надежды Мухаммеда видеть большее потомство у мужей полигамистов оказались тщетными; браки при сильной полигамии остаются бесплодными. Обыкновенно только первые супружества бывают плодовиты, когда муж ограничивается одною женою, или много двумя; позднейшие же браки остаются по большей части бесплодными. Мухаммед сам на себе испытал весь вред полигамии для потомства; только первое его супружество сопровождалось плодом, позднейшие же были бесплодны, несмотря на всю горесть и отчаяние Мухаммеда; все его дети (исключая одного) относятся к первому супружеству. Притом невозможно иметь много жён не истощаясь до крайней степени. Выше мы видели, что многие мусульмане страдают бессилием в очень ранних летах. Причину этого конечно нужно искать в полигамии. Основатель ислама сам служит доказательством вредности своего учреждения. Сначала он, конечно побуждаемый сладострастием, объявил от имени Бога, что ему позволено брать столько жён, сколько захочет; потом почувствовал, что он не в состоянии иметь супружеское сношение со многими женами, и должен был предложить своим супругам на выбор – или развестись с ним или жить при нём, но не требовать от него супружеских отношений⁵²⁵. Природа наказала того, кто решился нарушение законов естества превратить в социальный и даже религиозный закон. Таким

образом, полигамия производит постепенное ослабление производительности мужа и уменьшение потомства. Печальное доказательство этого представляют все мусульманские государства. Где прежде были густо населённые места, где процветали города, где находились селения, там теперь одни пустыни и безлюдные необитаемые пространства; напр. Египет, по свидетельству арабских историков, при завоевании его мусульманами, имел до 12 миллионов жителей и около 20 тысяч городов и деревень⁵²⁶. Допустим даже, что это число несколько преувеличено, и в таком случае покажется нам крайне поразительным обезлюдение его, когда мы знаем, что в настоящее время число жителей его не простирается выше трех миллионов⁵²⁷. Конечно много было причин этого явления, но нельзя не согласиться, что такому обезлюдению этой страны много способствовало и губительное влияние полигамии мусульман⁵²⁸.

Итак, что же представляет нашему взору жизнь семейная и общественная под влиянием мусульманского брака? Невольно поражаешься печалью и невольно вырывается упрек Мухаммеду, когда видишь, что дозволенный им, обращённый в закон и освященный его примером, полигамический брак оказал такое пагубное действие на человечество и осудил 135 миллионов на ненормальную жизнь, жизнь против естественных отношений, установленных самой природой. Это губительное учреждение, эта развратная полигамия разрушила семью, унизив женщину и сведя её на степень существа, назначенного для удовлетворения похоти мужа; повредила социальному строю жизни, произвела беспорядки и раздоры в государстве, а главное – причинила всеобщий застой и упадок цивилизации, подорвав все основы прочности мусульманских государств. Сильные в начале мусульманские государства, воздвигнутые руками великих завоевателей, теперь представляют жалкие остатки своего прежнего величия и влачат жизнь во мраке невежества и грубости, поражённые общественным развратом. Где в древности были сильные и цивилизованные государства христиан, там теперь, под владычеством мусульман, безлюдные пустыни; где процветала образованность, там

теперь невежество и дикость; отечество древней цивилизации Египет и Греция, вследствие мусульманского владычества, дошли до такой степени невежества, что представляется невероятным, чтобы здесь некогда процветала цивилизация. Таково действие ислама. В чём же заключается причина этого пагубного и разрушительного его влияния? Не в климатических условиях стран, потому что на тех же самых местах прежде была цветущая цивилизация; не в человеческих расах, потому что многие мусульманские народы принадлежат к кавказскому поколению. Здесь нельзя не видеть вредного влияния полигамии. Она разрушила в мусульманстве жизнь семейную и общественную. Я не отвергаю того, что при этом имела значение вся социальная система мусульманских государств. Но где основание этой системы? Не есть ли она дальнейшее развитие семьи? Не семья ли служит основанием социальной жизни и не брак ли есть первый источник социальной жизни народа? Потому опять приходится громадный упадок социальной жизни мусульман искать в многожёнстве ислама и разрушение общественной жизни считать следствием той же полигамии.

Заключение

Таким образом, перед нашими глазами стоят два совершенно противоположные явления жизни, два различные законоположения – брак христианский и брак мусульманский. Оба они настолько противоположны, что трудно даже указать на какие-нибудь сходные черты в них. Как один из них отличается нравственною чистотою и возвышенностью и составляет таинство Церкви, так другой запечатлён характером чувственности и есть простой гражданский договор. Различаясь в своём основном характере, брак христианский и мусульманский различаются и своими частными чертами, различаются во всех подробностях. В христианском браке нам представляется строгое единожёнство, нерасторжимость и равенство супругов как человеческих личностей; напротив, в мусульманском браке нас поражает безграничная полигамия, ничем неограниченная легкость развода, совершенное порабощение жены и полнейший деспотизм мужа, – жена рассматривается как орудие похоти мужа. Два такие диаметрально противоположные учреждения должны были произвести и противоположные действия. Действительно они оказали самое противоположное влияние. Христианский брак возвысил женщину, которая находилась в крайнем упадке у языческих народов; мусульманский же брак довёл её до крайней степени унижения. Христианский брак благотворно повлиял на нравственность и спас человечество нравственно растленное в язычестве; напротив, ислам со своим браком был причиною крайнего развращения нравов, какое теперь господствует на Востоке. Моногамия христианства восстановила семью, которая была почти разрушена язычеством; полигамия же ислама окончательно убила её, потому что внесла в неё крайние раздоры между всеми её членами. Вследствие возвышения женщины и восстановления семьи в христианстве возвышается образование как домашнее, так и общественное, возвышается цивилизация, даётся толчок прогрессу, начинают процветать науки, искусства и ремесла;

между тем в исламе противоположные причины произвели и противоположные действия: образование домашнее и общественное упало, цивилизация погибла, весь Восток погрузился во мрак невежества и идёт быстрым шагом к дикости. Возвышение семейной жизни и интеллектуального развития, совершившееся под влиянием христианского брака, оказали самое благотворное действие и на государство, – доставили ему прочность и силу. Упадок же семьи и грубое невежество в мусульманстве были причиной слабости мусульманских государств, которые быстро слабеют все более и более. Вот отличительные черты христианского и мусульманского брака и то влияние, которое произвёл тот и другой брак на семейно-общественную жизнь человека.

Приложения

При изложении мухаммеданского законодательства о браке нам представлялось много постановлений о самых мелких частностях мухаммеданского брака. Если бы все эти постановления ввести в самый текст нашего сочинения, то наше сочинение без нужды затрудняло бы читателя неспециалиста. Частные постановления мухаммеданского законодательства о браке, введенные в текст сочинения, могли бы препятствовать целостному представлению об общем характере и духе мухаммеданского законодательства о браке, особенно в сравнении с христианским законодательством о том же предмете. Между тем большая часть этих частных постановлений и подробностей не только не лишены научного интереса, но даже имеют большую важность для желающего познакомиться с юридическим характером мухаммеданского законодательства о браке. Эта важность увеличивается ещё от того, что до сих пор, не было сделано на русский язык перевода мухаммеданского законодательства. Два сочинения Барона П. Торнау⁵²⁹ суть единственные пока книги, сообщающие русским сведения о мухаммеданском брачном законодательстве; но эти книги построены по образцу европейских юридических сочинений, через что они выигрывают в понятности изложения предмета, но проигрывают в точности передачи самого духа подлинного мухаммеданского законодательства. В виду всего этого мы считали себя обязанными сделать к своему сочинению несколько приложений, в которых передаём подробные сведения о мухаммеданском браке.

В одном (*втором*) приложении мы представляем перевод нескольких молитв,

стр. 4

читаемых мухаммеданами при совершении брака, и нескольких образцов так называемой брачной «Хутьбы»⁵³⁰. Представляемый в этом приложении перевод мы сделали с изданной в первый раз в Казани, в 1872 году, книги на арабском и татарском языках, известной под названием »Хутьбалык«,

т. е. книги, содержащей в себе *хутьбы* на разные случаи мухаммеданской религиозной жизни.

В другом (*третьем*) приложении мы представляем перевод сокращённого мухаммеданского законоположения о *браке, молочном родстве и разводе*. Перевод этот произведён с изданного в Казани, в 1845 году, покойным Л.К. Казембеком арабского подлинника сокращённого мухаммеданского законоведения, известного под заглавием: *»Мухтасару-ль-вигкая«*. Мы избрали для своего перевода это именно сочинение потому, что оно очень распространено между мухаммеданами нашего отечества, как самый употребительный учебник в мухаммеданских школах (*мядряся*) России. Но так как буквальный перевод арабского подлинника на русский язык представляется чрезвычайно неудобопонятным, особенно по необыкновенной сжатости выражений; то мы, сделав буквальный перевод арабского текста подлинника, прибавили к переводу объяснение, заимствованное из второй части книги, изданной в Казани, в 1873 году, под заглавием: *»Китаб мустатаб, Шара нугкая Мухтасару-ль-вигкая"», т. е. "Прекрасная книга – избранное толкование на Мухтасару-ль-вигкая«*. Толкование это составлено на основании подлинных арабских толкований мухаммеданского сокращённого законоведения на татарском языке муллою Симбирской губернии Абду-ль-Лятифом, а издано Казанским ишаном Багауд-дином. Некоторые неудобопонятные юридические термины мы объяснили в подстрочных примечаниях. К некоторым местам подлинника мы сделали также подстрочные указания на текст Корана, послужившие основанием мухаммеданского законоведения. Таким образом, читатель может ясно видеть связь позднейшего мухаммеданского законоведения о браке с основным вероучительным кодексом мухаммедан – Кораном.

стр. 5

Наконец мы считаем не лишним передать в приложении (*первом*) русский перевод одной главы из сочинения Шпренгера – *О жёнах Мухаммеда»*. Приложить этот перевод к своему сочинению мы считаем приличным потому, что на мухаммеданском законодательстве о браке очень рельефно

отразились нравственный характер Мухаммеда и личная его семейная жизнь. Интерес сообщаемых в этом приложении сведений увеличивается ещё оттого, что знаменитый новейший исследователь «Жизни и учения Мухаммеда», А. Шпренгер составил переведённую нами главу о жёнах Мухаммеда на основании арабских мухаммеданских историков и передал содержание их рассказов почти совершенно языком арабского подлинника. Перевод немецкого текста Шпренгера, как более удобопонятный и интересный для читателей – неспециалистов, мы помещаем в начале своих приложений к сочинению; затем следует перевод из книги «Хутьбалык» и, наконец, перевод из книги «Мухтасару-ль-визкая».

стр. 6

Приложение первое

Жены Мухаммеда⁵³¹

1) Первою женою Мухаммеда была Хадиджа, и он не женился на другой до тех пор, пока она была жива. Мухаммед лишился Хадиджи в 619 году после 21-летнего супружества с нею. Она умерла 65-ти лет⁵³². О личности Хадиджи и её супружестве с Мухаммедом в 1 томе сочинения Шпренгера на стр. 149–153 рассказывается так:

В Мекке жила одна почтенная, зажиточная вдова по имени Хадиджа, которая по смерти своего мужа продолжала его торговые дела. Мухаммед на двадцать четвертом году своей жизни нанялся к ней в услужение и по её поручению совершил одно или несколько торговых путешествий. Так он по её воле посещал ярмарку в Сук-Хобаше, который лежит на Красном море, к юго-западу от Мекки, и где покупались у абиссинцев рабы и другие товары. Он посещал также Джараш, большой рынок для кож, к югу от Мекки, а может быть ездил и в Босру, главный город плодоносного Хаврана, который был одною из главных житниц для арабов, откуда ещё его прадед вывозил хлеб в Мекку. В плодоносные годы священный город Емена запасался хлебом именно здесь, где росла лучшая пшеница в мире и где были прекраснейшие женщины. В последствие, когда Мекка благодаря исламу сделалась самым

стр. 7

могущественным местом в Азии, съестные припасы стали привозиться из Египта. Но во время Мухаммеда по большей части было самым выгодным, несмотря на дальность расстояния, вывозить зерновой хлеб из Босры, где вполне вероятно цены постоянно стояли самые низкие и где удобно можно было купить кожи, ладан и другие предметы, которые привозились арабами.

Мухаммед не находился в постоянном услужении у Хадиджи, но нанимался только для путешествий, и за своё путешествие в Босру получал молодого верблюда, что на наши деньги стоит около 200 франков (50 р. сер.). Притом очень вероятно, что по крайней мере, в первом путешествии

управляющим делами был не он, а Хузайма, родственник вдовы; Мухаммед же исполнял только обязанность погонщика верблюдов.

Хадиджа была не очень молода; она достигла уже степенного возраста в 38 или 39 лет⁵³³, но чувствовала, что она ещё не совсем состарилась для чувственных пожеланий. Чего не доставало ей в юной прелести, то пополняло её богатство. Мухаммед был интересный молодой человек 24 или 25 лет, но так беден, что не мог и думать о женитьбе, хотя по арабским понятиям уже довольно прожил. По рассказам арабских писателей, Бог должен был для него совершить чудо, чтобы воспламенить сердце вдовы. Будь она европейская женщина, было бы напротив чудом то, если бы она не вела с ним любовных интриг уже в то время, когда лишь только наняла его. Может быть и здесь был подобный случай; но одно препятствие было на пути.

Отец Хадиджи был против брака её с Мухаммедом. Однако хитрая вдова сумела преодолеть это препятствие: она напоила старика допьяна, получила его согласие, заранее все приготовила для свадьбы и, прежде нежели он протрезвился, она уже была женою Мухаммеда.

Ховайлид, так назывался отец невесты, был раздражён таким коварством дочери и сделал ей сильный упрёк. Члены его фамилии Азадиты, взялись даже было за

стр. 8

оружие, чтобы отомстить за позор. Родственники Мухаммеда поспешили к нему на помощь и спор был кончен дружелюбно: Мухаммед остался владельцем своей Хадиджи.

Со стороны Хадиджи это был брак по любви и уважению, которые она верно сохранила до конца своей жизни. Мухаммед отвечал её наклонности к нему и долго после её смерти имел обыкновение рассказывать о добродетелях Хадиджи, иногда даже закалал овцу и мясо раздавал бедным в её память. Айша, – на которой Мухаммед женился только спустя три года по смерти Хадиджи, – говорила, что она ни к одной из его жён не была так ревнива, как к Хадидже, потому что он по обыкновению постоянно выставлял старую, беззубую женщину

в образец своим жёнам⁵³⁴. Нет никакого сомнения, что по душевным способностям и по образованию Хадиджа далеко превосходила своих землячек. По свидетельству Балями, она умела даже читать и со своим двоюродным братом Варакой читала нечто из Евангелия. Хотя едва ли можно сомневаться, чтобы она в продолжение всей жизни могла вести свои обороты, не умея читать; появляется сомнение, чтобы Евангелие в то время было известно в Мекке. В продолжение всей её жизни Мухаммед не имел другой жены, кроме её. Это следует приписать не склонности его к ней, но его зависимости от неё. И после своего замужества она с умыслом своё собственное имущество удержала под своей властью и доставляла ему лишь столько, сколько ему было нужно или сколько ей желалось.

О прежних браках Хадиджи мы знаем только то, что она была дважды замужем. От первого мужа она имела двух детей, а от второго – одного. Относительно периода её вдовства источники молчат и мы не знаем, что сделалось с её детьми. Однако вполне достоверно, что они не признавали Мухаммеда за пророка. Только по смерти Мухаммеда, после того, как ислам выступил победителем, являются на сцену потомки её детей от двух первых браков.

После брака Мухаммед жил в доме своей жены, который находился в лучшей части города, немного повыше храма (к северу), но имел несколько плохих соседей.

стр. 9

Мухаммед продолжал также торговые операции (Коран 25:6) и находился в очень хороших обстоятельствах (Коран 93:6; Коран 108:1) почти до 617 года по Р.Х. Впрочем, нельзя допустить, чтобы он был очень богат...

Брак с Хадиджей наградил Мухаммеда шестью детьми – двумя мальчиками и четырьмя девочками. Мальчики, из которых старшего звали Аль-Касим, а младшего – Абд-Манаф (т. е. раб идола Манафа), умерли в детстве. Согласно ещё доселе существующему обычаю арабов, Мухаммед по своему первородному сыну был назван *Абу-ль-Касимом*, т. е. отцом Касима. Девочки, по достижении совершеннолетия, были

выданы замуж; старшая вышла замуж за одного язычника даже раньше, чем отец её выступил в качестве пророка. Потомство осталось только от самой младшей, Фатимы, – и мусульманский Восток ныне стонет от фатимитов, занимающих важные и неважные места⁵³⁵.

2) *Савда*. Первым мужем её был Сакран. По смерти Хадиджи пришла к Мухаммеду веселая супруга Османа-бен-Матзуна, предложила ему свои услуги в качестве свахи и сказала, что по её мнению Савда будет приличною для него женою. Мухаммед тотчас согласился и женился на Савде, хотя не прошло ещё и двух месяцев после погребения Хадиджи (по Ибн-Сааду – в месяце Рамазан, который соответствовал в 619 г. Апрелью). В начале 628 года Савда, кажется, пользовалась ещё благосклонностью Мухаммеда, потому что он назначил ей, как Айше и прочим жёнам своим, 80 васков фиников, ячменя или пшеницы из добычи после Хайбарского похода⁵³⁶. Впоследствии (по Валадзори – в осьмом году гиджры, т. е. в 629 г. по Р.Х.) Мухаммед хотел удалить от себя Савду по причине её преклонных лет, как говорят биографы его. Но истинною причиною этого было кажется то, что Савда имела любовника. Благодаря тому, что она имела своим другом одного евнуха и отказалась в пользу Айши от своего права на супружеское ложе, Савде удалось помириться с

стр. 10

Мухаммедом. Бог одобрил это примирение, как сказано в Коране⁵³⁷. Мухаммед обещал оставить Савду при себе и в день воскресения; согласно её желанию, она будет воскрешена в числе его супруг. Савда умерла в Медине; около 643 года. Если справедливо мнение Ибн-Саада, что Савда умерла в 674 году, то она достигла глубокой старости.

3) *Айша*, дочь Абу-Бекра. Ей было *шесть* лет, когда *пятидесятилетний* Мухаммед влюбился в неё; *девяти* лет она вступила уже в брак с Мухаммедом. «Я сидела с другими девочками на качели, – рассказывала Айша, – когда позвала меня мать; я пошла к ней, но не знала, зачем она звала меня. Она взяла меня за руку и подвела к дверям. Предчувствие произвело трепет в моём сердце, но я скоро успокоилась. Я

вымыла себе лицо и голову; потом мать ввела меня в дом, где было много женщин. Они встретили меня поздравлениями и благожеланиями и нарядили меня. Когда они приготовились, то отдали меня пророку». Айша была единственная супруга Мухаммеда, которая вышла за него замуж девицей.

Цивилизация и образование развивают некоторые прекрасные свойства; но наивное, шаловливое существо, исполненное лукавой игривости, естественного остроумия и детской откровенности, какова была Айша, выше ценится на Востоке. Она принесла в дом своего супруга игрушки и забавлялась здесь куклами. Мухаммед, который несколько преждевременно вступил во второе детство, забавлял её анекдотами и играл с нею в запуски. Он был так страстно влюблён в неё, что даже в мечети во время богослужения прятал голову под её покрывало, ласкал её, играл её волосами (Таляби, Толкование на гл. 2, ст. 183) и возвещал верующим, что и в раю она будет его женою.

Дома она носила только штаны (*накба*), или обвязывала среднюю часть тела передником (*изар*). В редких случаях она набрасывала на плечи кусок коленкора вместо шали. Если она выходила из дому, то надевала сорочку (*дирг*), обвязывала

стр. 11

шею, подбородок и нижнюю часть лица сукном (*химар*), которое прикрывало также и часть груди. Голова, лоб и затылок были покрыты другим сукном (*джильбаб*), которое спускалось по плечам до груди. Меньше этих трёх одежд (*дирг*, *химар* и *джильбаб*), – говорила она, – никакая женщина не должна иметь на себе, посещая мечеть. Даже этого платья было недостаточно и по этой причине биографы обращают внимание на то, что Маймуна однажды явилась на молитву в одной длинной сорочке и химаре без изара. Айша обвёртывала себя большим изаром⁵³⁸ несколько раз, который покрывал голову и всё лицо. Она не связывала его посредине тела, как это было в обычае в древние времена, но обвивала его кругом головы, как *гилляб*, и кажется, придерживала его спереди руками. Она имела также мантию из флоретового шелка⁵³⁹, но она надела её на своего племянника и подарила ему.

Пальцы на руках и на ногах она украшала золотыми кольцами⁵⁴⁰. Волосы она так обильно натираала благовонною мазью, что та иногда текла по лбу. Её весьма красивая одежда состояла из сера – материи из шелка и хлопчатой бумаги; по мнению других сера означает грубый атлас. Она любила, как и все обитательницы Востока, желтый цвет. Часто она одевалась совершенно, почти в желтый цвет; иногда шейная повязка (*химар*) и сорочка были розовые, а штаны желтые. Впрочем, самый обыкновенный цвет мужского и женского платья, кажется, был белый, как в Индии в настоящее время. Если носили желтые платья, то, по причине непрочности этого

стр. 12

цвета, их после каждого мытья опускали в настой шафрана или только кропили им. Это случалось именно на свадьбах и других празднествах. Однажды Мухаммед предложил Айше в подарок свою шубу; она с жадностью схватила её.

В четвертый год гиджры (Января 626 г.) с ней случилось одно маленькое любовное приключение, которое ей причинило много неприятностей. Вот её рассказ об этом. Он был изменён почитателями её в её пользу, но Зограм был исправлен. Я следую тексту Кухари – 594стр.

«Когда пророк отправлялся в путешествие, он бросал между своими женами жребий и брал с собой ту, которой выпал жребий. Так поступил он и перед походом против Морайзиг; жребий выпал на меня. В это время было уже открыто повеление, чтобы женщины носили покрывало. Потому я, закрывшись покрывалом, села на носилки, в которых меня подняли на верблюда, крепко привязали их к животному и затем отправились в поход.

«По совершении похода, возвращаясь, мы расположились лагерем недалеко от Медины. По наступлении ночи пророк дал приказ отправляться в путь. Услышав приказание, я встала, вышла из лагеря и, по совершении естественных потребностей, возвратилась к своему верблюду. Но тут я схватилась за шею и не нашла своего ожерелья из тзафарийских раковин. Я пошла обратно поискать его и, стараясь найти, долго промедлила там. Между тем люди, на которых лежала обязанность поднимать

меня на носилках на верблюда, подняли носилки и привязали их, думая, что я там сижу; поезд тронулся. Ошибку их легко понять, – женщины были в то время легки и худы⁵⁴¹, по причине худой пищи, а я кроме этого была ещё очень молода. Они не могли догадаться по тяжести носилок, что они очень легки. Нашедши ожерелье, я поспешила к лагерю, но не нашла никого и никто не откликнулся на мой голос. Я думала, что они, не найдя меня на носилках, возвратятся и посадят меня на моё прежнее место. Мои глаза отяготели, – я заснула. Солаймит Сафвам-бен-Моатталь

стр. 13

не был в это время в лагере, а оставался позади и утром проходил мимо. Он заметил меня, подошёл ко мне и узнал меня, так как он увидел меня прежде, нежели я успела надеть покрывало. Он разбудил меня восклицанием: «мы принадлежим Богу и к Нему возвратимся». Я мгновенно опустила на лицо свою головную повязку и, клянусь Аллахом, он не сказал мне ни одного слова, исключая упомянутого восклицания. Он сошёл с верблюда, заставил его встать на колени: я села на верблюда, и он повёл его. Мы поспешили за войском и догнали его около полудня, когда оно уже намеревалось остановиться лагерем. О моём отсутствии ещё не догадались. Только когда увидели, что я еду с каким-то мужчиной, поднялась суматоха. Когда войско находилось в пути, я нисколько не предчувствовала тех сплетен, которые составлялись относительно меня. По прибытии в Медину, я сделалась тяжело больна и пролежала в постели почти целый месяц. Худые слухи дошли до ушей пророка и моих родителей; но они мне ничего не говорили, а мне самой и в голову не приходило, чтобы пророк был по отношению ко мне менее нежен теперь, когда я была больна. Он иногда посещал меня, целовал, но ничего не говорил, кроме того: «как поживаешь» и затем удалялся.

«Около двадцати дней спустя, я выздоровела и делала с Умм-Мистах ночную прогулку к Манасиг. На возвратном пути она рассказала мне об этой истории и проклинала своего собственного сына за то, что он верил этому. Я попросила у пророка позволение сходить к родителям и от своей матери

узнала тоже, что о происшествии все говорят. Я плакала целую ночь. Пророк призвал к себе Алия и Озаму-бен-Саида и советовался с ними о том, должно ли ему разводиться со мной, так, как он не получал откровения от Бога. Алий ему посоветовал развестись, но Озама высказал своё убеждение, что я невинна. На следующий день пророк пришёл ко мне и спросил меня: «виновна я или невинна? Я просила родителей, чтобы они отвечали за меня, но они не знали, что сказать. Я сказала: «вы слишком много наслушались этой дурной молвы, так что привыкли считать её истиной. Если я скажу, что я невинна, то вы не поверите мне; если же я признаюсь в том, в чём я,

стр. 14

клянусь Богом, не виновна, то вы поверите этому. Я не нахожу сказать ничего, как только повторить слова (Иакова) отца Иосифа: «терпение прекрасно». Затем я пошла спать. Я думала, что пророк, может быть, получит видение, оправдывающее меня, но я не ожидала, чтобы Бог ниспослал откровение из-за такого ничтожного существа, как я. Однако прежде нежели пророк и другие оставили комнату, с ним случился пароксизм, как бы в лихорадке и продолжался до тех пор, пока выступили у него капли пота, как перлы. Это происходило зимой и потому было действием тяжести откровения, которое он получил⁵⁴². Когда припадок прошёл, он улыбнулся и первые слова его были: «*Айша! Бог признал тебя невинною!*» Моя мать сказала: «обойми его». Но я ответила: «нет, я не обниму его, но буду славить Бога». Откровение, которое он получил при этом случае, находится в Коране (24:11–21).

В подлиннике, который я сократил здесь, употреблено много стараний, чтобы мотивировать молчание болезненного супруга и пристыженных родителей Айши. В самом деле, это был самый позорный период в целой истории, как это ясно вытекает из корана (24:15). Мать её может быть говорила ей: «послушай дочь, твои враги распускают худые слухи; расскажи мне весь ход дела, чтобы я могла оправдать тебя». А если Мухаммед уже в начале готов был верить ей на слово, то он

имел льстивую надежду открыто доказать её невинность и в продолжение её болезни мог обнародовать об ней. Я не могу подавить в себе сомнения в том, что Айша не была больна, но удалена своим мужем по совету Алиа. Этим объясняется та ненависть,

стр. 15

которую она питала до конца жизни к Алию и его семейству и которая причинила много несчастья мухаммеданам, как гнев жены Брунгильды на Зигфрида – Нибелунгам.

Мухаммед мог оставить её в подозрении или она должна быть побита камнями, хотя бы и без причины, если бы вина её была доказана. Хотя Мухаммед без милосердия исполнил смертный приговор на двух иудеях, нарушивших супружескую верность, а также на Майце и ещё на одной хамидитянке⁵⁴³; но теперь он из вниманья к Айше и к её родителям изменил этот закон, именно постановил, что соблазнитель и соблазнённая должны быть наказываемы сотнею ударов плетью, и после позорного наказания могут вступить в брак только с неверующими и нарушившими брачную верность (Коран 24:2). Таким образом, Айша, по совершении наказания, могла быть женою Сафвана. Достоинно внимания то, что Мухаммед для спасения чести своей возлюбленной удостоверял, что Сафвам виделся с Айшею в его доме исключительно только в его присутствии. Итак, кажется, совещания и разговоры существовали на самом деле. В продолжение трёх недель гнев Мухаммеда мог пройти и он мог убедиться, что не может жить без своей юной подруги, к которой он чувствовал, скорее снисходительную любовь отца, чем ревность мужа. Поэтому он получил откровение, что обвиняющий целомудренную жену в преступлении должен представить четырёх свидетелей, которые должны видеть собственными глазами самый акт преступления, как определяет закон. Если обвинение не будет доказано, то обвинитель должен подвергнуться восьмидесяти ударам плетью. Мистах и Хамна. дочери Гаши, две из главных обвинительниц, добровольно подчинились этому наказанию, так как они были истинные мухаммеданки⁵⁴⁴.

стр. 16

Однако худые слухи от этого не замолкли. «Лицемеры» (мунафик) ещё хуже начали отзываться об Айше. Между её порицателями самым деятельным был Ибн-Обайя. Поэтому Мухаммед искал случая как-нибудь лишить его жизни, чтобы устроить этим остальных, которые не хотели признавать нового догмата о невинности Айши. Для этой цели он обратился к Сааду-бен-Обаду, который между истинными мухаммеданами имел огромное влияние на Хазраджитов; он взял его за руку и привёл вместе с другими важными лицами в дом правоверного вождя Авситов Саад-бен-Моадза. Этот угощал их, а Мухаммед старался убедить их в невинности своей жены и утвердить хорошие отношения между ними. Спустя несколько дней он привёл последнего в дом первого с тем же намерением. После этих приготовлений, он на следующее утро взойшёл на кафедру и воскликнул: *«кто будет защищать меня от дурных последствий, если я отомщу тому, кто издевается надо мною?»* «Я, – ответил Саад-бен-Моадз, – если он Авсит, я отрублю ему голову; но если он принадлежит к нашим братьям Хазраджитам, то мы предпримем против него, что ты нам прикажешь». Ясно было, что Мухаммед имел в виду влиятельного Абд-Аллаха-бен-Обайя. Потому глава Хазраджитов отвечал: «это для тебя не составляет важности, Саад; но если это – Авсит, то мы не в состоянии и не пожелаем убить его». В мечети спор между двумя коленами дошёл до жестоких стычек, в продолжение которых Мухаммед молчал. Убийственный план милосердного теократа не исполнился. Хазраджитяне во главе с Саад-бен-Обадом, теперь ещё более возвысившимся, так энергично выступили, что никто не отважился убить Ибн-Обайю.

В этом деле участвовала другая, также для нас, важная личность, именно поэт Хассан. Хотя таланты этого человека, судя по его поэтическим произведениям, были очень ограничены, однако он превосходил всех мединских поэтов. Он был человек

стр. 17

бесхарактерный и трус; вместо того, чтобы выступать на войну, он постоянно оставался дома с жёнами, даже в такое

время, когда отечество его было осаждено врагами. Но он имел злой язык, так что, по словам арабских историков, не было ни одного поэта язвительнее его в своих произведениях. Внешность его была фантастическая: волосы всегда спускались наперёд и висели между глазами. Он носил черные бакенбарды, но усы окрашивал в красный цвет. Когда его спрашивали, зачем он так безобразит себя, он отвечал: чтобы походить на льва с окровавленной мордой.

Если действительно он был наказан плетьюми, то вероятно желчь его была возбуждена, а неудача пророка в убийственном замысле против Ибн-Обайи дала ему смелость нападать в своих стихах на те колена, к которым принадлежал Мухаммед. Сатира его была представлена Мухаммеду и тот спросил: «кто желает в угодую мне лишить жизни Хассана?» Обиженный Хафван предложил свои услуги для этого кровавого дела и пошёл с этой целью в город Форайг, где находился Хассан. Тот обратился в бегство, когда Хафван приблизился к нему с обнажённым мечём. Всё же Хассан получил рану в икру. Семейства Бену-Харитс и Бену-Хазрах, к которым принадлежал поэт, схватили виновника и держали его несколько времени в плену. Саад-бен-Обайд и его родственники вмешались в это дело и, благодаря красноречию или силе, им удалось принудить Бену-Харитс отпустить Сафвана. Саад одел его и привёл к пророку. Пророк, увидев его, воскликнул: «Бог оденет того, кто одел тебя»⁵⁴⁵. Хассан пожелал перейти на сторону пророка. Родственники приводили его два раза к Мухаммеду, но он не был допущен. Он написал несколько льстивых стихотворений, в которых обещался писать сатиры на Корейшитов до тех пор, пока

стр. 18

они оставят Лат и Уззу и уверуют в Мухаммеда. Он пришёл в третий раз к Мухаммеду и сказал: (стихи).

«Я писал сатиры против Мухаммеда, но я также и защищал его от нападок. Бог наградил меня за это. Мой отец, мои предки и моя честь должны служить щитом чести Мухаммеда против его врагов».

Теперь его приняли и удовлетворили, – он получил в виде награды за рану поместье Мухаммеда, которое впоследствии купил у него Моавия за огромную сумму для того, чтобы построить на этом месте *каф-аль-дараин* (замок с двумя дворами: один для мужчин, а другой для женщин). Хассан, который и раньше этого случая писал похвальные стихотворения в честь Мухаммеда, составил себе карьеру, сделался «*поэтом Бога и пророка*», восхвалял высокопоставленных лиц и насмехался над врагами ислама. Он получал за это дорогие подарки. Когда правитель Египта послал пророку две конкубины-коптянки, тот оставил одну для себя, а другую по имени Сирену отдал поэту. И в честь Айши Хассан составил панегирик. Он достиг своей цели, – Айша простила ему и впоследствии отзывалась о нём не иначе, как только с хорошей стороны. Я сообщу ещё несколько анекдотов о Хассане из *китабу-ль-агани* 1 т. 201 л. и след.

Три корейшита, Абд-Аллах бен-Зибари, Абу-Софиан бен-аль-Харитс бен-Абд-ль-Мотталиб и Амр бен-аль-Ас, дали слово писать сатиры на Мухаммеда. Кто-то обратился к Алию бен-Абу-Талибу со следующей просьбой: составь сатиру против народа, который нас презирает. Алий ответил: я охотно составляю её, если пророк даст мне на это позволение. Но когда он просил у пророка позволения, тот отвечал: Алий не для этого предназначен. Потом он обратился к ансарам и спросил: почему вы, помогавшие нам своим оружием, не поможете своим языком? Хассан вышел вперед и вызвался взять на себя эту задачу. Пророк коснулся кончика его языка и сказал: «*клянусь Богом, ни один язык от Босры до Самы не доставит мне радостей больше твоего. Но как ты можешь возбудить презрение к Корейшителям, когда я один из них?*»

стр. 19

Хассан отвечал: я тебя исключу из числа их, как волос вынимают из теста. Три ансара составили сатиры на Корейшитов: Хассан, Каб бен-Малик и Абд-Аллах бен-Равага. Два первые написали на них сатиры с той же стороны, с какой те нападали на ансаров: они говорили о их битвах и поражениях и насмехались над ними. Но Абд-Аллах бен-Равага представлял

их неверие. Пока они оставались язычниками, их сильнее язвили нападки Хассана и Каба, когда же они обратились в ислам, то нападки Абд-Аллаха. Пророк так сильно удивлялся поэтическим дарованиям Хассана, что объявил его исполненным Святого Духа. Для того, чтобы дать ему возможность сделать вернее нападки на личностей, он приказал Абу-Бекру познакомить Хассана с фамильными отношениями Мекканцев и даже употребить умеренную цензуру. Когда до слуха Корейшитов дошла одна язвительная сатира, они сказали: Абу-Бекр снова пустил в ход свою руку. Однажды Мухаммед, совершая путешествие, просил поэта сопровождать его и произносить перед ним свои поэтические произведения. Пророк слушал его целую ночь с величайшим удовольствием и, когда Хассан окончил своё чтение, сказал: они, т. е. сатиры, острее стрел для наших врагов. За его жестокие нападки и за то, что он не всегда одинаково мыслит с пророком, верные по смерти его защитника прозвали его «проклятым». Мухаммедане прежде были не столь расточительны на подобные выражения, как мы.

Когда Мекка была завоёвана и жители её обратились в ислам, направленные против них сатиры производили своё действие. Поэтому Халиф Омар запретил произносить их, потому что, – говорил он, – они теперь могут возбуждать только прежние враждебные отношения, которые искоренил ислам. Однажды, уже после этого запрещения Самит-абд-Аллах-бен-Зибари и Фигрит-Дирар пришли в Медину посетить своего друга Абу-Ахмеда-бен-Гаша. Они просили его пригласить Хассана, чтобы слышать из его уст стихи его, а ему продекламировать свои, так как они совершенно примирились. Поэт рад был ближе познакомиться со своими прежними противниками и спросил их: не хотят ли они открыть поэтического прения? Они были довольны этим и произнесли все сатиры, составленные на него. Хассан потел от злости, слушая все насмешки, и ожидал с нетерпением того момента, когда они

стр. 20

кончат свою декламацию и он может начать свои стихотворения. Но, окончивши, они сели на верблюдов и уехали

в Мекку, не позволив ему начать речи. Хассан обратился к Халифу и рассказал ему, каким вероломным образом нарушено его повеление.

Дирар предвидел последствия своей шутки и, когда они прибыли в Равгу в 40 арабских милях от Мекки, он сказал своему спутнику: «ты увидишь, что Хассан будет жаловаться Халифу и Омар привлечёт нас к ответственности. Поэтому нам лучше было бы остаться здесь и ожидать окончания дела». Но едва он успел выговорить, как гонец Омара приблизился и потребовал их возвратиться в Медину. Когда они пришли к Халифу, был призван и Хассан. Собралось огромное множество народа и Омар приказал Хассану произнести свои сатиры на этих двух поэтов; когда тот исполнил, Омар сказал обоим поэтам: «вы можете теперь оставаться здесь или возвратиться в Мекку. Хассан удовлетворён, потому что имел преимущество произносить свои стихотворенья публично, между тем как вы декламировали свои в частном обществе». Потом он обратился к присутствовавшим ансарам и продолжал: «я запретил вам держать в памяти стихи, которые напоминают древние враждебные отношения между мусульманами и язычниками. Но если противная партия не согласна на это распоряжение, то вы должны написать свои стихотворенья, выучить их наизусть и собрать в один диван» (сборник).

Для того, чтобы снова взять к себе дочь своего вернейшего друга и лучшего советника, не подвергаясь публичному презрению, Мухаммед определил в Коране (Коран 24:6), что муж не должен нисколько сомневаться в целомудрии своей жены, если он не имеет четырех свидетелей. Если бы даже он схватил её во время самого преступления, то должен совершить пятикратную клятву, но эта клятва уничтожается пятикратною клятвою жены. Наконец он, с целью успокоить умы, обнародовал следующее хорошо обдуманное, но не поэтическое откровение (Коран 24:11–22): «Те из вас, которые распространяют обвинение, не многочисленны: их две три дюжины. Не думайте, чтобы они повредили вам, – они скорее послужат к вашей пользе.

стр. 21

Всякий порицающий получит своё возмездие за своё преступление, большую часть надменных (Хассан) ожидает великое наказание»⁵⁴⁶.

Ст. 12. Почему вы верные мужи и жены, слыша историю, не подумали с хорошей стороны о вашем ближнем, а говорили: это явная ложь?

Ст. 13. Почему обвинители не представили четырех свидетелей (чтобы доказать нарушение супружеской верности); а так как не имеют ни одного свидетеля, то пусть знают, что они окажутся перед Богом лжецами.

Ст. 14. Если бы милость и милосердие Божие не почilo на вас в этом и том мире, то вы подверглись бы великому наказанию за это пустословие своё, так как вы распространяли клевету вашими языками. Вы говорите своими устами о вещи, о которой ничего не знаете, и легко относитесь к предмету, который имеет великую важность перед Богом.

Ст. 15. Почему вы, слыша эту историю, не сказали: «не прилично нам говорить об этом. Слава Богу! Это жестокая клевета»?

Ст. 16. Бог предостерегает вас, чтобы вы не делали этого, если вы верующие,

Ст. 17. и Бог объявляет вам знамения, потому что Бог всеведущ и мудр.

Ст. 18. Поистине ожидает ужасное наказание тех, которые радуются, если распространятся о верующих худые слухи, –

Ст. 19. Наказание в этом и том мире. Бог знает всё, а вы нет.

Ст. 20. Если бы милость и милосердие Божие не почили на вас, тогда бы... Но Бог милостив и милосерд.

Ст. 21. О, верующие! не следуйте по следам сатаны. Кто следует по следам сатаны, тот пусть знает, что сатана предлагает постыдное и недозволенное. И если бы

стр. 22

милость и милосердие Божие не почили на вас, никто бы между вами не остался чист. Но Бог очистит того, кого хочет, потому что он слышит и знает всё.

Ст. 22. Поистине те, которые порицают целомудренных, невинных и верующих женщин будут прокляты в той и в этой жизни и их постигнет великое наказание».

Была ли Айша виновна в нарушении супружеской верности, это остаётся недоказанным. Но пятнадцатилетняя женщина, дочь Востока, без образования, шаловливая и уже шесть лет бывшая игрушкой шестидесятилетнего развратника, находится в уединении с молодым человеком и молодой человек находится в уединении с хорошенькой женщиной! ... Впрочем, для нас не так важна верность Айши, как убеждение в ней Мухаммеда. Из Корана, кажется, ясно проглядывает, что в его глазах, а ещё более в глазах публики, если она и не была виновною, то всё же в высшей степени подвергалась сомнению, так что Мухаммед в своём домашнем несчастье прибегает к откровениям. Эта наглая пошлость достойна осуждения. Несколько времени спустя после этого приключения, Айша снова сопровождала Мухаммеда в одном походе. Она имела не очень счастливый случай ещё раз потерять своё ожерелье. На этот раз она сделала тревогу и верующие пошли отыскивать его. Это стоило им много времени, так что они, далеко удалившись от лагеря, должны были совершать молитву на безводном месте. Так как они нарушили предписанные омовения, то и доложили об этом случае пророку. Он получил относительно этого откровение, в котором предписывалось за недостатком воды, взамен омовения, трение лица и рук мелким песком⁵⁴⁷.

По смерти Мухаммеда, Айша была самою священою личностью в целом исламе; не было ни одной государственной интриги, в которой она не играла бы главной роли, ни одной борьбы партии, которой бы она не заправляла. Она пережила Мухаммеда 47 годами и умерла 67 лет в Медине, 13 Июля 678 года. Она умела читать, владела, экземпляром Корана; в теологии, генеалогии, в арабских сагах и поэзии она имела больше сведений, нежели все вместе остальные жены Мухаммеда.

стр.23

Она знала наизусть стихотворения во сто и в двести стихов, особенно стихотворения Лябида. Она передала многие изречения пророка и сказания о его жизни, и большая часть их носит на себе печать самостоятельности. Уже в правление её отца, Абу-Бекра, и ещё более в позднейшее время на неё смотрели, как на высшую инстанцию в религиозных и юридических вопросах.

Впрочем, уважением, которым пользовалась, она обязана не единственно своим талантам. Айшою пользовалась политическая партия её отца, как талисманом против Алиидов, которые противопоставили ей другую вдову Мухаммеда. Умм-Саляму. Алий назначил её сына Омара правителем Бахрайна, а потом Мусибзана, а она находилась под его защитой. Но она не владела интригальным духом своей соперницы; Алий и его партия не была так свободна от мелких раздоров, как их враги, – и попытка найти противовес влиянию Айши вполне не удалась. Когда Аббасиды, соединившись с Алиидами, начали интриги против Оммаядов, Айши давно уже не было в живых, и теперь нашли некоторое число преданий в пользу Хадиджи и она с матерью потомков Алиа должна была разделить тот почёт, который мухаммедане питали ещё к Айше.

4. *Зяйнаба-бинт-Хазайма*, хильеритянка, из одного хавазинского колена, была сначала женою Тофайля-бен-Харитса. Он оставил её, и она вышла замуж за его брата Обаида. Иосле того, как Обайд пал при Бедре, Мухаммед женился на Зяйнабе в месяце Рамазане в 3-м году гиджры (Февраля 625 г.) и дал ей приданое, состоящее из двенадцати унций золота⁵⁴⁸. Восемнадцать месяцев спустя, она была похищена смертью, на 30 году жизни. По другим сказаниям предместником Мухаммеда был Абд-Аллах-бен-Гаш, который пал при Оходе и она умерла, спустя два месяца после свадьбы.

5. *Хавса*, дочь Омара. Она родилась в 607 году и была сначала за-мужем за Хонайсом-бен-Годзафой. Он умер от ран, полученных при Бедре или Оходе, и Омар

стр. 24

предложил её руку сначала Абу-Бекру, потом Осману (который в это время лишился Рукайи). Но ни тот, ни другой не

пожелал иметь её женой. Затем он пришёл к Мухаммеду, который тотчас же согласился на предложение. Свадьба происходила в Январе 625 года, так что Зяйнаба была, по крайней мере, двадцати лет. Мухаммед хотел было удалить её, но из любви к Омару оставил. Она умерла в 45 или 41 году гиджры (Октября 665 или 661 года по Р.Хр.).

6) *Умм-Саляма* из фамилии Мазум. Так как гарем Мухаммеда был очень многочислен, то она отказывалась быть его женою и мотивировала свой отказ тем, что она очень стара, имеет очень много детей⁵⁴⁹ и страдает ревностью. Но она была очень красива; поэтому он решился овладеть ею. Он отвечал ей: *«я гораздо старше тебя; и позабочусь о твоих детях и буду молить Бога, чтобы он избавил тебя от ревности»*. По другим сказаниям, её первый муж на смертном одре молился, чтобы его преемник получил в раю место выше его и она повторяла эту молитву после его смерти с таким усердием, что Бог воспламенил любовью к ней сердце Мухаммеда. После свадьбы, которая праздновалась в Марте 626 года, он предоставил ей на выбор: жить ли ему с ней три дня, а потом по порядку посещать остальных жён и затем снова возвратиться к ней, или оставаться у неё семь дней. В последнем случае, – прибавил он, – я пробуду по семи дней и у твоих подруг. Она выбрала первое, и с этих пор у мухаммедан сделалось правилом проводить три дня с новою женою. По преданию она получила в приданое ручную мельницу, деревянную чашку, постель и другие принадлежности, всё вместе на сумму в 40 диргемов. По другим рассказам Мухаммед был очень щедр по отношению к своим жёнам. «Я, – сказал он Умме Саляме, – послал царю абиссинскому подарок, состоящий из огромного числа унций мускуса и одной прекрасной одежды, верхней и нижней. И я уверен, что он уже теперь умер. Когда мои подарки будут возвращены, ты получишь их. И подарки действительно были возвращены назад, и Мухаммед отдал каждой своей жене по унции мускуса, а остаток вместе с одеждой отдал Умме-Саляме. Она умерла в месяце Дзу-ль-кагда 59 или 62 года гиджры, – 84 лет.

стр. 25

7) *Джувайрийя*. Во время похода против Морайза многие женщины племени Мосталик попались мусульманам в плен. Между ними находилась двадцатилетняя Барра, которая, по словам Айши, не имела соперниц по своей грации и веселости. При разделе имущества она досталась Тса-биту бен-Кайзу. Она принадлежала к знатной фамилии и была уверена, что её выкупят. Она осведомилась о цене и согласилась на девять или десять унций золота. Когда условия были заключены, она обратилась к Мухаммеду посоветоваться с ним. Он, при первом взгляде на её красоту, был поражён и, чтобы утешить себя в неверности Айши, сделал предложение Джувайрийе, уплатил её выкуп и в виде брачного подарка даровал свободу многим пленницам, имевшим с ней одинаковую участь. Мусульмане освободили остальных, потому что, – говорили они, – женщины того колена, с которым породнился наш господин, не должны быть рабынями. Джувайрийя умерла в 56 году гижры (676 году по Р.Хр.) 60 или 65 лет от роду. Первым мужем её был Мосталикит Мосафа.

8) *Асадитянка Зяйнаба, дочь Джахша*. Она называлась первоначально Барра; имя Зяйнабы было дано ей в первый раз Мухаммедом. Она была в супружестве за его приёмным сыном Зяйдом. Мухаммед влюбился в нее и побудил Зяйда развестись с нею для того, чтобы мог жениться на ней его господин. Зяйнаба была серьезного характера, искренно убеждена в посланничестве Мухаммеда и плодом её благочестия была сердечная привязанность к нему. Так как любовные отношения к ней случились во время неверности Айши, то вероятно, что Мухаммед устроил это дело с целью утешить себя. Она при условиях о браке достигла того, что они освящены были откровением. Исполнить это Мухаммеду не стоило большего труда. Зяйнаба до конца своей жизни хвалилась, что она есть та из его жён, брак с которой был заключён на седьмом небе. На земле же брак её с Мухаммедом сопровождался пиром, на который было приглашено много чужеземцев, в 4 году гижры (Апреля 626 г.), после похода под Морайсиг⁵⁵⁰. Древнее предание говорит, что для пира был

стр. 26

заколот и изжарен ягненок. По более новому преданию, Анас принёс гостям скудное кушанье из масла и фиников. Мухаммед приказал ему пригласить своих друзей и весь народ, который был в мечети и на улице. Стечение народа было столь велико, что хижины и двор были совершенно полны. Мухаммед коснулся кушанья тремя перстами и оно умножилось в такой мере, что все вполне насытились. Вероятно, этот рассказ составлен в подражание евангельскому описанию брака в Кане Галилейской.

После пиршества, когда большая часть гостей удалилась, Мухаммед посетил хижины всех своих жён и дружественно с ними разговаривал. Потом он возвратился к своей невесте и думал с ней остаться наедине. Но он нашёл ещё на дворе двух или более гостей. Эта невежливость побудила его обнародовать 53 ст. 33 гл. Корана, где Бог запрещает входить в покои Мухаммеда без позволения и предлагает посетителям удаляться, тотчас по окончании своих занятий, – запрещает смотреть на жён Мухаммеда, а предлагает разговаривать с ними не иначе, как через покрывало. Это – заповедь, чтобы женщины покрывали своё лицо перед мужчинами. Впоследствии Мухаммед услышал, что Тальха внимательно посматривает на Айшу и думает жениться на ней после его смерти. Потому в приложении к упомянутому стиху Мухаммед запретил жениться на его женах.

Зяйнаба была очень трудолюбива; она знала кожевенное ремесло и шитье башмаков и продолжала заниматься этими ремеслами даже после того, как сделалась женою посланника Божия; но прибыль, получаемую от своих занятий, она раздавала бедным. Когда Халиф Омар подарил ей вдовью пенсию в 12000 диргемов, она прикрыла деньги сукном и сказала одной из своих подруг: засунь руку под сукно,хвати горсть золота и отнеси бедным какой-нибудь фамилии. Она продолжала

стр. 27

делить таким образом деньги до тех пор, пока под сукном осталось 85 диргемов. Однажды Омар послал ей пять платьев из государственной казны. Она выбрала из них одно, которое

должно было служить ей саваном, другое дала для той же цели своей сестре Хамме.

На смертном одре Зяйнаба выразила желание, чтобы её несли к могиле на тех самых носилках, на которых лежал Мухаммед. Это отличие впоследствии было оказываемо и другим женам. Марван-бен-Хакам приказал заготовить множество носилок, наделил ими четвёртую часть жителей Медины и приказал, чтобы на будущее время на носилках Мухаммеда выносили только высокопоставленных лиц. Кажется, раньше этого времени лицо покойника не было закрываемо.

Когда умерла Зяйнаба, Халиф приказал, чтоб к ней приближались только самые близкие родственники, потому что было бы великим нарушением приличия, если бы на неё смотрели посторонние мужчины. Сестра Омайя предложила покрывать трупы сукном по абиссинскому обычаю, что впоследствии сделалось всеобщим обычаем в исламе. Погребение Зяйнабы подало повод ещё к другому нововведению: было очень жарко, потому Омар повелел разбить шатер, под которым и работали могильщики. Впоследствии вошло в обычай воздвигать шатры над могилами. Зяйнаба умерла в 21 году гижры, 53 лет, а когда Мухаммед женился на ней, ей было около 30 лет. Она не оставила никакого имущества, кроме своей хижины, которую родственники её продали Халифу Валиду за 50000 диргемов.

9) Иудеянка *Райхана* была вдова одного курайдзита, которого Мухаммед бесчеловечно приказал казнить в Апреле 627 года. Она вместе с прочими курайдзитами попала в плен и сделалась рабой, но Мухаммед пленился ею, поместил её у одной соседки и сделал ей брачное предложение. Сначала она отказывалась отречься от религии своих отцов и согласиться на его предложение. Однако спустя немного пришёл к Мухаммеду иудей-ренегат, Ибн-Сайя и известил его об обращении Райханы. Мухаммед даровал ей свободу, женился на ней и дал в приданое двенадцать с половиною унций золота. Она умерла в 632 году, раньше Мухаммеда.

стр. 28

10) *Умм-Хабиба*, дочь Абу-Софиана. Она сопровождала своего мужа Убайда-Аллаха-бен Джахша во втором бегстве мусульман в Абиссинии. Там он обратился в христианство и умер в 7 или 8 году гиджры (627–628 года); Мухаммед послал вестника Амр-бен-Омайя Замри к Наджджаши и высватал за себя вдову, которая имела дочь по имени Набибу и была уже 34 или 36 лет. Она вышла за него за-муж pro cura; Наджджаши заступил в церемонии место Мухаммеда, дал ей приданое в 400 динариев или в 400 диргемов и послал её в Медину. Она умерла в 41 или 44 году гиджры, когда брат её владел мусульманским государством.

11) *Иудеянка Суфийя*, дочь *Хоййи*, сначала была в супружестве с Саллямом-бен-Мискамом. Этот покинул её и она сделалась женою иудейского поэта Кинани. Она принадлежала к колену Надзир и при изгнании его из Медины сопровождала свою фамилию в Хайбар. Второй муж её был убит при взятии этого города в 7 году гиджры (628 года) и она вместе со многими дочерьми Израиля попала в руки мусульман. Её юность (ей было 17 лет) и красота пленили Мухаммеда, и он подарил ей свободу с условием, чтобы она была его женою. Она приняла предложение с отвращением. Любезность же Мухаммеда простиралась до того, что он поддерживал её ногу, помогая ей сесть на верблюда, а на пути прикрывал её своей мантией, если он сидел впереди её. Уже на расстоянии двух часов пути от Хайбара он хотел совершить свадьбу, но она отказалась, что, разумеется, очень оскорбило его. В Сабе, стоящем в четырёх часах пути от Хайбара, он сделал стоянку и она нашла сообразным со своею целью больше не сопротивляться. Её поручили двум женщинам, которые вымыли, причесали и нарядили её. Между тем разбили шатер или, – как повествуют некоторые, – повесили платья на дерево, чтобы образовать прикрытое место; на земле разослали несколько шкур, которые должны были служить брачным ложем. Здесь посланник Божий принял свою невесту. Он был в таком восхищении, что целую ночь проговорил с нею, не смыкая глаз. Между прочим, он спросил её, почему она на прежней станции

не соглашалась вручить ему своей руки? Суфийя умно ответила, что считала несообразным его родство с

стр. 29

иудеями. Мусульмане из приличия удалились от его шатра, только Абу-Айюб остался вблизи с саблею в руке. На следующее утро Мухаммед спросил его о причине. Тот ответил: ты казнил родственников этой женщины и я думал, что она лицемерно приняла ислам и потому могла иметь намерение убить тебя. После свадьбы новобрачный пригласил своих друзей на пиршество, а молодая хозяйка угощала гостей хайсом, т. е. давленными финиками, соединенными в одну жидкую кашу с поджаренной мукой (*савик*), маслом и финикового водою (*набиз*). Для того, чтобы приготовить последнее, она с вечера истолкла в ступе финики, налила на них воды, на утро слила светлую жидкость и предложила её для питья.

Прочим женам Мухаммеда прибытие Суфийи доставило мало удовольствия. Он поместил её в доме соседки и все женское население Медины стеклось сюда, чтобы увидеть новую *»мать верующих«*. Айша также была между любопытными. Мухаммед спросил её, находит ли она Суфийю красивой? Она отвечала с презрением: «фи, иудейка»! В другой раз Айша попрекала Суфийю иудейским происхождением и Мухаммед сказал Суфийе: почему ты не отвечаешь: мой отец – Аарон и мой дядя – Моисей! Зяйнаба, дочь Гаша, впала в немилость за то, что была виновна в подобной же болтливости, за что и была удалена Мухаммедом на два или на три месяца. Суфийя умерла в 52 году гиджры и оставила после себя имущество в 100.000 диргемов; треть этого имущества она отказала своему племяннику, какому-то иудею. Хотели было удержать это, но Айша требовала строго руководствоваться справедливостью, и имущество было передано ему.

12) *Маймуна* из колена Хиляль. Она была уже дважды замужем, когда женился на ней Мухаммед в месяце Шаввале или Дзу-ль-кагда, в 7 году гиджры (Янв. или Фев. 629 г.) в Сарифе, на пути в Мекку, в десяти милях от этого города. Она

умерла в 61 году гиджры (680–681 г.) восьмидесяти лет. Она была последнею вдовою Мухамедда.

13) *Фатима* из колена Кияб. Свадьба её происходила в Марте 630 года. Вскоре она развелась с Мухаммедом по обстоятельствам, о которых мы расскажем ниже.

14) *Асма*, из царствующего колена Кипдитов. Её отец Номан был Ибн-Аби-Джадп-Асвад-бен-харитс-бен-Шарахиль-бен-Джадн-бен-Акиль-аль-Мерар. Этот

стр. 30

Акилю-ль-Мерар был киндитским правителем. Родственники невесты поселились в Наджде против Шарийи и обратились в ислам. Номан пришёл к Мухаммеду засвидетельствовать почтение и сказал: «я хочу отдать за тебя свою дочь, красивейшую во всей Аравии. Она была в замужестве за двоюродным братом; но так как тот недавно умер, то дочь моя теперь вдовствует и имеет великую склонность к тебе»... Мухаммед с радостью принял предложение и сказал, что он даёт ей приданое в двенадцать с половиною унций золота. Отец счёл это слишком малым, но будучи уверен, что он ни одной жене не давал больше по заведённому порядку, согласился и брачный договор был заключён. Мухаммед послал с отцом невесты Абу-Озайда привести её. Пришедши к ней, Абу-Озайд объявил ей, что жены пророка не могут показываться без покрывала ни одному мужчине, исключая самых близких родственников. Асма согласилась подчиниться этому порядку; после трехдневного пребывания, он посадил её покрытую покрывалом на носилки, прикрепленные к верблюду, и поспешил с нею в Медину, где представил её в дом её родственников. Городские женщины пришли к ней, чтобы увидеть её и пожелать ей счастья. Они были в восхищении от её красоты. Одна из них имела глупость сказать: «если ты желаешь понравиться пророку, то должна, когда он приблизится к тебе, приветствовать его словами: да сохранит меня Бог от тебя!»

Между тем Абу-Озайд известил Мухаммеда о прибытии его возлюбленной и тот тотчас же отправился к ней в дом, где она жила. Было обычаем, – продолжает рассказчик, – что жених

садился перед ней и целовал невесту, если она снимала перед ним покрывало. Мухаммед хотел, чтобы и Асма оказала ему это выражение нежности, но она, встречая его, воскликнула: «да хранит меня Бог от тебя!» Он отвечал: «пусть и меня хранит Бог от тебя!» и так образно изрёк роковое слово – *развода*. Это составляет позднейшую редакцию не очень удачно выдуманной истории.

В одном древнем варианте рассказывают: «шаловливая Айша и её подруги предупредили юную невинную вдову, что будто бы существуешь обычай так приветствовать пророка. Мухаммед привел её в брачную комнату, но вместо того,

стр. 31

чтобы выйти к нему навстречу, она сказала: «да хранит меня Бог от тебя!» На следующий день Мухаммед отослал её и дал ей в вознаграждение (мута) две штуки муслина (Варакийя, по объяснению Кирбаса).

Эта свадьба происходила в июле 630 года, следовательно, за год до смерти Мухаммеда.

Эта же история с некоторыми изменениями рассказывается и о других невестах Мухаммеда (*Мулайке и Амре*). Если сравнить все сказания, то придёшь к заключению, что Мухаммед однажды или несколько раз, благодаря шалостям своих красавиц, находил себя вынужденным оставлять жён на следующее утро после свадьбы. Необразованные арабки, ожидая чуда от Мухаммеда, не заменяли слабость тела бодростью духа.

Опыты этого рода побудили Мухаммеда решиться на удаление из своего гарема невежливых жён, которые не имели никакого уважения к бессилию старика⁵⁵¹. «Однажды, – рассказывает Айша (у Ибн-Исхака, 12 т. 52 лист; ср. Бухари 792 стр.), – приходит ко мне пророк и говорит: «я сделаю тебе одно предложение, но ты не спеши разводом до тех пор, пока посоветуешься с родителями». Я спросила: что ты хочешь мне сказать? Он начал торжественно произносить следующее откровение:

Гл. 33, ст. 28. «О, Пророк! скажи твоим жёнам: если вы любите жизнь и её радости, то идите, я дам вам

вознаграждение (мута) и разведусь с вами приличным образом».

Ст. 29. «Но если вы любите Бога, его посланника и то, что за гробом; то знайте, что Бог приготовил для вас прекрасную награду за вашу доброту»⁵⁵².

«Я спросила его, продолжает Айша: зачем мне нужно спрашивать своих родителей? Я люблю Бога, Его посланника и то, что за гробом! Он был очень обрадован моим ответом и сказал: «теперь я предоставляю выбор твоим подругам».

стр. 32

Но ты не говори им, что я избрала, просила Айша. Мухаммед не исполнил её желания, но прочитавши им два (упомянутые) стиха Корана, присовокупил! «Айша избрала Бога и его посланника».

Остальные жены также последовали её примеру, только Фатима (смотри выше 13-я жена) предпочла пророку наслаждение жизнью. Она впала в такую бедность, что была вынуждена собирать верблюжий помёт (который употреблялся вместо топлива), чтобы снискать себе содержание. Поэтому она получила прозвание «шакука» – горемычная. Она умерла в 60 году гижры (679 г.).

В последние два года своей жизни Мухаммед устремил все своё внимание на увеличение своего гарема. Если он слышал о какой-нибудь красивой женщине, то делал ей предложение на брак; арабские начальники, которые имели в нём нужду, полагали его господствующей страсти и внушали своим дочерям любовь к нему. Для того, чтобы загладить оскорбление, причиненное ему Асмой. Киндиты выдали за него другую красавицу своего колена, именно Катайлу, дочь Кайза из Хадрамаута, но Мухаммед умер в то время, когда она находилась на пути в Медину. Получив известие о смерти Мухаммеда, Катайла возвратилась в отечество, отпала от ислама и утешила себя другим супружеством. Один Соляймитский начальник возбудил в своей дочери Сабе⁵⁵³ любовь к Мухаммеду. Но она вскоре умерла и не дожидая радости соединиться браком со своим женихом. Такую же участь имела Тавлидитянка Хавла. Кроме того о дочери

Джондоба и дочери Кальбитянина Шарафа рассказывается, что они были ему вручены, но брак не был совершён.

К числу женщин, руки которых Мухаммед тщетно добивался, принадлежит его кузина Умм-Ганий, дочь Абу-Талиба. Она уже была замужем и имела много детей, но об этом ничего не сказано. Она была верующею, но муж её был упорный язычник. Поэтому Мухаммед объявил, что этим брак фактически уничтожается⁵⁵⁴.

стр. 33

К дочери же её, Зяйнабе, которая также была женою язычника, этот принцип не имел никакого приложения. Умм-Ханий объявила, что она почитает Мухаммеда, как посланника Божия, но сохранит супружескую верность и любовь к своему мужу.

Анбаритянка *Суфийя* попала в плен к мусульманам. Посланник Божий предоставил ей на выбор: возвратиться к своим родственникам или быть его женою. Суфийя осталась верна своему мужу. В истории самых первых обращений в ислам встречается *Хавла*, игривая жена Османа-бен-Мазгуна... Её свадьба с посланником Божиим возбудила ревность в муже. Из 12-го тома Ибн-Саада видно, что она в семействе Мухаммеда жила в качестве служанки и что он сделал ей брачное предложение. Таким образом, не удивительно, что Осман был не совсем доволен.

Между тем, как некоторые жены предпочли объятьям пророка супружескую верность или удовольствия жизни, были другие, которые, проникнувшись искренним религиозным чувством, сами предлагали Мухаммеду свои руки. Из них я упомяну только об одной – *Умм-Шариб* была столь ревностной мусульманкой, что проникала в дома Мекканцев с целью проповедовать новую религию между прекрасным полом. Мекканцы заметили это, итак как она принадлежала к колену Давс, то схватили её и под предлогом отвести к её племени, завели её далеко в пустыню на три дня пути и оставили там без пищи и питья на произвол судьбы. Здесь чудо было вполне уместно и оно было совершено: она нашла ведро с водой и спаслась. Потом она пришла в Медину и отдалась пророку⁵⁵⁵.

Этот случай, который повторяется несколько раз, нуждается в объяснении. В Аравии и на всём Востоке браки заключались
стр. 34

родственниками невесты. Мы думаем, что *женщины были продаваемы*. Это случалось часто; однако смысл этого учреждения другой: оно было направлено к обеспечению женщин⁵⁵⁶.

Подписывался брачный контракт и назначался мяхр, т. е. приданое, которое муж уплачивал или тотчас же, или в случае развода. Если супруги жили вместе до самой смерти мужа, то жена получала приданое в том предположении, что она его ещё не брала; кроме того она имела свою долю в наследстве. Кто подумает о пользе этого учреждения, тот не станет сразу осуждать его. В Индии между уважаемыми мусульманами вошло в обычай, чтобы обещанное приданое далеко превышало состояние мужа. К этому нередко присоединяется ещё два условия: во-первых, что приданое в случае развода должно быть выплачено всё, и во-вторых, чтобы произошёл развод, если муж женится на другой жене.

На Востоке женщина и после замужества принадлежит к семейству отца... Семья распоряжается имуществом жены, включая сюда и приданое; она обязана в случае развода снова принять к себе разведённую жену, пропитывать её и позаботиться о её вторичном замужестве. Эти учреждения патриархальны; наши же учреждения, когда в этих случаях прибегают к помощи суда, – государственные. Если бы патриархальные обычаи были хорошо выполняемы, они имели бы некоторое преимущество. Но выполнение зависит от публичного мнения, от морального чувства народа; в безнравственных землях, напр. в Египте и Сирии, которые лишены всякого нравственного чувства, жена доведена до глубочайшего унижения.

Если женщина предлагает себя мужчине, то значит, что она сбрасывает с себя контроль семейства и бежит от него со своим мужем. Этим она предоставляет ему свободу оставить её через несколько дней, и так как она сама предложила ему себя, то

может требовать себе разве только маленькое вознаграждение (*мута*).

стр. 35

У арабов-язычников семейство убивало того мужчину, который позволил бы себе это. У шиитов эти браки, которые они называют *мута*, имеют силу законных и брак без свидетелей и родительского согласия может быть заключён на один час. Если муж разводится с женою, то дает ей *мута* (вознаграждение).

Когда ещё несколько женщин, напр. Ляйля, дочь Хашыма из Медины, предложила Мухаммеду свою руку, он не мог устоять от искушения и позволил себе выдать откровение (Коран 33:49): «Если верующая жена предаётся пророку, то пророк может жениться на ней, если захочет. Но эта свобода предоставлена *только ему*, а прочим мусульманам нет». Нарушение Мухаммедом общепринятых правил приличия было столь бесстыдно, что Айша сказала ему в лицо: «Твой Господь спешит изъявить своё согласие на твои удовольствия». Нравственное негодование его приверженцев побудило его несколько ограничить себя. Насколько мы знаем, он не взял в свой гарем ни одной из тех красавиц, которые предавались ему, хотя хорошо известно, что по крайней мере к одной из них он питал влечение, т. е. находился к ней в любовных отношениях. Чтобы придать вид, будто бы и здесь он поступает по повелению Божию, он обнародовал откровение (Коран 33:51): «Ты можешь, если тебе угодно, утешить этих женщин на будущее время, или сейчас же можешь взять их к себе». Из трех конкубин, которые услаждали жизнь Мухаммеда, я упомяну только об одной. В 7 году гижры правитель Александрии послал Мухаммеду прекрасный подарок: тысячу миткалей золота, двадцать штук белого египетского китаби сукна, белого осла, мула, несколько меду из Багны, евнуха Мабура⁵⁵⁷ и, что всего замечательнее, две рабыни. Они обе обратились в ислам. Одну

стр. 36

из них, Сирену, он подарил поэту Хассану, сестру её Марию оставил для себя. Мария была родом из Гафна, что в области Ансите, в верхнем Египте⁵⁵⁸; она была бела и имела кудрявые волосы. Мухаммед любил её страстно и сначала поместил её у

одного соседа. Однажды он беседовал с нею в хижине Хавсы, которая ушла посетить своих родителей. Хавса пришла и воскликнула; «как! в моей хижине и в мой день! ... И ты называешь себя посланником Божиим? Мухаммед обещал разгневанной жене, что не будет более иметь сношение с Марией. Хавса потребовала клятвы и Мухаммед поклялся. Хавса же обещала со своей стороны ничего не говорить об этом происшествии и его клятве своим подругам и особенно Айше; но рассказала всем эту историю; в наказание за то Мухаммед не посещал её и Айшу целый месяц. Относительно коптянки Бог открыл ему (Коран 66:1–2.): «О, пророк из любви к своим женам не отказывай себе в том, что тебе позволил Бог. Между тем (со времени твоей клятвы) Бог предписывает вам уничтожить ваши клятвы примирением»⁵⁵⁹.

Мухаммед отвёл своей Марии жилище в верхней части города, где у него было имение, и посещал её очень часто; однако она чувствовала себя совершенно одинокой, если не было около неё её земляка. Последний оказывал ей большое внимание и снабжал её дровами и водой. Об этих отношениях заговорил весь город, и Мухаммед послал Алию убить его. Приблизившись с мечом в руке, он увидел копта

стр. 37

и, чтобы освидетельствовать его, сорвал с него платье. Алиа убедился, что это – евнух и возвратился, не причинив ему никакого вреда. Мария сделалась беременною и родила сына в Апреле 630 года. Ангел Гавриил пришёл к Мухаммеду и поздравил его с новорожденным. Мухаммед был вполне уверен, что он сам был отцом дитяти, а не копт или какой-нибудь третий отец. Однажды он принёс своего сына к Айше и сказал: «видела ли ты дитя, которое бы так было похоже на своего отца, как этот малютка?» Но Айша не нашла и самого отдалённого сходства и кто знает, что подумала при этом злая жена. Мухаммед недолго наслаждался отцовскою радостью, потому что Ибрагим умер 16 Июня 631 года. В день его похорон случилось солнечное затмение. Мусульмане говорили Мухаммеду: солнце сокрылось вследствие печали о твоей потере. Но пророк объяснял, что ни жизнь, ни смерть человека

не могут причинить затмения; впрочем, присовокупил он, сын мой *сыддык* в раю и, если бы он воскрес, он сделался бы *сыддыком* (праведным и пророком).

Хотя полигамия была в употреблении в Аравии раньше Мухаммеда, однако неумеренность в этом случае считалась безнравственной. Поэтому Мухаммед был вынужден успокоить общественное мнение особым откровением: Бог предоставил ему в Коране (33:49) *большую* свободу в числе и выборе жён, нежели прочим людям. Мусульмане, чтобы оправдать его, уже раньше приходили к этому заключению и такое мнение не представляло бы для них трудностей, если бы хоть один из его позднейших браков сопровождался бы плодом. Он сам должен был увидеть, что своим образом жизни он уничтожил ту цель, которую сам назначил для брака, именно *достижение потомства*. Истинный мотив своей неумеренности Мухаммед высказал сам в одном достоверном предании: «*моё единственное удовольствие на земле составляют женщины, благовония и молитва*».

Пророчество, присовокупляли верные, столь трудная задача, что Бог вознаграждает пророка в любовных наслаждениях. Поэтому Он награждает его большею силою, нежели какою владеют *тридцать* обыкновенных мужчин в совокупности. Они не забыли упомянуть об Аврааме, Давиде и Соломоне.

стр. 38

О первом они рассказывали, что он каждодневно ездил на Бораке в Мекку, чтобы посетить Агарь, поселившуюся там для присмотра за храмом (Каабой). Предания о двух последних настолько неприличны, что об них считаем неудобным говорить. Этим примером мусульмане доказывали, что излишество в любовных наслаждениях составляет преимущество пророков. Так как Соломон имел *более ста* жён, то они встречали здесь затруднение, но совершенно другого рода, нежели какого можно ожидать: они считали своею задачею доказать, что *хотя гарем Мухаммеда не был столь многочислен, однако пророк их не был ниже премудрого царя или псалмопевца*.

Мухаммед не имел никакого жилища для самого себя. Его главная квартира была в хижине Айши; публичные же занятия он исполнял в мечети, но каждую ночь он проводил с одною из своих жён и, кажется ел с ней в качестве гостя, – однако он каждодневно, если был в хорошем расположении духа, посещал всех своих жён, каждую награждал поцелуем, говорил с ними по несколько слов и играл. Мы видели, что его семейство владело девятью хижинами; такое же было и число его жён, оставшихся после его смерти. Однако были времена, когда гарем его был больше. Тогда он помещал некоторых из своих красавиц в домах соседей; случалось также, что две жены жили в одной хижине. Сводные дети жили со своими матерями до тех пор, пока они были юны.

Приложение второе

Брачная хутьба № 1⁵⁶⁰

Во имя Бога милостивого, милосердного. Хвала Богу, Властителю определений, определяющему месяцы, устрояющему времена и веки, с Которым беседовал Моисей

стр. 39

на горе Синае, Который ниспослал Пятокнижие, Евангелие, Коран и Псалмы. Он установил брак достойный уважения, при свидетелях и под условием приданого, как сказал Всевышний и Превознесённый Бог в главе (Корана) »Женщины"⁵⁶¹ и в главе "Свет"⁵⁶²: «ищу прибежища у Бога от сатаны, побитого камнями;⁵⁶³ женитесь на стольких женщинах, на скольких вам угодно: на двух, трёх, четырёх;⁵⁶⁴ сочетавайте браком сирот своих, верных рабов своих и служанок. Если они сочетаются браком, то делают удобное Богу и Бог наградит их по своей щедрости: Бог щедр к ним». В предании от избранного пророка нашего – да благословит Бог всевышний его, семейство его и превосходных сподвижников его – рассказывается (что он сказал): «брак есть моё учреждение и кто удаляется от него, тот не от меня». А в другом предании: «сочетавайтесь браком, рождайте и умножайтесь! Подлинно дам награду по числу народов в день воскресения, хотя бы вы родили уродов. Вступающий в брак есть желающий, а выходящая за-муж есть желаемая, а мяхр есть то, на что они согласились» (при вступлении в брак). Бог всевышний утвердит в сердцах супругов вожденную любовь, – сказано: «это – слово моё». И да помилует Бог, Который милостив ко мне, к вам и ко всем мусульманам, находящимся здесь! Подлинно Он милостивый, милосердый, преславный, великий, превознесённый, высочайший!

Брачная молитва № 1

Во имя Бога милостивого, милосердного. Боже, утверди этот совершенный и превосходный союз, утверди между ними достославный союз, не допусти между ними развода и разделения, соедини их, как Ты соединил Айшу и Мухаммеда –

господина над всеми благочестивыми, Фатиму и Алию, славного и знающего тайное и явное! Благослови, Боже, превосходнейшего из тварей твоих – Мухаммеда, семейство его и всех асхабов его, по милосердию Твоему! О милостивый из милостивых!

стр. 40

Брачная хутьба № 2

Во имя Бога милостивого, милосердного. Хвала Богу, Царю всех состояний, преисполненному благ, славы и совершенств, милостивому, милосердому, прощающему, великому, превознесённому Владыке, Который сотворил место и Сам существует, Которому нет места, Который сотворил времена и веки, а Сам не имеет нужды во времени и месте, Который сотворил отца нашего – Адама из праха и поставил его начальником над людьми, создал мать нашу Еву из ребра Адамова между сном и бодрствованием, запретил им сближение до тех пор, пока установил между ними союз и брак! При них присутствовали ангелы, а первую хутьбу прочитал над ними Сам Всехвальный и Всеблагий и заповедал о детях их. Подлинно он сочетался браком подобно этому, по приказанию Достопокляемого. Все существа и твари Бог сотворил попарно, как-то: *гарш и курси*⁵⁶⁵ – пара, таблица предопределения и перо – пара, небо и земля – пара, мужчина и женщина – пара. Бог есть единый и единственный, вечный, Которому нет подобного, у Которого нет ни сына, ни подобного Ему, ни товарища, ни супруги, ни места, как говорит Бог всевышний и превознесённый в Коране: «Прибегаю к Богу от сатаны, побитого камнями! Женитесь на стольких женщинах, сколько вам угодно: на двух, трёх, четырёх. Жените сирот ваших, верных рабов ваших и служанок. Если женятся, то делают угодное и Бог наградит их по Своей щедрости, – Бог щедр к ним». В предании от избранного пророка нашего, да благословит Бог всевышний его, семейство его и превосходных асхабов его! – передаётся: «брак есть моё установление и кто удаляется от установления моего, тот не от меня»; а в другом предании: женитесь, рождайте и умножайтесь! Подлинно я дам награду по числу народов, хотя бы вы родили уродов. Бог

всевышний утвердит в сердцах супругов возжеленную любовь. Вступающий в брак есть желающий, а выходящая за-муж есть желаемая, а мяхр есть то, на что они согласились» (при вступлении в брак): – сказано: «это слово моё». И да

стр. 41

помилует Бог, который милостив ко мне, к нам и ко всем мусульманам находящимся здесь. Подлинно Он милостивый, милосердый, преславный, великий, превознесённый, высочайший!

Брачная хутьба № 3

Во имя Бога милостивого и милосердного. Хвала Богу, Который украсил нас языком и даром слова, одарил нас красноречием и способностью суждения, Который наградил нас красотой и совершенством; хвала за то, что возвестил, «Предложил и заповедал нам брак и запретил незаконное сожителство, как сказал Бог всевышний и превознесенный: «Прибегаю к Богу от сатаны, побитого камнями. Женитесь на стольких женщинах, сколько вам угодно: на двух, трёх, четырёх». Вечно мы обязаны прославлять Тебя за установление брака; никогда не прекратится для нас благодеяние в позволении брака; веди нас совершенным путем к превосходству и совершенству, утверди в добре дела наши от начала до конца Твоею великою и совершенною щедростью! Исповедую, что нет бога кроме Бога единого, у Которого нет товарища, Который обладает великими и совершенными свойствами; исповедую, что Мухаммед раб и посланник Его, печать пророков, отменяющий веры. Благословение и мир над посланником Его – Мухаммедом, посланником с чудесами и доказательствами, над семейством его и над асхабами его, которыми возведён обычай установленного и отменённого, которые установили для нас превосходный брак – различие между дозволенным и запрещённым, которые показали нам сунну и ислам, чтобы мы приняли их для руководства; как сказал – благословение над ним! – господин господ, великий, владыка тварей (т. е. Мухаммед): «брак есть моё установление и кто удаляется от установления моего, тот не от меня; вступающий в брак есть желающий, выходящая за-муж есть

желаемая, а мяхр есть то, на что они согласились» (при вступлении в брак). Да прославит их обоих Бог по Своей славе, благодати, милости и благосклонности, и да помилует Бог, Который милостив ко мне, к вам находящимся здесь мусульманам – мужчинам и женщинам. Подлинно Он – милостивый, милосердый, преславный, великий, внимающий молитве!

стр. 42

Брачная хутьба № 4

Во имя Бога милостивого и милосердного. Хвала Богу, хвала Тому, кто сотворил отцов и матерей для произведения детей и внушил мужчинам страстную любовь к женщинам для умножения служения Ему, и позволил им из них (женщин) две, три, четыре; кто установил союз и сожитие для продолжения рода. Он есть единый, единственный, Который не имеет ни товарища, ни дитяти; Который ни рождает, ни рожден, и Которому нет подобного. Да будет благословение над пророком нашим неграмотным, великая слава Которого чужда недостатков. (Да будет благословение над Мухаммедом, славным, достохвальным, препрославленным! Пророк наш излил благодать свою над людьми и джинами; (да будет благословение Его над) детьми его, вступавшими в брак по Ханифитскому обряду, угодному Богу, и над асхабами его, согласными с общими законами божественными. Подлинно, Бог всевышний и превознесённый заповедал нам о браке: «Прибегаю к Богу от сатаны, побитого камнями! Женитесь на стольких женах, сколько вам угодно: на двух, трёх, четырёх. Жените сирот ваших, верных рабов ваших и служанок. Если женятся, то делают угодное и Бог наградит их по своей щедрости, – Бог щедр к ним». Как сказал (Мухаммед), милость и мир над ним! – «брак есть моё установление и кто удаляется от установления моего, тот не от меня»; а в другом предании: «женитесь, рожайте и умножайтесь! Подлинно я дам награду по числу народов в день воскресения, хотя бы вы родили уродов; вступающий в брак есть желающий, выходящая за-муж есть желаемая, а мяхр есть то, на что они согласились» (при вступлении в брак). Бог всевышний утвердит в сердцах супругов

вожделенную любовь (три раза следует повторить): – сказано – это слово моё. И да помилует Бог, который милостив ко мне, к вам и ко всем мусульманам, находящимся здесь! Подлинно, Он – милостивый, милосердый, преславный, великий, внимающий молитве!

Брачная хутьба № 5

Во имя Бога милостивого и милосердного. Хвала Богу, Который сочетал душу с телом, позволил брак и запретил незаконное сожительство! Милость и мир

стр. 43

посланнику нашему Мухаммеду, который разделит запрещённое от дозволенного семейству его и асхабам его, которые суть люди благочестивые и спасённые! «Прибегаю к Богу от сатаны, побитого камнями! Женитесь на стольких женах, сколько вам угодно: на двух, трёх, четырёх! Жените сирот ваших, верных рабов ваших и служанок! Если женятся, то делают угодное, и Бог наградит их по Своей щедрости, – Бог щедр к ним». Правдив Бог превознесённый! Сказал посланник Божий, да благословит его Бог и помилует! – «брак есть моё установление и кто удаляется от установления моего, тот не от меня». Справедлив посланник и раб Божий.

Брачная молитва № 2

Боже, утверди этот союз, верный и преславный! Утверди между ними союз достолюбезный и приятный, и не производи между ними раздоров, развода и разделения! Боже, соедини их, как ты соединил Адама и Еву; как ты соединил Мухаммеда-Мустафу, – да благословит его Бог и помилует! – и Хадиджу-Славную; Алия, – да будет он угоден Богу! – и Фатиму Лучезарную, да будет ею доволен Бог! – Боже, дай им благочестивых детей, долгую жизнь и обильное имущество! Господи наш, освободи супружества наши и семейства наши от детей непокорных; сделай нас праведными вечно! Господи наш, дай нам благо в этом мире и в том мире, освободи нас от мучения огнем! Слава Господу твоему, Господу великому, обладателю всех совершенству мир над посланниками и хвала Богу – Господу миров.

Приложение третье

Глава о браке (Китабу-н-Никях⁵⁶⁶)

Он исполняется посредством предложения и приятия. Т. е. брак заключается предложением со стороны жениха и посредством согласия на это предложение со стороны невесты.
стр. 44

Слова их обоих в прошедшем времени, напр. «я на тебе женился» и «я за тебя вышла за-муж; или в повелительном наклонении и в прошедшем времени, напр. «отдай за меня в замужество»; а он скажет: «отдал за-муж». Предложение со стороны жениха и согласие со стороны невесты должно быть выражено в прошедшем времени изъявительного наклонения, напр. жених должен сказать: «я женился на тебе»; а невеста должна ответить: «я вышла за тебя за-муж». Предложение может быть выражено также в повелительном наклонении прошедшего времени, напр. жених скажет отцу невесты: «отдай мне дочь твою за-муж», а тот ответит: «я отдал».

А если не знают значения этого, а слова их: «отдала» и «принял» после (слов): «отдала ли»? и «принял ли?» как при продаже и купле, но не посредством слов их перед свидетелями: «жена моя» и «муж мой». Если жених и невеста не знают по-арабски, то они могут заключать брак на персидском языке. В этом случае жених говорит невесте: «отдала ли ты себя»? а невеста отвечает: «отдала». Или невеста говорит жениху: «принял ли меня»? а жених отвечает: «принял». Подобные этому слова употребляются при продаже и купле. Но брак не может быть заключён словами жениха и невесты: «это – жена моя», «это – муж мой», сказанными перед свидетелями.

И заключается словами: «брак и женитьба» и посредством тех слов, которые употребляются при приобретении имущества свободного. Брак может быть заключён словами, сказанными женихом и невестой: «брак и женитьба». Равным образом при заключении брака можно употреблять и те слова, которые положено произносить при

приобретении какой-нибудь вещи, напр. «я продал», «я сделал подарок или милостыню».

Обусловливается слышанием каждого из них слов последнего. А присутствуют два свободных мужчины или один свободный мужчина и две женщины⁵⁶⁷ свободных, совершеннолетние, мусульмане, слышащие оба вместе слова их. Правильность брачного договора обусловливается тем, чтобы каждый из свидетелей слышал слова

стр. 45

вступающих в брак. Количество свидетелей при браке полагается два свободных мужчины или один свободный мужчина и две свободных женщины. Эти свидетели должны быть совершеннолетние и мусульмане, так что дети и сумасшедшие не могут быть свидетелями. Кроме того оба свидетеля должны слышать брачный договор и притом оба вместе в одно и тоже время, так что брачный договор, заключённый в присутствии глухих свидетелей, считается неправильным; также считается неправильным тот брачный договор, который свидетели слышали попеременно, сначала один, потом другой.

Справедлив пред двумя нечестивыми, но не имеет⁵⁶⁸ очевидности при тяжбе, и пред сыновьями их, или одного из них, но не принимается в пользу ближайшего. Брак, заключённый в присутствии нечестивых свидетелей, правилен, но не имеет степени несомненности, если случится спор между мужем и женой относительно брака и дело дойдёт до суда. Также брак можно заключать и в присутствии сыновей мужа и жены, или в присутствии сыновей одного которого-нибудь из них, но только в последнем случае, если случится тяжба между мужем и женой относительно брака, то свидетельство сыновей в пользу родителя не принимается, не в пользу же родителя принимается.

Мусульманин вступает в брак с женщиной – зимми в присутствии зимми, но не принимается против мусульманина. Если мусульманин вступает в брак с зимми, т. е. христианкой или иудейкой, подвластной мусульманскому правительству, то свидетели могут быть зимми. Но если

случится тяжба между мужем и женой, то свидетельство зимми не принимается в ущерб мусульманина.

Доверенный (вакиль) бывает свидетелем в присутствии доверителя, также как опекун (валий) в присутствии родственницы, находящейся под опекой, достигшей совершеннолетия. Брак, заключённый при доверенном и ещё одном свидетеле, будет правилен, если при этом находится сам доверитель. Также точно брак, заключённый при опекуне, т. е. отце, хозяине и т. п., и ещё при одном свидетеле, будет правилен, если женщина, находящаяся под опекой, будет присутствовать при этом и если она будет совершеннолетняя.

стр. 46

Запрещён с женщинами по восходящей линии и по боковым линиям, родственниками по боковой линии ближайших по восходящей и дальних родственников по восходящей. Запрещается брак с родственницами по восходящей линии, напр. мать, бабушка по отцу или по матери и т. д.; также запрещается брак с родственницами по боковым линиям, напр. дочь, внука и т. д.; ещё запрещён брак с родственницами по боковой линии, происшедшими от ближайших родственников по линии восходящей, напр. родственницы матери по боковой линии; наконец, запрещается брак между дальнейшими родственниками восходящей линии, каковы напр. дед, бабка, дядя, тетка и т. п.

Мать жены, дочери той, с которой имел сношение, женщина по восходящей и по боковой линии, все родственницы по кормлению, ветви женщины, с которой имел прелюбодеяние⁵⁶⁹ – той, которую держал мужчина за детородные части и державшей и той, на срамные части которой он смотрел со страстью и восходящая линия их, – что же касается раньше девяти лет, то нет и со страстью. Мужчине запрещён брак с матерью жены, если он находился в правильном браке, хотя бы и не имел сожития: потом – с дочерью той женщины, с которой он имел сношение; затем с женами родственников по восходящей и по боковой линии, напр. с женою отца, деда, сына, внука и т. п. Запрещается также брак между родственниками по кормилице, каковы напр. мать

мужа кормилицы, бабушка кормилицы по отцу и по матери, мать молочного брата и т. п. Наконец запрещён брак с родственницами женщины, с которой совершил прелюбодеяние, а также с родственницами той женщины, которую он держал за срамные части или на срамные части которой он смотрел с любово-страстным пожеланием. Впрочем, если женщина эта была моложе девяти лет, то запрещения не бывает, хотя бы мужчина и смотрел со страстью.

Брак с женщиною и гыддат⁵⁷⁰ её делает запрещённым брак с женщиной, которой, если бы её представить мужчиной, не позволена была бы эта вторая, и
стр. 47

сожитие с нею посредством владения. Во время брака с известною женщиною или во время гыддата её запрещается брак с другою женщиною – родственницею по крови, по молочному родству или по свойству в такой степени, что если её представить мужчиной, то между женою и ею был бы не возможен брак, напр. если кто женат на известной женщине, то ему нельзя жениться на сестре жены по отцу или по матери; но ему позволяется жениться на падчерице её, потому что хотя и бывает брак запрещён, если представить мужчиной падчерицу; но он бывает позволен, если представить мужчиной жену. Впрочем, имамы: Зафар, Ибн-Абу-Лийли и Басри считают брак в последнем случае непозволенным и советуют воздержаться от него. Брак с известною женщиною запрещает также сожитие с другою женщиною по праву владения, если эта женщина состоит в вышеупомянутом родстве.

Также сожитие с одною посредством владения – сожитие с нею в браке и посредством владения, но не брак с нею: а если женится на ней, то не имеет сожития с нею ни однажды до тех пор, пока вторая бывает запрещённою. Сожитие с женщиною по праву владения запрещает сожитие в браке или по праву владения с другою женщиной – родственницей в такой степени, что если её представить мужчиной, между ней и первой женщиной брак был бы не возможен. Однако самый брак мужа с женщиной – родственницей не воспрещается, но только

он не должен иметь с нею сожития до тех пор, пока первая женщина находится в сожительстве с ним.

Правилен брак с женщиной писания, хотя бы и со служанкой вместе⁵⁷¹ со всем определённым для свободной, женщины и мужчины, вошедших в запрещённую черту и с беременной от прелюбодеяния; но не сожительствует до тех пор, пока продолжается, и заключает союз с пребывающей в заветной черте. Мусульманину позволяется жениться на женщине писания, т. е. на христианке и иудеянке, хотя бы она была служанкой, выполнивши в последнем случае мяхр и пропитание

стр. 48

одинаковое со свободной женщиной. Правилен также брак мужчины и женщины во время их пребывания в запрещённой черте, т. е. в окружности Мекки; правилен брак с женщиной беременной от прелюбодеяния не только участнику прелюбодеяния, но и другому мужчине; только этот не должен иметь с нею сожития, пока продолжается беременность. Касательно правильности этого брака имам Агзам и Мухаммед дали фетву; тоже упоминается в «Мухите» и «Гыдае». Если женщина вступит в брак в запрещённой черте, то брак правилен.

Но не женится на служанке, на жене раба, на неверной, кроме женщины писания, и на последней во время гыддата четвертой, а раб – в гыддате второй, и на рабе сверх свободной или во время гыддата её, на беременной от близкого родственника. Запрещается брак со служанкой, с женой раба, с неверной, кроме женщины писания, на пятой жене во время гыддата четвертой жены, а рабу запрещается жениться на третьей во время гыддата второй. Впрочем, брак на двух жёнах считается более приличным и для свободного человека, потому что Мухаммед начал своё определение количества жён с двух⁵⁷². Запрещается ещё жениться на рабе сверх определённого количества свободных жён или во время гыддата четвёртой жены, также на женщине беременной от близкого родственника.

И ложный брак и временный. Ложный и временный браки несправедливы и незаконны. Форма ложного брака состоит в том, что кто-нибудь при свидетелях скажет женщине: я желаю пользоваться тобою на такой-то срок, напр. на десять дней. Этот брак был допущен два раза: во дни Хайбара и при взятии Мекки, потом всеми законоведами запрещён. Подобным образом и Хазрятт Алий Керим признает его неправильным во всех своих преданиях. Форма брака временного почти такая же, но только здесь упоминается количество мяхра и самое сожителство называется браком, напр. мужчина говорит женщине: я женился на тебе с таким-то количеством имущества и на такой-то срок; а женщина ответит: я согласна⁵⁷³.

стр. 49

Брак заключается свободно и совершеннолетнею, хотя бы при неравенстве и без посредства опекуна; но ему предоставляется жалоба; а при неравенстве союз бывает непрочен. Женщина свободная, совершеннолетняя и в здравом уме может сама выйти замуж помимо согласия опекуна, хотя бы жених её был ей не равен. Однако, когда жених её не равен ей, а она вышла замуж без согласия опекуна, то опекуну предоставляется право пожаловаться казыю и расторгнуть неравный брак; но в «Шарх-вигкайе» говорится, что если в этом случае жена от неравного мужа родит дитя, то опекун не имеет права расторгать брак, чтобы этим не причинить вреда дитяти. Впрочем, имам Хусайн от лица Абу-Ханифы утверждает, что подобный брак не имеет силы. Этого мнения держится большая часть шейхов, и фетва Казыхана подтверждает то же.

Опекун не имеет власти над совершеннолетней, хотя бы она была девственницей. Опекун не имеет права насильно выдать замуж совершеннолетнюю, хотя бы она была девица.

А молчание, смех и плач без звуков есть позволение, а со звуком – расторжение, во время спрашивания позволены или при доставлении известия, с условием произнесения имени супруга, но не мехра. Когда опекун будет спрашивать совершеннолетнюю девицу о её согласии вступить в брак, или когда до неё достигнет известие об этом и она будет молчать, или смеяться, или плакать, не издавая звуков, – то все эти

действия её принимаются за выражение её согласия на брак; но если она заплачет и будет при этом издавать звуки, то это принимается за выражение её несогласия. Нужно заметить, что опекун, спрашивая её о согласии на брак, должен при этом произнести имя её жениха, но не обязан упоминать о количестве мехра.

Если спрашивает о согласии не ближайший опекун, то утверждение её посредством слова как и вдовы; а лишившаяся девства через блуд или без совокупленья, как девственница, и слово её «я не соглашалась» важнее, нежели слово его: «ты молчала», но принимается свидетельство в молчании её, и не принуждается она к присяге, если тот не засвидетельствует⁵⁷⁴. Если о согласии на

стр. 50

брак совершеннолетнюю девицу спрашивает не ближайший опекун, а дальнейший или посторонний человек, то она выражает своё согласие теми словами, какими выражает вдова. Девица, лишившаяся девства через блуд или каким-нибудь иным образом, выражает своё согласие так же, как и девственница. Если между мужем и женой произойдет тяжба относительно брака и жена будет говорить, что она не соглашалась, а муж будет утверждать, что она молчала; в таком случае предпочтение оказывается жене. Впрочем, если муж представит свидетелей на то, что она молчала, то брак утверждается; однако жена не принуждается к присяге, если муж не доставит свидетелей.

Опекун заключает брак несовершеннолетнего и несовершеннолетней, хотя бы она была вдова, т. е. имеет право опекун заключать эти браки.

Если отец или дед сочетает браком, то он бывает необходим; а другие кроме их, то несовершеннолетние разводятся по достижении совершеннолетия или узнавши о браке после него. Молчание девицы в обоих этих случаях бывает согласием и нет продолжения воли её до пределов мяджлиса⁵⁷⁵, если не знала этого; различается отпущенная на свободу. Если несовершеннолетних сочетает браком отец или дед, то брак признаётся во всей силе и не расторгается;

если опекунами были не отец и не дед, а другие родственники и сочетали браком несовершеннолетних, то эти последние по достижении совершеннолетия имеют право расторгнуть брак; или брак расторгается в то время, когда достигши совершеннолетия супруг узнает о браке. Если супруга по достижении совершеннолетия получит известие о браке и будет молчать в самый момент получения известия, то она уже не может расторгнуть брака; также она не может расторгнуть брака, если спросит об имени мужа или о количестве мехра. Однако если она не знала такого узаконения, то может расторгнуть брак. В этом отношении отличается раба, пущенная на волю. Она может знать о своём браке продолжительное время и, лишь только получит известие о своём освобождении, может расторгнуть брак.

стр. 51

Воля дитяти и вдовы не бывает тщетною без точного согласия и свидетелей и не прекращается с промедлением мяджлиса; и решение казыя служит условием для развода совершеннолетней, но не для освобождённой. Дитя и вдова, не изъявившие точного и определенного согласия на брак перед свидетелями, не теряют права на развод даже с переменной мяджлиса. Согласие может быть выражено и не словами, напр. объятием мужа, взятием мехра у него, получением от него пропитания; однако есть хлеб мужа, услуживать ему, быть с ним в хыльвате⁵⁷⁶, но без объятий, всё это ещё не служит выражением полного согласия на брак. Супруга, выданная замуж несовершеннолетней, может по достижении совершеннолетия развестись не иначе, как по решению казыя; но супруга, получившая освобождение, может развестись и без решения казыя. В «Халязе» упомянуто, что по решению казыя расторгаются браки в следующих случаях: при отнятии детородных членов мужа и при его импотенции; по желанию достигшей совершеннолетия; при неравенстве супругов или недостаточности мехра; если зимми-жена сделается мусульманкою и будет приглашать мужа к принятию ислама, а тот не согласится; наконец по причине заклатья жены мужем.

Опекунами бывают родственники по порядку; условием служит свобода, совершеннолетие и ислам в рождении от мусульманина, потом мать, затем ближайшие родственники и ближайшие из близких, потом близкий друг, потом казый, в метриках которого этот. Опекунами при браке бывают те родственники, в родстве которых нет женщины, как посредствующего звена. Опекунами бывают родственники по порядку родства; так опекуном сначала бывает отец, потом дед по отцу и т. д. по восходящей линии; затем брат, потом племянник по брату и т. д. по нисходящей; потом дядя по отцу, последнего сын дяди и т. д. по нисходящей. При определении опекуном даётся преимущество ближайшему родственнику. От опекуна требуется, чтобы он был свободен, в здравом уме и совершеннолетия, так что раб, сумасшедший и несовершеннолетний не могут быть опекунами при браке. Кроме
стр. 52

этого от опекуна требуется, чтобы он был дитя мусульманина и сам был мусульманин. За неимением опекунов по мужской линии ими бывают родственники по женской линии. Сначала бывает опекуном мать, а за ней какой-нибудь близкий родственник и притом самый близкий из всех. Когда же не будет родственников, тогда опекуном бывает близкий друг, такой друг, который имеет с ним самое тесное общение даже в имуществе. Если же нет и подобного друга, то опекуном назначается тот казый, в книгах которого записан вступающий в брак.

Дальний сочетает браком за отсутствием ближнего, когда не ожидает от него известия сват, по некоторым – на пространстве сафира⁵⁷⁷. За отсутствием ближайшего родственника сочетает браком родственник дальнейший, когда сват не будет дожидаться от него известия; по мнению некоторых законоведов, дальний родственник тогда только заключает брак, когда ближайший родственник будет находиться на расстоянии сафира.

В браке требуется равенство по происхождению, так что часть курейшитов равна части их, часть арабов⁵⁷⁸ равна части арабов. Смысл понятен.

А не-арабам – по исламу: тот, у кого два отца в исламе, равен той, у которой несколько отцов в исламе; но не равен им тот, у кого один отец в исламе, а ему мусульманин сам по себе. Относительно не-арабов нужно соблюдать равенство по исламу, так что тот, у кого два предка были мусульманами, равен той, которая имеет несколько предков мусульман. Этим обоим не равен тот, у кого только лишь отец принял ислам; а этому последнему не равен тот, у кого нет ни одного предка в исламе.

И по свободе, – требования те же, какие упомянуты относительно ислама. Ещё требуется равенство по свободе. Определение равенства то же как и по исламу.

И по благочестию; потому нечестивец не равен дочери благочестивого, – и по имуществу, так что не имеющий требуемого мехра и пропитания не равен нищей, а

стр. 53

владеющий в достатке тем и другим равен богатой, – и по ремеслу: потому красильщик, или цирюльник, или производящий низкие работы, или кожевник не равен продающей благовония и под. Ещё требуется равенство по благочестию, по имуществу и по ремеслу. Смысл понятен.

А если сочетается браком при недостаточности мехра, то опекуну предоставляется жалоба до тех пор, пока будет дополнен, или разводятся. Если кто женится, а мехра не выплатит, то опекуну жены предоставляется право жалобы, чтобы мехр был дополнен или брак был расторгнут.

И считается брак фузули законными и заключает две дороги брака кто-нибудь без фузуля. Брак фузули, т. е. заключённый без воспитателя или опекуна, считается законным, если девица в здравом уме, совершеннолетняя, невинная и если она была с мужем в хильвате. Брак этот заключается законным образом или посредством слов, или посредством действий, напр. если жена запросит мехр и пропитание и будет подчиняться мужу, а муж со своей стороны выплатит ей мехр. Две дороги брака, т. е. предложение и согласие, скрепляет в этом случае кто-нибудь: или опекун с обеих сторон, или с одной стороны воспитатель, а с другой опекун.

Меньший мехр десять диргемов, потому он необходим, если поименован меньше его, а если поименовано сверх этого, то поименованный, по смерти одного из них или действительного хыльвата. Самое меньшее количество мехра десять диргемов или вещи стоимостью в десять диргемов. Потому, по смерти мужа или действительного хыльвата, жена должна получить десять диргемов, если назначен мехр меньше этого; а если назначен больше этого, то жена получает тот мехр, который назначен.

А это бывает, если нет препятствия или по существу, или по закону, или по средствам, напр. этому препятствует болезнь, пост-рамазан⁵⁷⁹, молитва-фарз, ихрам, менсуры, очищение после родов и при отсутствии детородных членов, импотенции и скопчестве. Хыльват, т. е. действительное уединение мужа с женою бывает тогда, когда оба они находятся в уединённом месте и не будет препятствий ни

стр. 54

по существу, ни по закону, ни по средствам, как напр. болезнь, пост рамазан, близкое родство, менсуры и пр. исчисленные в тексте причины.

Половина его при разводе раньше его; а если он не поименован, то мехр, определённый при кратких браках и мехр-мисль после него. Если муж разводится прежде хыльвата, то жена получает половину мехра. Если же мехр не поименован, то жена в этом случае получает мехр, который назначается при кратковременных браках, т. е. рубаху, головной убор и покрывало. Однако стоимость этих вещей не должна быть меньше мехра-мисля или пяти диргемов. Когда же муж разводится после хыльвата, а мехр не определён, то жена получает мехр-мисль.

И справедлив брак без упоминания мехра и при отрицании ею и посредством вещи неизвестной стоимости и при не знании рода его. Брак считается законным, хотя бы и не был упомянут мехр или даже был отрицаем, или посредством вещи, стоимость которой не определена в шаригате, напр. вино, свинья; или когда неизвестен род его, напр. если скажут: «четвероногое», но не объяснят, что разуметь под этим, лошадь

ли, корову ли, барана ли. Также если скажут: «одежда», но не определяют – шелковая или бумажная.

И бывает необходим мехр-мисль в упомянутом. Во всех вышеупомянутых случаях бывает необходим мехр-мисль, если муж разводится после хыльвата, а мехр не определён.

Если род его, то средина его или цена его, или посредством служения жене раба, когда она принимает, и посредством того или этого, то мехр-мисль, если будет между ними, и худший, если ниже его, и лучший, если выше его. Брак бывает правилен, когда для мехра назначают род известных предметов, не обозначая его в частности, напр. если назначена просто лошадь, верблюд или бумажная одежда, но не обозначены в точности. При разводе в этом случае жена получает полную стоимость мехра или половину его. Брак правилен также, если раб, женившись,

стр. 55

вместо мехра будет работать для жены, когда жена согласится принять эти услуги. Брак правилен, когда муж назначит в мехр одного из двух рабов, но не определит которого именно, а между тем один раб дороже другого. В этом случае бывает необходим мехр-мисль, если он будет составлять среднюю цену обоих рабов. Если же мехр-мисль будет ниже стоимости худшего раба, то необходим этот последний; а если мехр-мисль будет выше стоимости лучшего раба, то необходим этот последний.

А если разводятся прежде сожития и хыльвата, то половина худшего, т. е. раба, бывает необходима.

А если женится посредством тысячи с тем, чтобы не вывозить её, или с тысячью, если живёт постоянно; но посредством двух тысяч, если вывезет. Если сдержит слово и останется на одном месте, то тысяча, а если нет, то мехр-мисль, но не превышает двух тысяч и не меньше тысячи. Если кто женится, положивши мехр в тысячу диргемов, с условием не вывозить жены из места жительства, и мехр в две тысячи, если вывезет её, то он обязан заплатить ей тысячу диргемов в том случае, когда он сдержит своё слово и не вывезет её; если же вывезет, то обязан заплатить мехр-мисль.

Этот мехр-мисль должен быть не менее тысячи диргемов и не более двух тысяч.

Если сочетается браком посредством этих двух рабов, и один из них свободен, то для неё только раб, если стоит десять. Если кто сочетается браком, назначивши мехр двух известных рабов, и если один из них окажется свободным, то жена получает только оставшегося раба, если только цена этого раба будет не меньше десяти диргемов; в противном случае получает десять диргемов.

А если делает условием целомудрие, а она окажется лишённою девства, то необходим⁵⁸⁰ весь. Если мужчина при заключении брака делает условием целомудрие жены, а она окажется нецеломудренною; то муж, несмотря на это, обязан выплатить весь мехр.

А в браке неправильном, если не бывает сожития, не необходимо ничто; если же было сожитие, то устанавливается родство со времени сожития, и мехр-мисль, не больше поименованного. Если не было сожития при браке неправильном, т. е. при браке без согласия жены или без свидетелей, то выплачивать мехр нет

стр. 56

необходимости. Если же было сожитие, то признаётся дитя родным, если оно родилось шесть месяцев спустя после брака; и в этом случае нужно выплатить мехр-мисль, если только он не больше поименованного в брачном контракте.

А мехр-мисль по роду отца, по годам, по красоте, по имуществу, по уму, по вере, по месту, по времени, по девственности или недевственности. А если не находится из них, то по посторонним, но не мать и родственники её, если только она не будет из родственников отца её. Мехр-мисль определяется количеством мехра, полученного родственницею по отцу, напр. сестрами отца или детьми их. При этом требуется, чтобы родственница была равна по красоте, по имуществу, по уму, по вере; чтобы она жила в одном том же городе и в одно время; чтобы она была также целомудренна или нецеломудренна. Если нет подобных родственниц со стороны отца замужних, то для определения мехра-мисля

принимается во внимание какая-нибудь посторонняя женщина, равная по качествам; но мать и родственницы её не принимаются во внимание, если только они не состоят в родстве с отцом.

Правильна уплата мехра её опекуну её, хотя бы несовершеннолетней. Опекун может вместо мужа уплатить мехр жене, хотя бы она была несовершеннолетняя, так что если жена взяла уже мехр от мужа, то она должна возвратить его.

Предварительный и заключительный мехр, если определён, то этот, если нет, то обычное. Мехр разделяется на две половины; одна получается тотчас, другая после. Если количество того и другого мехра определено, то жена и получает это; если же не определено, то жена получает столько, сколько получают обыкновенно личности равные ей.

А прежде принятия предварительного мехра, ей принадлежит возбранять ему сожитие и путешествие, хотя бы после сожития по её уступке, без прекращения пропитания, – и путешествие и выход по желанию без позволения его; а после принятия его, он увозит её; но говорят, что он не делает с нею сафара и об этом есть фетва⁵⁸¹. До получения предварительного мехра жена имеет право

стр. 57

отказываться от сожития с мужем и от путешествия с ним, хотя бы даже прежде этого она и дозволяла ему пользоваться супружескими правами. Однако из-за этого отказа муж не имеет права лишать её пропитания. Притом до получения предварительного мехра, жена имеет право без позволения мужа выходить из дому и даже совершать путешествие. Но после получения его, муж имеет право увести жену из места жительства. Однако учёные законоведы говорят, что муж не может увести свою жену без её согласия дальше трех дней пути от места жительства. Об этом есть фетва. Подобное постановление было вызвано опасным временем, так как жене в путешествии много опасностей.

Если он ей пошлёт что-нибудь, а она скажет: «это подарок», а он скажет: «мехр», то слово за ним, кроме того, в

чем есть вред для еды. Если муж пошлёт жене что-нибудь, а спустя некоторое время жена скажет: «это был подарок», а муж скажет: «это был мехр»; то в шаригате принимается в уважение слово мужа. Но если были посланы предметы, употребляемые в пищу и которые могут испортиться, напр. хлеб, лепёшки, жареное мясо, обыкновенные плоды, не употребляемые для мехра; в этом случае принимается в уважение слово жены. Однако, когда бывают посланы: пшеница, мед, баранье сало, грецкие и простые орехи, то принимается в уважение слово мужа.

Брак полного раба, записанного, назначенного к отпущению по смерти, служанки и умм-валяди⁵⁸² без позволения хозяина правилен. Если согласится, то утверждается, а если отвергнет, то уничтожается; если позволит, то полный раб продаётся за мехр, а два последние работают. Если вступят в брак без позволения хозяина полный раб, раб уплативший часть своего выкупа, раб, назначенный к отпущению по смерти хозяина, служанка и умм-валяди, т. е. служанка, прижившая дитя от хозяина, – то брак считается правильным. Если хозяин согласится на этот брак, то он признаётся во всей силе; если же нет, то расторгается. Когда хозяин даст позволение рабам на брак с известным мехром, а рабы не могут ни выплатить его, ни

стр. 58

доставить пропитания, то раб полный продаётся для уплаты мехра, раб же назначенный к отпущению по смерти хозяина и раб, уплативший часть своего выкупа, не продаются за мехр, а обязаны работать вместо уплаты.

И позволение на брак обще на законный и неправильный. Позволение хозяина на брак рабу бывает общим на законный и неправильный брак: так если хозяин даёт рабу позволение жениться, а тот вступит в неправильный брак, напр. без свидетелей, то, несмотря на это раба все же, – по мнению имама Агзама, – должно продать к невыгоде хозяина для уплаты мехра. То же самое утверждают Абу-Юсуф и Мухаммед.

Кто выдаёт за-муж служанку, то нет необходимости в отпущении её; и пропитания нет от него; и сожительствует

супруг, если свободен. Хозяин может выдать замуж служанку, и ему при этом необходимо увольнять её от работы для хильвата с мужем. Однако в этом случае муж не обязан доставлять пропитание жене. Впрочем, хозяин не имеет права не допускать служанку до хильвата с мужем, если у неё нет работы и у мужа её есть свободное время.

И ему женитьба раба и служанки насильно; освободившаяся раба и записанная выходит из-под свободного или раба: а если вступит в брак без позволения, а потом освободится, то в силе при нежелании её⁵⁸³. Хозяин имеет право женить раба и выдать замуж служанку, несмотря на их нежелание, хотя это и мякруг, т. е. достойно презрения. Впрочем, служанка, полная или уплатившая часть своего выкупа, если будет выдана замуж насильно, то после освобождения имеет право расторгнуть брак, будет ли она за свободным или за рабом. Но если она вступала в брак без согласия хозяина, то не имеет права расторгнуть брака, хотя бы и не желала жить с мужем.

И что упомянуто, то хозяину, если было сожитие, а потом была освобождена; а если прежде освободилась, а потом было сожитие, то ей. Если муж будет иметь сожитие со служанкой до её освобождения, то назначенный мехр он должен заплатить хозяину; если он начал сожитие уже после её освобождения, то мехр отдаётся жене.

стр. 59

И муж служанки ниспускает с позволения господина её, а свободной с её позволения. Муж служанки имеет право не допускать семени в утробу, а выкидывать его вон, впрочем, с позволения её хозяина, как утверждает имам Агзам; а Абу-Юсуф и Мухаммед говорят, что он может сделать это только с её позволения. Что касается мужа свободной женщины, то он может сделать это с её позволения.

Если сделаешь сожитие со служанкой сына, а потом она родит, а затем он признает его, то родство утверждается и она бываешь умм-валяди и необходима цена её, но не мехр её и не цена дитяти её. Если кто-нибудь будет иметь сношение со служанкой сына и та родит дитя, а он признает его своим, то

между ним и новорожденным дитятей признается родство и служанка делается умм-валяди⁵⁸⁴. В этом случае отец обязан заплатить сыну стоимость служанки, но за дитя не обязан платить, также не обязан платить и мехр.

Дед как отец, по смерти его, и если женится на ней, то правильно, и она не считается умм-валяди и необходим мехр её, но не цена её, а дитя свободно по причине близости его. Дед такой, в родстве с которым нет посредствующего женского звена, напр. отец отца, – такой дед принимается, по смерти отца, в значении отца относительно данного случая. Если отец женится на служанке сына, то брак считается правильными и она, когда родит дитя, уже не считается умм-валяди. В этом случае отец должен отдать мехр служанке, но не обязан платить выкупа за неё сыну. Дитя, происшедшее от этого брака, считается свободным, так как между ним и бывшим господином его матери родство очень близкое.

Несовершеннолетний следует лучшей вере родителей⁵⁸⁵, а без известия о них следует селению и маг хуже человека писания. Если родители будут разной религии, напр. один будет мусульманин, а другой не мусульманин, а дитя будет ещё настолько молодое, что не может отличить хорошей веры от плохой, то оно должно быть

стр. 60

воспитано в той вере родителей, которая лучше так, что если отец или мать будет исповедовать ислам, то дитя непременно обязано воспитываться в исламе; если же отец будет маг, т. е. огнепоклонник, а мать – женщина писания, т. е. христианка или иудейка, или наоборот отец будет христианин или иудей, а мать огнепоклонница, то дитя должно быть христианином или иудеем, потому что христианин или иудей гораздо выше мага. В этом случае, когда неизвестны будут родители малолетнего дитяти, которое будет найдено где-нибудь, дитя следует той вере, какая исповедуется жителями того селения или той провинции, где он найден; напр. если он найден в провинции населённой мусульманами, то он должен быть мусульманином; если же найден в провинции населённой неверными, то – неверным.

Если обратятся в ислам вступившие в брак без свидетелей, или по обычаю неверных, то уверенные в этом признаются в нём, но расторгаются запрещённые, – и в ислам муж огнепоклонницы, или жена неверного, то предлагается ислам другому, и если обратится в ислам, то она ему, а если нет, то расторгается. Если обращаются в ислам муж и жена, вступившие в брак без свидетелей или по обычаю, какой существует у неверных, и если они уверены, что брак их правилен с точки зрения их бывшей религии, то брак их остаётся во всей силе. Впрочем, те браки, которые считаются запрещёнными по учению ислама, расторгаются в этом случае. Если обращается в ислам муж огнепоклонницы или жена человека писания, т. е. христианина или иудея, то предлагается в присутствии казья ислам другому супругу, оставшемуся в неверии. Если он примет ислам, то брак их утверждается, если же нет, то расторгается.

Это бывает разводом, если сопротивляется; и нет мехра, если она воспротивилась, исключая той, с которой имел сожитие. Если муж отказался принять ислам, то бывает полный развод; если жена отказалась принять ислам, то муж не обязан платить ей мехра. Однако, если он имел сожитие с ней, то должен заплатить мехр.

И в доме своём разделяются по прошествии трёх менструаций со времени ислама последнего; и разлучаются посредством деревень, но не плена. Если муж

стр. 61

огнепоклонницы или жена неверного, обратившись в ислам, будут жить в одном доме со своими супругами, то они должны быть разведены по прошествии времени трёх периодов менструаций, начиная со времени обращения в ислам мужа огнепоклонницы или жены неверного. В этом случае, когда менструация не показывается по каким-нибудь причинам, они разводятся по прошествии трёх месяцев. После развода в этих случаях муж и жена должны поселиться в разных селениях: неверный супруг – в селении неверных, мусульманин – в селении мусульман. Если муж и жена вместе попадутся в плен в мусульманское селение, то они не разводятся.

И вероотступничество которого-нибудь из них нарушают тотчас, потом той, с которой имел сожитие, весь мехр её, а без этого половина его, если он отступил от веры, и ничего, если она отступила от веры. Если муж или жена оставляет ислам и переходит в другую веру, то брак прекращается в тот же самый момент. Если вероотступничество случилось после сожития, то жена получает весь мехр, определённый в контракте или мехр-мисль, кто бы ни был вероотступником, муж или жена, потому что мехр есть плата за сожитие. Но жена получает половину мехра, если вероотступничество случилось до сожития и отступила от ислама не она, а муж; если же она отступила, то в этом случае не получает ничего.

Брак остаётся, если отступят вместе и обратятся в ислам вместе: но расторгается, если один из них обратится в ислам прежде другого. Брак остаётся во всей силе, если муж и жена в одно время сделаются вероотступниками и в одно время снова обратятся в ислам. Но брак расторгается, если муж и жена, сделавшись вероотступниками в одно время, обратятся в ислам в разное.

Всякая жена в доме равна, кроме служанки⁵⁸⁶, а для неё половина свободной, но не отправка в путь; справедлив отказ от отправки и возвращение. Все жёны, будут ли девицы или вдовы, мусульманки или женщины писания, – все равны относительно пищи, одежды и ночей. Равенство относительно ночей мужу соблюдать необходимо,

стр. 62

хотя бы он сам или жена была больна. В предании от лица Айши рассказывается: «По священному преданию, посланник Божий – да помилует и благословит его Бог! – во время своей болезни, призвавши Айшу, – да будет ею доволен Бог! – послал её за своими жёнами; те в священном присутствии его собрались все; посланник Божий – да помилует и благословит его Бог – сказал им: «у меня нет силы ходить к вам поочередно, – дайте позволение мне пребывать с Айшею. Пречистые жены его дали ему это позволение». Если бы болезнь освобождала от обязанности соблюдать между женами

равенство в ночах, то посланник Божий не стал бы просить себе этого позволения. В «Шарх-кяфийе» говорится: «если какой-нибудь муж, имея двух жён, провёл месяц с одной из них, не возбуждая ропота другой, но наконец другая жена стала роптать; в таком случае ночи распределяются между женами по соглашению, но прошедший месяц не возвращается; однако муж виновен в несоблюдении равенства. Если же дело дойдёт до казья, и тот сделает внушение мужу, а муж будет по-прежнему нарушать равенство, то казый упрекает его ещё более». Впрочем, в «Мухбате» сказано, что относительно супружеского сожития равенство соблюдать не обязательно. Это относительно жён свободных. Относительно служанки же соблюдать равенство не обязательно, так что на долю её должна доставаться только половина свободной. Что касается отправки в путь, то муж может взять с собой любую жену, не соблюдая равенства; но бросить жребий между жёнами лучше. Жребий даётся женам следующим образом: нужно нарезать несколько лоскутков бумаги; на одном из них написать «путь», на других написать «пребывание», потом эти бумажки замять в грязь или тесто и отдать какому-нибудь дитяти предложить их жёнам для выбора. Та, которой достанется бумажка с надписью «путь», и должна отправляться. Однако она может отказаться от отправки и передать это право другой жене. Но раскаявшись в этом, может снова возвратить его себе.

Глава о молочном родстве (Китабу-р-Ризаг)⁵⁸⁷

Утверждается посредством сосания в продолжение двух с половиною лет материнство кормящей и отцовского мужа молоко её от него для сосущего, и

стр. 63

делаются для него запрещённым вместе с родственниками их, как кровные родственники и ветви его и сосущий для них⁵⁸⁸. Кормление грудью делает матерью женщину кормящую по отношению к тому ребенку, которого она кормит, и делает отцом того мужа, от которого кормилица получила молоко, так что если кормилица получила молоко от одного мужа, потом вышла за другого и стала кормить грудью дитя, то это дитя будет сыном по молочному родству первому мужу, а второму мужу будет пасынком и поэтому может вступить в брак с его детьми от другой жены. Кормление грудью устанавливает родство, которое служит препятствием к браку, так, что сосавшему нельзя жениться на кормилице; её муж, от которого она получила молоко, на ближайших родственниках их и на нисходящей линии их. Точно также и супруг сосавшего не может вступить в брак с кормилицей или с её мужем.

Позволяется сестра своему брату по молочному родству подобно, как и в кровном родстве. Брат и сестра по молочному родству могут вступить в брак с братом и сестрой по кровному родству, как в кровном родстве брат и сестра по отцу могут вступить в брак с братом и сестрой по матери.

А клистир и молоко мужчины, не примешанное к пище, не делает запрещённым, а к другому, то принимается в расчёте количество его; и делает запрещённым введение его в нос и молоко девицы и мертвой. Клистир, сделанный из женского молока дитяти, не устанавливает молочного родства. Молоко мужчины, примешанное к пище, также не устанавливает родства; но если оно примешано не к пище, а к чему-нибудь другому, напр. к воде, к лекарству, то принимается в расчёт количество его так, что если молока будет больше, нежели веществ примешанных, то устанавливает, если же будет

наоборот, то не устанавливает. Введение молока в нос, а также молоко девицы и мертвой женщины устанавливает родство.

Если покормить грудью свою подругу, то обе бывают запрещены по молочному родству, и нет мехра для старшей, если не было супружеского сожития, а сосавшей

стр. 64

половина его, и отнимается у кормившей, если имела намерение повредить. Если одна жена покормит грудью другую, то обе делаются запрещёнными для сожития с мужем, потому что кормившая будет матерью сосавшей, следовательно, первая по отношению к мужу будет матерью его жены, а последняя дочерью его жены или даже его дочерью по молочному родству, если молоко кормившей было от него. Таким образом, обе жены становятся запрещёнными мужу. Кормившая жена должна быть разведена. Ей не выдаётся нисколько мехра, если с ней не было сожития; после этого позволяется снова вступить в брак с женой, которая сосала. В «Махите» же сказано: «если с кормившей женой было сношение, то ей следует полный мехр и мужу не позволяется вступать в брак с той, которая сосала грудь». Что касается сосавшей жены, то ей следует половина мехра, если будет разведена и она. В этом случае, если жена кормила другую жену с вредным намерением, т. е. если она знала, что та жена её мужа и что через это она делает разрыв брака, а несмотря на это кормила, – то у ней отнимается и та половина мехра, которую дал ей муж.

Глава о разводе (Китабу-т-Талак)⁵⁸⁹

Совершается только совершеннолетним, хотя бы был пьян, или рабом, но не господином его и сонным. Развод может дать только совершеннолетний и в здравом уме; сумасшедший же, дитя и человек, находящийся в бессознательном состоянии, развода дать не может. Впрочем, развод может быть дан человеком пьяным, если только можно разобрать его слова; если же нельзя, то развода не бывает. Так сказано в «Загиде». Раб также может дать развод своей жене, но господин не может дать развода жене своего раба. Впрочем, и он может дать развод, если только в брачном контракте оставит за собой это право, т. е. в брачном контракте он поместит следующие слова «я женю такого-то, развод предоставляю себе, в какое бы время я не пожелал, я могу сделать развод», а раб напишет: «я согласен». Не может дать развода ещё человек спящий.

стр. 65

Превосходнейший из них только один развод в чистоте, нет супружеского сожития в нём. Самый лучший развод только один, именно тот, который даётся жене в то время, когда она чиста от менструаций и истечения крови после родов, притом жене, с которой муж не имел супружеского сожития в этот период чистоты.

Хороший из них и сообразный с сунною развод для жены, с которой не имел сношения, хотя бы⁵⁹⁰ во время менструации; а для той, с которой имел сношение, троекратный развод в чистоте, нет сношения с ней, для той, которая имеет менструацию и месяцы для несовершеннолетней, для той, у которой прекратилась менструация, для беременной, хотя бы после сношения. Хороший и сообразный с сунною развод состоит в том, чтобы дать один развод жене, с которой муж не имел сношения, хотя бы это было во время менструации. Что же касается жены, с которой было супружеское сожитие, то для совершения хорошего развода нужно сказать ей развод трижды в три периода чистоты от менструаций. Притом муж не должен иметь с ней сожития в это время. Это относительно жены, у

которой бывает менструация. Для той же жены, у которой прекратилась менструация, для несовершеннолетней и беременной нужно произнести три развода в продолжение трех месяцев, хотя бы раньше развода муж имел супружеское сожитие с ними.

А еретический из них один в чистоте и имеет сожитие с ней, или во время менструации той, с которой имел сожитие; а что сверх, то развод без возвращения – в чистоте. Развод еретический и запрещённый состоит в произнесении одного развода во время чистоты от менструации, – чистоты, в которую муж уже имел сожитие с женою разводимою; или произнесение развода жене, с которой он имел сожитие, во время её менструации. Если муж дважды или трижды произнесёт развод в продолжение одного периода чистоты, то это будет также еретический развод, но супружество между разведёнными не восстанавливается.

И возвращается, если развод во время менструации, а когда она очистится, он разводит её, если пожелает. Если развод дан во время менструации жены, то

стр. 66

необходимо её возвратить назад. Впрочем, некоторые учёные говорят, что это только похвально. Однако, когда жена очистится, муж может снова развести её, если пожелает этого.

А разводов для свободной три⁵⁹¹, а для служанки два, хотя бы супруги их были противоположны им. Свободной жене развод нужно дать трижды, а рабе – дважды, хотя бы муж у свободной был раб, а у рабы – свободный человек.

А выражение то, что употребляется только в нём, кроме другого, напр. «ты разводишься», «ты разведена», «я тебя развёл», и при этом обыкновенно совершается раджги⁵⁹². Для выражения развода употребляются слова специально для этого назначенные, которые нигде больше не употребляются, напр. «ты разводишься», «ты разведена», «я тебя развёл». По произнесении этих слов совершается раджги, было ли намерение взять назад своё слово или дать полный развод.

Если будет упомянуто имя действия, то три, если имеет в намерении, если же нет, то раджги. Если муж

выразит развод именем действия, напр. скажет жене: «ты развод», а при этом имеет в намерении три развода, то исполняется три; если же нет, то происходит раджги.

Справедливо отношение развода ко всей ей и к тому, что не может быть отнято от целого, напр. голове твоей, или шее твоей, или душе твоей, или лицу твоему, или срамному проходу твоему «проклянет Бог проходы на седле», или ко всему члену, или к половине его; но не к руке, не к ноге, не к животу и не к спине. Правильно относить развод ко всей жене, напр. «развод всей тебе», «развод всей тебе совершенно», «развод целой тебе»; правильно также относить его и к тому члену, который не может быть отделён от целого организма, напр. «развод голове твоей, или шее твоей, или душе твоей, или лицу твоему, или срамному проходу твоему». Последнее подтверждается преданием, где употреблён срамный проход вместо целой женщины. Это предание читается: «проклянет Бог проходы на седле». Развод может

стр. 67

быть отнесён к целому члену или части его, напр. «развод половине или третьей части» известного члена, потому что жена и члены её относительно развода неделимы. Но развод не может быть отнесён к руке, ноге, животу и спине.

И часть развода – развод, а два в двух – два и справедливо намерение⁵⁹³ вместе; начало предела входит, но не конец его; а что касается «между», то как «из». Если муж скажет жене: «половина, или третья, или четвертая часть развода тебе»: то исполняется один развод; если он скажет: «тебе в двух разводах два развода», то исполняется столько разводов, сколько он имеет в намерении. Он может иметь в намерении эти разводы вместе, т. е. два развода с двумя разводами. При этом исполняется три развода. Начало развода входит, но конец его нет, т. е. если скажет: «ты разведена начиная от одного до двух», то исполняется один развод. Частица «между» принимается в значении частицы «из», напр. «ты разведена между одним и двумя», то исполняется только один развод.

А «ты развод в Мекке» тотчас же исполняется. И соединяется со вхождением в Мекку и исполняется на заре; в

(выражении): «ты разведена на утро или в завтрашний день», то правильно намерение – только для второго; и исполняется тотчас же в (выражении): «ты разведена вчера»; а если женился после этого, то это пустое слово. Если муж скажет жене: «ты талак, т. е. разведена, в Мекке», то развод исполняется тотчас же, когда бы ни было это сказано. Если он скажет: «ты разведена, когда войдёшь в Мекку», то развод исполняется только тогда, когда она войдёт в Мекку, и именно на заре того дня, когда она войдёт. Если муж скажет: «ты разведена на утро или в завтрашний день», то полдень можно иметь в намерении только по отношению к завтрашнему дню. Если муж скажет «ты разведена вчера», то развод исполняется тотчас же. Если же он женился сегодня лишь, то этот развод пустое слово.

И исполняется при конце жизни в (выражении): «ты разведена, хотя бы я не разводил тебя»; и тотчас в (выражении): «когда бы (мата лям) не разводил», и потом замолчит; а в (выражении): «когда» (идза), то что имеет в намерении; а

стр. 68

если не имеет намерения, то происходит по Абу-Ханифе, – помилует его Бог! – Если муж скажет жене: «ты разведена, хотя бы я не совершал развода», то развод исполняется при конце жизни мужа или жены за час до смерти. А если муж скажет: «когда бы ни (мага лям) разводил я тебя» и потом замолчит, то развод исполняется тотчас же. Если же муж скажет: «ты разведена, когда (идза) я развёл тебя», то нужно знать, в каком смысле он употребил частицу «когда» (идза); если он употребил её в значении «хотя бы», то развод исполняется при конце жизни; если же в значении «когда» (идза), то развод совершается тотчас же, по мнению Абу-Ханифы.

А день принимается за день определённый, когда происходит работа, напр. «дело твоё в руках твоих в день, когда возвратится Зеид» за время назначенное для развода, то он не прекращается с дневной работой, напр. «ты разведена в день, когда возвратится Зеид». Если в словах

развода упоминается день и полагается временем развода, то нужно знать в каком смысле употребляется слово день. Он может означать срок времени, в которое производится работа, напр. муж скажет жене: «ты разведена в день, когда возвратится Зеид», а Зеид возвратится ночью, то слова мужа ничего не значат. Но слово день ещё может быть употреблено для обозначения вообще времени назначенного для развода, напр., если в вышеприведённом примере муж разумел под днем вообще время развода, то развод исполняется, когда бы ни возвратился Зеид.

А жене, с которой не имел сожития в (выражении): «ты разведена трижды», то происходит, а при соединении происходит развод посредством первого. Если муж скажет жене: «ты разведена трижды», то происходит три развода; если он скажет: «ты разведена, ещё разведена и ещё разведена», то значение имеет только первое «ты разведена» и развод происходит только один.

Подобным образом и тогда, когда ставишь условие и условие предшествует; и исполняются все, если последует; а в (выражении): «ты разведена один раз прежде одного или после его», то один; а если жене, с которой имел сожитие⁵⁹⁴, то два; а в

стр. 69

(выражении): «раньше этого и после» или «с ним», или «вместе», то два. Подобным же образом, если муж соединит развод с каким-нибудь условием и условие поставит наперед, а потом три раза повторит «разведена», то развод совершается только первым «разведена», напр. муж скажет: «если ты войдёшь в дом, то разведена, разведена, разведена», – развод бывает один посредством первого «разведена». Но происходит три развода, если муж поставит условие позади, напр., если скажет: «ты разведена, разведена, разведена, если войдёшь в дом». Если муж скажет жене, с которой не имел сношения: «ты разведена одним разводом прежде одного» или: «ты разведена одним разводом после одного», то происходит только один развод. Если последние две формы развода муж употребит по отношению к жене, с которой имел сожитие, то происходит два

развода. Если муж скажет жене: «ты разведена одним разводом раньше этого, или после этого, или с этим, или вместе с одним разводом», – во всех этих случаях происходит два развода.

Если даётся знак посредством лица пальцев, то принимается во внимание счет выпрямленных; если же наружностью пальцев, то согнутые. Если муж хочет означить число разводов посредством пальцев, то нужно различать, как он обратит свою руку: если обратит её ладонью к жене, то число согнутых пальцев будет означать количество разводов; если же обратит руку наружностью к жене, то количество разводов будет означать счёт пальцев выпрямленных.

Если охарактеризуешь развод посредством силы, или длины, или ширины, или уподобишь его тому, чему свойственно это, то три, если имеешь в намерении, если же нет, то один развод. Если муж присоединит к разводу эпитет, означающий понятие силы или длины, напр. если муж скажет: «крепкий развод, или длинный развод, или широкий развод», или уподобит развод предметам, которым приписываются упомянутые свойства, напр. «даю тебе развод с гору, или в величину дома, или в длину тени шеста, или величиною с лицо земли», – то во всех этих случаях происходит три развода, если муж имел в намерении три развода; если же нет, то один развод.

стр. 70

А несобственные слова его сходны для него и для другого, напр. уйди, убирайся, встань, обуславливаются значением. Слова развода, не специально назначенные для него, суть те, которые употребляются при разводе и при других случаях, напр. уйди, убирайся, встань; этим словам придаётся значение, смотря по обстоятельствам, напр. «убирайся», будучи ответом на вопрос жены о разводе может значить: «убирайся от меня» или «убирайся с вопросом о разводе».

И если кто скажет: разделена, испорчена, разъединена, отделена, запрещена, то значит по смыслу; или если скажет: считай, очисти утробу твою, ты одна, ты свободна, делай свободный выбор, дело твоё в руках твоих, тебя делаю пустою, я отделяю тебя, и сомневаются в обоих, а в

благорасположении всё основывается на намерении; а во гневе первый; а когда упомянет развод, то первая только; а если он имеет в намерении три, то происходит, а если нет, то баин; и в (выражении): считай, очисти утробу твою и ты одна. Если муж скажет жене: «ты разделена, или испорчена, или разъединена, или отделена, или запрещена»; то нужно определять их значение по смыслу. Так они могут значить: ты разделена с благочестием, испорчена в нравственности, разъединена с верой и отделена от неё. Но они будут означать развод, если служат ответом на вопрос жены о разводе. Если скажет муж жене: считай, очисти утробу твою, ты одна, ты свободна, делай свободный выбор, дело твоё в руках твоих, тебя делаю пустою, я отделяю; то эти слова развода считаются сомнительными, потому что могут содержать развод, брань и многое другое, напр. слово «считай» может значить: «считай гыддат», а в другом случае: «считай благодеяния Божии». Потому когда эти слова сказаны мужем в весёлом расположении духа, им придаётся тот смысл, какой подразумевал муж; когда же он произносит их в гневе, то две только первые формы, т. е. «считай» и «очисти утробу твою», зависят от намерения говорящего, потому что первая может указывать на отказ в разводе, а вторая – на брань. Если же муж упомянет о разводе при этих словах, то первая только форма, т. е. «считай» будет зависеть от намерения, потому что все остальные формы в этом случае будут указывать уже прямо на развод. Когда

стр. 71

муж, произнося все эти формы развода с присоединением слова «развод», подразумевает три развода, исполняются три развода; когда же не подразумевает при этом трёх разводов, исполняется баин⁵⁹⁵. Если муж произносит слова: «считай, очисти утробу твою и ты одна», и при этом имеет в виду развод, то исполняется один развод – раджги.

И совершается через утверждение себе отделения и запрещения, но не развода. Развод исполняется, когда муж сам себя отделит от жены или запретит, напр. когда муж скажет жене: «я от тебя отделён», или «я для тебя запрещён»; но

развода не бывает, когда муж сам себя разведёт от жены, напр. скажет жене: «я от тебя разведён».

Предоставление⁵⁹⁶ развода её ей. Дальше речь будет о предоставлении мужем жене права развода посредством некоторых слов, напр. в роде следующих: «делай себе развод» или «развод в воле твоей».

И знание её соединяется с мяджлисом, разве только скажет: всё что ни пожелаешь» и «когда хочешь»; с различием: «если хочешь». Жена может воспользоваться предоставленным ей правом развода, не переменяя своего мяджлиса, т. е. положения. Впрочем, когда муж, предоставляя жене право развода, присоединит: «все что ни пожелаешь» или «когда хочешь», в этом случае жена может развестись и переменяв мяджлис. Однако если, предоставляя жене право развода, муж присоединит: «если хочешь», то жена теряет право развода с переменной мяджлиса.

И не возвращается от него; а для другой кроме её не соединяется и возвращается. Когда муж предоставил жене право развода, он уже не может отказаться от своего слова, потому что это предоставление права развода равнозначуще клятве. Если, по просьбе мужа, какой-нибудь другой посторонний мужчина предоставит от лица его жене его право развода, то это право не ограничивается мяджлисом жены и муж может отнять у неё это право когда ему угодно, потому что он просил постороннего человека предоставить его жене право
стр. 72

развода для своей пользы; а если бы он не мог отнять этого права у жены, то ему была бы не польза, а вред.

А мяджлис подлинно то, что изменяется вставанием, или переходением, или вступлением в слово и дело; ноне соединяется с тем, что прошло: а лодка её, как дом её, а путь животного её, как её путь. Мяджлис изменяется, если жена встанет, или пойдёт, или начнёт говорить или делать что-нибудь. Впрочем, если жена прочитает стих Корана, или съест немного чего-нибудь, или наденет платье, также если жена пойдёт посоветоваться с отцом о разводе, или пригласит свидетелей, во всех этих случаях мяджлис не изменяется.

Притом разговор и дело уже оконченные также не нарушают мяджлиса. Если жена во время предоставления ей мужем права развода сидит в лодке, то движением лодки мяджлис её не изменяется, потому что это движение не зависит от её воли. Если жена во время предоставления права сидит верхом, то движением животного изменяется её мяджлис, потому что она может остановить животное.

И в (выражении): «будь свободна» с намерением предоставления; а она скажет: «я освобождаюсь», то не исполняется, как только баин; а условие – упоминание одного из самих себя, или слово его: «освободись освобождением», а она скажет: «я освобождаюсь». Когда муж скажет жене с намерением предоставить ей право развода: «будь свободна», а жена ответит: «я освобождаюсь», то исполняется баин. Условием правильности предоставления права развода служит упоминание мужа или жены о самих себе, напр. муж скажет жене: «делай саму себя свободной» или жена скажет: «я сделала саму себя свободною». Предоставление права развода может быть совершено и по следующей форме: муж скажет жене: «ты вправе освободить себя», а жена ответит: «я сделала себя свободною».

А если повторит его трижды, а она освобождается одним из них, то три; а если она скажет: «я развожу себя», или «освобождаю себя одним разводом», то баин. Если муж повторит предоставление права развода трижды без соединительного союза, а жена освободится одним из них, то исполняется три развода; а если она скажет в ответе: «я развожу себя» или «освобождаю себя одним разводом», то исполняется баин.

стр. 73

А если он скажет: «дело твоё в твоих руках» с намерением предоставления, а она разведёт саму себя, то баин; а если он имеет в намерении три, то исполняются. Если муж, с намерением предоставит жене право развода, скажет ей: «дело твоё в твоих руках»; а жена ответит: «я развожу саму себя», то происходит баин. Если же муж

подразумевал при этом три развода, то три развода исполняются.

А в (выражении): «дело твоё в руках твоих в отношении развода», или: «освобождайся разводом», а она: «освобождаюсь», то раджги. Если муж скажет жене: «дело твоё в руках твоих относительно развода», или скажет: «будь свободна на совершение одного развода», а жена ответит: «делаю саму себя свободною», то исполняется раджги.

А «дело твоё в руках твоих на нынешний день и завтра» ночь⁵⁹⁷ заключается, а если она возвратит днём, то не бывает властна после него. Если муж скажет жене: «дело твоё в руках твоих на нынешний день и завтра», то подразумевается и ночь, находящаяся между этими двумя днями, так что жена может развестись в эту ночь. Если же жена откажется от права развода на нынешний день, то она не может развестись и после нынешнего дня.

А если он скажешь: «сегодня и после завтра», то два значения различаются. Если муж скажет жене: «свобода в твоих руках сегодня и после завтра», то эта форма отличается от предыдущей тем, что если жена не откажется сегодня, то не будет иметь права развода ночью; если же откажется сегодня, то право остаётся за ней и после завтра.

А в (выражении): «разведи саму себя», если имеешь в намерении три, исполняется, а если нет, то развод раджги. Если муж скажет жене: «разведи саму себя», подразумевая при этом три развода, а жена разведёт себя, то исполняется три развода. Если же при этом муж подразумевает не три развода, а два, или один, или вовсе ничего не подразумевает, в таком случае происходит развод раджги.

А в (выражении): «разведи саму себя трижды», а она разведётся, то один исполняется, нет наоборот. Если муж скажет жене: «разведи саму себя трижды», а жена сделает один развод, то исполняется один развод, но не наоборот, так что, по
стр. 74

мнению имама Абу-Ханифы, если муж предоставит жене право на один развод, а она разведётся тремя разводами, то ни

одного не бывает. Впрочем, Абу-Юсуф и Мухаммед полагают, что в этом случае происходит один развод.

Если приказывается баин или раджги, а она делает противное, то исполняется, что приказывается им. Если муж предоставляет жене право на баин, она разводит себя раджги; если наоборот, то исполняется тот развод, какой предоставил муж.

А условие при (выражении): «ты разведена, если хочешь», желаемое безусловно, или соединено с тем, что существование уже известно, но не с тем, что известно после, напр. она скажет: «хочу, если ты хочешь», а он скажет: «хочу». Если скажет жене: «ты разведена, если хочешь», то условием развода служит то, чтобы жена не поставляла своего желания в зависимость ни к какому предмету; или чтобы она поставила его в зависимости от такого предмета, который сам по себе не допускает никакого сомнения, напр. если она скажет: «я хочу, если небо выше земли». Но желание жены не должно быть поставляемо в зависимости от того, что делается известным уже после её ответа, напр. если она скажет мужу: «хочу, если ты хочешь», а муж ответит: «хочу», в этом случае не происходит никакого развода.

А в (выражении): «всегда когда хочешь», то разводится трижды раздельно, но не после тахлиля⁵⁹⁸. Если муж скажет жене: «делай себе развод во всякое время, когда хочешь», то жена имеет право сделать три развода, разделив их друг от друга. Но после тахлиля жена не может сделать развода.

А в (выражении): «как хочешь» исполняется баин или три, если она имеет намерение и если различается намерение её от его, а если нет, то раджги. Если муж скажет жене: «ты разведена каким угодно разводом», а жена разведётся, то
стр. 75

происходит баин или три развода смотря по тому, что имеет в намерении жена и если притом её намерение не отличается от намерения мужа; в противном случае бывает раджги.

А в (выражении), «что хочешь из трёх», то что в этом. Если муж скажет жене: «разведись каким угодно количеством разводов из трёх», то жена может сделать количество разводов

только меньше трёх, потому по-арабски частица «из» (мин) употребляется для выражения разделения.

Условие правильного таглика⁵⁹⁹ составляет владение или прибавление к нему. Таглик правилен только тогда, когда во время его женщина находится во власти мужа; в противном случае таглик бывает неправилен, напр. если кто-нибудь скажет посторонней женщине: «если ты войдешь в дом, то разведена», а потом по выходе за него за-муж, если она войдёт в дом, развода не бывает, потому что во время таглика она не состояла с ним в браке. Впрочем, если присоединить таглик ко владению, то он будет правилен.

А слова его: «если» (ин), хотя бы (иза), когда (идза), когда бы ни (идза ма), когда (мата), когда бы ни (мата ма), всякий раз (кюлля) и всякий раз когда (кюлля ма), т. е. условие соединяется с разводом посредством этих частиц.

И прекращение владения не делает тщетным его. Если прекратится власть мужа, то таглик не уничтожается; но если при таглике находится условие, то оно уничтожает таглик, напр. муж скажет жене: «если ты войдёшь в дом, то получишь развод»; но прежде, нежели она войдёт в дом, он разведётся с ней и потом снова женится на ней и если после этого жена войдёт в дом, то она должна быть разведена, потому что таглик без прибавления условия не уничтожается.

В (выражении) без (прибавления): «всякий раз как (кюлля ма), если существует условие⁶⁰⁰ однажды при владении, то разрешается к выгоде, а при без владения не к пользе. Когда условие высказано без частицы «всякий раз как», высказано одно условие и говорящий имел власть над женщиной, то таглик оканчивается к выгоде

стр. 76

говорящего и после этого он уничтожается. Но если говорящий не имел власти над женщиной, то таглик оканчивается не в его пользу.

И в (выражении): «всякий раз как» (кюлля ма) разрешается после трёх и не происходит, если он женится на ней после второго супруга. Если таглик высказан посредством частицы «всякий раз как», то он уничтожается после трёх разводов, так

что если муж снова женится на своей жене после тахлилия, то развода уже не бывает. *Разве только она уже вступила в супружество*, т. е. развод состоится в том случае, когда муж женится на жене после того, как она уже была за другим мужем. Например, если кто-нибудь скажет жене: «всякий раз как» (кюлля ма) я вступлю в супружество с тобою, ты разведена, то развод происходит, после которого бы тахлилия муж ни вступал в брак со своею женою.

А если возникает спор в существовании условия, то слово за ним, разве только при доказательстве её. Если между мужем и женой при таглике возникнет спор: жена скажет, что условие существовало, потому должен быть развод; а муж скажет, что условия не существовало, а потому развода не должно быть; в этом случае отдаётся предпочтение словам мужа. Однако когда жена докажет посредством свидетелей истину своих слов, то отдаётся предпочтение ей.

А при условии не извещается как только от неё, напр., если ты будешь иметь менструацию, то разведена ты и такая-то, то удостоверяется только относительно её, и решается после трёх дней с разводом в первый из них. Когда жена получила известие о таглике от другой жены, а не от мужа, напр., когда муж скажет жене: «если у тебя появится менструация, то разведена ты и ещё другая такая то», то делается удостоверение только относительно первой жены, относительно же второй не делается. После удостоверения спустя три дня определяется развод в первый из трех дней.

А в (выражении): «если получишь менструацию», и исполняется, когда она очистится. Если муж скажет жене: «если у тебя появится менструация, ты
стр. 77

разведена»; в этом случае развод происходит в то время, когда жена очистится после менструации.

А в (выражении): «если постишься день», то когда закатится солнце, с различием: «если будет пост». Когда муж скажет жене: «если ты пропостишься один день, ты разведена», и если жена потом будет поститься, то развод исполняется по закате солнца, потому что по шариату день начинается с

восходом солнца и кончается с закатом. Впрочем, если муж скажет: «когда будет пост, ты разведена», то развод совершается в первый час поста.

А если соединяется развод с рождением дитяти мужского пола и два развода с рождением дитяти женского пола, а она родит обоих и не знает первого, то она разводится однажды по решению и другой для очищения её, а гыддат считается со второго. Если муж обусловит один развод жены рождением от неё мальчика и два развода рождением от неё девочки и если жена родит мальчика и девочку, но не знает, который родился прежде; в этом случае она разводится по решению казья однажды, а если дважды, то только для успокоения её. Однако гыддат в этом случае считается со времени рождения другого дитяти.

А если соединяется с двумя вещами, то исполняется, если находится во владении вторая. Если муж обусловит развод двумя предметами, напр., муж скажет жене: «если ты поговоришь с Зеидом и Омаром, ты разведена», то развод исполняется, когда жена выполнит условие относительно второго предмета, т. е. когда она поговорит с Омаром, хотя бы с Зеидом она и не говорила.

А отсутствие делает тщетным таглик. Отсутствие трех разводов уничтожает три развода по таглику.

А если соединит, а потом исполнит три, потом она возвратится к нему после тахлия, потом существует условие⁶⁰¹, то исполняется. Если муж обусловит три развода чем-нибудь, а сам разведётся с женой помимо этих условий и потом вступит снова с ней в брак после тахлия, и если жена исполнить это условие в этом новом браке, то развода не бывает.

стр. 78

Если соединит со словом своим «если желает Бог», то бывает тщетным. Если кто-нибудь присоединит к своим словам фразу: «если желает Бог», то сила этих слов уничтожается; напр. когда муж скажет жене: «ты разведена, если хочет Бог»; или господин скажет рабу: «ты свободен, если хочет Бог», то ни жена не разводится, ни раб не освобождается.

Тот, чья мысль преследуется смертью, напр. больной, не могущий встать надлежащим образом и выйти из дому, и кто вышел на сражение, и кто обвинён зачинщиком в убийстве, грабеже или побит камнями, болен болезнью смертною и если супругу свою разведёт без её согласия и умрёт хотя бы и не от этой причины, а она в гыддате, то наследует. Человек больной, который не в состоянии исполнять работу и выходить из дому, также человек, который вышел на сражение или обвинён в качестве зачинщика в убийстве, грабеже или приговорён к побиению камнями за прелюбодеяние, – все эти люди рассматриваются как смертельно больные, если они опасаются смерти. Если находящийся в одном из этих состояний, разведя свою супругу без её согласия, муж умрёт и не от той причины, которой опасался, а жена не успеет ещё окончить свой гыддат, то она должна получить законную долю наследства.

А кто находится в рядах сражения, или в горячке, или заключён в темницу за убийство, – здоров. Мужчина, находящийся в рядах сражения, страдающий горячкой, заключённый в темницу за убийство, рассматривается как здоровый человек, если он не помышляет о смерти, так что если он разведёт свою жену и потом умрёт, то жена не получает наследства, оставшегося после него.

Если он удостоверяет в болезни своей о разводе её, или разведёт её по её воле, а потом откажет ей два долга, или завещает ей, то ей меньшая из него и из наследства. Если муж во время своей болезни будет уверять, что гыддат жены прошёл, а жена будет согласна с ним или, если муж разведёт жену по её воле, а умирая оставит ей мехр или другой какой-нибудь долг или сделает завещание на известное количество имущества, то жена после его смерти получает самый меньший долг или самую меньшую часть имущества.

стр. 79

А если соединит развод её с условием, а оно находится в болезни его, то она наследует, если соединено с действиями его, или с действиями её, но не властна над ним или кроме этою и он уже соединит в болезни. Если муж соединит развод

с каким-нибудь условием, которое находится в его смертной болезни, то жена получит наследство, если это условие соединено с действиями его или с действиями её, но с такими действиями, над которыми жена не имеет власти, напр. прекратить дыхание в нормальном состоянии, или оставить молитву или пост фарз. Жена также получит наследство, если муж соединит развод с условием каких-нибудь действий постороннего человека; только требуется, чтобы это условие заключалось в его болезни и самое выражение его он совершил во время болезни.

Справедливо возвращение в гыддате, если и воспротивится она, когда не будет баина полного или не полного, напр. посредством: «я возвращаю тебя», и посредством сожития с нею, и объятий⁶⁰² со страстью, и смотрения на срамные части её. Муж имеет право снова вернуть к себе разведённую жену, находящуюся в гыддате, хотя бы жена и не соглашалась. Вернуть её может муж в гыддате всякого развода, если только не было баина полного и неполного, т. е. состоящего из трёх разводов или меньше. Возвращение может быть совершено посредством слов: «я возвращаю тебе, т. е. развод, или «я возвращаю жене моей», всё равно присутствует ли при этом жена или нет. Муж может вернуть к себе жену, находящуюся в гыддате, совершив с нею брачное сожитие или обнявши её со страстным пожеланием, или посмотрев со страстным пожеланием на срамные части жены.

И принимаются свидетели его для возвращения. И извещает её и чтобы не входили к ней до тех пор, пока не известит её, если не решил вернуть её. Достоин похвалы, если муж пригласит двух благонадёжных свидетелей при возобновлении супружества; достоин похвалы также извещать жену о том, что он возвратил её. Если муж не решился ещё вернуть жену, то он не должен входить к ней врасплох, а должен предупредить о своём приходе, напр. шлепаньем башмаков, кашлем, восклицанием и т. п.

стр. 80

А находящаяся в гыддате раджги украшается и ему сожитие с нею, и не путешествует с нею, до тех пор, пока не засвидетельствует возвращение её. Жена, находящаяся в гыддате раджги и надеющаяся на возвращение, должна украшать себя, натирать лицо, надевать красивое платье и т. п. Мужу позволительно иметь супружеское сожитие с этой женой, потому что возвращение её возможно. Но он не имеет права путешествовать с ней, пока не засвидетельствует о возвращении её.

И удостоверяется в прохождении её, если возможно, и оставляет ею, увеличивает его известие её о возвращении в гыддате. Окончание гыддата подтверждается словами жены, если только возможно окончание его в тот период времени, о котором идет речь. Гыддат же продолжается: для свободной женщины, не имеющей менструации – три месяца; для служанки – половина этого; для свободной женщины, имеющей менструацию, – по мнению имама Агзама – два месяца, для рабы – сорок дней; по мнению же Абу-Юсуфа и Мухаммеда, – для свободной женщины – тридцать девять дней, а для рабы – двадцать один день⁶⁰³. Если муж скажет в гыддате своей жене: «я возвращаю тебя», а жена согласится с правильностью требования мужа, то восстановление брака будет правильно; если же жена скажет, что муж возвращает её в гыддате, то принимается во внимание слово жены и гыддат удлинняется.

И не позволяется свободная после трёх, а раба после двух, до тех пор пока не возымеет с нею супружеского сожития совершеннолетней или старший (мурагик) справедливым браком и пройдёт гыддат развода его или смерти его⁶⁰⁴. Муж не может возобновить брака со свободной женой после трёх разводов, а с рабой после двух, пока она не вступит в законный брак с человеком вполне совершеннолетним и не возымеет с ним брачного сожития и пока не пройдёт гыддат развода или смерти этого второго мужа, словом – он может возобновить супружество только после

стр. 81

тахлия. Если жена по разводе имела незаконное сожитие с кем-нибудь в неправильном браке или по

прелюбодеянию, то это не принимается во внимание и не даёт мужу права возобновить супружество.

Брак с условием тахлиля достоин презрения, но правилен; а если она скажет: я делаю тахлиль, и протяжения времени достаточно, а мысль её занята правильностью его, то допускается брак с нею. Вступать после развода в новое супружество с целью вскоре разорвать его для жены будет мякруг, т. е. достойно презрения, но несмотря на это брак подобный считается правильным. Если жена скажет мужу: «я делаю тахлиль», и при этом времени для тахлиля будет достаточно, то первый муж может возобновить с нею супружество, если только он убеждён в правильности бывшего её брака.

А супруг другой уничтожает то, что меньше трех, по различению Мухаммеда, т. е. если свободная жена, получив два развода, или служанка, получив один развод, выйдут замуж за другого, после сожития с ним разведутся и снова выйдут за первого своего мужа, то уничтожаются бывшие два развода свободной жены и один развод служанки и муж имеет право снова делать три развода свободной жене и два развода рабе. Это постановление сделано на основании слов Мухаммеда, – да помилует его Бог!

Иля – клятва. Она запрещает сожитие с женою. Иля буквально значит клятва; в шаригате же она означает клятву прекратить супружеское сношение с женою. Она запрещает иметь сожительство с женою в известный период времени.

Четыре месяца со свободной и два месяца со служанкой, а если приблизится к ней в продолжении, то делается преступником. Самый меньший срок, на который можно полагать иля, есть четыре месяца для свободной жены и два месяца для служанки, так что иля данная на меньший срок недействительна. Если муж будет иметь сношение с женою в период иля, то он бывает преступником.

И необходимо⁶⁰⁵ очищение при клятве Богом, а без него выгода и прекращается иля, а если нет, то она разводится посредством одного. Если муж поклянётся именем Божиим,

напр. скажет жене: «ей Богу, не буду приближаться к тебе», или «ей

стр. 82

Богу, не буду приближаться к тебе четыре месяца», а между тем приблизится к ней в этот период времени, то он делается преступником и ему необходимо очищение, кяфарат. Если же клятва сказана без имени Божия и условием поставлена выгода жены, то эта выгода необходима, если клятва будет нарушена, напр., если муж скажет жене: «если я буду иметь сожитие с тобою, ты разведена», и если он приблизится к ней, то происходит баин, а иля уничтожается по прошествии четырёх месяцев и во второй раз развода не бывает. Если же срок пройдёт без приближения, то бывает только один баин.

И уничтожается клятва временная, но не вечная; и разводится двумя разводами; если проходит срок второй после брака без сожития, потом другой, как этот, после третьего и продолжается клятва после третьего, но не иля, и если приблизится к ней, то очищается, но не разводится посредством иля. Уничтожается только та клятва, которая относилась ко времени, не продолжалась в вечность, так что при клятве последнего рода муж должен развестись двумя разводами и если проведёт второй гыддет после второго брака и третий гыддет без брачного сожития, не нарушив клятвы и не сделавшись преступником, также сдержит своё слово и после третьего, то клятва и после третьего развода остаётся в силе, если она дана именем Божиим, но иля уничтожается. Таким образом, если муж сделает сношение с женою после тахлиля, то должен совершить кяфарат, так как клятва продолжает существовать; но развода по причине иля не бывает.

А если он будет бессилён от возвращения посредством сожития по болезни одного из них или по другому, то возвращается, если скажет: «я возвращаюсь к тебе», а если силен прежде срока, то возвращение его посредством сожития. Если нельзя мужу вернуть себе жену посредством сожития с нею по причине его или её болезни или по какой-нибудь другой причине; то он может вернуть её посредством слов: «я возвращаюсь к тебе». Если после этого муж будет

иметь возможность к брачному сожитию, то он возвращает жену посредством его; а возвращение посредством слов уничтожается.

А в (выражении): «ты для меня запрещена», если думает о спине⁶⁰⁶ или о трёх,

стр. 83

или ложь, то что думает, а если имеет в намерении запрещенность, то иля, а если имеет в намерении развод или ничего не имеет в намерении при этом, подобно: «во всяком случае для меня запрещена», то баин. Когда муж скажет жене: «ты для меня запрещена», подразумевая при этом спину или три развода или желая обмануть, в этом случае происходит то, что он подразумевает. Если муж при этих словах понимает запрещенность, то происходит иля, потому что делать дозволенное запрещённым составляет для нас клятву по слову всевышнего Бога: «о пророк! не запрещай словом своим того, что Бог уже позволил для веры вашей». Если муж, произнося вышеприведённые слова клятвы, будет подразумевать развод или ничего не будет подразумевать, то происходит баин; также баин происходит, если он скажет жене: «во всяком случае ты для меня запрещена», подразумевая развод или ничего не подразумевая.

Не бывает вреда от хульга для пользы. Хульгом называется уничтожение супружества мужем за известную плату. Он производит развод баин, совершается же посредством клятвы со стороны мужа и предложения известной платы со стороны жены, как говорит Абу-Ханифа; Абу-Юсуф же и Мухаммед говорят, что он совершается посредством клятвы со стороны мужа и жены. Если хульг совершается при разногласии между мужем и женой, когда невозможно примирение между ними, то от хульга не будет вреда.

Посредством того, что справедливо для мехра; а он развод-баин и необходима для неё плата за него и мякруг взятие её, если он пожелает⁶⁰⁷ и большого, если она пожелает. Правильно делать хульг за такое имущество, которое даётся в мехр. Хульг имеет значение развода баин и возвращение его неправильно; жена должна дать мужу

известную плату за него. Впрочем, муж может и подождать платы. Однако мякруг, т. е. достойно презрения, требовать мужу от жены платы, если он сам

стр. 84

пожелает развестись, почувствовав отвращение к ней. Подобным образом мякруг мужу брать с жены плату, превышающую тот мехр, который он дал ей, хотя бы жена сама пожелала развестись, почувствовав отвращение к мужу.

А если он отпустит посредством имущества или для имущества, то исполняется баин, если она согласится, а посредством вина или свиней, не необходимо ничего. И исполняется баин при хульге и раджги при разводе. Если кто-нибудь дает жене развод под условием получить от неё известное имущество, то происходит развод баин и жена обязана уплатить это имущество, когда она согласилась на эту сделку с мужем, не переменяя мюджлиса. Если же мусульманин согласится на хульг или развод под условием получить от жены вина, свиней, кровь, мертвечину или нечто другое, цена чего не определена в шаригате, то жена не обязана уплачивать эти вещи, потому что они не позволены мусульманину. Однако при подобном условии хульга происходит баин, а развода происходит раджги.

А если она разводится трижды за тысячу, а он разведёт её однажды, то баин за треть тысячи: а в (выражении): для меня тысяча раджги, то без всего по Абу-Ханифе. Если жена просит у мужа трёх разводов за тысячу рублей, а муж сделает только один развод-баин, то жена обязана уплатить треть тысячи рублей. Если же жена ищет трёх разводов за тысячу рублей, а муж дает развод-раджги, то по мнению Абу-Ханифы жена ничего не обязана платить; но Абу-Юсуф и Мухаммед полагают, что она обязана заплатить треть тысячи и при этом совершается развод-баин.

А хульг мена в отношении её и справедливо возвращение её, а условие польза для неё и сокращается для мяджлиса. Хульг в отношении к жене есть развод за известное количество имущества. Потому жена имеет право отказаться от своего предложения хульга, сказав «я возвращаюсь», пока муж не

выразил ещё своего согласия на хульг. Делать условием хульга согласие на него жены в её пользу правильно. Если после предложения хульга женою до согласия мужа, который-нибудь из них изменит мяджлис, то хульг уничтожается.

стр. 85

А клятва в отношении его, пока изменяются постановления. Если хульг бывает клятвою в отношении мужа, т. е. соединяется с разводом, то вышеупомянутые постановления относительно согласия на предложение изменяются, так что если предложение будет со стороны мужа, то он не может отказаться от него прежде согласия жены, также если муж встанет, то мяджлис не изменяется, а если жена встанет, то изменяется; притом самое присутствие жены не составляет необходимости.

А раб посредством того, что определено для неё. Относительно освобождения раба или служанки правила те же самые, что и относительно хульга; хозяин в этом случае заступает место мужа. Напр. если раб скажет хозяину: «я выкупаю себя от тебя за такое-то количество имущества», то прежде согласия хозяина раб может взять своё слово обратно; если же хозяин скажет рабу: «я тебя освобождаю за такую-то сумму», то он уже не может отказаться от своего слова. Другие частнейшие постановления тоже сходны с вышеприведёнными.

Хульг и разлучение уничтожает обязанности брака для них. Хульг и разлучение мужа от жены уничтожает обязанности брака. Мужу не обязателен мехр и пропитание жены. Впрочем в продолжении гыддета он обязан пропитывать жену и детей; но он может прекратить пропитание по особому условию. Однако помещение жене муж обязан давать в гыддете её по причине постановления в шаригате о помещении. Шаригат считает жительство жены во время гыддета в другом доме, а не в том, где она получила развод, бесчестьем. Но если жена заплатит мужу за помещение, занимаемое ею в его доме, из своих доходов, получаемых с собственного дома, так как она наносит мужу ущерб, живя в его доме, – то муж законно может получить эту плату.

А если делает хульг несовершеннолетней посредством имущества её, то для неё кроме и исполняется развод. Подобно если она согласится, и для него уплата и для него имущество. Если отец сделает хульг несовершеннолетней дочери её имуществом, то развод происходит, но платить не обязаны ни отец из своего имущества, ни дочь из своего. Подобным образом развод происходит, но плата за

стр. 86

хульг не необходима, если бы дочь и согласилась на уплату. Если же отец, сделав хульг своей несовершеннолетней дочери, обязуется сам уплатить за него, то ему необходимо заплатить за хульг, а мужу необходим бывает мехр.

Загар уподобление его тому, что производит развод от супружества для него посредством того, что запрещается смотреть на части запрещённые. Загар есть, влекущее за собой развод, уподобление членов жены членам родственницы, – членам, на которые смотреть воспрещено, напр. сказать жене: «ты для меня, как мать моя, или спина моей матери, или голова её, или утроба её, или бедра её, или срамные части её», или уподобить жену этим членам сестры, тетки.

А он воспрещает сожитие с нею и интимные отношения, пока не очистится. Загар воспрещает сожитие с женою и всякие вообще интимные отношения, напр. целовать, обнимать со страстным пожеланием, – всё это воспрещается, пока муж не очистится.

А в (выражение): «ты для меня, как мать⁶⁰⁸ моя», справедливо намерение почтения и загара и развода, а если он не имеет в намерении этого. Когда муж скажет жене: «ты мать моя», или «ты подобна матери моей», то он может иметь в мысли выразить этим почтение, и тогда развода и загара не бывает; но он также может подразумевать при этом и загар и развод; в таком случае происходит загар и развод; а если он ничего не подразумевает, то слово пропадает даром.

А в (выражении): «ты для меня запрещена, как мать моя», что имеет в намерении: загар или развод, а если не имеет в намерении, то иля по Абу-Юсуфу и загар по Мухаммеду. Когда

муж скажет своей жене: «ты для меня запрещена подобно матери моей», происходит то, что он имел в мысли, загар или развод, или иля; а если он ничего не имел при этом в мысли, то по мнению имама Абу-Юсуфа происходит иля, а по мнению имама Мохаммеда – загар.

А в (выражении): «вы для меня как спина моей матери», женам необходимо для всякой очищение, а оно необходимо при возвращении. Когда муж многим женам

стр. 87

скажет: «вы для меня, как спина моей матери», всем им необходимо очищение, именно необходимо при возвращении.

А оно освобождается раб, но не такой, который не приносит пользы, напр. слепой, – такой, у которого отсечены руки или пальцы, или рука и нога со стороны, а назначенный к освобождению после смерти и уплативший часть своего выкупа, и половину раба совместного с товарищем, потом оставшуюся часть его после уплаты его, и половину раба своего, потом остаток его после сожития с нею. Очищение состоит в освобождении раба, но не такого, который не приносит пользы, напр. слепой, или такой, у которого отсечены руки, или два больших пальца у рук, или рука и нога с одной стороны. Также не может быть освобождаем для очищения раб, назначенный к освобождению после смерти хозяина, или раб, уплативший часть своего выкупа. Не должен быть освобождаем для этой цели и такой раб, которым хозяин владеет вместе с товарищем, и которого товарища со своей стороны освободил за выкуп. Неправильно также освобождать одну половину раба перед сожитием с женою при очищении, а другую после сожития.

А если он не достаточен для освобождения, то постится два месяца и нет в них рамазана и дней торжественных, а если нарушит, то снова начинает. Подобно же если будет иметь с нею сожитие намеренно ночью, или днем вообще. Если он не в состоянии освободить раба, то должен поститься два месяца, в числе которых не должно быть рамазана и дней, в которые запрещён пост. Если в продолжение этих двух месяцев он нарушит пост однажды или несколько раз,

намеренно или ненамеренно, то для очищения должен снова начать поститься. Подобным образом снова должен начать пост, если он будет иметь сожитие с женою, находящеюся в загаре, ночью намеренно, или днем намеренно или ненамеренно.

Если же он не в силах, то доставляет шестидесяти бедным пищу в достаточном, для всех количестве или цену её; а если утром и вечером и насытит их, или⁶⁰⁹ даст фунт пшеницы и два фунта фиников или ячменя или одного два
стр. 88

месяца питает, а в день количество двух месяцев нет. Если он будет не в состоянии поститься, то должен доставить пищу шестидесяти бедным в количестве достаточном для всех, или выдать стоимость этой пищи; если же он будет питать шестидесять бедных утром и вечером, то может кормить и не досыта – понемногу. Вместо всего этого он может дать каждому по одному фунту пшеницы и по два фунта фиников или ячменя; или может одного бедного питать в продолжение двух месяцев, выдавая ему достаточное количество пищи утром и вечером, но в один день предложить ему пищу за оба месяца незаконно.

Кто упрекает в прелюбодеянии жену свою неповинную и всякий будет справедлив для свидетельства, или отказывается от дитяти её и подтверждается клятвою и говорит четыре раза: «я свидетельствую Богом подлинно я справедлив в том, что я порицаю её в прелюбодеянии или отказываюсь от дитяти, а в пятый раз проклятие Божие на себя, если будет лжецом в том, в чём порицал её, потом она говорит: «я свидетельствую Богом, подлинно он лжёт в том, в чём упрекал меня», а в пятый раз гнев Божий на ней, если он справедлив в том, в чем упрекал её⁶¹⁰. Если кто-нибудь обвиняет в прелюбодеянии свою жену, которая не заслужила своим поведением этих упреков, и если муж и жена обладают качествами, делающими их свидетельство достоверным, также если муж отказывается от дитяти жены, а жена во всех этих случаях потребует от мужа клятвы; то он обязан произнести её. Форма её следующая: муж по приказанию казья говорит четыре раза: «свидетельствую превознесённым именем всевышнего Бога, что я, произнеся клятву, без сомнения справедлив, когда

упрекал жену в прелюбодеянии, или когда отказывался от дитяти её; в пятый же раз он произносит: «пусть будет на мне проклятие Божие, если я лгал, когда упрекал жену в этом». Потом жена четыре раза говорит: «свидетельствую превознесённым именем всевышнего Бога с клятвою, что без сомнения муж, порицая меня в

стр. 89

прелюбодеянии, лжёт»; в пятый же раз она произносит: «гнев Божий на мне, если справедлив муж, порицая меня в прелюбодеянии или отказываясь от моего дитяти».

Потом казый решает между ними, затем разводятся разводом и отрицается родство дитяти от него. А если он отказывается от клятвы, то заключается в темницу, до тех пор, пока поклянётся или признает себя лжецом; потом наказывается; а если она отказывается, то заключается в темницу до тех пор, пока поклянётся или признает его правым⁶¹¹. После клятвы казый делает постановление о разводе; дитя не признается родным отцу и отдаётся матери. Если муж отказывается произнести клятву, то он заключается в темницу до тех пор, пока произнесёт клятву или признается во лжи. После этого проклятие уничтожается, но муж наказывается плетью. Если же жена отказывается произнести клятву, то заключается в темницу, до тех пор, пока произнесёт клятву, или признает мужа справедливым. Впрочем, в последнем случае она не наказывается.

А если он будет рабом, или неверным, или высечен за упрёки, то наказывается; а если он будет достоверным для свидетельства, а она раба, или неверная, или⁶¹² наказанная за упрёки, или несовершеннолетняя, или безумная, или прелюбодейная, то он не наказывается и не клянётся; а поклявшиеся не соединяются вечно, а если он признаёт себя лжецом, то наказывается, но позволителен ему брак с нею. Подобно если упрекнёт другую кроме её, то наказывается, или если она совершит прелюбодеяние и будет наказана. Если жена будет иметь все качества достоверного свидетеля, а муж нет, т. е. если он будет раб, неверный, наказан за упрекание своей жены в прелюбодеянии, то наказывается, раб – сорока

плетьюми, а свободный – восьмидесятью. Если же наоборот, муж будет иметь все качества достоверного свидетеля, а жена будет раба, или неверная, или наказанная по обвинению в прелюбодеянии, или несовершеннолетняя, или безумная, или прелюбодейца; то в этом случае муж не подвергается наказанию и не произносит клятвы. По мнению

стр. 90

имама Абу-Юсуфа, брак между мужем и женой, произнесшими клятву в этом случае, будет не законен вечно; но по мнению имама Агзама и имама Мухаммеда, брака между ними не может быть только до потери ими всякого доверия в общественном мнении. Однако если муж после клятвы признает себя лжецом и будет наказан, то он может возобновить брак со своею женою. Брак бывает правилен и в том также случае, если муж, произнёсший клятву, будет в последствии наказан за ложное обвинение мужчины или женщины какой-нибудь в прелюбодеянии, или если жена будет наказана за прелюбодеяние.

И не проклиная при безгласном порицании и отрицании беременности, а в прелюбодеянии и эта беременность от него, то проклинаясь, но не отрицается беременность. Не бывает клятвы и наказания за порицание своей жены в прелюбодеянии или за отрицание беременности её не посредством слов. Когда муж скажет жене: «ты совершила прелюбодеяние и эта беременность есть плод прелюбодеяния, в этом случае произносится проклятие, но беременность не отрицается и родство родившегося дитяти с отцом признаётся.

А кто отрицается дитяти во время известия или покупки детских вещей, то справедливо, а после этою нет, и клянётся в обоих этих. Если муж не признаёт дитяти своим во время получения известия о его рождении или во время покупки детских принадлежностей, это непризнание считается законным, но требуется клятва в обоих этих случаях. После этого времени он не может отказаться от дитяти.

А если отказывается первого из двойней и признаёт дитя последнее, то наказывается, а наоборот клянётся и утверждает родство в обоих этих. Если жена родит двойню

и муж не признаёт своим дитятей первого, а второго признаёт, то он подвергается наказанию, потому что через признание второго, он обличает себя во лжи; а наоборот, т. е. если признает первого, и отрицает второго, то должен произнести проклятие, потому что через отрицание этого второго он делает упрёк жене. Однако родство мужа с детьми признаётся в обоих этих случаях, потому что он признал своим одного из них.

стр. 91

Если он признается, что он не был в состоянии для неё, то судья назначает ему лунный год, а рамазан и дни менструации в нём, но не продолжение болезни одного из них, и если не был способен, то разводятся между собою, если она потребует этого, и разводятся разводом и ей весь мехр, если он делал хыльват с него и необходим гыддет. Если совершеннолетний муж сделает признание, что он был не в состоянии иметь сношение с женою, то судья даёт ему сроку лунный год для испытания; месяц рамазан и дни менструации жены должны входить в счёт года, потому что без этого год не бывает, но дни болезни которого-нибудь супругов в счёт года не входят, потому что год бывает без них. Если муж признается, что он в продолжение года был не в состоянии иметь сношение с женою, то казый разводит их по требованию жены, хотя бы муж и сопротивлялся этому; жена получает баин. Муж обязан уплатить жене весь мехр, если он имел с нею хыльват, если же не имел, то половину мехра; жена обязана соблюдать гыддет.

А если заспорят и она будет не девственна, или девственна, то осматривают⁶¹³ женщины и если скажут: не девственна, то заставляют клясться, и если поклянётся, то тщетно требование её, а если он откажется, или они скажут: девственна, то назначается год лунный, а если назначится, а потом заспорят, то решение для них, как в первый раз. Если между мужем и женой произойдёт спор о том, было или нет супружеское сожитие между ними; муж будет утверждать, что было, а жена будет утверждать, что нет, в этом случае поручается нескольким женщинам освидетельствовать жену. Если они скажут, что жена не девственна, то мужа заставляют произнести клятву именем Божиим, что он имел

сожитие с женою. Клятва мужа уничтожает требование жены о разводе. Если муж откажется от клятвы, или женщины, свидетельствовавшие жену, скажут, что она девственна, то им даётся срок лунный год. Если по прошествии года жена окажется не девственною и муж клятвой подтвердит, что он имел с ней сношение, то это сношение признаётся

стр. 92

фактом существующим: в противном случае жена вправе развестись. Если спор возобновится по прошествии, назначенного для испытания, лунного года, то в этом случае решение казья бывает такое же, как и в первый раз.

И делается тщетным требование её клятвою его подобно как делал тщетным потом его; подобно этому, если остаётся с ним, и он бывает свободен подобно как назначается потом его. Клятвою мужа уничтожается требование жены о разводе, как и сначала уничтожалось. Подобным образом требование жены уничтожается, если она согласится жить с мужем. Если жена окажется девственною по прошествии этого лунного года, то она вправе развестись, между тем как при первом разе назначался целый год на испытание.

А без шулят, как кастрат в этом; при отрезании детородного члена, разводятся тотчас по желанию её, и не свободен ни один из них при болезни другого. Человек, у которого отняты шулята, принимается в значении полного кастрата в этом случае, т. е. при требовании женою развода. Муж, у которого отнят детородный член, разводится тотчас же по требованию жены, потому что ждать в этом случае бесполезно. Но ни жена, ни муж не имеют права требовать развода по случаю болезни супруга, какая бы ни была болезнь, хотя бы и сильная, напр. сумасшествие, проказа, повреждение детородного члена и т. п. Впрочем, кастрация, отсутствие детородного члена и шулят служит причиной к разводу.

Гыддат свободной, видящей менструацию, при разводе или при незаконном браке три менструации полных, подобно же и для умм-валяди по смерти господина её или после освобождения её, а для той, которая имела сожитие при

сомнении или неправильном браке при смерти и разводе, не достигшей совершеннолетия и невидящей – три месяца⁶¹⁴. Гыддат свободной женщины, имеющей менструацию при разводе или нечестивом браке – три полных периода менструации, начиная со времени развода или со времени нечестивого брака. Если же развод произошёл во время менструаций, то эта менструация в счёт не принимается. Подобным образом

стр. 93

три же периода менструации служат сроком гыддета и для умм-валяди, когда господин, имевший сожитие с нею, умрёт или освободит её. Три же периода менструации служат гыддет женщины, имеющей менструацию, женщины, с которой муж имел сожитие сомнительное или в неправильном браке, после смерти мужа или после развода. Гыддет же женщины, не имеющей менструации по молодости или по старости, или в годах совершеннолетия по какой-нибудь причине, – три месяца.

А при смерти четыре месяца и десять дней; а для рабы, видящей менструации, – две менструации, а для не видящей менструации или той, у которой умер муж, – половина свободной, а для беременной свободной или служанки, и если умрёт, а дитя от него, то положится беременность её, а для зачавшей⁶¹⁵ дитя после смерти, гыддет смерти и нет родства в отношении его⁶¹⁶. Гыддет свободной женщины по случаю смерти мужа – четыре месяца и десять дней. Гыддет рабы, которая имеет менструации и с которой был хыльват, – два периода менструации, по случаю развода, нечестивого брака и сожития сомнительного; раба же, которая не имеет менструации по молодости или по старости, также раба, у которой умер муж, хотя бы она и имела менструации, должны соблюдать гыддет на половину меньше гыддета свободной женщины, имеющей менструации и схоронившей мужа, т. е. полтора месяца при разводе, два месяца и пять дней при смерти мужа. Гыддет же смерти женщины беременной, будет ли она свободная или служанка, продолжается до разрешения от бремени, если только дитя зачато от мужа умершего. А если женщина зачала дитя после смерти мужа, то гыддет смерти,

т. е. для свободной – четыре месяца и десять дней, а для служанки – полтора месяца. Но будет ли беременность от умершего мужа или нет, родство дитяти с ним не признаётся.

А для получившей баин при смерти длиннейший из двух сроков, а при раджги то, что при смерти, а для освобождённой в гыддете раджги, как гыддет свободной, а в гыддете баин и смерти, как служанки. Гыддетом жены, получившей развод-баин во

стр. 94

время смертной болезни мужа, служит длиннейший из гыддетов, из которых один – три периода менструаций, а другой четыре месяца и десять дней; а гыддет жены, получившей развод раджги во время смертной болезни мужа, – четыре месяца и десять дней. Гыддет служанки, получившей освобождение во время гыддета развода-раджги, – равен гыддету свободной женщины; гыддет же рабы, получившей освобождение во время гыддета развода баин или смерти равен гыддету рабы, не получившей освобождения.

А если не имеющая менструации увидит кровь после гыддета, то месяцы пересчитываются менструациями; подобно пересчитывает посредством месяцев та, которая имела менструации, а потом сделалась не имеющею менструации. Если женщина, лишённая менструаций, по окончании гыддета, считаемого месяцами, увидит менструацию, то начинает снова считать гыддет посредством периодов менструации; дни прошедшего гыддета в счёт не принимаются. Подобным образом начинает считать месяцами свой гыддет та жена, которая, увидевши одну менструацию, будет лишена менструации.

А для находящейся в гыддете и имевшей сомнительное сожитие, гыддет другой и входит и когда исполнит первый, совершает часть второго. Если жена во время гыддета будет иметь с мужем супружеское сожитие, сомневаясь в гыддете ли она имела его или по окончании его, то ей необходим другой новый гыддет. В этом случае она должна поступать так: оставить первый гыддет и начать считать второй; когда счёт второго гыддета будет равен количеству дней первого

совершенного гыддета, она должна оставить второй гыддет и окончить первый, по окончании первого должна выполнить остаток второго гыддета.

А гыддет нечестивого брака определяется прекращением его или решением его прекратить сношение и исполняется гыддет, хотя бы она и не знала. Гыддет нечестивого брака, будет ли он после смерти мужа, или после развода, или после решения казья, или после того, как муж решится прекратить этот брак, – во всех этих случаях он начинается с прекращения брака нечестивого. Гыддет исполняется, хотя бы жена и не знала причины его, после развода, или после смерти или после чего-нибудь иного она исполняет его.

стр. 95

Если женится на находящейся в гыддете баин развода, потом разведётся прежде сожития, то необходим для него полный мехр и гыддет первоначальный. Если кто женится на женщине, находящейся в гыддете развода-баин, и потом разведётся с ней, не имея сожития; то он обязан выплатить весь мехр, а жена должна выполнить преждебывший гыддет. Та часть гыддета, которую она выполнила, не принимается и гыддет выполняется снова.

Нет гыддета для женщины зимми, когда разведёт её зимми, и нет для хурби⁶¹⁷, когда она войдёт в мусульманское селение, кроме беременной. Женщина-зимми не обязана соблюдать гыддета после развода с мужем-зимми, или после его смерти, если гыддет не полагается законами её религии. Но когда мусульманин разведёт зимми, она должна соблюдать гыддет. Если хурби перейдёт в мусульманское государство, то после развода с неверным мужем ей нет необходимости соблюдать гыддет. Впрочем, если зимми или хурби будет беременна, то ей нужен гыддет.

И скорбит находящаяся в гыддете баин или смерти совершеннолетняя мусульманка посредством оставления вещей прелюбодейных и одежды цвета шафрана⁶¹⁸, музагфара, мазей, бирючину и сюрму кроме необходимости, но не находящаяся в гыддете освобождения или неправильного брака и не называется находящаяся в гыддете, как только

намеками и не выходит из дому находящаяся в гыддете раджги или баин совершенно, и выходит находящаяся в гыддете смерти днём и вечером, а ночь проводит в своих покоях. Совершеннолетняя мусульманка, находясь в гыддете развода-баин или смерти, должна печалиться и скорбеть о том, что прекратились удовольствия брака. Для выражения своей печали она должна оставить все предметы, могущие возбудить похоть, напр. она должна оставить платье, имеющее цвет шафрана или музагфара⁶¹⁹, прекратить намащать голову, краситься бирюгиной, натираться сурьмой. Но жена, находясь в гыддете после

стр. 96

освобождения или неправильного брака, не обязана выражать печаль. Женщину, находящуюся в гыддете, не должно называть по имени, а нужно употреблять вместо её имени какие-нибудь знаки. Жена, находящаяся в гыддете развода-раджги или баин не должна выходить из дому ни днём, ни ночью. А жена, находящаяся в гыддете смерти, может по нужде выходить из дому днём и вечером, но ночь должна проводить в том месте, которое ей назначил муж.

И проводит гыддет в месте своём, где развод и смерть, разве только будет выведена, или боится расстроить своё имущество или пустынности, или не будет в состоянии на плату за долг и нет перегородки, разделяющей их между собою при баине, и если тесно будет для их обоих, то он первый выходит из него, подобно же при буйстве его. Жена должна сохранять гыддет в том помещении, в котором она находилась при получении развода от мужа, или при смерти его. Однако, она не будет виновною, если перейдёт в другое место в том случае, когда наследники выгонят её из дому мужа, или когда боится расстроить состояние своего имения, находясь в доме мужа, или боится пустынности самого места, или будет не в состоянии заплатить за помещение, если наследники потребуют этого, или в том случае, когда при разводе баин не будет в дому мужа никакой перегородки, которая отделяла бы помещение мужа от помещения жены. Если же мужу с женой тесно будет жить в помещении мужа, то приличнее мужу выйти

из него; впрочем, и жена может выйти; но двоим без перегородки жить не следует. Подобным образом, если муж буян, так что жена боится жить с ним, то ему следует выйти из дому, потому что жене необходимо жить в местопребывании мужа, а муж не обязан жить в местопребывании жены. Впрочем, и жена может выйти по уважительным причинам.

Хорошо если полагается между ними сильная надхыльватом. Хорошо если казый поставит между разведёнными супругами такую женщину, которая могла бы не позволить мужу войти к жене.

А если разведёт её или умрёт при ней в пути их обоих и если будет после этого от города её и места достижения расстояние сафура и к одному из двух будет

стр. 97

ближе, то идёт к нему, а если нет, то она свободна, опекун с ней или нет, и гыддет лучший, а если она будет в мисре⁶²⁰, то совершает гыддет там, потом выходит с мухрамом. Если муж разведётся с женою или умрёт во время путешествия и если расстояние между местом жительства жены и местом, куда она ехала с мужем, будет на три дня пути и одно из этих двух мест ближе другого, то жена должна ехать в то место, которое ближе. Если же расстояние между местом жительства жены и местом, куда она едет, будет меньше трёх дней пути, то она имеет право ехать в которое угодно место, все равно будет с нею находиться опекун её или нет. Однако лучше отправиться в место своего жительства, чтобы сохранять в нём гыддет. Если же селение, где муж разведётся с женою, или умрёт, будет миср, то жена сохраняет гыддет в этом селении. По окончании гыддета, она выезжает из этого места в сопровождении мухрама, т. е. такого родственника, с которым запрещён брак по близости родства.

Воспитание⁶²¹ матери без принуждения её, разведётся или нет, потом матери её насколько возможно вверх, потом отца его, потом сестёр его по отцу и матери, потом по матери, потом по отцу, потом тетке по матери подобно же, потом тётке по отцу подобно же с условием свободы их обоих. Воспитывать дитя и кормить его молоком должна мать,

будет ли она разведена или нет, если же она откажется, то её не следует принуждать насильно. После матери место воспитательницы должна занять бабушка дитяти по матери, затем прабабушка и т. д. по восходящей линии. После них место воспитательницы занимает бабушка по отцу; потом воспитание вручается сестре дитяти по отцу и по матери, затем сестра по одной матери, после неё сестра по одному отцу; потом сестре матери по отцу и по матери, потом сестре матери по одному отцу, потом сестре отца по обоим родителям,

стр. 98

потом сестре отца по матери; наконец сестре отца по отцу. За кем-нибудь остаётся воспитание дитяти с условием только, чтобы личность, берущая на себя воспитание, была свободна.

И не признается для служанка и для умм-валяди; а зимми, как мусульманка, пока не различает веры. Право воспитания не признаётся за служанкой, будет ли она полная раба, или выплатившая часть своего выкупа, или назначенная к освобождению по смерти хозяина. За умм-валяди также не признаётся право воспитания. Что касается женщины-зимми, то она подобно мусульманке может быть воспитательницей дитяти до тех пор, пока оно не начнёт понимать различия в религиях. После этого оно берётся у зимми и передаётся мусульманке, чтобы не заразилось неверием.

Посредством брака с не родственником уничтожается право её, а с родственником нет, напр. мать выйдет за-муж за дядю его и бабушка за деда его, и возвращается право при уничтожении брака, который лишил его. Женщина, имеющая право воспитания, лишается этого права через брак с не родственником дитяти. Но это право не отнимается от неё, если она выйдет замуж за родственника дитяти, напр. если мать дитяти выйдет замуж за родственника отца, или бабушка дитяти по матери выйдет замуж за деда его по отцу и наоборот, т. е. бабушка по отцу выйдет замуж за деда по матери. Впрочем, если брак, лишивший женщину права воспитания, будет уничтожен, то это право снова возвращается женщине.

Потом побочным ветвям их по порядку их, но не вручается дитя ветвям не мухрамным, напр. опекуну по

освобождению и сыновьям дяди, и нечестивому беспечному и невольному дитя; но мать и бабушка отличное для этого. После вышеупомянутых родственников право воспитания переходит к побочным ветвям дитяти в том же порядке, как и право наследства; однако дитя не должно воспитываться у родственников таких, с которыми не запрещён брак, напр. у хозяина, который освободил отца дитяти, или сыновей дяди. Не должен быть воспитателем человек распутный, который при распутстве будет делать упущения. Само дитя, будет ли оно мужеского пола или женского, не может выбирать

стр. 99

воспитателя, – оно должно воспитываться у того, кого назначит казый; однако мать и бабушка считаются лучшими воспитателями.

До тех пор, пока оно начнёт есть, пить, одеваться и умываться одно; а для девицы до тех пор, пока появится менструация, а по Мухаммеду – пока появится страсть её, а оно было применимо к нечестию времени, а без этих обоих, до тех пор, пока появится страсть. Дитя должно воспитываться до тех пор, пока начнёт само есть, пить, одеваться и совершать омовение: по мнению Абу-Бекра-Разы – до девяти лет, а по словам Хазафы – до семи лет. Фетва согласна со словами Хазафы. Мать и бабушка должны воспитывать девочку до тех пор, пока появится у неё менструация; а по мнению Мухаммеда пока появится у неё половое влечение. Это постановление имама Мухаммеда было вызвано нечестием того времени. Если воспитателями бывают не мать или бабушка, а кто-нибудь другой, напр. сестра, тетка по матери или по отцу, то воспитание девочки должно продолжаться до полового влечения.

И не путешествуют разведённая с дитятей своим, кроме как только к городу её, где он женился на ней. И это только для матери⁶²². Жена разведённая, по окончании гыддета, не должна путешествовать с дитятей, потому что от этого может произойти вред отцу дитяти. Но если она получила развод на чужбине, то может возвратиться с ним в тот город, где она вышла замуж. Впрочем, это относительно матери, а отец и

другие личности, имеющие право на воспитание, не должны путешествовать с дитятей никуда, – в противном случае они лишаются права воспитания.

Меньший срок беременности шесть месяцев, а больший срок два года и утверждается родство дитяти находящейся в гыддете раджи и если родит в больший двух годов, когда не признаётся в прохождении гыддета и утверждается возвращение, а для меньшего из них нет и дитя находящейся в баине в меньший из них, нет при исполнении его, как только через признание. Меньший период беременности – шесть месяцев, а больший – два года, самый правильный девять месяцев. В этом согласны все учёные. Если дитя родится раньше шести месяцев

стр. 100

после брака, то родство его с мужем не утверждается, потому что это несомненно показывает, что беременность началась раньше брака. Утверждается также это родство, если жена родит дитя в гыддете развода-раджи; утверждается и в том случае, когда она родит дитя спустя более двух лет после развода, но не признаётся в том, что гыддет её прошёл. Если же признаётся и будет несомненно, что гыддет её прошёл и она потом спустя шесть или более месяцев родит дитя, то родство не утверждается. Когда жена родит дитя спустя более двух лет после развода, то муж снова возвращает её; если же она родит, спустя меньше двух лет после развода, то муж не обязан возвращать её, но родство утверждается. Также утверждается родство, если жена родит дитя спустя меньше двух лет после развода-баин и не признаётся, что гыддет прошёл. Если дитя родится спустя более двух лет, то родство утверждается, если муж признает дитя своим.

И забеременеет от сожития с нею по сомнению в гыддете, а когда ляжет, и она родит, то супружество утверждается свидетельством супруги. Родство утверждается и беременность признаётся законною в последнем случае потому, что может быть сомнение, не имел ли муж сожития с женою в гыддете по ошибке, считая законным сожитие в гыддете развода-баин, или смешавшись в женах или

забывши о разводе. А когда муж полежит с женой, находящейся в гыддете, и жена потом родит, то родство утверждается на основании клятвенного свидетельства жены, хотя бы муж и не признавал дитя своим. Однако ж если муж докажет, что жена во время гыддета имела сношение с другим, то родство не утверждается.

Необходимо пропитание, одевание и помещение для мужа, хотя бы он по молодости был неспособен к сожитию с женою, мусульманка ли она, или неверная, старуха или молодая, если она способна к сожитию, по мере состояния их обоих. Мужу необходимо доставлять пропитание, одежду и помещение жене, с которой вступил в правильный брак, будет ли она мусульманка или неверная, старуха или молодая, если она только способна к супружескому сожитию, хотя бы муж по молодости и был не в состоянии выполнять супружеские обязанности. Это пропитание и помещение должно быть сообразно с состоянием мужа и жены.

стр. 101

Когда они оба богаты, то пропитание богатого, если бедны, то пропитание бедного. А в (случае) он богат, а она бедна и наоборот, то середина двух состояний. Когда муж и жена богаты, муж должен доставлять пропитание богача; когда же бедны оба, пропитание бедняка. Если же муж богат, а жена бедна, или наоборот, то необходимо пропитание среднее, т. е. меньше богача и больше бедняка.

И хотя бы она в доме отца её или заболит в доме мужа, нет для упорной, если она вышла из дому его без нужды, для заключённой в темницу за долги, для больной⁶²³, если она не находится налицо и увезена насильно, и для находящейся в хаджи⁶²⁴ не вместе с ним, то для неё пропитание нахождения на месте, а не пути, и не плата за провожательство, и для него, когда он богат, и пропитание слуги и одного только для неё, нет, когда он беден по достовернейшим. Пропитание жены лежит на муже, хотя бы жена была в доме своего отца, или, переехав к мужу здоровою, заболела в его доме. Но муж не обязан пропитывать свою жену, если она, удалясь из его дому без нужды, будет требовать настоятельно развода, или

будет запрещать мужу входить в свой дом; не обязан он также пропитывать жену, посаженную в тюрьму за долги, или больную, если она не в его доме, или ту, которую родственники увезли от него насильно. Необязательно в этих случаях пропитание потому, что не со стороны мужа прекращаются здесь супружеские отношения. Муж не обязан пропитывать жену, находящуюся в хадже не вместе с ним; если же она вместе с ним совершает хадж, то ему необходимо пропитание её, впрочем домашнее, а не путевое. За провожательство в этом случае муж не платит жене. Если муж богат, то ему необходимо давать пропитание ещё одному слуге жены, но не больше; если же он беден, то, по самым достоверным сказаниям, ему нет необходимости доставлять пропитание слуге жены.

И не делается развода между ними при недостаточности его на это и повелевается делать долг на него. Жена же имеет права разводиться потому, что муж

стр. 102

по бедности не может пропитывать её, но ей дозволяется брать в долг в счёт мужа с тем, чтобы он, когда сделается богатым, заплатил этот долг. Так говорит Музапафа в Шарх-вигкае.

И если кто определяется для бедного, потом разбогатеет, то исполняет пропитание богатого, если она потребует. Если пропитание жены определено во время бедности мужа, а потом он сделается богатым, то он обязан давать жене пропитание богача, если она потребует этого.

И прекращается в прошедшем продолжении, разве когда решает определение казья, или соглашается на что-нибудь, то необходимо для того, что прошло, когда продолжают жить оба, а если умрёт один из них обоих, или разведёт её прежде уплаты, прекращается назначенное, кроме только когда возмёт в долг по определению казья и не возвращается взятое в продолжении, если умрёт один из них прежде его. Муж не обязан выдавать жене пропитание того, которое ей следовало в прошедший срок времени, на которое она не взяла. Но он обязан выдать это пропитание, если оно назначено казыем, или определено по обоюдному согласию супругов в

известном количестве вещей, – обязан в том случае, если он жил вместе с женой со времени назначения казья, или со времени обоюдного соглашения. Если же муж или жена умрёт, или муж разведётся с женой, не уплативши пропитания, назначенного казыем или определённого по обоюдному соглашению, то жене прекращается выдача пропитания. Однако долг, сделанный женою в счёт мужа по определению казья, должен быть уплачен. Вещи, взятые женою от мужа в качестве пропитания за известным срок, не возвращаются, если муж или жена умрёт до окончания этого срока.

И пропитание жены раба ему и продаётся для него раз после второго, а за долг кроме этого один раз. Полный раб обязан пропитывать свою жену, если он вступил в брак с позволения хозяина. Для пропитания жены раб может быть продан после первого раза ещё два раза, т. е. может быть продан три раза, напр. за рабом накопится пропитания на 500 диргемов, то его следует продать за ту сумму; если после этого

стр. 103

снова на нём накопится это количество, то его снова следует продать, и так до трёх раз, потому что количество пропитания увеличивается со временем. Но за другой долг, кроме пропитания, раба можно продавать только один раз, потому что долг с течением времени не возобновляется подобно пропитанию, напр. если раба продадут за мехр и цены его будет недостаточно, то жена должна ждать остаток мехра, но раба не дозволяется продавать во второй раз.

И необходимо помещение её в доме, в котором нет ни одного из людей его, хотя бы дитяти его от другой, разве по согласию её. Муж обязан поместить жену в таком доме, в котором не живут ни другие жены, ни близкие родственники. Это неременная обязанность мужа. Даже дети его от другой жены не должны помещаться в этом доме, если не согласится жена жить вместе с ними, или с другими родственниками.

И комната отдельная от дому ею, запирающаяся, достаточна для неё. Для жены достаточно комнаты, отдельной от дому мужа и притом такой, в которой дверь запиралась бы замком.

И⁶²⁵ ему препятствие родителям её и дитяти её от другого от вхождения к ней, но не от смотрения её и не от приветствия её. И сказано: не препятствует от вхождения к родителям и от вхождения их к ней во всякую пятницу, а другим родственникам всякий год; и это справедливо. Муж имеет право запретить отцу и матери жены, также дитяти её, рождённому от другого мужа, входить в комнату жены, но видеться с женою в какое угодно время он не имеет права им запрещать. Муж также не имеет права запрещать жене посещать отца и мать по пятницам, равным образом и им посещать жену его в эти дни. Что касается других родственников, то муж не имеет права препятствовать им посещать его жену, также жене ходить к ним однажды в год. Это вполне справедливо. В Гыдае сказано: «муж не должен запрещать жене видеться и разговаривать с отцом, матерью и другими родственниками, в какое бы время они не пожелали, потому что это нарушило бы

стр. 104

родство, тогда как мужу нет от этого никакого вреда». В другом месте сказано: «муж не препятствует им ходить к жене и разговаривать с нею, но смотреть на неё запрещает, потому что бывает вред от продолжительного разговора».

И определяет пропитание жене отсутствующего и дитяти его и родителям его в имуществе его только из части их. Если муж находится в отсутствии, то пропитание жене, дитяти и родителям его назначает казый из того имущества, которое обыкновенно даётся в качестве пропитания, как-то; из пищи, одежды и денег. Если же имущество мужа состоит из других предметов, то из него назначается пропитание для других родственников, кроме выше упомянутых.

У человека, которому вверено имущество, или человека – товарища по занятию, или должника, если признаёт его и брак, или казый знает об этом, и заставляет её клясться, что подлинно он не давал ей пропитания и берётся поручительство от неё. Если имущество отсутствующего мужа находится у кого-нибудь на сохранении, или у должника, или у

товарища по владению им; и если тот, у кого имущество отсутствующего, признается в этом и признает действительным брак отсутствующего с женой, требующей пропитания, то он может дать последней пропитание, а также и другим родственникам, если он признает родство их с отсутствующим. Человек, у которого находится имущество отсутствующего, обязан также дать пропитание жене и другим родственникам, если казый знает о браке или о родстве. В последнем случае казый заставляет жену сделать клятву, что муж не давал ей пропитания; потом от неё берётся ручательство в получении пропитания от казыя для того, чтобы освободиться от нарекания, когда возвратится муж и потребует своё имущество.

Нет при разногласии свидетельств о браке и нет, если не оставит имущества и недостаточно свидетельство для того, чтобы решить о нём и приказал ей о долге и не решает об нём; а Зафар говорит: решает о пропитании, но не о браке. А дело решения ныне по сему по нужде. Казый не делает постановления о пропитании жены, если она утверждает существование брака, а доверенный мужа или компаньон его, или должник его отрицают брак. Казый также не делает постановления о пропитании

стр. 105

жены, если муж не оставил имущества и казыю неизвестно о браке, а жена будет утверждать о существовании его для того, чтобы казый за отсутствием мужа сделал постановление о пропитании её и позволил ей взять в долг в счёт мужа. Казый не должен решать при отсутствии мужа о существовании брака подобно тому, как он не должен делать постановления о пропитании жены в этом случае. А имам Зафар говорит, что в этом случае казый может сделать постановления о пропитании, но не должен решать о браке. В настоящее время делают решение согласно имаму Зафару по необходимости.

И находящейся в разводе-раджги и баин и разведённой не по вине, подобно как достигшей совершеннолетия или свободы, или разведённой по недостаточности равенства пропитание и⁶²⁶ помещение, не для находящейся в гыддете смерти и разведённой по вине, напр. вероотступничество и

поцелуй сына мужа, и вероотступничество находящейся в гыддете трёх прекращает, но не объятие ею сына его. Необходимо пропитание, одежда и помещение жене, находящейся в гыддете развода-раджги или баин, также жене разведённой не по причине её вины и наконец жене, разведшейся по праву освобождения, или по праву достижения совершеннолетия, или по причине неравенства с мужем. Во всех этих случаях муж обязан доставлять жене пропитание, одежду и помещение до окончания гыддета. Но не необходимо доставлять пропитание жене, находящейся в гыддете смерти и жене, разведённой по её вине, напр. за вероотступничество, за поцелуй сына или отца мужа, за намерение совершить с ними прелюбодеяние. Вероотступничество жены во время гыддета трёх разводов лишает её права на пропитание, но общение сына мужа или поцелуй его, или намерение совершить прелюбодеяние не лишают её права пропитания.

И пропитание несовершеннолетнего бедного на отце его, не участвует в нём никто, подобно как пропитание отца его и жены его. Пропитывать бедное дитя должен отец до тех пор, пока оно достигнет способности само приобретать себе пропитание. В пропитании этого дитяти с ним не участвует никто подобно тому, как никто не разделяет бремени пропитания отца и жены.

стр. 106

И нет для матери его кормление его грудью, разве когда она обязывается, и нанимает отец для кормления его вместо её, и если нанимает её для кормления его во время брака или гыддета-раджги, то не платит. Матери не необходимо кормить грудью своё дитя. Но когда она бывает обязана исполнить по бедности дитяти и отца его, или за неимением другой кормилицы, – её побуждают насильно кормить грудью. Если мать не кормит грудью дитя, то отец обязан нанять кормилицу. Ежели он наймёт для этого самую мать, состоящую с ним в браке или разводе-раджги, то наём будет неправилен и муж не обязан выдавать жене условленной платы.

А в (отношении) находящейся в разводе-баин, два предания, а для кормления его после гыддета или для сына

от другой правильно, и она лучше чужой, разве когда потребуют плату большую. Относительно найма матери, находящейся в гыддете развода-баина, существует два предания, по одному несомненному – оно правильно, по другому, именно по преданию имама Хасана, оно неправильно. Если отец наймёт мать кормить грудью дитя по окончании гыддета или дитя от другой жены, то этот наём правилен. Нанимать мать для кормления грудью в тех странах, когда наём её правилен, лучше, нежели нанимать постороннюю кормилицу. Но если мать потребует платы больше посторонней кормилицы, то лучше нанять постороннюю кормилицу.

И пропитание совершеннолетней дочери и сына больного хроническими припадками отцу и об этом есть фетви. А для достаточного доставлять подаяние пропитание коренным родственникам бедным без различия дочерей и сыновей. Отец обязан доставлять пропитание совершеннолетней незамужней дочери, также и сыну, страждущему продолжительною болезнью или бесноватому. Это подтверждено фетвою. Кто будет богат настолько, что может подавать милостыню, тому необходимо доставлять пропитание родственникам по восходящей линии, напр. отцу, матери, деду, бабушке и т. д., также сыновьям и дочерям без всякого различия, хотя бы состояния их были различны.

И принимается во внимание близость и порядок, но не наследство; а в (случае),

стр. 107

кто у него дочь и сын сына, то дочери, а в (случае), дитя дочери и брат, то дитяти⁶²⁷ её. Относительно пропитания родственников принимается во внимание близость или порядок родства, но не порядок их правонаследия, напр. если у кого-нибудь будет дочь и сын сына, то пропитание необходимо дочери, хотя сын сына и дочь по порядку и по наследству равны, но дочь ближе, потому ей и нужно дать пропитание. Если же у кого будет дитя дочери и брат, то пропитание нужно дать дитяти дочери, потому что брат с дитятей дочери, хотя и равны по близости и хотя брат прямой наследник, но он дальше по порядку.

И пропитание всякого владельца запрещённого родства несовершеннолетнего или совершеннолетнего бедного, или находящимся в хронической болезни, или слепого, по количеству наследства, и принимается порядок наследства, но не права на него; а пропитание у кого дядя по матери и сын дяди по отцу, то дяди по матери. Кто богат настолько, что может делать подаяние, тому необходимо доставлять пропитание родственникам, с которыми запрещён брак, будет ли он несовершеннолетний, или совершеннолетний, бедный, или бесноватый, или слепой, – этим родственникам он обязан давать пропитание в количестве наследства. Касательно пропитания принимается во внимание порядок наследства, но не право на него, потому что последнее неизвестно при жизни. У кого есть дядя по матери и сын дяди по отцу, то его должен пропитывать дядя по матери, потому что с ним брак запрещён; сын же дяди, хотя и наследник, но ему не необходимо пропитывать, потому с ним брак дозволен.

И нет пропитания при различии религии, как только жене, коренным родственникам и ветвям. Родственникам, исповедующим другую веру, никто не обязан доставлять пропитание. Однако жену, родственников по восходящей линии, т. е. отца, мать, деда, бабушку и т. д. и ветви этих родственников необходимо пропитывать, хотя бы они были и другой веры. Жена имеет право на это пропитание по браку; вышеупомянутые родственники имеют это право по причине близости

стр. 108

родства. Другие же родственники получают право на пропитание через наследство, но наследниками не могут быть лица другой веры, потому другие родственники и должны лишиться пропитания через исповедание другой религии.

И нет для бедного, как только её и ветвей и нет для богатого, кроме её. Бедняк не обязан пропитывать никого, кроме жены и детей. Богатый человек не имеет права просить пропитания; однако жена, хотя бы и была богата, имеет право требовать себе пропитание от мужа.

И продаёт отец для своего пропитания движимое имущество сына своего, но не дом его и не (продаёт) для долга его, потому что вред его; и мать не продаёт имущество его для пропитания своего. И ответственен доверенный сына, если издержит его на пропитание родителей его без позволения казья, но не родители его, если издержат имущество его для самих себя. Отец имеет право продать для своего пропитания какое-нибудь имущество сына, исключая дома. Но отец не имеет права продать движимое имущество сына для уплаты своего долга, а не для пропитания, потому что только неимение пропитания причиняет вред. Мать не имеет права продавать для своего пропитания имущества сына, потому что власть над имуществом сына принадлежит только отцу, по слову пророка нашего: – да благословит его Бог и помилует! – «Ты и имущество твоё для отца твоего». Доверенный сына подлежит ответственности, если без позволения казья истратит его имущество на пропитание его родителей. Отец же и мать не подлежат ответственности, если будут брать себе пропитание из вверенного им имущества сына, хотя бы и без позволения казья.

И когда постановлено о пропитании, кроме жены, и пройдёт срок, то прекращается, кроме если при позволении казья на долг. Если казый сделал постановление о пропитании отца, матери, сына, дочери и других ближайших родственников, исключая жены, и если срок, назначенный для получения пропитания, прошёл, а родственники не получали пропитания, то выдавать его после срока и не необходимо. Однако по окончании срока нужно уплатить долг, какой сделал по решению казья родственник за отсутствием его.

И пропитание находящегося под властью – на господине; если сопротивляются,

стр. 109

то приобретают и пропитываются; а если недостаточны для этого, то приказывается о продаже его. Пропитание раба и служанки лежит на обязанности их господина. Если же они откажутся от пропитания, предлагаемого им господином, то сами должны трудиться и

снискивать себе пропитание. Если же в последнем случае они будут не в силах доставить себе пропитание, то господин повелевает продать раба, если только он будет годен для продажи.

Примечания

- ¹ - Быт. 2:23.
- ² - Быт. 1:28.
- ³ - Еф. 5:29.
- ⁴ - Быт. 3:16.
- ⁵ - 1Кор. 7:14.
- ⁶ - Еф. 5:25–32.
- ⁷ - Еф. 5:32.
- ⁸ - 1Кор. 7:14.
- ⁹ - In Genes. homil. XLVIII, n. 6.
- ¹⁰ - De Abraham. 1, cap. 7.
- ¹¹ - De bono coniugii. 18:21, 24:32.
- ¹² - De praeser. haeret., с. 28.
- ¹³ - 1Кор. 7:39.
- ¹⁴ - 25 правило Василия Великого.
- ¹⁵ - Игнатий Богоносец, Epist. ad Policarp. n. 6; Василий Вел., твор. Св. Отец, т. V, стр. 132, – беседа на шестоднев VII; Григорий Богослов, там же 111, 288, – слово на крещение; Амвросий, Epist. ad virg. XIX.
- ¹⁶ - Свод. Законов, т. X, ст. 25–29.
- ¹⁷ - 11 пр. Анкир. Соб.; 22 правило Василия Великого; 98 правило VI Всел. Собора.
- ¹⁸ - Кормчая 43 гл.
- ¹⁹ - Свод. Закон., т. X, стр. 31.
- ²⁰ - Свод. Законов, т. X, ст. 31.
- ²¹ - 1Коран 7:14.
- ²² - См. Православно-догмат. Богословие Пр. Макария, т. 5, стр. 10–11.
- ²³ - Pausan. X, с. 38 § 6. t. III, p. 691. См. Schmidt, la société civile le monde romaine p. 37.
- ²⁴ - Demosth. Pro Phormione, § 8. См. Schmidt, p. 37.
- ²⁵ - Valer. Max., 11, с. 9 p. 122. См. Schmidt p. 38.

- ²⁶ - Aul. Gell., 1, с. 6. t. 1, p. 50. См. Schmidt, p. 39.
- ²⁷ - Законы Юлия и Пампия Помпея. Dio Cassius, LIV, с. 16, t. 11, p. 63. См. Schmidt p. 39.
- ²⁸ - Мф. 19:10–11.
- ²⁹ - 1Кор. 7:7–9.
- ³⁰ - Тертул., De pudic., с. 4, 557. Август., De bono conjugali, t. IV. p. 233 и след. De nuptiis et concup. I, с. I и сл. X, p. 187. Амврос., De vidnis с.12 § 72, t. 11, p. 225 Мефодий, Convivium decem virginum, ov.2.
- ³¹ - Послание Афанасия Александрийского к Аммуну Монаху; см. книгу правил.
- ³² - 12 правило IV Вселенского Собора.
- ³³ - Мф. 19:11–13; 1Кор. 7.
- ³⁴ - Еф. 5:3–5; Кол. 3:7; 1Кор. 7.
- ³⁵ - 21 правило Гангрского Собора.
- ³⁶ - 5, 51 правила Апостольские; 1, 9, 10 и 14 правила Гангрского Собора.
- ³⁷ - Мф. 19:13.
- ³⁸ - Евсевий, Vita Const. IV, с. 20, p. 538.
- ³⁹ - Илиада Гомера, песнь 9, ст. 394.
- ⁴⁰ - Илиада, п. 16, ст. 178. 190; п. 22, ст. 472: п. 11, ст. 244; п. 13, ст. 376.
- ⁴¹ - Müller. Die Dorier. T. III. См. Соколовского, о постепенном развитии идеи брака в древнем мире.
- ⁴² - Platuer. Beiträge. S.109 и след. См. Соколовского.
- ⁴³ - Cajus, Just. I. § 113 и 111. Cicero, de orator. I, 56. См. Соколовского.
- ⁴⁴ - Мф. 19:5; Мф. 19:11–13; 1Кор. 7:36.
- ⁴⁵ - Кормчая, гл. 48, Зак. Градск. гр. 4, гл. 3, 17; гл. 49, зач. 2, г. 1.
- ⁴⁶ - 27 правило IV Вселенского Собора, 92 правило VI Вселенского Собора, 22 и 30 правило Василия Великого.
- ⁴⁷ - Кормчая гл. 50 о тайне супружества.
- ⁴⁸ - Свод. Законов, т. X, ст.12.

- ⁴⁹ - Свод. Законов, т. X, ст. 8. Уложения о наказании, ст. 2118.
- ⁵⁰ - Свод. Законов, т. X, ст. 37, 38, 803. Уст. Д. Консисторий, ст. 217 и 218.
- ⁵¹ - Свод. Законов, т. X, ст. 12.
- ⁵² - Кормчая, гл. 48. Законы градские, гр. 1, гл. 6; гр. 4, гл. 10–24.
- ⁵³ - Кормчая, 48 гл. Законы градские, гр. 39, гл. 40, Леона и Константина, гр. 16, гл. 12.
- ⁵⁴ - Климент Александрийский, Strom., II. с. 23, IV, с. 20, t. I, р. 502, 621.
- ⁵⁵ - Блаж. Августин, Ер. 254, т. 11, р. 668.
- ⁵⁶ - Мф. 19:5.
- ⁵⁷ - 38-е и 42-е правила Василия Великого.
- ⁵⁸ - Кормчая, 48 гл. Законы градские, гр. 4, гл. 24, гл. 12, 15.
- ⁵⁹ - Свод Законов, т. X, ст. 6.
- ⁶⁰ - Инструкции благочинным ст. 23.
- ⁶¹ - Уложения о наказан. разд. 11, ст. 2040, 2057.
- ⁶² - Василия Великого 38-е правило.
- ⁶³ - Кормчая 48 гл.; Законы градские гр. 4, гл. 3, 11, 18.
- ⁶⁴ - Свод Законов, т. X, ст. 6.
- ⁶⁵ - 40-е и 42-е правила Василия Великого.
- ⁶⁶ - Свод Законов т. X, ст. 14–15.
- ⁶⁷ - Василия Великого 40 и 42 правило.
- ⁶⁸ - Василия Великого 40 и 42 правило.
- ⁶⁹ - Мф. 22:21; Мк. 12:17; Лк. 20:25; Рим. 13; 1Пт. 2:13–14; Тит. 3:1.
- ⁷⁰ - Быт. 2:18.
- ⁷¹ - Быт. 4:19–24.
- ⁷² - Demosth. adv. Neärem 1386, 19, ad. Arist. 637, 5. Lusias adv. Eratosth. 35, 36. Isaeus de Piprh. hered. 41. Supra hered. Philoctet. р. 147. См. Соколовского Развитие идеи брака, 62 стр.
- ⁷³ - Лев. 22:24; Лев. 14:18; Исх. 21:8; Втор. 17:17.

⁷⁴ - Быт. 30:13; Втор. 21:17; Исх. 21:9; Лев. 18:18; Суд. 2:37; Ис. 4:1.

⁷⁵ - Авраам, Исав, Иаков, Давид, Соломон, Гедеон и многие другие мужи, известные в Истории Царства Израильского и Иудейского, имели не по одной жене.

⁷⁶ - Мф. 19:3–15.

⁷⁷ - Еф. 5:25–32.

⁷⁸ - 80-е правило Василия Великого. То же учение мы встречаем и у других Отцов и Учителей Церкви, напр. у Ермы, Pastor, lib 11; у Златоуста, De non eterand. conjug., n. 1, 2. in Fit. hom. 11. n. 1; у Епифания, haeres. XLVIII, n. 9.

⁷⁹ - Свод Законов, т. X, ст. 2.

⁸⁰ - Кормчая, 48 гл. Законы градские гр. 4, гл. 2, 4; гл. 49, зач. 2, ч. 1.

⁸¹ - Свод. Законов, т. X, ст. 3.

⁸² - Свод. Законов, т. X, 37-я 39-я ст.

⁸³ - 80-е правило Василия Великого.

⁸⁴ - Свод Законов, т. X, пр. 4.

⁸⁵ - Инструкция благочинным, ст. 23.

⁸⁶ - Свод Законов, т. X, 5 ст. Устав Дух. Консист., ст. 218.

⁸⁷ - Кормчая, 49 гл., зач. 2, гл. 9.

⁸⁸ - Свод Законов, т. X, ст. 5, Уст. Дух. Консист. 218 ст.

⁸⁹ - Кормчая, гл. 46. зак суд. г. 32: 48 г. зак. град. гр. 11, гл. 2; гл. 49, зач. 2. ст. 9.

⁹⁰ - Свод Законов, т. X, 48–49 ст.

⁹¹ - Уст. Дух. Консист. 245–246 ст.

⁹² - 87-е правило Василия Великого; 54-е правило VI Всел. Собора, 11-е правило Тимофея Александрийского, сравн. Августин, De civitate Dei, XV, с. 16.

⁹³ - Кормчая, гл. 51.

⁹⁴ - Указ от 28 Марта 1858 г.

⁹⁵ - Мф. 19:6.

⁹⁶ - 18-е Апостольское правило; 2-е правило Неокесар. Соб.; 87-е правило Василия Великого; 54-е правило VI Всел.

Собора.

⁹⁷ - Кормчая, 51 гл.

⁹⁸ - Свод Законов, т. X, стр. 196–204.

⁹⁹ - Кормчая, 48 гл. Законы градские, гр. 7, гл 13–14. гл. 50.

Трёхродное родство считается: во 1-х, между одним из супругов и супругами родственников другого; во 2-х, между кровными родственниками одного из супругов и свойственниками другого супруга по его первому браку. Таким образом, к родственникам первой степени трёхродного родства относится: отчим и жена пасынка, мачеха и муж падчерицы. Между этими родственниками брак запрещён безусловно.

¹⁰⁰ - Указ от 25 Апреля 1841 г.

¹⁰¹ - 54-е правило VI Всел. Собора; Кормчая, 48 гл.; Законы градские, гр. 39, гл 73, 49 гл. Зач. 2. гл. 2.

¹⁰² - Устав Дух. Консист., стр. 219.

¹⁰³ - Кормчая, 48 гл.; Законы градские, гр. 7, гл. 2.

¹⁰⁴ - Лев. 18, Лев. 20; Втор. 22:39, Втор. 27:20–23.

Запрещались: брак брата, хотя и не родного, с сестрою; брак с сестрою отца или матери; брак мачехи с пасынком; отчима с падчерицею или внучкою жены от первого брака; брак зятя с тещей; брак с женой сына; брак с женой брата, оставившего после своей смерти детей; брак с женой дяди по отцу; брак с дочерью после матери или наоборот и наконец брак с двумя сёстрами в одно время.

¹⁰⁵ - VI Всел. Собора 53-е правило. Местные постановления Церкви греческой простирают это запрещение даже до седьмой степени (Кормчая, гл. 50), но эти постановления на практике не были соблюдаемы даже в греческой Церкви.

¹⁰⁶ - Кормчая, гл. 48, Зак. град. гр. 7 гл. 28, 50.

¹⁰⁷ - Устав Дух. Консист., стр. 220.

¹⁰⁸ - Мф. 19:11–13; 1Кор. 7:8.

¹⁰⁹ - Афинагор, Leg. с. 33, р. 311. Иустин муч., Apolog. с. 15. р. 52.

¹¹⁰ - Златоуст, Hom. de viduis, t. III, р. 315; Августин, De bono viduitatis, с. 4, t. VI, р. 273; Амвросий, De viduis, с. 2, § 10, с. 11,

§ 68, с. 15, § 88. т. II, р. 188, 203, 210; Иероним, Ер. 54, т. I, р. 291.

¹¹¹ - 1-е правило Лаодикийского Собора; 4, 50, 53-е правила Василия Великого.

¹¹² - 24-е правило Василия Великого.

¹¹³ - Апост. правила 17, 26; VI всел. Собора 3-е правило; 12-е правило Василия Великого.

¹¹⁴ - 7-е правило Неокесарийского Собора.

¹¹⁵ - 24-е правило Василия Великого.

¹¹⁶ - См. Требник.

¹¹⁷ - Кормчая, 48 гл.; Зак. град. гр. 6, гл. 1–5; 49 г. Зач. 2, гл. 7.

¹¹⁸ - 4, 50-е правила Василия Великого.

¹¹⁹ - 80-е правило Василия Великого.

¹²⁰ - 80-е правило Василия Великого.

¹²¹ - Кормчая, 48 гл.; Законы градские, гр. 4, гл. 25.

¹²² - Свод Законов, т. X, ст. 21, 22.

¹²³ - 16-е правило IV Вселенского Собора; 44-е правило VII Вселенского Собора; 19-е правило Анкирского собора; 6, 19, 60-е правила Василия Великого.

¹²⁴ - 6-е правило Василия Великого.

¹²⁵ - Там же.

¹²⁶ - Кормчая, 48 гл. – Законы град.

¹²⁷ - Свод Законов, т. X, ст. 2.

¹²⁸ - Свод Законов о состоянии, ст. 243, 266.

¹²⁹ - 26-е Апостольское Правило, 6-е правило VI Всел. Собора, 1-е правило Неокес. Собора.

¹³⁰ - 6-е правило VI Всел. Собора.

¹³¹ - 4-е правило Гангр. Собора; 5, 51-е Апост. Правила.

¹³² - 26-е Апостольское правило.

¹³³ - Свод Законов, т. X, ст. 2.

¹³⁴ - Свод Законов о состоянии, ст. 243, 266.

¹³⁵ - 14-е правило IV Всел. Собора, 72-е правило VI Всел. Собора.

¹³⁶ - Тертуллиан, Ad. ux. II, с. 4, п. 6, р. 168, 170; de corona, с. 13, р. 109. De monog. с. 11, р. 532, Киприан, Testim. adv. Jud. III, с. 62, р. 323. Амвросий, Exр. Ev. Lux. III, § 2, t. 1, р. 1410.

¹³⁷ - Исх. 34:15–16; Втор. 7:3–4.

¹³⁸ - 1Кор. 7:12–16.

¹³⁹ - Тертуллиан, Ad. ux. II, с. 7, р. 171. Августин, De conjug. adult. 1, с. 17. De tide et operibus, с. 19, t. VI, р. 291, 136. Cosist. apost. 1, с. 10, р. 212.

¹⁴⁰ - 72-е правило VI Всел. Собора.

¹⁴¹ - Свод Законов, т. X.

¹⁴² - 14-е правило IV Всел. Соб., 72-е правило VI Всел. Собора.

¹⁴³ - 72-е правило VI Всел. Собора.

¹⁴⁴ - 31-е правило Лаодикийского Собора.

¹⁴⁵ - 10-е правило Лаодикийского Собора.

¹⁴⁶ - Свод Законов т. X, ст. 67. Дух. Консист. стр. 26–28.

¹⁴⁷ - Мф. 19:6.

¹⁴⁸ - Платон в разных своих сочинениях.

¹⁴⁹ - Plutarch, Aemilius Paulus, с. 5. См. Соколовского, стр. 127.

¹⁵⁰ - Plutarch. См. там же.

¹⁵¹ - Snet. Octav., с. 34, р. 78. См. Schmidt, р. 54.

¹⁵² - Seneca, Ep. 114, t. IV, р. 86. De provid., с. 3, t. 1, р. 227.

См. там же.

¹⁵³ - Lex Julia. Dig. XXXVIII, tit. 11, 1. 1. См. там же.

¹⁵⁴ - Juven. sat. 6, v. 229 и 230, р. 72.

¹⁵⁵ - Tertullian. Apolog. с. 6, р. 27.

¹⁵⁶ - Втор. 24:1.

¹⁵⁷ - Мих. 2:5, Мал. 2:11.

¹⁵⁸ - Мф. 19:8.

¹⁵⁹ - Мф. 19:6.

¹⁶⁰ - Мф. 19:6; Мф. 5:35; Лук. 16:18; Мк. 10:9–12.

¹⁶¹ - 1Кор. 7:10–11; Рим. 7:1–3.

¹⁶² - Рим. 7:2–3.

- ¹⁶³ - 1Кор. 11:3–13; 1Пт. 3:7.
- ¹⁶⁴ - Мф. 5:32; Мф. 19:9.
- ¹⁶⁵ - Мф. 19:6.
- ¹⁶⁶ - Иустин, Apolog. 1 и 6; Клим. Алекс. Strom. 11, 23; 111, 11, Васил. Вел. на шестодн. беседа VII, п. 5; Златоуст, Ep. ad Syria. CXXV; Епифаний, Expos. fideic. cathol. n. XXI; haeres. LIX, n. 4, 6. Кирилл Алекс. in Malach. п. 28; Феодорит, in 1Коран 7:11; Лактанций Instit. Div. VI, 23, и др. См. православно-догматическ. богословие Пр. Макария, т. V, стр. 25.
- ¹⁶⁷ - 39-е правило Василия Великого.
- ¹⁶⁸ - Апостольск. пр. 48; VI Всел. Собора 87; правила Василия Великого 21, 35, 77.
- ¹⁶⁹ - Климент Алекс. Strom. 11, 23. t. 1, p. 507. Тертул. De monog. с. 9–10. p. 530. Григор. Нав. Ep. 181, t. 1. p. 884; Иерон. Comm. in Matth. с. 19. t. III, p. 87. Август. Sermo 392, § 2; t. V, p. 1054.
- ¹⁷⁰ - Карфагенского соб. 115 пр.; Василия Великого 77 пр. Ср. Апостольское 48 правило, VI Всел. Собора 87 пр., Василия Великого 9, 21, 35 пр.
- ¹⁷¹ - 48-е правило Василия Великого; Срав. Тимофея Александрийского 15 пр.
- ¹⁷² - Григорий Богослов, Сл. 31; Лактанций, кн. 6. гл. 23; Златоуст, беседа 5 на 1 Солуп.
- ¹⁷³ - VI Всел. Собора 93 пр.; 36-е, 46-е правила Василия Великого.
- ¹⁷⁴ - 31-е правило Василия Великого.
- ¹⁷⁵ - Кормчая 49 гл. зач. 8 гл. 9.
- ¹⁷⁶ - Свод Законов, т. X, ст. 46.
- ¹⁷⁷ - Свод Законов, т. X, ст. 50–53; Уст. Дух. Консист. 231 ст.
- ¹⁷⁸ - Свод Законов, т. X ст. 54–60; Уст. Дух. Консист. 233–237 ст.
- ¹⁷⁹ - 31-е правило Василия Великого.
- ¹⁸⁰ - Свод Законов, т. X, ст. 48–49; Уст. Дух. Консист. ст. 241–247, 256, 259.
- ¹⁸¹ - Свод Законов, т. X, ст. 47; Уст. Дух. Консист. 243, 259 ст.

- ¹⁸² - Свод. Зак. IX т. о состоян. 217 ст.
- ¹⁸³ - Свод. Зак. X т. ст. 37–40; Уст. Д. Консист. 217 ст.
- ¹⁸⁴ - Xenoph., Hiero, с. 3, t. V, p. 239; Pausan. IX, с. 36, § 4, t. III, p. 424; Quintil., declam. 347, t. III, p. 335. См. Schmidt, p. 48.
- ¹⁸⁵ - Lex. Julia. Corp. jur. IX, tit. 9. 1, 1 и след.
- ¹⁸⁶ - Григорий Богослов, Сл. 31; Лактанций, кн. 6. гл. 23; Златоуст, беседа 5 на 1 пос. к Солунян.
- ¹⁸⁷ - Мф. 19:6; 1Кор. 7.
- ¹⁸⁸ - Лактанций, Div. instit. VI, с. 23, t. 1, p. 500. Августин, De conjug. adul. II, с. 7 и след. t. VI, p. 299 и след. Sermo 9, § 11 и след. t. V, p. 40.
- ¹⁸⁹ - Августин, Sermo 224, § 3. Sermo 392, § 2, t. V, p. 674. 1054. Иероним Ер. 77, ann. 399, t. 1, p. 459.
- ¹⁹⁰ - Августин, De fide et op. с. 18, t. VI, p. 136.
- ¹⁹¹ - 20, 21-е Апостольские правила; 7, 21, 26, 34, 37, 58, 59, 62-е правила Василия Великого; 86-е правило VI Всел. Собора.
- ¹⁹² - Мы не будем здесь представлять подробное изложение законоположения ислама о браке, чтобы мелочными частностями не затемнить его общего духа. Но не желая оставить без внимания и подробностей мусульманского законоположения об этом предмете, мы предпочли сделать несколько приложений в конце сочинения.
- ¹⁹³ - Торнау, Мусульманское право. Выпуск первый, 148 стр.; Döllinger, Muhammed's Religion nach ihrer Innern Entwicklung und ihrem Einflusse auf das Leben der Völker. § 21; Осман-Бей, Турки и их женщины, султан и его гарем, стр. 75.
- ¹⁹⁴ - Мехром называется приданое, назначаемое жене при заключении условия о браке от её мужа из его имущества.
- ¹⁹⁵ - Брачную хутьбою называется известная молитва, читаемая при заключении брака, молитва, в которой воспоминаются законоположения о браке корана и предания и которая заключается прославлением Бога.
- ¹⁹⁶ - Асхабами называются первые, ближайшие последователи Мухаммеда.

¹⁹⁷ - Взято из книги под названием «Хутьбалык». Молитв, называемых хутьбою, много. Мы здесь привели одну из них; остальные см. в приложении 2-м.

¹⁹⁸ - Испрашивание согласия совершается так: «это есть, – говорит мулла, – определение Всевышнего, который есть Творец, не перестающий творить, Который есть достопокланяемый вечно, наш Господь, единый сущий, Бог превознесённый: прибегаю к Богу от сатаны, побитого камнями! Берите столько жён, сколько вам угодно, две, три, четыре. Это есть сунна посланника людей и гениев, провозвестника двух миров, Мухаммеда Мустафы, – да благословит его Бог всевышний и помилует! – По установлению имама Абу-Ханифы Куфского, который есть свет веры, путь народов, имама Абу-Юсуфа-Казия и имама Мухаммеда-Бен-Хусана Шиббапского, согласно мнению всех учёных, видевших в этом спасение и награду, в присутствии здесь находящихся больших и малых, при свидетельстве двух свидетелей, с утверждения опекуна, с определением мехра предварительного и заключительного и с сохранением четырёх условий, такой-то, такому-то, сыну такого-то, дочь твою такую за известный мехр в позволенное супружество отдал ли? И такой то за такого то сына твоего, такую то дочь такого то за известный мехр в позволенное супружество взял ли?» Взято из книги «Хутьбалык».

¹⁹⁹ - См. приложение 3-е, стр. 53 ср. Торнау, изложение начал мусульманского законовещения, стр. 139–147. Niebuhr, Beschreibung von Arabien. S. 73–76; Осман-Бей, стр. 75–77. Тридцать лет в турецких гаремах. Соч. Мелек-Ханум, стр. 30, 279.

²⁰⁰ - См. приложение 3-е стр. 44–45.

²⁰¹ - Хутьбалык. Варианты этой молитвы см. в приложении 2.

²⁰² - Торнау, стр. 143. Это заключение брака по обряду суннитов; шииты заключают его несколько иначе.

²⁰³ - Торнау, 143 стр. О доверенных при браке и о разных условиях брака по доверенности. См. у Торнау, 264–270 стр.

²⁰⁴ - Тридцать лет в турецких гаремах, стр. 30, 279; Осман-Бей, стр. 75–77. Niebuhr. S. 73–76. Клот-Бей, Египет в прежнем и нынешнем состоянии. Ч. 1, стр. 196.

²⁰⁵ - Коран 4:3; Коран 2:229, Коран 2:237; Коран 4:23.

²⁰⁶ - См. приложение 3-е стр. 53–57.

²⁰⁷ - См. приложение 3 стр. 53–57. Торнау 151–152 стр.

²⁰⁸ - Perron, Legislation musulmane. Т. 11, р. 427. цитируем. у Торнау, Мусульманское право. Выпуск 1, стр. 7.

²⁰⁹ - См. приложение 1-е стр. 33–34.

²¹⁰ - Замечательно, что муж не обязан в «Праздник разговления» (Гайд уль-фитр), т. е. в первый день после поста-Рамазана, подавать за жену милостыню (садака-фитр), между тем как эта милостыня обязательная для него по отношению к работнику, хотя бы он, был неверующий (кяфир). См. Мухтасару-ль-виткая, глава о Зякяте, последний отдел о фитре.

²¹¹ - Коран 2:229, Коран 2:237.

²¹² - См. приложение 3, стр. 61, 53–57.

²¹³ - Там же.

²¹⁴ - См. приложение 1-е.

²¹⁵ - Само название брака по-арабски «никях» по словопроизводству означает простое чувственное отношение между полами.

²¹⁶ - См. приложение 3. До каких мелочей определены у мухаммедан половые отношения между супругами, может свидетельствовать следующий факт. Один французский путешественник по Персии однажды нанимал ямщика везти его до известного места. Но тот отказался, говоря, что закон повелевает ему эту ночь провести с женой. (Uoyages en Persedans l'Athhanistan, le Beloutchistan et le Turkestan, par Ferrier, Т. 1, р. 76–77). А в Туркестане жена одного мухаммеданина убежала от своего мужа только потому, что он не одну уже пятницу пропустил, т. е. не проводил с ней (Вестник Европы, 1875 Ноябрь. Ст. М. Терентьева «Туркестан и туркестанцы», стр. 155.

²¹⁷ - Коран 2:183, Коран 2:193, Коран 2:222; Коран 5:9.

²¹⁸ - Торнау, изложение начал мусульманского законовещения, стр. 131. Того же автора, мусульманское право. Выпуск 1, стр. 148. Срав. Коран 2:183.

²¹⁹ - Коран 57:27.

²²⁰ - Библиотека для чтения 1860 года. 162 т. Ноябрь. «Женщины в Алжире», стр. 6. Каким высоким почётом брачная жизнь пользуется в исламе в ущерб девству, может служить доказательством ещё одна фетва (решение, приговор мусульманских законовещателей) и предание. Мы представляем их буквальный перевод с арабского. Фетва гласит: «не позволено никому разговаривать во время чтения хутьбы (т. е. брачной), потому что это время есть время милости и прощения, как сказал (т. е. Мухаммед): – мир ему! – подлинно, когда люди собираются на брак, тогда ангелы не остаются на небе праздными, а умоляют (т. е. Бога) о прощении». И сказал (т. е. Мухаммед): – мир ему! – «превосходнейшее из служений Богу всевышнему есть брак. Потому для вас необходимо собираться к слушанию её (т. е. хутьбы), хотя бы вас разделяло пространство в семь верст и хотя бы (при чтении хутьбы) не молились». Предание говорит: «когда исполняется заключение брака и люди собираются для хутьбы, тогда Бог всевышний, исполненный милости, внемлет им и изливает на них милость и прощение и записывает добрые дела их в книге небесной в каплях дождя и на листьях деревьев. Потому не запрещается (присутствовать на браке) никому из мусульман, кроме того, кто разговаривает во время хутьбы». Хутьбалык.

²²¹ - Торнау, Мусульманское право. Вып. 1-й, стр. 147–148.

²²² - Там же.

²²³ - Отечественные Записки. 1855 г., т. CI. «Судьба женщины на мусульманском востоке», стр. 60.

²²⁴ - Коран 4:38; Коран 2:228.

²²⁵ - Коран 30:20.

²²⁶ - Осман-Бей, стр. 28–29.

²²⁷ - Клот-Бей, Ч. 1, стр. 186.

²²⁸ - Отечественные Записки. 1855 г., т. CI, стр. 58.

- ²²⁹ - См. приложение 3 стр. 46; Торнау, стр. 139; Mills, *Histoire du mahometisme*, p. 42–47.
- ²³⁰ - Мусульманский судья.
- ²³¹ - Осман-Бей, стр. 76–77.
- ²³² - См. приложение 3-е стр. 49–50; Торнау, стр. 133.
- ²³³ - Коран 33:58–59.
- ²³⁴ - Тридцать лет в турецких гаремах, стр. 278; Осман-Бей, стр. 49; Lüdeke, *Beschreibung des Türkischen Reiches*, T.1, S. 342; Отеч. Записки 1855 г., т. CI, стр. 62.
- ²³⁵ - Какие родственники могут быть опекунами в этом случае, см. приложение 3-е, стр. 51–52.
- ²³⁶ - См. приложение 3-е стр. 49.; Mills, *Histoire du mahometisme*, p. 362 и след.; Клот-Бей, Ч. 1, стр. 268; Торнау, стр. 155–156.
- ²³⁷ - Коран 24:32–33.
- ²³⁸ - См. приложение 3-е, стр. 58; Торнау, стр. 140.
- ²³⁹ - См. приложение 3-е, стр. 52; Mills, *Histoire du Mahometisme*, p. 362.
- ²⁴⁰ - Коран 4:26–27.
- ²⁴¹ - Знание, 1874 г. Октябрь, стр. 86.
- ²⁴² - Торнау, стр. 136.
- ²⁴³ - Коран 33:36–38.
- ²⁴⁴ - См. приложение 3-е, стр. 62–64; Торнау, стр. 135–136.
- ²⁴⁵ - Коран 4:27.
- ²⁴⁶ - См. приложение 3-е, стр. 46; Торнау, стр. 137.
- ²⁴⁷ - См. приложение 3-е, стр. 46.
- ²⁴⁸ - Sale, *Civilisation musulmane. Panthéon litteraire*, p. 517–519.
- ²⁴⁹ - Коран 33:36–37, также примечание к этим стихам в русском переводе Корана Николаева. См. приложение 1-е, стр. 25–27.
- ²⁵⁰ - Торнау, стр. 125–139.
- ²⁵¹ - Торнау, стр. 125.
- ²⁵² - Там же.

- ²⁵³ - Торнау, стр. 133.
- ²⁵⁴ - Beschreibung von Arabien, S. 35–39.
- ²⁵⁵ - Коран 4:3. См. приложение 3-е, стр. 48. На этом законе отражаются следы талмудического влияния, так как талмуд позволяет жениться на четырех женах. – Mills, Histoire du Mahometisme, p. 362.
- ²⁵⁶ - Коран, гл. 4, ст. 3. В русском переводе это место Корана не выражает этой мысли, по буквальному переводу ст. подлинника оно читается: «позволяется вам жениться на том, что нам угодно из женщин: на двух, на трех, на четырех». См. приложение 2-е, стр. 39–40.
- ²⁵⁷ - Приложение 3-е стр. 49.
- ²⁵⁸ - Коран 4:29.
- ²⁵⁹ - См. приложение 3-е, стр. 48–49. Торнау, стр. 137.
- ²⁶⁰ - Торнау, 160–161 стр. Срав. приложение 3-е, стр. 48.
- ²⁶¹ - Отеч. Записки 1855 г., т. CI, стр. 69.
- ²⁶² - Отеч. Записки 1855 г., т. CI, стр. 69–70.
- ²⁶³ - См. приложение 3-е, стр. 61, см. Торнау, стр. 148.
- ²⁶⁴ - См. приложение 3-е, стр. 103.
- ²⁶⁵ - Торнау, стр. 166–168, Sale, p. 519. Reland, la religion des Mahometans, § XXXII.
- ²⁶⁶ - Niebuhr, Beschreibung von Arabien, S. 71–73. Здесь приведены таблицы рождения мальчиков и девочек в некоторых городах Востока.
- ²⁶⁷ - 1Кор. 7:4.
- ²⁶⁸ - См. выше (в разделе 1.2.3) Препятствия к вступлению в брак).
- ²⁶⁹ - См. приложение 3-е, стр. 47–48; Торнау, стр. 138. Этот закон основан на Коране. См. Коран 2:220; Коран 60:10–13.
- ²⁷⁰ - Подробное изложение законоположения о разводе см. в приложении 3, стр. 64–109.
- ²⁷¹ - Библиотека для чтения, 1860 г., 162 т., Ноябрь, стр. 17–18.
- ²⁷² - См. приложение 3, стр. 92–97; Торнау, 158–160 стр. Основание см. в Коран 2:234. Гыддат (идда) имеет сходство с

одним иудейским постановлением, обязывающем жену уклоняться в продолжение некоторого времени от нового супружества после прежнего. – Sale, p. 517–519.

²⁷³ - См. приложение 3, стр. 92; ср. Торнау, стр. 336–337.

Основание см. в Коран 2:228.

²⁷⁴ - Коран 2:230, Коран 2:236.

²⁷⁵ - Коран 2:228–233. См. приложение 3, стр. 78–81; Торнау, стр. 336–337.

²⁷⁶ - См. приложение 3, стр. 53–57.

²⁷⁷ - Коран 24:2–9 и Коран 24:23–27.

²⁷⁸ - Essai sur l'histoire Arabes, par A. P. Cansin Perseval, T. III, p. 336.

²⁷⁹ - См. приложение 1-е, стр. 10.

²⁸⁰ - Напр. 4, 24, 34 главы Корана проникнуты крайним полигамическим принципом, а эти главы были обнародованы Мухаммедом после смерти Хадиджи.

²⁸¹ - Borthelemy Saint-Hilaire, Mahomet et le Coran, p. 170–178.

²⁸² - Коран 33:49–52.

²⁸³ - См. приложение 1-е, стр. 6–38.

²⁸⁴ - Коран 66:1–5 и примечание к этим стихам в русском переводе Корана Николаева.

²⁸⁵ - См. приложение 1-е, стр. 32.

²⁸⁶ - Коран 33:28–32; см. прил. 1-е стр. 31. Шпренгер приводит предание, в котором говорится, что Мухаммед с одной женой только concubuit, sed non compressit eam. В. I, S. Anmerk.

²⁸⁷ - См. приложение 1-е, стр. 36.

²⁸⁸ - Коран 33:53.

²⁸⁹ - Коран 33:37–40. См. приложение 1-е, стр. 25–26.

²⁹⁰ - Коран 24:4.

²⁹¹ - Быт. 2:20–25.

²⁹² - Быт. 3.

²⁹³ - См. выше стр. 31.

²⁹⁴ - Lex de liberis exhibendis, dig. XVIII, tit. 30.

- ²⁹⁵ - Cajus. III, § 3, p. 207.
- ²⁹⁶ - Tacit. Annal. 1, с. 10; v. I, V. с. 1, t. 1, p. 12 et 250.
- ²⁹⁷ - Dig. XVII, tit. 111, l.1 и 7.
- ²⁹⁸ - Diog. Laer. см. у Соколовского, стр. 112.
- ²⁹⁹ - Diog. Laer. см. у Соколовского.
- ³⁰⁰ - Anl. Gell. 1 с. 6, t. 1, p. 50.
- ³⁰¹ - Döllinger, Heidenthum und Judenthum, S. 679 и след.
- ³⁰² - Xenoph., Oe с. 3, § 12. t. V, p. 19.
- ³⁰³ - Брачное право древнего Востока Осипова стр. 107–108.
- ³⁰⁴ - Там же, стр. 108–109.
- ³⁰⁵ - De conditione civili feminarum Atheniensium, von Stegeren, p. 139 et 140, см. у Соколовского и Осипова.
- ³⁰⁶ - Брачное право древнего Востока, стр. 110.
- ³⁰⁷ - Polit. 1, с. 1 et 5, p. 4, et 25.
- ³⁰⁸ - Там же, с. 5, p. 24.
- ³⁰⁹ - Isaeus, de Aristarchi haeredibus, § 10, in Oratt. att. t. III, p. 121. См. Соколовского.
- ³¹⁰ - Там же, t. IV, p. 547.
- ³¹¹ - Прекрасную характеристику положения женщины на Востоке представляет Дёлингер в своем сочинении «Heidenthum und Judenthum». Ср. брачное право Осипова, стр. 6–10, 36–52, 69–72.
- ³¹² - Напр. γῆνη сходно с γείνα, femina – fecundus; у евреев же: isch – муж, ischa – жена; ben – сын, bint – дочь ach – брат, achath – сестра.
- ³¹³ - Брачное право древнего Востока, Осипова, стр. 80–86.
- ³¹⁴ - Климент Алекс. Paedag. I, с. 4, t. 1, p. 103; Григорий Наз. or. 31, t. 1, p. 502; Григорий Нисский, or. 1, in verba tac. hom. t. 1, p. 151.
- ³¹⁵ - Григорий Нисский, or. 1, in verba tac. hom. t. 1, p. 151.
- ³¹⁶ - Златоуст. Hom. 42, in cap. XVIII Gen., § 7, t. IV, p. 433. Hom. 13 in Eph., § 3, t. XI, p. 100; сравн. Августин, Sermo 9, § 12, t. V, p. 40.

- ³¹⁷ - Тертул. De cultu femin. 11, с. 11, р. 159. Ad uxorem. 11, с. 4 et 8, р. 168, 172. Иероним Ер. 54, t. 1, р. 289.
- ³¹⁸ - Климент Рим. Ер. 1 ad Cor. с. 1, р. 147; Климент Алекс. Paedag. III, с. 11, t. 1, р. 288; Амвросий, De paradiso, с. 11, § 50, t. 1, р. 167. Златоуст, Ouales ducendae sint uxores, t. 111, р. 217.
- ³¹⁹ - Златоуст, Sermo 4 in Gen. § 1, t. IV, р. 659; Амвросий, De instit. virg., с. 3, § 22, t. II, р. 254.
- ³²⁰ - Тертуллиан, ad uxor. 11, 7. Августин, De conjug. adult. 1, 17. Златоуст, Hom LXI in Matth. 14.
- ³²¹ - Златоуст, Ouales ducendae sint uxores; Иероним, Comment. in Tit. с. 2, ер. CVII, CXXVIII.
- ³²² - Ниль, Peristeria, sect. 1, с. 3, р. 87.
- ³²³ - 1Кор. 14:34–35; 70-е правило VI Вселенского Собора.
- ³²⁴ - 8-е правило Василия Великого.
- ³²⁵ - Psevdo-Demosth, § 44 и след. oratt. att., t. 5, р. 556.
- ³²⁶ - Plutarch, Vita Solonis, с. 23, t. 1, р. 227.
- ³²⁷ - Plutarch, Quaes. Sympos. VII, Quaes. 8, с. 3, t. XI, р. 326.
- ³²⁸ - Athen. XIII, с. 25, t. V, р. 56.
- ³²⁹ - Aeschin, contra Temarch. in oratt. att. t. III, р. 289.
- ³³⁰ - Döllinger, Heidenthum und Judenthum, S. 684–691.
- ³³¹ - Seneca, Consol. ad Helviam, с. 16, t. 1, р. 139.
- ³³² - О чрезмерном распространении конкубината в Риме см. Döllinger, Heidenthum und Judenthum, S. 720.
- ³³³ - Евсевий, Hist. ecel. VI, с. 5, р. 207 de martyr. Palaest., с. 5 et 8, р. 726 et 331; Палладий, Hist. Lans., с. 3, р. 18. Тертул., Apolog., с. 50, р. 163.
- ³³⁴ - Квинтилиан, Declam. 262, t. III, р. 69.
- ³³⁵ - Сатира Ювенала, v. 457, р. 79.
- ³³⁶ - Tacit., Annall. III, с. 34. t. 1, р. 154; Ювенал, VI сатира, v. 161, р. 69.
- ³³⁷ - Döllinger, Christenthum und Kirche, S. 384.
- ³³⁸ - Иустин, Dialog cum Triphon. р. 141.
- ³³⁹ - Cod. Theod. IX, tit 25, 1.1 et. 2.
- ³⁴⁰ - Novell. Theod. II, tit. 18.

- ³⁴¹ - Cod.Theod. IX, tit. VII, 1.1 et cet.
- ³⁴² - Plutarch. Vita Solon. с. 13. t. 1, p. 212. Закон XII таблиц IV таблица in Cicer. Opp. t. XI, p. 430, См. Schmidt, r. 59.
- ³⁴³ - Dion. Illic. Закон XII таблиц IV таблица in Cicer. Opp. p. 430.
- ³⁴⁴ - Terent. Adelph. Act. V, v. 23–24, t. II, p. 98, см. Schmidt, p. 58.
- ³⁴⁵ - Cicer. In verr. II, 1. III. с. 69, t. III, p. 477: Philipp. III, §6, t. VI, p. 279.
- ³⁴⁶ - Plat., De Rep. V, p. 27. Arist. Polit., 1.
- ³⁴⁷ - Знание 1874 года, Октябрь, стр. 99.
- ³⁴⁸ - Амвросий, De bono mortis, с. 8, § 35, t. 1, p. 404: Киприан Ер. 59, p. 99; Testim. adv. Jud. III, с. 71, p. 324: Златоуст, Hom. de viduis, t. III, p. 317.
- ³⁴⁹ - Dig. XLVIII, t. 8, 1, 2: закон Александра Севера, 227. Corp. jur. VIII, tit. 47, 1, 3.
- ³⁵⁰ - De Rep. V, p. 274.
- ³⁵¹ - Polit. VIII, с. 1, p. 244
- ³⁵² - Plutarch., de liberis educandibus, с. 7, t. VII, p. 13.
- ³⁵³ - Златоуста, De viduis. 111, p. 317.
- ³⁵⁴ - Златоуст, Хот. У in Col. S 2, t. XI, p. 392.
- ³⁵⁵ - Златоуст, Quales ducendae sint uxores, t. III, p. 227; Иероним. Comm. in Tit. о. 2, t. III, p. 427; Ер. 107, 128, t. 1, p. 681, 961.
- ³⁵⁶ - Döllinger, Heidenthum und Judenthum, в отделе о Греции и Риме.
- ³⁵⁷ - M.W. Muir, The life of Mahomet, t. III, p. 302 et cet. Здесь Мюр между прочим говорит: «положение, усвоенное Мухаммедом женщинам, есть положение, зависимой низшей твари, назначенной исключительно для служения своему господину... Тогда как муж владеет такой абсолютной, непосредственной, безответственной властью развода, эта привилегия в соответствующей степени не сохранена за женой. Лишённая свободы, находящаяся в пренебрежении или превращённая в ничто, она назначена быть постоянной рабой

мужа... Находясь в таком стеснении, в таком заключении, унижении, будучи почти рабою чувственного удовольствия, она назначена для минутного каприза или страсти. Трудно после этого сказать, что положение женщины было улучшено кодексом Мухаммеда, – и я не колеблюсь высказать решительное мнение, что при предшествовавших институтах Аравии женщины владели большею свободой и пользовались более сильным, более здравым и более законным влиянием».

³⁵⁸ - Essai sur l'histoire des Arabes, t. III, p. 336.

³⁵⁹ - Barthelemy Saint-Hilaire, Mahomet et le Coran, p. 202–206.

³⁶⁰ - Renan, Origines de l'islamisme, p. 244–249, 285–288.

³⁶¹ - Mahomet et le Coran, p. 176–177.

³⁶² - Bibliothèque de jurnal le Levant. La civilisation musulmane, p. 31 et cet.

³⁶³ - Essai sur l'histoire des Arabes, t. III, p.336–338; t. 1, p. 351.

³⁶⁴ - L'islamisme d'après le coran, préface.

³⁶⁵ - Etudes sur l'histoire de l'humanité, par Laurent, t. V, p. 494.

³⁶⁶ - Шолль, французский учёный, в таких словах изображает положение женщины в Аравии до Мухаммеда: «Несмотря на страстные стихи эротических поэтов, на женщин, сказать правду, смотрели только как на существа, необходимые для продолжения рода человеческого. Не трудно также понять, что общества (société) в новейшем значении этого слова не существовало. Арабы, как и большинство семитических народов, славились в особенности своей любовью к семейной жизни. Нам с особенной охотой предлагают нежные описания патриархальных наслаждений того времени. Действительно в этом мнении есть доля истины, но оно также включает в себе ложь и неточность. Может быть покажется странным, если мы станем утверждать, что древние арабы часто были плохими мужьями и плохими отцами, и что Мухаммед, несмотря на свою полигамию, был обходительным мужем и нежным отцом. Однако это правда». «Мы уже видели, что женщины у арабов

пользовались самым незначительным уважением. Их называли «сетями демона», косвенно высказывая этим своё удивление их прелестям. Но их обвиняли также, и на этот раз без аллегории, в том, что насколько они подвержены злости и глупости, настолько же лени и игре. Не лестен и портрет, – и я охотно бы отказался от него, но он, кажется, не преувеличен...»«Далекий от того, чтобы унижать женщину, Мухаммед извлёк её из уничижения, всё же объявляя её более несовершенной, нежели ее господин (муж), и назначенной для служения ему. Упадок турецких женщин, следовательно, произошел от причин, не зависящих от Корана. Впрочем, в Аравии женщины отчасти обладают энергичной натурой своих мужей, с которыми они разделяют странническую и отважную жизнь. Их главными добродетелями должны быть скромность, стыдливость, привязанность к домашним заботам и послушание. Любовь и её развязки занимают видное место в поэзии арабов. Несмотря на подчинённое положение женщин, этот полуостров имеет своих *Abla*. Это и естественно у поэтического и чувственного народа. Но как и у всех народов мира, лишь только объявляется брак, вещи изменяются. Влюбленный делается обладателем, а обладательница рабой, или почти что рабой». (*L'islam et son fondateur. Etude morale. Par Jules-Charles Scholl. Pag. 13, 14, 16*).

³⁶⁷ - Laurent, *Etudes sur l'histoire de l'humanité*, t. V. p. 494.

³⁶⁸ - Коран 16:59–61; ср. примечания к Коран 19:26 и к Коран 2:46 в русском переводе Корана Николаева.

³⁶⁹ - *Essai sur l'histoire des Arabes*, C. Perseval, t. 1. p. 352–353, 325; *Etudes sur l'histoire de l'humanité*, t. V. p. 494.

³⁷⁰ - Коран 6:152; Коран 18:33; и Коран 81:89 и примеч. к этим стихам в русском переводе Николаева.

³⁷¹ - C. Perseval, t. II, p. 574–575, t. III, p. 336. Er. Renan, p. 245–246, 286–287.

³⁷² - C. Perseval, t. II, p. 373–374.

³⁷³ - C. Perseval, t. II, p. 373–374 в примечании.

³⁷⁴ - C. Perseval, t. III, p. 336–337. Garcin de Tassy, *L'islamisme d'après le Coran*, préface – в примечании, Laurent. t.

V, p. 494. Weil, Mohammed der Prophet, sein Leben and seine Lehre, S. 20.

³⁷⁵ - Коран 4:8, 12, 14; Коран 2:241, 176, 178; Коран 4:15, Коран 4:37–38.

³⁷⁶ - L'Arabie contemporaine. Par Adolphe D'Avril. Pag. 138–142.

³⁷⁷ - Египет в прежнем и нынешнем своём состоянии. Соч. Клот-Бея, ч. 1, стр. 261.

³⁷⁸ - Библиотека для чтения, 1860 г., Ноябрь; 162 т. Женщины в Алжире, стр. 18.

³⁷⁹ - Etudes d'histoire religieuse. Origines de l'islamisme, p. 287–288.

³⁸⁰ - La civilisation musulmane. p. 32 и след.

³⁸¹ - Библиотека для чтения. 1860 г., Ноябрь, т. 162, стр. 13.

³⁸² - Арабский аул.

³⁸³ - L'Arabie contemporaine. Par Adolphe D'Avril. p. 136–142.

³⁸⁴ - См. приложение 1, стр. 37–38.

³⁸⁵ - Арабская христоматия Болдырева, стр. 5.

³⁸⁶ - Коран 4:3, Коран 33:49.

³⁸⁷ - Напр. Еврей Варака, двоюродный брат Хадиджи, который впоследствии перешёл в христианство.

³⁸⁸ - Renan, p. 245.

³⁸⁹ - Секретарь Мухаммеда, Вакиди, передает следующие слова Ибн-Аббаса: «самый великий из мусульман был также и самым страстным к женщинам». Barthelemy Saint-Hilaire, p. 178.

³⁹⁰ - Турки и их женщины, Султан и его гарем, Соч. Османа-Бея., стр. 176–197.

³⁹¹ - Как я отыскал Ливингстона», Генри М. Стенли, стр. 214.

³⁹² - Отеч. записки, 1855 г., т. CI, Судьба женщины на мусульманском Востоке, стр. 46.

³⁹³ - Осман-Бей, стр. 185–186.

³⁹⁴ - Коран 23:6.

³⁹⁵ - Босфор и новые очерки Константинополя, соч. Балили, т. 2, стр. 43.

- 396 - Sale, Civilisation musulmane. Panthéon littéraire, p. 476.
- 397 - L'islamisme d'après le coran, p. Garcin de Tassy, préface.
- 398 - Библиотека для чтения, 1860 г. Ноябрь, т. 102, стр. 22.
- 399 - Тридцать лет в турецких гаремах, стр. 65.
- 400 - Египет в прежнем и нынешнем своём состоянии, ч. 1, стр. 196.
- 401 - Islam. Its History, Character and Relation to Christianity, By John Muehleisen. Arnold. London, 1874. 3 ed. pag. 208–213.
- 402 - Там же.
- 403 - Döllinger, Muhammed's Religion, S. 26.
- 404 - Коран 2:229–232; Коран 2:237–238.
- 405 - Коран 2:226 и след.; Коран 65:1 и след.; Коран 38 и 58.
- 406 - Турки и их женщины, султан и его гарем, стр. 15–16.
- 407 - Коран 33:4, Коран 33:6, Коран 33:37–39.
- 408 - Döllinger, Muhammed's Religion, S. 26, Anmerk. 44.
- 409 - Islam By John Muehleisen Arnold, p. 208–213.
- 410 - L'islam et son fondateur. Par Jules-Charles Scoll. Pag. 18.
- 411 - Döllinger, Muhammed's Religion, S. 24–27.
- 412 - Islam By John Muehleisen Arnold, p. 208–213.
- 413 - Египет в прежнем и нынешнем своём состоянии, ч. 1, стр. 209.
- 414 - Коран 4:38.
- 415 - Коран.
- 416 - Холмогоров, Шейх Муслиххудин Саади Ширазский и его значение в истории персидской литературы, стр. 35–36.
- 417 - Сравн. 1Кор. 7:5.
- 418 - Торнау, стр. 109.
- 419 - Там же, стр. 374.
- 420 - Там же, стр. 370.
- 421 - Döllinger, Muhammed's Religion, S. 28.
- 422 - Отечественные записки, 1855 г., LXVIII. Березин, мусульманская религия в отношении к образованности. Статья первая, стр. 90.

- ⁴²³ - Библиотека для чтения, 1860 г. 102 т., Ноябрь.
Женщины в Алжире, стр. 10.
- ⁴²⁴ - Беседа, 1872 г. Сентябрь. Внутреннее обозрение.
Самарканд, стр.29.
- ⁴²⁵ - Коран 2:223.
- ⁴²⁶ - Коран 2:228.
- ⁴²⁷ - Коран 2:133; Коран 4:38; Коран 53:21.
- ⁴²⁸ - Коран 2:282.
- ⁴²⁹ - Шейх Муслиххудин Саади Ширазский и его значение в истории персидской литературы. Соч. Холмогорова стр. 82–83.
- ⁴³⁰ - Отечественные Записки. 1846 г., т. XLVII. Каирские женщины, стр. 10.
- ⁴³¹ - Отеч. Записки. 1855 г., т. XLVIII. Мусульманская религия в отношении к образованности. Березин, стр. 89.
- ⁴³² - Коран 43:17–18.
- ⁴³³ - Коран 24:31; Коран 39:31, Коран 39: 53, Коран 39:57.
- ⁴³⁴ - Коран 30:20; Коран 26:166.
- ⁴³⁵ - Клот-Бей, ч. 1, стр. 186.
- ⁴³⁶ - Mills, Histoire du mahometisme, p. 335: Клот-Бей, ч. 1, стр. 189.
- ⁴³⁷ - Вот список имён, даваемых обыкновенно женщинам в Персии: Гюльчегре – розолицая, Нарцисханум – нарцисс-барыня, Пери-пейкер – одарённая видом пери, Гюль-ендам – имеющая телосложение розы, Джейран-ханум – серна-барыня, Бепефше-ханум – фиалка-барыня, Тути-ханум – попугай-барыня, Нуша-ферим – сладотворная, Гаучер-ханум – драгоценный камень-барыня, Мачтаб – сиянье месяца, Нариндж-ханум – апельсин-барыня, Шахисейд – такая, что и шах похвалит, Пазепит – нежненькая, Нейлуфер – лилия, Нурджан – блеск-душенька, Таус-ханум – павлин-барыня, Нистендер-джегон-ханум – такая барыня, что нет ей подобной в целом свете. См. Отеч. Записки 1855 г. CI т., стр. 50.
- ⁴³⁸ - Отеч. Записки 1855 года, т. CI. Судьба женщины на мусульманском Востоке, 48 стр.
- ⁴³⁹ - Коран 52:39.

⁴⁴⁰ - Клот-Бей, ч. 1, стр. 261. Lüdeke, Beschreibung des Türkischen Reiches, T.1, S. 362.

⁴⁴¹ - Я не могу здесь не привести одного стихотворения, в котором в кратких словах очень верно изображена гаремная жизнь женщины со всею её убийственностью. Вот это стихотворение: Жалкая, словно рабыня в цепях, И молчаливая, скорбная, бледная, – Вот она, наша страдальца бедная, С робкой улыбкой на грустных устах... Грудь надорвут ли рыдания – Плакать не смеет она. Не обнаружит страдания Деспота злого жена, В самой любви до конца оскорблённая, И отупевшая, и истомлённая. Рядом с несчастной ребенок больной, Взгляда не сводит с неё боязливого... Бедный, не знает он детства счастливого! Вскормленный жалкой и слабой рабой, Вынесет школу суровую, И, – такова уж судьба, – Выльется в форму готовую. Иль палача, иль раба. Будет он деспотом, всех оскорбляющим. Или невольником, выю склоняющим... В.Н. Славянский. Дело. 1875 года. Ноябрь, стр. 34. Славянка в турецком гареме. С сербского.

⁴⁴² - Коран 33:55 и Коран 33:59.

⁴⁴³ - Предание говорит, что Мухаммед ввёл это постановление по убеждению Омара, который однажды сказал Мухаммеду, «о пророк, к тебе ходят разные люди, хорошие и худые, не хорошо, что все они видят лицо твоих жён: повели своим женам закрывать своё лицо». Следуя этому совету, Мухаммед и сделал это законоположение (Шпренгер).

⁴⁴⁴ - Lüdeke, Beschreibung des Türkischen Reiches, T.1, S. 347.

⁴⁴⁵ - Беседа, 1872 года, книга VIII, Август. Внутрен. обзор. Самарканд, стр. 38.

⁴⁴⁶ - Коран 2:176–241; Коран 4:8, Коран 4:12–15.

⁴⁴⁷ - Осман-Бей, Турки и их женщины, султан и его гарем, стр. 28–29.

⁴⁴⁸ - Коран 2:23; Коран 36:56; Коран 37:47; Коран 38:52; Коран 44:54; Коран 52:20; Коран 55:56; Коран 55:70–72; Коран 56:22; Коран 56:33–36; Коран 78:33; Коран 81:7.

⁴⁴⁹ - Клот-Бей, ч. 1, стр. 261.

⁴⁵⁰ - Коран 3:13; Коран 4:123; Коран 40:8–43; Коран 43:70; Коран 18:5–6; Коран 57:12–17.

⁴⁵¹ - Mills, *Histoire du Mahometisme*, p. 330; Sale, *civilisation musulmane*, p. 504; Reland, *La religion des Mahometans*, § XVIII. p. 166–172.

⁴⁵² - Коран 55:56–74; Sale, *civilisation musulmane*, p. 504; Mills, *Histoire du mahometisme*, p. 330.

⁴⁵³ - *L'Arabie contemporaine*, par Adolphe D'Avril.

⁴⁵⁴ - Renan, p. 285–288.

⁴⁵⁵ - *Всемирная история Шлоссера*, т. V, стр. 206.

⁴⁵⁶ - Клот-Бей, ч. 1, стр. 271. Niebuhr, *Beschreibung von Arabien*, S. 73–76.

⁴⁵⁷ - Клот-Бей, ч. 1, стр. 271.

⁴⁵⁸ - Niebuhr, *Beschreibung von Arabien*, S. 73–74.

⁴⁵⁹ - Döllinger, *Mohammed's Religion*, S. 28.

⁴⁶⁰ - Клот-Бей, стр. 264, 271; Niebuhr, 75–76.

⁴⁶¹ - Беседа 1872 года. Сентябрь. Внутреннее обозрение. Самарканд, стр. 29–31.

⁴⁶² - Lüdeke, B. III, S. 70; Клот-Бей, ч. 1, стр. 189; Monradgea d'Ohson, T. III, p. 270; Mischaud, T. VII, 86.

⁴⁶³ - Там же. Ср. Современность 1874 г. № 24 – выдержка из Туркестанских Ведомостей.

⁴⁶⁴ - Lüdeke, B. III, S. 70.

⁴⁶⁵ - Muradgea d'Ohson, T. III, p. 270.

⁴⁶⁶ - Mischaud, T. VII, 86.

⁴⁶⁷ - *Memoirs of. Baher*. p. 59. – Дёллингера, стр. 29.

⁴⁶⁸ - Lüdeke, *Beschreibung des Türkischen Reiches*, B. III, S. 70.

⁴⁶⁹ - Там же.

⁴⁷⁰ - Клот-Бей, Египет в прежнем и нынешнем своём состоянии, ч. 1, стр. 189.

⁴⁷¹ - Библиотека для чтения 1860 г. Ноябрь. 162 т. Женщины в Алжире, стр. 15.

⁴⁷² - *L'islam et son fondateur*. Par Jules Charles Scholl. p. 15.

- ⁴⁷³ - Библиотека для чтения 1860 г. Ноябрь, т. 162 т., стр. 15.
- ⁴⁷⁴ - Торнау, стр.471. До Мухаммеда прелюбодеяние наказывалось смертной казнью. Коран 4:19–30.
- ⁴⁷⁵ - Тридцать лет в турецких гаремах, стр. 42.
- ⁴⁷⁶ - Библиотека для чтения 1860 г., т. 162, Ноябрь, стр. 8.
- ⁴⁷⁷ - Коран 4:19–30; Коран 17:31; Коран 24:210; Коран 33:30.
- ⁴⁷⁸ - Торнау, стр. 465–466.
- ⁴⁷⁹ - Библиотека для чтения 1860 г., т. 162, Ноябрь, стр. 16.
- ⁴⁸⁰ - В Афганистане.
- ⁴⁸¹ - Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах Лейтенантом Ост-Индийской компанейской службы, Александром Борисом. Рус. пер. Москва, 1848 г. Часть вторая, стр. 137–138,
- ⁴⁸² - См. приложение 1, стр. 37–38.
- ⁴⁸³ - Коран 2:23; Коран 3:13; Коран 36:66; Коран 37:47; Коран 33:52; Коран 64:54; Коран 52:20; Коран 55:56, Коран 55:70–72; Коран 56:22, Коран 56:33–36; Коран 78:33; Коран 81:7.
- ⁴⁸⁴ - Осман-Бей, Турки и их женщины, султан и его гарем, стр. 48–61.
- ⁴⁸⁵ - Клот-Бей, Египет в прежнем и нынешнем своём состоянии, ч. 1, стр. 268. Приложение 3, стр. 50.
- ⁴⁸⁶ - Турки и их женщины, султан и его гарем, стр. 104–105.
- ⁴⁸⁷ - Mem. sur les Tures, les Tartares et les Egypt, par M. de Tott, t. 1. Disc, prelim. p. 52, – ц. в слов. Бержье.
- ⁴⁸⁸ - Musulmane civilisation, bibliothèque du journal le levant, p. 30 et. cet.
- ⁴⁸⁹ - Вестник Европы. 1875 г., Ноябрь, Туркестан и туркестанцы. М. Терентьев. Стр. 149, 151 и 155.
- ⁴⁹⁰ - Турки и их женщины, султан и его гарем, стр. 213.
- ⁴⁹¹ - Lüdeke, Beschreibung des Türkischen Reiches, B. III, S. 342. M. do Tott, mem. sur les Tures, les Tartars et les Eyp. p. 52; Осман-Бей, Турки и их женщины, султан и его гарем, стр. 117–118.

⁴⁹² - См. приложение 3-е стр. 103. *Bibliothèque du journal le levant, la civilisation musulmane*, p. 30 м, дал.: Осман-Бей, стр. 112.

⁴⁹³ - См. приложение 1-е, стр. 10–23.

⁴⁹⁴ - Библиотека для чтения 1860 года, т. 162, Ноябрь, стр. 21–22.

⁴⁹⁵ - См. прекрасное описание этого беспокойного состояния жён, заставляющего их прибегать к помощи колдунов и колдуний, у Османа-Бея, стр. 118–123.

⁴⁹⁶ - *Islam* I.M. Arnold p. 208–213; *Отеч. Записки*. 1855 г., т. CI, стр. 82, Справн. *Döllinger, Muhammed's Religion*, S. 22.

⁴⁹⁷ - Для того, чтобы проверить правдивость моих слов, стоит только прочесть книгу Османа-Бея, который, как воспитанный в гареме, мог отлично знать всю гаремную жизнь. Также хорошее понятие о вражде и ненависти жён в гаремах может дать и автобиография его матери под заглавием «Тридцать лет в турецких гаремах».

⁴⁹⁸ - *Mischaud*, VII, 92. См. Дёллингера, стр. 23.

⁴⁹⁹ - *Conde*, III, 29. См. Дёллингера, стр. 23.

⁵⁰⁰ - См. приложение 1-е, стр. 28–29, 35–38.

⁵⁰¹ - *Niebuhr, Beschreibung von Arabien*, S. 73.

⁵⁰² - *Mohler, Ueber das Verhältniss des Islams zum Evangelium. Gesammelte Schriften*, 399–402, цит. в «*Islam*», I. M. Arnold, p. 208.

⁵⁰³ - См. приложение 1-е, стр. 36–37.

⁵⁰⁴ - Клот-Бей, ч. 1, стр. 261. *Lüdeke, Beschreibung des Türkischen Reiches*, B. 1, S. 362.

⁵⁰⁵ - *Отечественные Записки*. 1855 г., т. CI, стр. 57.

⁵⁰⁶ - *Отечественные Записки*. 1855 г., т. CI, стр. 52.

⁵⁰⁷ - *Lüdeke, Beschreibung des Türkischen Reiches*, T.1, S. 342.

⁵⁰⁸ - Клот-Бей, ч. 1., стр. 226.

⁵⁰⁹ - *Laurent*, T. V, p. 503–507.

⁵¹⁰ - Шлоссер, *Всемирная История*, т. 5, стр. 190–208.

⁵¹¹ - Там же.

⁵¹² - Вамбери, «Ислам в XIX веке. Знание. 1876 года. Февраль, стр. 71–73.

⁵¹³ - «Ислам к XIX веку». Знание. 1876 г. Февраль, стр. 71–73.

⁵¹⁴ - Bibliothèque du journal le levant, la civilisation musulmane, p. 30 et cet.

⁵¹⁵ - Annals of the Türkisch Empire, translated by Fraser, 1829, 1, p. 41; Monradgea d'Ohsson, III, 315; Hammers, Geschichte des osmanischen Reiches, II, p. 220, Islam, I.M. Arnold, p. 208–213.

⁵¹⁶ - Malcolm, history of Persia, II, p. 432; Chardin, V, 242. Ц. Дёллингером в его сочинении «Muhammed's Religion», S. 24.

⁵¹⁷ - Muhammed's Religion, S. 23–24.

⁵¹⁸ - Коран 4:29.

⁵¹⁹ - Клот-Бей, ч. 1, стр. 215; Осман-Бей, стр. 250–251.

⁵²⁰ - Турки и их женщины, султан и его гарем, стр. 232.

⁵²¹ - Коран 24:31. По объяснению Бейзавия в указанном месте нужно разуместь никого другого, как кастратов.

⁵²² - Клот-Бей, ч. 1, стр. 264.

⁵²³ - Niebuhr, Btschreibung von Arabien, S. 81–82.

⁵²⁴ - Lüdeke, Beschreibung des Türkischen Reiches, B. 1, S. 342.

⁵²⁵ - Коран 33:28 и след. См. приложение 1-е, стр. 31–32.

⁵²⁶ - Клот-Бей, ч. 1, стр. 128–129.

⁵²⁷ - Там же.

⁵²⁸ - «Уменьшение народонаселения и опустошение всегда следовали за исламом. В начале 18 столетия в окрестностях Алеппо насчитывалось 300 деревень, но к концу его их осталось только 12! В округе Мардин, в Месопотамии, из 1600 деревень в настоящее время существует едва 500. До завоевания мухаммеданами, Кипр имел 1400 городов и деревень, но с 1670 г. только 700. Не лучше была участь острова Кандии. Теперь существуют только немногие из городов и местечек, которые были многолюдны и цветущи во время халифата; хорошо известно, сколько выстрадал Египет со времени завоевания его сарацинами. Персия покрыта развалинами;

Шираз и Иснаган представляют просто остовы их прежнего величия и великолепия, и некогда прекрасная, плодоносная провинция Хорасан доведена до крайней бедности. Северная Африка, даже во время вандалов насчитывавшая у себя до 400 епархий, доведена до полного упадка. Наконец Турецкая империя доведена до крайней политической несостоятельности: её подданные поставлены в самое плачевное положение, и провинции, некогда наилучшие в целом мире, опустели и лежат невозделанными». (Arnold, Islam. Its History, Character and Relation to Christianity, p. 236–237).

⁵²⁹ - «Изложение начал мусульманского законоведения» и «Мусульманское право». Выпуск первый.

⁵³⁰ - Объяснение выражения «хутьба» см. ниже, в приложении втором.

⁵³¹ - Das Leben und die Lehre des Mohammed, von A. Sprenger. Berlin. 1865. B. 3, S. 61–87. «Die Frauen des propheten». В распределении жён Мухаммеда Шпренгер следует тому порядку, в каком они приведены у Ибн-Саада; только Зяйнабу-биит-Хузайму Шпренгер поместил под № 4, вместо № 8.

⁵³² - Далее следует перевод из первого тома Шпренгера тех страниц, на которых описывается личность Хадиджи.

⁵³³ - Она была пятнадцатью годами старше Мухаммеда. Биографы Мухаммеда единогласно свидетельствуют, что ей было сорок лет. Я перевожу лунные годы на солнечные.

⁵³⁴ - Бухари, стр. 538–539.

⁵³⁵ - Далее следует перевод из третьего тома Шпренгера, из главы «Жёны Мухаммеда».

⁵³⁶ - Такой подарок называется Таима. Вакиди оставил об этом монографию «Китабу-ль таима».

⁵³⁷ - Коран 4:127, где сказано: «Если женщина боится насилия со стороны своего супруга или его отвращения к себе, то хорошо помириться, потому что мир есть великое благо».

⁵³⁸ - Изарь первоначально означал всякую одежду, которую покрывали срамные части (кулля ма сатарак), специально назывался так передник, повышенный на середину тела,

который носили не только мужчины, но и женщины. Но так как заповедью Мухаммеда о покрывалах всякая часть женского тела уподобляется срамным частям, то название это перенесли на льняную ткань, в которую одеваются женщины (если только это случилось не раньше вследствие подобного же рассуждения). В одном предании упоминается ещё о мильхаве в гардеробе Айши. Это большой кусок коленкора в виде мантии, которым покрывалось всё тело.

⁵³⁹ - В одном предании стоит «митрав хаззин», а в другом – «киса хаззин». Хазз означает шёлк, который после того, как длинные нити будут выпрядены из кокона, прядётся как шерсть – веретенном.

⁵⁴⁰ - Хотя хатым'ом собственно называется кольцо с печатью, однако называются иногда и кольца, которые восточные женщины носят на пальцах ног. Ср. Ибн-Саад т. 12, лист 76 на обороте.

⁵⁴¹ - У Союти, Роджуг, альшаих иля ольшабаба, она говорит: так как я была любима пророком, то он просил мою мать сделать меня толстою (Арабы любят толстых женщин); мать нашла, что мне ничто не может помочь лучше огурцов и свежих фиников, питаюсь ими, я потолстела.

⁵⁴² - Проф. Вейль в «Sybel's Zeitschrift fur Geschichte» 1862 г. – из перевода этого места, сделанного Ибн-Исхаком, – пытался доказать, что припадки Мухаммеда были не каталептического свойства, а эпилептического. Если бы мы могли с уверенностью сказать, что так говорила об этом предмете Айша, или, по крайней мере, редактор этого рассказа, то могли бы сделать подобный вывод из этого места. Но предания очень отличны от письменных документов и ими следует пользоваться совершенно иначе: мы должны сравнить все переводы, если хотим знать не одно только общее содержание. Эти предания, которых я знаю четыре (кроме предания Ибн-Исхака, Вакиди, Бухари и Муслима), различаются в данном месте так сильно, что единственное заключение, которое можно из них сделать, есть то, что редактор предания думал, что Мухаммед получал откровения в припадках какого-нибудь рода и этим обстоятельством он воспользовался, чтобы

придать более жизни своему рассказу. Более или менее точное описание припадков есть дело лица, которое передавало о них.

⁵⁴³ - Двое последние сами признались в своём преступлении и Мухаммед охотно желал, чтобы они убежали. Но они желали получить «очищение». Маиц потерял присутствие духа, когда камни были брошены в него и хотел было бежать. Один мусульманин сбил его с ног костью верблюда, – и побиеие камнями было совершено. Хамидитянке был предоставлен срок родить и вскормить грудью плод своей любви. Исполнивши свой долг относительно дитяти, она дала ему кусок хлеба в руку, показывая этим, что оно может есть, и принесла его к Мухаммеду. Он отдал дитя одному мухаммеданину, а ее приказал зарыть в землю по грудь. Потом Халид ударил её камнем в голову. Это было сигналом к побиеию её камнями. Мишкат 308 стр.

⁵⁴⁴ - Ибн-Исхак говорит, что и поэт Хассан был наказан плетью, но другие сомневаются в этом.

⁵⁴⁵ - В Вакиди, мав. Бр. муз. 20737, лист 105, есть другая редакция этой истории. Хафван ранил поэта без ведома Мухаммеда, был схвачен, связан и принесён к нему. Пророк приказал посадить его в тюрьму и казнить в случае, если Хассан умрёт. Хассан и его родственники были усмирены Саадом. Хафван получил свободу и почётное платье. Хотя Мухаммед был рад этому в высшей степени, однако не оставил без наказания и поэта.

⁵⁴⁶ - В подлиннике нет никакого глагола. Большая часть толковников понимает под этим осуждение на адские мучения: а так как Хассан умер мухаммеданином, то думают, что эти слова относятся к Абд-Аллаху бен-Обайе. Однако Мазрук разговаривал об этом предмете с Айшей и она понимала под этим временное наказание. Она сказала: «разве слепота не великое наказание». Если это вдохновение произошло раньше примирения Мухаммеда с Хассаном, то он мог разуместь здесь ад, или свой убийственный замысел против Хассана. Если же этот стих открыт позднее, то его можно объяснить так: он заслуживал великого наказания, но получил оправдание Сафвана.

⁵⁴⁷ - Бухари, 532 стр. Ибн-Исхак, 85 лист. – Об этом роде омовения говорится в Коран 4:46 и Коран 5:9. Прим. Ред.

⁵⁴⁸ - Зогрий не упоминает о дне свадьбы, а её имя упоминает после Зяйнабы-бинт-Гаш и прежде Райханы. Таким образом, кажется, по его мнению свадьба была совершена в 627 году.

⁵⁴⁹ - Омар, Саляма и две девочки: Зяйнаба и Барра.

⁵⁵⁰ - Ибн-Сагд, 12 ст. 89 и 179 стр. Это важно, если заповедь о покрывалах дана уже после свадьбы: раньше мы привели предание о любовном приключении Айши, которое произошло на возвратном пути из Морайсига, а там упоминается, что заповедь тогда уже существовала. Для редактора истории о любовном приключении допустить существование повеления закрывать лицо было очень выгодно, потому что преступность Айши покажется менее вероятной, если она мгновенно скрыла своё лицо.

⁵⁵¹ - Шпренгер (В. 1, S. 209, Anmerk.) приводит предание, помещённое у Ибн-Котайды на стр. 58 «*de Foemina, quam uxorem ducet propheta et sum qua conenbit, sed quam non compressit.*

⁵⁵² - Иб-Саад (12 т. 143–144 л.) приводит два обширные стихотворения о поводе к этому откровению, но оба они носят на себе печать вымысла. Они, кажется, были вымышлены уже прежде Зоргия и появились вследствие спора о толковании этого стиха Корана. Откровение этого стиха произошло в 629 году.

⁵⁵³ - Уже в древнее время она была называема некоторыми генеалогами Сана». Эти изменения выговора можно объяснить только тем, что списки имён распространились письменно.

⁵⁵⁴ - Для того чтобы склонить её, ему было открыто одно место в Коране (Коран 33:49), в котором говорится, что пророк должен жениться и на своих кузинах, которые убежали с ним в Медину. Он хотел этим сказать: «так как Умм-Ганий живёт в Медине, а её неверный муж в Мекке, то ты должен жениться на ней». Выражение «с ним» очень определённо и Умм-Ганий сказала, что откровение к ней неприменимо, потому что она

прибыла в Медину «за ним». Впрочем, это место имеет отношение и к другому брачному плану; именно Мухаммед хотел жениться на Омам, дочери своего дяди Хамзы.

⁵⁵⁵ - Валазори, Апсаб-ал-ашраф, рассказывает, что Мухаммед женился на ней непосредственно после Айши, но спустя некоторое время удалил её от себя, и что только после этого она пошла в Мекку и с ней приключилось это происшествие.

⁵⁵⁶ - Ибн-Сагд, 12 т. 48 л. Абу-Бекр спросил Мухаммеда, почему он не берёт к себе своей невесты Айши? Тот отвечал: «я не могу дать нисколько приданого». Абу-Бекр дал ему 12 ½ унций золота, которые, – рассказывает Айша – пророк послал к нам, потом взял меня к себе. Это само по себе сомнительное предание показывает, что считалось честью предлагать приданое, чтобы не продавать дочери, потому что в этом случае деньги давались отцом невесты и хотя женихом обратно были посылаемы к нему, но он хранил их для своей дочери.

⁵⁵⁷ - В патриархальной Аравии упоминается ещё о другом евнухе, по имени Гите, который известил спутников Мухаммеда о тайном замысле одной женщины из Таифа. Поэтому, кажется, что он был стражем гарема в этом города. Бухари, 619 стр. К несчастной Савде, второй жене Мухаммеда, был привязан один евнух. Он иногда посещал её и думал, что по своей безвредности, он не возбудит против себя её мужа. Но Мухаммед сослал его в Гумму при Дзу-Голяйфе. Приближённые Мухаммеда имели сострадание к евнуху и сказали пророку: «там, в пустыне он умрёт с голода». Поэтому он дозволил ему дважды в неделю приходить в город за пищею. Евнух умер в своей ссылке при Халифе Омаре. Этот евнух прозывался Мохапнас, гермафродит. Может быть, он не был кастратом, но его неудачно создала сама природа, некоторые думают, что он одно и то же лицо с Гитом; по словам других напротив, имя его было Мати и он был клиентом Махзумитянки Фахита-бинг-Амр.

⁵⁵⁸ - Абу-Ханифа говорит, что дерево лобах нигде не достигало такой высоты, как в Ансиге. Этот лес разрезали на балки и употребляли на постройку судов. Он был очень дорог и продавался иногда по 50 динаров за бревно. Рассказывают, что

если сколачивали вместе два бруса и полагали в воду на шесть дней, то они так крепко приставали друг к другу, что делались как бы одним деревом.

⁵⁵⁹ - Для того чтобы понять профанацию религиозных убеждений и милосердие Мухаммеда, нужно прочитать 3–6 и 10–12 стихи этой (66) главы.

⁵⁶⁰ - 119 стр. подлинника. Хутьбою называются у мухаммедан особого рода хвалебные в честь Бога и Мухаммеда речи на арабском языке, изложенные непременно рифмованным размером. Эти речи, довольно однообразные по содержанию, обыкновенно читаются в сборных мечетях в день Пятницы, во время полуденной (второй по счету) молитвы. При бракосочетании также читаются хутьбы, перевод которых мы и помещаем здесь. Обыкновенно хутьбу считают мухаммеданскою проповедью, но это несправедливо: мухаммеданская хутьба не имеет назидания, самой существенной части христианской проповеди. Поэтому хутьбу правильнее считать ораторскою речью.

⁵⁶¹ - Так называется 4-я глава Корана.

⁵⁶² - Так называется 24-я глава Корана.

⁵⁶³ - Ср. Коран 10:100; Коран 3:31.

⁵⁶⁴ - См. Коран 4:3 и Коран 24:32.

⁵⁶⁵ - Название двух престолов божиих в Коране. См. Коран 7:52, и Коран 2:256.

⁵⁶⁶ - 60 стр. подлинника, изд. Казембеком.

⁵⁶⁷ - Основано на 282 ст. 2 Корана.

⁵⁶⁸ - 61 стр. подлинника.

⁵⁶⁹ - Основано на 26–27 ст. 4 Корана.

⁵⁷⁰ - Гыддатом называется срок, который женщина обязана сохранять между двумя замужествами и раньше которого она не может идти за-муж.

⁵⁷¹ - 62 стр. подлинника.

⁵⁷² - Коран 4:3.

⁵⁷³ - Шииты допускают временный брак.

⁵⁷⁴ - 63 стр. подлинника.

575 - Мяджлисом называется положение человека, какое он занимает при известном случае, в известный момент.

576 - Объяснение «хыльвата» см. в конце стр. 53.

577 - «Сафиром», т. е. путешественником называется человек, находящийся от своего места жительства на три дня пути.

578 - 64 стр. подлинника.

579 - 65 стр. подлинника.

580 - 66 стр. подлинника.

581 - Фетвою называется постановление мусульманских законоведов.

582 - 67 стр. подлинника.

583 - Основано на Коран 4:29.

584 - Этим термином называется у мусульман служанка, прижившая дитя от своего господина. Она получает свободу по смерти господина.

585 - 68 стр. подлинника.

586 - Основано на Коран 4:128.

587 - 69 стр. подлинника.

588 - Основано на Коран 4:27.

589 - 69 стр. подлинника.

590 - 70 стр. подлинника.

591 - Основано на Коран 2:229–230.

592 - «Раджги» называется такой развод, который потом возвращается мужем обратно.

593 - 71 стр. подлинника.

594 - 72 стр. подлинника.

595 - Словом «баин» обозначается развод, совершённый в противоположность раджги – разводу, который муж впоследствии возвращает.

596 - 73 стр. подлинника.

597 - 74 стр. подлинника.

598 - «Тахлилль» означает период времени, проходящий между разводом мужа с женой и вторичным браком с нею после

её супружества с другим мужем.

⁵⁹⁹ - Словом «таглик» означает в данном случае, соединение развода с каким-нибудь условием.

⁶⁰⁰ - 75 стр. подлинника.

⁶⁰¹ - 76 стр. подлинника.

⁶⁰² - 77 стр. подлинника.

⁶⁰³ - Ср. Коран 2:226–228; Коран 65:4.

⁶⁰⁴ - Основано на Коран 2:229–230.

⁶⁰⁵ - 78 стр. подлинника.

⁶⁰⁶ - Т. е. уподобить жену спине матери, что делает незаконным дальнейшее сожителство с нею.

⁶⁰⁷ - 79 стр. подлинника.

⁶⁰⁸ - 80 стр. подлинника.

⁶⁰⁹ - 81 стр. подлинника.

⁶¹⁰ - Основано на Коран 24:6–9.

⁶¹¹ - Основано на Коран 24:4.

⁶¹² - 82 стр. подлинника.

⁶¹³ - 83 стр. подлинника.

⁶¹⁴ - Основано на Коран 2:228 и Коран 65:1–7.

⁶¹⁵ - 84 стр. подлинника.

⁶¹⁶ - Основано на Коран 2:234.

⁶¹⁷ - Хурби означает христианина или еврея, не находящегося в подданстве мусульман в противоположность зимми, что означает христианина или еврея, состоящего в подданстве у мусульман.

⁶¹⁸ - 85 стр. подлинника.

⁶¹⁹ - Музагфаром называется известного рода красящее вещество.

⁶²⁰ - Мисром называется такое селение или город, в котором совершается пятничная молитва. Это же название прилагается в тесном смысле к Каиру.

⁶²¹ - 86 стр. подлинника.

⁶²² - 87 стр. подлинника.

⁶²³ - 88 стр. подлинника.

624 - Т. е. в путешествии в Мекку.

625 - 89 стр. подлинника.

626 - 90 стр. подлинника.

627 - 91 стр. подлинника.